

С. А. НИКИТИН

**ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ЮЖНЫХ СЛАВЯН
И
РУССКО-БАЛКАНСКИХ
СВЯЗЕЙ
в 50-70 ^е годы XIX в.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

*Авторы: Драновику
Михайлу
Бучману*
С. А. НИКИТИН

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
ЮЖНЫХ СЛАВЯН

и русско-балканских связей
в 50—70-е годы XIX в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

Исследование посвящено экономическому развитию болгарского города в XIX в., революционной борьбе в Болгарии в 1875—1876 гг., позиции русской дипломатии в отношении южных славян. В книге анализируются отклики русской периодической печати на балканские события в 60—70-е годы XIX в.

Очерки написаны на основе новых архивных документов, данных русской периодической печати и других источников.

Книга рассчитана на историков, историков-международников, а также на студентов, учителей, пропагандистов.

Ответственный редактор

В. Г. КАРАСЕВ

В настоящей книге объединен ряд исследований, тематически складывающихся в три группы.

В первую входят две работы. Одна из них на основе русского источника, оставшегося до сих пор почти не использованным, рассматривает состав населения и экономическое состояние болгарского города к моменту освобождения Болгарии от турецкого ига.

Во второй разбирается вопрос о социальной базе национально-освободительного движения в Болгарии во второй половине 70-х годов XIX в. Вторую группу составляют три работы, выясняющие основные черты русской политики на Балканах, специально в отношении южных славян, от Крымской до русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

К третьей группе отнесены два исследования, где на основе русской периодической печати 60-х — начала 70-х годов XIX в. показано отношение различных кругов русской общественности к вопросам политической жизни балканских стран и к национально-освободительному движению южных славян в особенности.

Соединение указанных трех групп статей не случайно. Как нельзя понять национально-освободительное движение, не выяснив расстановку классовых сил, так невозможно понять последнюю, не разобравшись в экономическом развитии страны.

Если взаимодействие правительства и общества так или иначе сказывается во внешней политике любого времени, то во второй половине XIX в. в России оно проявлялось особенно выразительно. Долгие годы подавлявшаяся николаевской цензурой русская периодическая печать в рассматриваемое время получила возможность обсуждать вопросы государственной жизни, в том числе и внешней политики. Голос русской печати, отражая позиции отдельных общественных групп, позволяет выяснить отношение представителей разных политических течений, разных классов к вопросам политического развития народов Балканского полуострова.

В данной книге изложены некоторые предварительные результаты исследований развития национально-освободительной борьбы южных славян и русской политики на Балканах, понять которую можно только в связи с ходом событий, происходивших в самих Балканских странах.

Большая часть публикуемых работ видит свет впервые. К ним относятся очерки, посвященные русской печати, статья «Россия и славяне в 60-е годы XIX в.». Отдельные фрагменты исследования о болгарском городе были опубликованы, но они подверглись существенной переработке, а ряд разделов написан заново. Остальные работы, входящие в книгу, были напечатаны, но для данного издания пересмотрены, исправлены, учтены новые, появившиеся в последнее время исследования. В книгу вошел также очерк, посвященный отношению В. Караджича к России, важный для понимания характера русско-сербских связей времени развертывания сербского национально-освободительного движения.

Некоторые из публикуемых работ автор докладывал полностью или частично в Институте славяноведения АН СССР, а также на международных научных конференциях; он благодарен всем, кто своими советами и замечаниями помог ему в работе.

Автор приносит благодарность Н. В. Зуевой и Е. М. Шатохиной, помогавшим ему в подготовке рукописи к печати.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ
БОЛГАРСКОГО ГОРОДА
ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА
(на основе русской переписи 1879 г.)

Истории болгарского города, его положению перед освобождением страны от турецкого господства посвящена многочисленная литература. Книги и статьи, излагающие историю городов, чаще всего являются краеведческими изданиями разной степени научной серьезности и глубины. Одни из них принадлежат отдельным авторам (П. Цончеву, Г. Христову, С. Табакову и многим другим, в последние годы — И. Унджиеву, Н. Хайтову и др.), другие — плод труда коллективов (это книги о Елене, Копривштице, Ловече и др.). Неоднородные по структуре, научному значению и т. п., книги по истории городов имеют ряд характерных общих черт. Внимание авторов направляется обычно — когда излагается история XIX в. и особенно третьей его четверти — на рассмотренные роли данного города в просветительном движении, церковной и национально-освободительной борьбе. Очень малое внимание уделяется развитию экономической жизни города. Работы, посвященные специально вопросам экономики города, как, например, книга П. Цончева о Габрове, единичны. Кроме того, в литературе недостаточно освещены общие вопросы городского развития. Мало обобщающих работ, рассматривающих городское развитие Болгарии в целом или какую-то сторону городской жизни применительно ко всем городам страны. Да и существующие работы являются обобщением местных краеведческих очерков о городах, сводками, не выходящими за пределы сведений, имеющихся в краеведческих трудах. Лучшим обзором общих вопросов истории города, на наш взгляд, в болгарской литературе являются работы академика Ж. Натана.

Возражая в своей большой работе «Экономическая история Болгарии» буржуазным авторам, связывавшим возникновение го-

родов с крепостями, и утверждая, что города возникали в центрах обмена, автор цитирует труды историков Татар Пазарджика, Габрова, подтверждающих его тезис. Затем он подводит итог: «...Подбалканские города также возникли и развились из простых сел и паланок в цветущие ремесленные и торговые центры. Почти все авторы, которые дают сведения об отдельных подбалканских городах, изображают их как ремесленные центры, в которых все население занято в производстве»¹. В дальнейшем автор говорит о развитии ремесла, мануфактуры, об устройстве цехов, развитии внутренней и внешней торговли. Ж. Натан оказывается во власти представлений, господствующих в краеведческой литературе, относительно того, что города являлись исключительно центрами ремесла и торговли, и забывает сформулированное им же важное положение, что города выросли из сел. Автор не поднимает вопроса о том, не осталось ли каких-либо сельских черт в недавно выросшем городе².

Причина такого одностороннего изображения городской экономики кроется в недостатке источников, касающихся экономической жизни города, в слабой изученности имеющихся, в частности сохранившихся турецких, источников. Работы Н. Тодорова³ показывают, что привлечение последних сулит немало нового для понимания состояния и уровня развития болгарского города. Но до последнего времени исследователи не привлекали турецкие источники в достаточной мере.

Наличие в советском архиве⁴ материалов русской переписи 1879 г. побудило автора сделать попытку разработки этого малоизученного источника в той части, которая касается города.

Русская перепись 1879 г. отличается рядом черт, существенных для рассмотрения характера болгарского города этой поры. Она находится в определенной связи с официальными данными турецкого происхождения. Инstrukция по проведению переписи требовала от переписчика знакомства и использования существующих официальных сведений, хотя и с последующей проверкой их⁵.

Бланк переписи имеет также несомненную связь с турецкими формами учета. Это особенно отчетливо видно в той части переписного бланка, где указывался имеющийся у населения скот. Турецкие формы учета скота гораздо дробнее в отношении категорий скота. Они учитывают отдельно: баранов, овец, ягнят, козлов, коз, козлят и т. д.⁶ Опубликованные за два года до проведения переписи «Таблицы генерального штаба» уже значительно упростили форму бланка⁷. При подготовке бланка изучаемой переписи пошли в этом направлении еще дальше, уничтожив ряд граф, поставив более общие показатели.

Новым по сравнению с известными доселе турецкими источниками, равно как и с указанными «Таблицами», было то, что помимо числа животных перепись учитывала землю по видам угодий.

Система учета земли по русской переписи существенно отли-

чалась от применявшейся турецкой администрацией. Опубликованные турецкие налоговые документы⁸ выясняют категории земель с точки зрения размеров налога. Русские статистики хотели определить размер земельных владений каждого населенного пункта, распределение земли по угодьям и количество освободившейся земли вследствие бегства турок. Первого рода сведений известные нам доселе турецкие документы не содержат, а вторую группу их и не могли содержать. Указанные данные переписи должны помочь осветить вопрос, остающийся до сих пор неизученным, — вопрос о земельном обеспечении горожан⁹ и о сельскохозяйственных промыслах их жителей. Важна еще одна особенность переписи. Численность населения того или иного пункта интересовала турецкое правительство в плане фискальном. Оно учитывало так называемых «нуфузов», т. е. налогоплательщиков, каким был всякий мужчина с 18 до 60 лет. В других случаях в населенных местах учитывались дворы. Церковная статистика учитывала «венчилы», т. е. брачные пары и общую численность паствы, которую, как полагает В. Теплов, указывала с преуменьшением. «Местное болгарское духовенство, — писал он, — обязанное высылать в экзархию определенную часть налогов, собираемых с каждого члена своей паствы, по всей вероятности, не станет увеличивать цифру обывателей своей епархии и тем лишать себя части доходов...»¹⁰

Используемая перепись отличается от турецкого официального и от епархиального учета тем, что сообщает сведения о всем населении, т. е. о душах не только мужского, но и женского пола. Это избавляет исследователя от неизбежных при пересчетах неточностей, так как принятие того или иного из употребляемых при пересчетах коэффициентов семейности всегда несколько произвольно, ибо исходит из тех или иных соображений по этому вопросу.

Все указанные особенности переписи позволяют, как думается, расширить наши сведения о болгарском городе. В то же время мы не склонны преувеличивать возможностей переписи как источника. Общие ее недостатки — суммарные данные по населенному пункту в целом, без выделения имущества отдельных хозяев, — мешают представить реальную картину распределения земли и скота. Лишь кое-где переписчики отмечают размеры наименьших и наибольших участков. Поэтому мы вынуждены оперировать средними данными, скрывающими имущественное расслоение в среде горожан. Однако, полагая, этот существенный недостаток не может побудить к отказу от использования источника в ряде отношений уникального по сохранившимся в нем сведениям.

Наконец, перепись содержит некоторые (суммарные) сведения о ремесленных, торговых, промышленных и тому подобных заведениях. Некоторые особенности этих сведений мы охарактеризуем позже, поскольку эти данные не являются основными.

Население болгарских городов в 1879 г.

В силу того, что турецкое правительство к статистическим данным обращалось исключительно из фискальных соображений, демографические сведения для всего периода турецкого господства крайне неопределенны, отрывочны и неточны. Значительное количество сведений о числе жителей отдельных пунктов сообщают иностранцы, которые на глаз оценивали численность и состав жителей того или иного города или записывали случайные данные, им сообщенные. Богатая сводка этих данных сделана акад. Н. Миховым¹¹. Она убедительно показывает всю относительность приводимых цифр, которые часто отличаются весьма значительно одна от другой без видимых к тому причин. Кроме того, в одних случаях сообщаются данные о числе жителей, в других — о числе домов, что заставляет прибегать к пересчетам. Поэтому, хотя мы и приводим их в дальнейшем в порядке справки, значение их переоценивать не приходится.

Другим источником являются названные выше «Таблицы генерального штаба». Не подлежит сомнению, что они основаны на официальных турецких сведениях. Об этом говорит принятая в них манера исчисления, при которой указывают дома и проживающие в них души только мужского пола.

Таблицы представляют несомненный интерес, однако они характеризуют города лишь Северной Болгарии, захватывают западные и восточные (Варненский и Провадийский) округа и совсем не включают сведений по южной части страны. Таким образом, это источник ограниченного значения.

«Материалы» В. Теплова сообщают сведения о дворах, а не о жителях, кроме того, они неоднородны по характеру содержащихся в них данных. Для санджаков Дунайского вилайета Теплов приводит либо сведения Ф. Канитца в сопоставлении с официальными, либо официальные в сопоставлении с сообщенными епископами, либо только официальные. По Адрианопольскому вилайету в «Материалах» В. Теплова находим только официальные данные. Неоднородно указан и национальный состав населения. Для Адрианопольского вилайета имеются сведения о христианах и мусульманах, для Дунайского — о болгарях, турках, а также других национальностях (цыгане, черкесы, валахи, армяне, евреи).

Перепись 1879 г., производившая одновременный учет, осуществлявшийся на основе единой формы, учитывавшей не дома, а жителей обоего пола, и проведенная на всей территории, подведомственной Русскому гражданскому управлению, не может не представлять интереса при выяснении демографических вопросов, относящихся ко времени освобождения Болгарии от турецкого ига.

Болгарский город в период русско-турецкой войны пережил тяжелые испытания. Некоторые города попадали в зону военных действий, другие становились объектом ярости побеждаемых турок, которые разрушали и сжигали населенные пункты, откуда им приходилось уходить. Война существенно изменила численность и состав населения страны в целом и городов в частности. В период военных действий турки уходили из местностей, занимавшихся русскими войсками, в то же время болгары убегали из районов расположения турецких военных частей, опасаясь репрессий со стороны турок. Имели место также и временные миграции — на период военных действий в данном районе. Известно, наконец, и о передвижении населения в связи с изменением политического положения страны, в связи с тем, что границы страны по Сан-Стефанскому миру были значительно урезаны Берлинским трактатом.

Все эти процессы до настоящего времени мало разъяснены, причиной чему, как представляется, была недостаточная разработка архивных источников. Правда, некоторые попытки рассмотреть миграции населения имели место. Примером этого является статья Хр. Гандева «Переселението на тракийски българи и гърци в България през 1878—1879 г.»¹². Но хотя в ней рассмотрен только один из вопросов этой важной проблемы, статья интересна тем, что основана на документах Русского гражданского управления Болгарией, сохранившихся в Пловдивской народной библиотеке.

Не претендуя на полное освещение этого вопроса, мы предполагаем ниже, насколько позволяют доступные нам источники, охарактеризовать основные этапы миграции населения и их итоги к началу 1879 г. В основу исследования положен материал переписи населения в Болгарии, проведенной Русским гражданским управлением, а также документы, имеющиеся по этому вопросу в Центральном государственном военно-историческом архиве и отчасти в Архиве внешней политики России. Указанные источники относятся преимущественно к 1878—1879 гг. и содержат главным образом сведения о миграционных потоках и мерах русских властей в связи с передвижением населения. В силу хронологической ограниченности основной источник, т. е. перепись, не в состоянии обрисовать все процессы полностью; другие источники далеко не исчерпывающе отражают передвижение населения, имевшее место в период первой половины войны, что не может не сказаться на полноте нашего изображения. Возможно, что в архивах Болгарии можно разыскать материалы для характеристики событий этого времени, но обстоятельства позволили нам привлечь лишь немногие документы болгарского происхождения.

Что касается переписи, то она дает лишь данные для характеристики итогов миграционных процессов, так как проводилась в последний период существования Русского гражданского управления и ставила себе сравнительно конкретные и узкие задачи.

Помимо цифрового материала, к которому мы перейдем позже, перепись содержит кое-какие сведения о разорении некоторых городов. Так, «Памятная книжка по Эскизагрскому округу», т. е. черновые записи переписчика, почерпнутые из официальных источников и проверенные им на месте, отмечают следующие изменения в Старой Загоре. В городе до войны было 4419 дворов, из них уничтожено 3221, т. е. 72% жилищного фонда, разрушено четыре из пяти церквей, шесть из восьми училищ, убито болгарского населения 3380 человек¹³. В другом месте¹⁴ имеется таблица (табл. 1), в которой указаны населенные пункты, хотя и не учтенные переписью по формальным причинам, но представляющие интерес в силу их значительного экономического развития.

ТАБЛИЦА 1

Город	Число домов до войны	Число домов после войны
Карлово	2400	1900
Сопот	1290	784
Калофер	1866	Сгорел

Однако такие сведения единичны. Причина этого заключается в том, что руководителей переписи интересовало не состояние жилого фонда, а национальный состав и численность городского населения.

Несмотря на единовременный учет наличного населения, осуществленный переписью, она все же дает некоторые данные для характеристики движения населения страны, произошедшего в годы войны. Сам факт миграции турецкого и болгарского населения не является новым. О нем имеются свидетельства во всей литературе, характеризующей деятельность Гражданского управления и затрагивающей так называемый «беженский вопрос». Однако данные эти никогда не были сведены воедино.

Болгария в период войны испытала разорение, обычно сопутствующее войнам, но осложненное и усиленное национальной враждой, выразившейся в разгроме и сжигании населенных пунктов, в истреблении населения; все это побуждало болгар бежать от турецких насилий. «Переселенцы бросают все, идут почти голые», — читаем в одном современном документе¹⁵. Они предпочитали сохранить жизнь, хотя бы ценой разорения¹⁶.

Уже в первый период войны турки шли из деревни в города¹⁷ или бежали из Северной Болгарии на юг¹⁸, в то же время передвигалась со своих мест и часть болгарского населения. В июле 1877 г. жестокости турок вызвали бегство нескольких десятков тысяч человек из городов Старая и Новая Загора (Эски Загра и

Эни Загра), Казанлык, Карлово, Калофер и близких к ним сел. Они перебрались в Тырновскую и Сливенскую губернии под защиту русских войск и администрации. Здесь они пробыли до перехода русских войск через Балканы¹⁹.

После перехода русской армии через Балканы болгарские беженцы двинулись на старые места жительства. Этот процесс облегчался происходившим в то время бегством мусульман от надвигавшихся русских войск.

Однако и в этот период существовала большая масса обездоленного, сдвинутого со своих мест населения, лишившегося на старых местах всего имущества. «В Филиппопольской и Сливенской губерниях,— писал российский комиссар А. М. Дондуков-Корсаков 6 августа 1878 г.,— большая часть христианских городов и селений совершенно или наполовину сожжены и разрушены; и потому уцелевшим христианским семьям пришлось по необходимости искать крова и приюта в сохранившихся домах турецких деревень, брошенных обитателями»²⁰.

Значительные миграции населения имели место не только в Северной Болгарии, но и в Восточной Румелии. Здесь насчитывалось несколько сменявших друг друга беженских волн. Первой было бегство турок в связи с приближением русских войск. Беженцы направлялись в Салоникский вилайет, многие затем оказались в Малой Азии. Турки из Адрианопольского вилайета бежали в Константинополь и даже Малую Азию. Другая волна состояла из болгар и греков, переселявшихся из Адрианопольского вилайета после Берлинского договора по мере вывода русских войск с турецкой территории. Они уходили стихийно, бросая дома и запасы, обрекая себя на голод и полное разорение, беглецы заявляли «категорически, что предпочитают голод и холод возвращению вновь под турецкое владычество»²¹. Одновременно началась встречная волна переселения турок как из Румелии, так и из Северной Болгарии за пределы границ Болгарии.

Миграция захватывала значительные массы населения. Так, вторая из указанных волн в августе 1878 г. насчитывала 30—40 тыс. человек²². В дальнейшем она возрастала. Сохранившиеся материалы Адрианопольского военного губернатора показывают значительное движение беженцев на старые места и осенью 1878 г. Во всяком случае передвижение населения оказалось меньшим, чем могло бы быть, так как русские власти стремились задержать его. Но в некоторых районах размеры его были весьма значительны. Так, в Визо-Мидийском округе по данным, относящимся к началу ноября 1878 г., собиралось выселиться 49% всех живших на этой территории семей²³, из Димотикского округа выселилось 75% болгарского населения²⁴.

В разных районах миграция населения проявилась неодинаково. Так, к середине 1878 г. в Сливене и ближайших к нему округах турок уже не было вовсе²⁵. На северо-востоке страны они

оставались. Обратное движение турок в Болгарию было также массовым: «Масса турок ежедневно возвращается со всех сторон без соблюдения каких-либо формальностей. Неизвестно даже, принадлежат ли они к той местности, в которой желают водвориться»²⁶. Турки направлялись не только в Румелию, но и в Северную Болгарию, где к августу 1878 г. их насчитывалось уже до 20 тыс.²⁷

Эти беженские потоки доставляли много хлопот русским властям. И гражданская и военная администрация стремилась помочь беженцам в пути, предоставить им жилье и создать условия для дальнейшего ведения хозяйства на месте, регулярно выдавалось зерно, в городах создавались специальные общественные комитеты для раздачи пособий возвращающимся беженцам. В некоторых случаях городские советы принимали эти обязанности на себя; большую помощь беженцам оказывали русские офицеры и солдаты, которые отдавали им галеты, сухари и другое продовольствие²⁸. Мы не ставим своей целью прослеживать административные меры русских властей, но следует заметить, что русская администрация старалась не скоплять беженцев в городах, которые не могли их вместить, а расселяла их по округам, где в деревнях были брошенные турками дома и земли²⁹. Для этого создавались специальные комиссии, организовывавшие движение беженцев³⁰. В то же время русские власти были вынуждены противодействовать попыткам местных жителей-болгар не допустить возвращения бежавших турок. В некоторых городах — это было до решений Берлинского конгресса — жители выносили специальные общественные приговоры не допускать возвращения турок³¹.

Наряду с передвижениями основного населения страны — болгар и турок — мигрировали и другие национальные группы. С турками уходили цыгане-мусульмане, с ними оци и возвращались³². Уходили с насиженных мест и снова возвращались евреи³³. Но, конечно, передвижения не этих малочисленных групп составляли существо и ядро миграционных потоков.

Как же все указанные явления отражались на численности и составе городского населения? Попытаемся ответить на этот вопрос на основе данных переписи населения Болгарии.

Отметим, что до сих пор процессы, происходившие в составе и численности населения городов Болгарии, никогда не получали даже приблизительного целостного цифрового отображения ввиду недостатка данных. Этим определяется значение используемых нами ниже материалов переписи. В литературе приводились только некоторые из указанных нами выше цифр, показывающих численность беженцев в том или ином месте в какой-то определенный момент.

Перепись содержит по этому вопросу некоторые более детальные, но не всегда отчетливые данные. Иногда в таблицах имеются

прямые указания на уход турецкого населения из городов. Иногда данные источников не согласуются между собой. Так, в Видинской губ. в г. Кула вовсе не было в момент переписи турецкого населения. «Таблицы генерального штаба» мусульманского населения также не указывают. А по данным австрийского консула, здесь до войны имелось 485 дворов турецких, болгарских, черкесских и татарских³⁴. Расхождение источников не позволяет сделать какое-либо заключение, так как других сведений, кроме указанных, в нашем распоряжении не имеется.

Во всех других городах Видинской губ. турецкое население сохранилось, но оно значительно поредело. Об этом цифры таблиц прямо не говорят, но указанный факт открывается при вычислении средней населенности дома в тех городах, для которых указаны не только численность жителей, но и количество домов, принадлежащих представителям той или другой национальности. Расчет этот показывает, что в Белоградчике болгарское население составляло 4,8 человека на двор, турецкое — всего 1,4. Аналогичные данные для Врацы — 5,0 и 1,3. Это незначительное число турецкого населения на двор не является нормальным, как показывает сравнение названных городов с другими, например Рахово, где болгарский двор имел 4,7 человека, турецкий — 5,5.

Заметим, что если бы мы пользовались только сведениями о числе дворов, хотя бы из разных источников, сделать какие-либо выводы не было бы возможно, во-первых, в силу несопоставимости данных. Это видно из следующего сравнения, основанного на разных источниках, один из которых дает число мусульманских и немусульманских дворов (первая графа табл. 2), второй — общее число домов (вторая графа), третий — количество турецких и болгарских дворов (последняя графа).

ТАБЛИЦА 2

Город	Таблицы генштаба	Теплов	Перепись
Белоградчик	194+106	—	290+108
Враца	800+1650	2400	694+1808

Во-вторых, мы не получили бы ясного представления о численности жившего в домах населения, так как применение средних коэффициентов семейности к условиям чрезвычайным — передвижки населения, нередко сопровождавшимся расчленением семей, о которых у нас идет речь, неправомерно.

К сожалению, расчет, приведенный выше, возможен не для всех городов губернии, так как для Видина, Лом-Паланки, Бер-

ковицы указано общее количество дворов в городе без разделения их по национальности.

Во всяком случае ясно, что из Врады и Белоградчика имел место отлив турецкого населения и значительный. Исходя из средних подворных норм можно считать, что на месте осталась только четвертая часть жителей из проживавших в названных городах турок.

Что касается Видина, по сведениям «Таблиц генерального штаба», там имелось в начале 70-х годов XIX в. 2129 турецких дворов с 8512 лицами мужского пола и 1399 немусульманских дворов с 6841 лицами мужского пола³⁵. По данным Теплова, полученным от местного епископа, в городе насчитывалось 2500 турецких, 1200 болгарских, 500 еврейских, 100 цыганских, 50 татарских дворов с общим населением 22 700 жителей³⁶. Перепись указывает 4092 человека болгар обоого пола, 4627 турок, 150 татар, 384 румына, 6 греков, 742 цыгана, 15 армян, 1301 еврея, 250 иностранцев. Всего — 11 564 человека обоого пола. Разноструктурность данных затрудняет работу исследователя. Сопоставление с данными, приводимыми Н. Миховым, не о дворах, а о числе населения города до войны свидетельствует об отливе не менее половины населения³⁷.

В Русдукской губ. не отмечено ни одного города, где не было бы турецкого населения. Однако и здесь отлив его несомненен, хотя в гораздо меньшей степени, чем из Видинской губ. Наибольшее число турок ушло из Туртукая (Тутракана), где среднее подворное число для них составляет 3,7 человека. По-видимому, здесь турки уходили не целыми семьями, а отправляли часть семьи (вероятно, женщин и детей). Думать так позволяет вот какое сопоставление. В трех наших источниках — в «Таблицах генерального штаба», у Теплова и в переписи — почти совершенно одинаково указывается число мусульманских дворов: 461, 461 + 15 цыганских, 460. А так как перепись указывает число населенных дворов, то ясно наличие лишь частичного ухода. В то же время обнаруживается следующее расхождение в данных о немусульманских дворах: 815, болгарских и валашских 715, болгарских 460 и румынских 980; население последних — 3 человека на двор. Возможно, что происходил в незначительной мере отлив из Никополя и Свищова (4,4—4,2). Во всех других городах этого района заметных передвижений турецкого населения не было. Более того, современник, видевший Русе после освобождения от турок, с удивлением констатировал: «Лодочники (перевозившие через Дунай. — С. Н.) были русенские турки, которые свободно циркулировали между обоими берегами, хотя Русе был освобожден от турецкой власти всего лишь неделю. Этот факт показывал не только, что война окончена, а что русские вовсе не боялись турецкого населения». А в городе он увидел, что «турецкое население оставалось на месте и продолжало заниматься своими

делами»³⁸. В то же время Туртукай и Свищов лишились и части болгарского населения. Так заставляет думать низкая подворная цифра 3,3 в первом из них, 3,7 человека — во втором. Основная масса городов этого района не потерпела в военные годы какого-либо урона.

В Тырновской губ. отмечено два города без турецкого населения: Габрово и Елена. Насколько можно сопоставить общее число жителей в Габрове, приводимое в иностранных свидетельствах довоенного времени³⁹, со сведениями переписи, здесь особых перемен в составе населения не произошло. По сведениям «Таблиц генерального штаба» в городе ранее имелось 25 турецких дворов. Теплов о них не сообщает. Следовательно, если и произошла убыль населения, то совершенно ничтожная. В Елене «Таблицы» не указывают турок.

Несомненный отлив турецкого населения из Тырнова засвидетельствован тем, что средняя населенность двора составила здесь всего 3,9 человека; почти такой же отлив, очевидно, произошел из Севлиева и Осман Базара (Омортаг), где этот показатель составляет 4 человека на двор.

Значительные размеры приняло бегство турок из Ловчи (Ловеча). В данных об этом городе первоначальная цифра 1261 турецкий двор (очевидно, взятая из каких-то прежних официальных источников — «Таблицы генерального штаба» указывают в Ловче 1186 мусульманских дворов, что очень близко к приведенной цифре) — была зачеркнута и заменена цифрой 44. В примечании к таблице сказано, что все турецкие постройки разрушены, вероятно, за исключением этих 44 домов. Судя по тому, что среднее население их составляет 6,4 человека на двор, небольшая часть местных турок перебралась из своих разрушенных домов в другие турецкие здания. Но основная масса турок, которую можно определить примерно в 6 тыс. человек, покинула город. Очевидно, под влиянием событий войны сдвинулась с места и часть болгарского населения города. Об этом говорит низкая подворная средняя норма у болгар — 3,6 человека.

В Варненской губ. произошли значительные сдвиги турецкого и татарского населения. Средняя подворная численность населения понизилась (табл. 3).

На основании отдельных замечаний, полностью нами не собранных, так как это потребовало бы изучения другого материала, не относящегося к городам, можно утверждать, что наряду с отливом турецкого и татарского населения из указанных городов происходила замена городского турецкого населения сельским турецким же. Доказательством этого являются заметки переписчика о соседних с Варной деревнях. Например, о дер. Имерлер мы читаем, что в ней 30 болгарских дворов, «турки живут в Варне. Земля их пустует»⁴⁰. Подобные заметки встречаются и по поводу других деревень.

Что касается болгарского населения, сокращение его можно отметить в Балчике, где приходится в среднем 3,5 человека на двор. Данные об остальных пунктах говорят не столько о понижении, сколько о повышении числа жителей отдельных городских дворов. Так, в Провадии на один болгарский двор приходится 6,4, а в Пазарджике (Хаджи Оглы Базар) — 6,5 человека. Надо заметить, что в Варненской губ. было и вновь пришедшее население. Наличие его в селах перепись фиксирует в целом

ТАБЛИЦА 3

Город	Турки, в среднем на двор	Татары, в среднем на двор	Город	Турки, в среднем на двор	Татары, в среднем на двор
Пазарджик . . .	2,0	—	Провадия . . .	3,5	—
Варна	2,8	—	Силистрия . . .	3,6	—
Балчик	3,1	2,8	Козлуджа . . .	3,8	—
Шумла	3,2	3,4			

ряде случаев: в деревнях Ходырче, Сарыгиоль близ Варны, Курт-дере. В последнем случае указано, что болгары-переселенцы прибыли из Добруджи⁴¹. Вряд ли можно отвергнуть предположение о возможном появлении переселенцев и в городах.

В то же время может быть отмечен отлив ранее направлявшихся сюда людских потоков. Известно, что в самом начале 1877 г. в Шумлу (Шумен) прибыли болгарские беженцы из подожженных отступавшими турецкими войсками городов Осман Пазар и Джумая, которые были приняты и поддержаны болгарской общественностью. Отмечается также в это время наличие в Шумене и значительного числа турецких беженцев, «которых каждый день приходило столько, что улицы не могли их вместить»⁴². В то же время сокращение численности турецкого населения и не отличающаяся от нормальной средняя цифра болгарского населения на двор (5,6 человека) в этом городе свидетельствуют об отливе и беженцев, ранее здесь находившихся.

Таким образом, несомненно, что данные переписи показывают значительные и разнообразные передвижения турецкого и болгарского населения в Варненской губ. Можно сказать, что в Северной Болгарии Варненская губ. занимает первое место по глубине и размаху этого процесса, который принял еще более значительные размеры в Южной Болгарии.

В Сливенской губ. наиболее разительная перемена произошла в самом Сливене, испытавшем во время войны серьезные бедствия. Население его не раз то обращалось в бегство, то попол-

нялось беженцами. В конце войны имели место временный уход болгарского и окончательный — турецкого населения⁴³. По данным переписи, к 1 мая 1879 г. выселилось 1300 человек турок⁴⁴. Наличие турецких дворов перепись не отмечает. Но следует заметить, что приведенное число турецких беженцев нельзя считать равным количеству всех покинувших город турок. Думаем, что оно обозначает отлив за месяцы, непосредственно предшествовавшие указанному сообщению. Считать так заставляет то обстоятельство, что общее количество турецкого населения перед войной было гораздо многочисленнее. По сообщению французского автора Пуайе (С. F. Pouet), бывшего в Сливене в 1859 г., здесь было 2 тыс. магометанских, следовательно, в основном турецких семей⁴⁵, что составит 10—12 тыс. человек.

Материалы переписи не показывают наличия турецкого населения в Ямболе и Месемврици, правда, турок там и ранее было немного. Бежали турки и из Айдоса, где на 140 турецких дворов осталось всего 5 человек (0,03 человека на двор), и откуда, вероятно, всего ушло около 700 человек. За счет ли этих турок или за счет турок, ушедших из других мест, возросло их число в Бургасе (7,2 человека на двор) и Ахиоло (7,5 на двор) и, отчасти в Карнобате (6,2 человека). Данные переписи показывают некоторый прилив в эту губернию и болгарского населения: среднее число болгар на двор достигло в Карнобате 6,6 человека, в Ямболе — 6,7 и в Айдосе — 8,2.

Значительные изменения произошли и в Пловдивской губ., где еще во время войны турки бежали из Казанлыка, однако после заключения мира они вернулись, но, узнав об образовании болгарского государства, не желая оставаться в нем, ушли вновь. Осталось всего несколько турок, что в среднем дает здесь 0,1 человека на двор. Значительно поредело турецкое население Пловдива (1,8 человека), Станимаки (1,8 человека). Последняя вообще потеряла значительную долю своего населения и не только турецкого. По сообщению современного историка Станимаки, здесь ко времени русско-турецкой войны находилось около 400 турецких домов, а осталось — 73⁴⁶. Таким образом, свыше 1,5 тыс. человек турецкого населения покинуло город. Что касается болгарских дворов, то перепись отмечает 1702 с 2197 человек населения, что составляет всего 1,2 человека на двор, т. е. даже ниже, чем в турецких домах. Было ли это результатом бегства, вызванного отступлением турецких войск и связанных с ним бесчинств⁴⁷, или имели место и другие факторы — неясно.

Вовсе очистилась от турецкого населения Эски Загра, где остался 641 пустой турецкий двор, т. е. ушло свыше 3 тыс. человек. Этот город стал одним из центров сосредоточения болгарских беженцев. Наши расчеты показывают, что здесь приходилось совершенно исключительное по высоте число жителей-болгар на двор — 25,3 человека, а одна из записей переписчика от-

мечает наличие болгар-переселенцев (798 человек)⁴⁸. Для несколько более позднего времени Ат. Илиев, бывший тогда начальником Старозагорского окружного управления, писал: «Беженцы-болгары пришли из Димотики, Ференского, Ероболского, Буюк Чекмеджийского районов, Константинополя и др.; их было до 1835»⁴⁹.

Вторым центром сосредоточения болгар-беженцев стал Казанлык, где на двор приходилось 13,4 человека; может быть отмечен также и прилив болгарских переселенцев в Пловдив (6,4 человека). Мусульмане уходили в город Татар Пазарджик, из которого, по-видимому⁵⁰, местные турки (120 дворов, т. е. около 600 человек) бежали, а прибыли помаки (1925 человек).

В Софийской губ. выделяется южная часть, сильнее затронутая процессами миграции. Значительно сократилась численность турецкого населения Самокова, где раньше было 902 турецких дома, т. е. примерно 4,5 тыс. человека. В момент переписи здесь осталось менее четверти турецкого населения (средняя цифра турецкого населения — 1 человек на двор). Еще резче это проявилось в Джумае. Там раньше было 540 турецких домов (2,5 тыс. человека), осталось же всего 55 турок, что составляет 0,1 человека на двор. Поредело турецкое население Златицы (2,5 человека на двор), Орхание (3,0 человека на двор). В то же время можно отметить прилив в опустевшие районы болгарского населения, что привело к увеличению числа жителей на двор до 9,7 человека. Однако не все турецкое население ушло за границы губернии. Часть его задержалась в Кюстендиле, Этрополе, где средняя населенность двора достигла 7,7 и 7,2 человека.

Таким образом, данные переписи позволяют понять конкретные особенности тех процессов, которые совершались в среде городского населения Болгарии. Они фиксируют особую остроту отношений и более значительные передвижения населения в Южной Болгарии, что вполне соответствует и остроте национально-освободительной борьбы именно в этом районе.

Перейдем к более детальному рассмотрению данных переписи.

Перепись сообщает сведения о населении городов по основным национальным группам и указывает число принадлежавших жителям домов. Эти данные позволяют дать характеристику национального состава каждого города. Мы рассмотрим их по губерниям, расположив в следующем порядке: Видинская, Руссукская, Тырновская, Варненская, Сливенская, Пловдивская, Софийская губернии. Названия городов, как и ранее, мы даем в том виде, в каком они даются переписчиками.

Города Видинской губ. по численности населения располагаются в следующем порядке: Видин — 11 314 человек⁵¹, Враца —

10 376⁵², Лом Паланка — 5228⁵³, Берковица — 3514⁵⁴, Рахово — 2862⁵⁵, Кула — 2559⁵⁶, Белоградчик — 1076⁵⁷.

Основным населением названных городов были болгары, число которых составляло неодинаковую относительную величину. Исключением является г. Кула, где в рассматриваемое время не было никаких инонациональных элементов. Это единственный чисто болгарский город в губернии. Во всех других городах кроме болгар имелись и другие национальные группы. Это прежде всего турки, цыгане, румыны, евреи, татары. Но и при наличии этих элементов болгарское население составляло большинство: во Враце — 87%, в Ломе — 74,6, в Берковице — 70,8, Рахове — 67,5 (правда, в Белоградчике болгар было 48,4 и Видине — 36,9%).

Турок особенно много было в Видине — 40,8%; 38,6% — в Белоградчике, 32,8% — в Рахове, в Ломе — 25,3%, во Враце — 8,7%. Из остальных национальных групп следует отметить наличие значительного еврейского населения в Видине, Берковице, Враце, цыганского — в Видине, Берковице, Враце, Рахове, Белоградчике, румынского (381 человек) — в Видине (там же жилы татары — 150 человек) и «иностранцев» (250 человек), наличие последних объясняется торговым значением этого придунайского города.

Переходим к Руцукской губ. По численности населения города располагаются следующим образом: Русе — 19 460⁵⁸, Плевна — 10 836⁵⁹, Разград — 10 480⁶⁰, Эски Джумая — 7191⁶¹, Свищов — 6793⁶², Никополь — 3992⁶³ человека.

Национальный состав характеризуется следующими данными, которые мы располагаем по убывающей относительной численности болгарского населения (табл. 4).

ТАБЛИЦА 4

Город	Болгары, %	Турки, %	Город	Болгары, %	Турки, %
Свищов	78,0	22,5	Разград	36,4	60,1
Плевна	76,0	21,7	Туртукай	21,4	27,8
Эски Джумая	56,7	41,2	Никополь	10,5	85,1
Русе	48,7	51,5			

Следует отметить помимо указанных двух национальных групп наличие румынского большинства в Туртукае, значительных еврейской и армянской групп в Русе, малочисленного еврейского и цыганского населения в большей части других населенных пунктов.

С Рущукской губ. на юге соседствовала Тырновская. По численности населения города Тырновской губ. были небольшими: Тырново — 11 071 человек⁶⁴, Севлиево — 7839⁶⁵, Габрово — 6365⁶⁶, Ловча — 3913⁶⁷, Осман Базар — 3709⁶⁸, Дряново — 3528⁶⁹, Елена — 3004⁷⁰, Горна Ряховица — 896⁷¹.

В отличие от двух рассмотренных губерний, где турки жили почти во всех городах, здесь на основе данных переписи можно отметить два чисто болгарских города и значительно меньший процент турок в городском населении этой губернии вообще (табл. 5).

ТАБЛИЦА 5

Город	Болгары, %	Турки, %	Город	Болгары, %	Турки, %
Габрово	100 *	—	Елена	88,0 **	—
Дряново	98,8	1,3	Севлиево	76,3	23,7
Ловча	92,7	7,2	Горна Ряховица	67,5	26,3
Тырново	90,3	9,7	Осман Базар . .	27,8	65,2

* Война не изменила состава населения. В литературе отмечается чисто болгарское население Габрова (П. Константинов, Габрово и Габровско. Антропогеографически очерк. Габрово, 1940, стр. 29). Численность населения города в 1900 г. составляла 7955 человек (там же, стр. 51).

** Остальное население — цыгане.

Следует отметить, что в городах Тырновской губ., кроме болгар и турок, не отмечено сколько-нибудь значительного количества населения других национальностей, за исключением цыган в Горной Ряховице, Осман Базаре и Елене.

Данные по Варненской губ. охватывают семь городов: Шумла — 19 926 человек⁷², Варна — 17 348⁷³, Силистрия — 7823⁷⁴, Пазарджик — 6646⁷⁵, Провадия — 3629⁷⁶, Балчик — 2888⁷⁷, Козлуджа — 2127⁷⁸.

Национальный состав этой группы городов был гораздо более пестрым, а болгарская часть населения нигде не была абсолютно преобладающей (табл. 6)

Национальный состав городов этой губернии характеризуется, кроме отмеченных основных групп, наличием армян во всех городах (свыше 1000 человек в Варне и Шумле, в других — меньше), цыган (от 29 до 261 человека), в пяти городах — татар, греков, евреев, в одном (Балчик) — гагаузов⁷⁹, а в трех (Варна, Пазарджик, Силистрия) — «иностранцев».

Значительную часть Черноморского побережья занимала Сливенская губ., данные по которой мы теперь и рассмотрим. По количеству жителей города, находившиеся здесь, представляли сле-

дующую картину: Сливен — 14 416 человек⁸⁰, Ямбол — 7685⁸¹, Карнобат — 3934⁸², Ахиоло — 3626⁸³, Бургас — 2562⁸⁴, Месемврия — 1700⁸⁵, Айдос — 1588⁸⁶, Кизил-Инджи — 745⁸⁷ человек.

По национальному составу города этой части страны напоминали города Варненской губ. в том отношении, что в них также

ТАБЛИЦА 6

Город	Болгары, %	Турки, %	Греки, %	Татары, %
Шумла	44,8	43,7	—	—
Провадия	38,1	53,9	—	—
Пазарджик	33,5	27,1	—	27,7
Балчик	32,1	39,5	—	—
Козлуджа	25,2	53,0	—	—
Силистрия	20,7	53,2	—	—
Варна	12,1	19,5	54,3	—

существовали разнообразные национальные группы. Процент греческого населения в некоторых пунктах был выше, чем в рассмотренных нами ранее городах (табл. 7).

ТАБЛИЦА 7

Город	Болгары, %	Турки, %	Греки, %	Город	Болгары, %	Турки, %	Греки, %
Айдос	98,5	0,3	—	Бургас	43,5	2,8	22,3
Сливен	96,4	—*	—	Ахиоло	0,2	0,4	97,4
Карнобат	95,8	0,6	—	Месемврия	—	—	100,0
Ямбол	90,2	—	—	Кизил Инджи	—	—	100,0

* Как указано в примечаниях переписчика, ранее здесь жили 1300 турок.

Таким образом, причерноморский район был районом наибольшего распространения греческого населения; в то же время здесь отмечалось значительное преобладание болгарского населения во всех крупных городах. Так же как в городах Варненской губ., здесь отмечается наличие цыганского населения (Сливен, Бургас, Карнобат, Ямбол, Ахиоло), еврейского (Сливен, Бургас, Карнобат, Ямбол), армянского (Бургас, Сливен, Айдос), «иностранцев» (Бургас).

Пловдивская губ. включала пять значительных городов, в том числе Пловдив — самый крупный болгарский город. По численности населения они располагаются в следующем порядке: Пловдив — 20 658⁸⁸, Татар Пазарджик — 13 835⁸⁹, Эски Загра — 11 462⁹⁰, Станимака — 9484⁹¹, Казанлык — 6531 человек⁹².

По национальному составу население городов этой части страны столь же пестрое, как и в уже рассмотренных нами районах, хотя за отдельными исключениями большинство его — болгары (табл. 8).

ТАБЛИЦА 8

Город	Болгары, %	Турки, %	Греки, %
Казанлык	99,6	0,3	—
Эски Загра	98,8	—	0,3
Татар Пазарджик	64,2	13,9	2,2
Пловдив	60,2	10,2	16,0
Станимака	23,1	1,4	73,3

Кроме указанных основных национальных групп, следует отметить также наличие значительного еврейского населения в Пловдиве (1164 человека), Татар Пазарджике (829 человек), румынского в Татар Пазарджике и Пловдиве, большого числа армян в Пловдиве (744 человека), цыган в Татар Пазарджике (1414 человек) и Пловдиве (671 человек), а также «иностранных» в Пловдиве.

Города Софийской губ. были в основном небольшими. На первом месте по численности населения стоял главный город губернии — София с населением в 11 742 человека⁹³, далее Самоков — 8466⁹⁴, Кюстендил — 6118⁹⁵, Тетевен — 4562⁹⁶, Дупница — 4013⁹⁷, Этрополь — 3279⁹⁸, Пирдоп — 3161⁹⁹, Орхание — 1790¹⁰⁰, Златица — 1347¹⁰¹, Джумай — 1234¹⁰², Брезник — 1204¹⁰³, Радомир — 954 человека¹⁰⁴. По Ихтиману данных нет¹⁰⁵.

По численности болгарского населения эти города можно расположить в такой последовательности (табл. 9).

Остальное городское население состояло из цыган, кое-где небольшого числа греков, румын, а в Самокове и Кюстендиле — «иностранных» (американцев, итальянцев).

Рассматривая распределение населения между городами, возможно представить общую картину в виде таблицы.

Табл. 10 показывает, что большая часть болгарских городов — 53,7% их — представляла маленькие населенные пункты от несколько сотен жителей и до 5 тыс. человек. Крупным городом, насчитывавшим свыше 20 тыс. душ обоего пола, был только один. Им являлся важный торговый и ремесленный центр, находившийся

ТАБЛИЦА 9

Город	Болгары, %	Турки, %	Евреи, %	Город	Болгары, %	Турки, %	Евреи, %
Пирдоп . . .	98,9	0,7	—	Златица	86,8	12,3	—
Этрополь . . .	97,1	2,1	—	Радомир	76,3	15,8	—
Орханлие . . .	95,9	0,1	—	Самоков	73,2	11,6	8,5
Брезник . . .	95,8	—	—	Дупница	61,5	14,3	18,6
Тетевен . . .	95,4*	—	—	София	55,6	8,4	30,1
Джумай . . .	93,3	4,4	—	Кюстендил	53,0	20,4	12,2

Остальное население — цыгане.

в южной Болгарии, — Пловдив. Малонаселенность большинства городов говорит о слабом еще развитии города, который не превратился в крупный производительный и торговый центр, сосредотачивающий значительные массы населения. В то же время несомненно, что процесс возрастания роли города, процесс концентрации населения в городе начался. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в городах с населением от 5 до 15 тыс. человек уже сосредоточилось 56% городского населения. Но таких городов всего 21. Табл. 10 показывает, что в изучаемое время для Болгарии типичным был небольшой город.

По национальному составу город являлся болгарским в том смысле, что преобладающим населением во всех учтенных пунктах было болгарское. В каждой из рассмотренных губерний в отдельности болгарское население городов также превосходит по численности турецкое. Исключением является Варненская губ., где отмечается некоторое преобладание турок. Следует отметить наличие городов без турецкого населения. Это чаще малые города. Они встречаются в разных частях страны — Кула, Ямбол, Месемврия, Елена, Габрово, Тетевен, Брезник, Эски Загра.

Наконец, нельзя не отметить, что наши данные представляют как бы моментальную фотографию процесса освобождения болгарского города от турецкого населения. В Сливене, где в момент переписи турок уже не было, их насчитывалось ранее 1300 человек; переписчик Силистрии оказался не в силах учесть национальную принадлежность земли, так как «в настоящее время почти ежедневно турки продают принадлежащие им земельные угодья болгарам, румынам и др.»¹⁰⁶ и, добавив мы, покидают город. В Кюстендиле, например, было 400 брошенных турецких дворов. Однако проследить за ходом этого процесса данные переписи не позволяют.

Значительное греческое население имелось в городах черноморского побережья — Варне, Месемврии, Ахиоло; на Дунае —

ТАБЛИЦА 10

Город	Количество жителей	Всего	% к общему числу горожан
I. С населением свыше 20 тыс.			
Пловдив	20 658	20 658	6,0
II. С населением 15—20 тыс.			
Шумла	19 936	} 56 744	16,5
Русе	19 460		
Варна	17 348		
III. С населением 10—15 тыс.			
Сливен	14 916	} 106 046	31,0
Татар Пазарджик	13 835		
София	11 742		
Эски Загра	11 462		
Видин	11 314		
Тырново	11 071		
Плевна	10 836		
Разград	10 486		
Враца	10 376		
IV. С населением 5—10 тыс.			
Станимака	9 484	} 86 199	25,2
Самоков	8 466		
Севлиево	7 839		
Силистрия	7 823		
Ямбол	7 715		
Эски Джумая	7 191		
Свищов	6 793		
Пазарджик	6 646		
Казанлык	6 531		
Габрово	6 365		
Кюстендил	6 118		
Лом Паланка	5 228		
V. С населением ниже 5 тыс.			
Тетевен	4 562	} 73 493	21,3
Дуница	4 013		
Никополь	3 992		
Карнобат	3 934		
Ловча	3 913		
Осман Базар	3 709		

ТАБЛИЦА 10 (окончание)

Город	Количество жителей	Всего	% к общему числу горожан
Провадия	3 629	} 73 493	21,3
Ахиоло	3 627		
Дриново	3 528		
Берковица	3 514		
Этрополе	3 279		
Пирдоп	3 161		
Елена	3 004		
Балчик	2 888		
Рахово	2 862		
Бургас	2 568		
Кула	2 559		
Козлуджа	2 127		
Орхание	1 790		
Месемврия	1 700		
Айдос	1 588		
Златица	1 347		
Джумай	1 234		
Брезник	1 204		
Белградчик	1 076		
Радомир	954		
Горна Ряховица	896		
Кизил Инджи	745		
Ихтиман	—		
Итого		343 140	100

в Русе, а из других городов — в Пловдиве, Станимаке, Татар Пазарджике.

Крупные скопления еврейского населения были в Софии, Русе, Пловдиве, Татар Пазарджике, Кюстендиле, Самокове, Дупнице, Шумле.

Армян, как и евреев, больше было сконцентрировано в торговых городах — Варне, Шумле, Русе, Пловдиве.

Румыны, по переписи, жили главным образом в Туртукае, Татар Пазарджике, Пловдиве, Видине; а цыгане — повсеместно.

В крупных торговых центрах перепись отмечает также наличие «иностранцев». Но что кроется за этим термином, остается неясным. Все ли указанные в этой категории лица иностранного проис-

хождения или здесь указывались и болгары, бывшие подданными иностранных государств, не всегда ясно. Правда, в отдельных случаях учтенные здесь лица охарактеризованы полнее. Например, об «иностранцах» Бургаса сказано, что большинство их (599 человек) — греческие подданные, остальные — австрийские (13), французские (2), итальянские (14), русские (1); здесь принципом учета являлось подданство.

Города Болгарии по числу жителей не поднимались до уровня наиболее крупных городов Балканского полуострова. Не берем в сравнение Константинополь с его почти миллионным населением, такие центры, как Адрианополь (130 тыс.)¹⁰⁷, Салоники (68—75 тыс.)¹⁰⁸, значительно превосходившие по числу жителей самые крупные болгарские города. Что же касается других городов полуострова, то между ними и болгарскими городами больших различий не обнаруживается. Так, в Сараеве — главном городе Боснии и ее торговом центре — в XIX в. насчитывалось от 30 до 50 тыс. человек¹⁰⁹. Русский путешественник, посетивший столицу освобожденной Сербии в 1808 г., считал, что в Белграде было не более 30 тыс. жителей, по сведениям 30-х годов XIX в. — 20 тыс.¹¹⁰

Имеются также сведения о численности населения в разных городах Балканского полуострова (часть их относится к 30-м годам XIX в., часть — к середине столетия): Ниш — 16 тыс. человек, Охрид — 7 тыс., Мелник — 5 тыс., Ускюб (Скопье) — 10 тыс., Бая Лука — 5—8 тыс. (по другим данным, 12—15 тыс.), Афины — 10 тыс., Гюмюрджина — 2,5 тыс., Мустафа-паша — 2 тыс., Травник — 7—8 тыс., Мостар — 10—12 тыс. человек¹¹¹.

Сравнение данных о населении болгарского города в 1879 г. с имеющимися в литературе отрывочными сведениями о количестве жителей городов других частей Балканского полуострова (при всей относительности и сомнительности этих цифр) ясно показывает, что болгарский город в рассматриваемое время по размерам населения не отличался сколько-нибудь существенно от других балканских городов.

Но, констатируя этот факт, не приходится забывать, что он отражает те процессы передвижения и отлива населения, которые характерны для изучаемого времени. Причем сказанное относится не только к турецкому, но и к болгарскому населению. Так, перепись указывает, что в Станимаке на болгарский двор приходилось 1,2 человека, что даже ниже населенности турецкого двора — 1,7 человека. В то же время в Эски Загре на болгарский двор приходится 25,3 человека, тогда как в 641 турецком дворе население отсутствует полностью. Аналогичные явления отмечаются не только в южной части страны, но и в некоторых других районах. Так, в Балчике на болгарский двор приходится всего 3,9 человека, на турецкий — 2,9 человека, что значительно ниже средней населенности двора.

В связи с этим естественно поставить вопрос о том, как же

в целом отразились события войны на численности городского населения Болгарии? Наши данные дают возможность установить, что к апрелю 1879 г. болгарские города в целом по стране опустели на $\frac{1}{4}$. Вероятно, к этому времени не все старожилы, покинувшие места оседлости, вернулись назад. Но, думается, что значительная часть уже успела вернуться. К сожалению, никакого цифрового материала для более убедительного ответа на этот вопрос в нашем распоряжении не имеется. Существующие цифры о национальном составе отдельных городов до войны в сопоставлении с данными переписи заставляют думать, что понижение численности городского населения в значительной части, по-видимому, может быть отнесено за счет сокращения турецкого населения, но не только его. Кое-где такое сопоставление свидетельствует о сокращении и болгарского населения. Точнее, эту сторону вопроса, к сожалению, охарактеризовать невозможно.

В отдельных районах имели место отклонения от указанной общей нормы. Пожалуй, значение этих показателей меньше, чем значение общего показателя, т. е. приведенной нами выше цифры сокращения числа городских жителей на 25%. Все же и они отражают некоторые черты действительности. Мы видим, что, более всего пострадали города Северной и Западной Болгарии, где население значительно сократилось: Видинская губ. — 32,6%, Руссукская губ. — 38,7, Тырновская губ. — 23,1, Софийская губ. — 32,0%.

Минимальная убыль населения отмечается в Варненской губ., что естественно, поскольку основную массу учтенного населения дают Барна и Шумла — две крепости, чье освобождение от турок задержалось до времени переписи. Так что убыль населения здесь идет за счет более мелких городов (Пазарджик, Силистрия), В южных губерниях — Пловдивской и Сливенской — сокращение городского населения близко к средней для всей страны, составляя в Пловдивской — 26,0%, а в Сливенской — 21,9%.

Город освобожденной Болгарии вступал в новую полосу своего исторического существования численно уменьшившимся, но с гораздо более единым национальным составом населения — составом преимущественно или чисто болгарским.

Как мы видели, сократилась абсолютная численность населения города, но одновременно изменилась и абсолютная численность всего населения страны. Каково же было отношение между ними? Установить этот важный показатель было бы существенно. Задача эта не из легких, так как отсутствуют удовлетворительные статистические данные о численности населения Болгарии в целом. Недостаток сведений некоторые исследователи пытались восполнять приближенным расчетом. Такая попытка, в частности, была сделана Тепловым. Но его подсчет¹¹² опирается на данные иного происхождения, относится к довоенному времени и иной территории, чем та, где была проведена перепись. Он не может быть нами принят. Других сведений о населении 7 губерний, охваченных пере-

писью, в нашем распоряжении не имеется. Поэтому в полном объеме задача в настоящее время решена не может быть. Однако частичный ответ на вопрос можно получить.

Существует частичная сводка материалов переписи о численности и национальном составе населения княжества Болгарии. Она охватывает не всю описанную переписчиками территорию, но бóльшую часть ее. В подсчеты этой сводки не вошли данные, относящиеся к Восточной Румелии, т. е. — по номенклатуре переписи — к губерниям Филиппопольской и Сливенской. Хотя мы имеем, таким образом, неiolные данные, но за отсутствием иных пренебрегать ими не видим оснований. К тому же это единственные данные, пригодные для сопоставления, так как они основаны на том же источнике, т. е. на переписи 1879 г.

Используя их¹¹³, мы можем составить следующую таблицу (табл. 11).

ТАБЛИЦА 11

Губерния	Численность городского населения	Общая численность населения губернии	Отношение городского населения ко всему, %
Видинская	36 929	234 681	15,7
Тырновская	40 325	354 856	11,3
Руссукская	58 752	367 035	16,0
Варненская	60 387	301 501	20,0
Софийская	47 870	291 970	16,3
Всего	244 263	1 550 033	15,7

Трудно сказать, как бы выглядело это соотношение, если бы мы располагали итоговыми цифрами численности населения по двум южным губерниям. Но предполагаем, что радикально оно вряд ли изменилось бы. Во всяком случае выведенный показатель характеризует несомненный процесс концентрации населения в городах и является свидетельством шедшего в стране развития городской жизни.

Однако город любой страны меняется в зависимости от изменения всей социально-экономической ее жизни. По одному выглядит город феодальной поры, иначе — город эпохи капитализма. Сконцентрировать имеющийся в переписи материал по вопросу об экономическом характере болгарского города — задача последующего исследования.

Современники русско-турецкой войны, побывавшие в Болгарии, замечают, что болгарские города «как по наружному виду, так и по характеру занятий жителей мало чем отличаются от деревень и разумеется не могут быть и сравниваемы с европейскими городами. Здесь также большая часть усадеб сельского типа и хотя встречаются хорошие дома, но и те скрыты во дворах за высокими каменными стенами, которые сопровождают всюду улицу». Говоря о северной части страны, тот же автор утверждает: «Лучшие города, которые еще можно назвать,— это Варна, Руцук. А Силистрия, Тырново и София уже хуже. Все же остальные — скорее большие торговые села, но не более»¹¹⁴.

Между тем, как отмечено выше, в существующей научной литературе город обычно изображается как центр ремесленного, мануфактурного (позже фабричного) производства и торговли. Только немногие авторы краеведческих очерков об отдельных городах отмечают, что горожане занимались сельскохозяйственным трудом, но в подробности вопроса обычно не входят за отсутствием в их руках источников.

Между тем трудно думать, что город переходной от феодализма к капитализму эпохи может не быть в той или иной мере аграрным поселением. Однако эта сторона городской экономики обычно исчезает за выдвигаемыми на первый план ремесленно-промышленными и торговыми занятиями жителей.

Перепись 1879 г. интересна тем, что она дает сведения о городском землевладении и использовании земли, о скоте, разводимом горожанами. Она позволяет нам разностороннее обрисовать облик города. Говоря все это, мы не преувеличиваем абсолютной значимости цифр и их точности. Но по сравнению с источниками, известными до сих пор (в частности, турецкого происхождения), рассматриваемая перепись выгодно отличается богатством сведений.

Обратимся прежде всего к сведениям переписи о городских землях и их использовании. Перепись учитывает шесть категорий земель. Мы объединили все земли в две группы: 1) земли обрабатываемые, куда вошли: пахотные, виноградники, под табаком, баштаны, а также «сады и усадьбы»¹¹⁵; 2) земли животноводческого назначения, куда вошли сенокосы и выгоны¹¹⁶.

Указанная группировка земель позволяет определить направление сельскохозяйственной деятельности города и выяснить, что для жителей его представляет более существенную статью дохода — земледелие или скотоводство. Значительное количество сельскохозяйственной земли, находящейся в руках горожан, само по себе свидетельствует, что город в рассматриваемое время еще не стал чисто индустриальным и торговым центром. Наоборот, удельный вес сельского хозяйства его жителей был весьма значителен.

Добавим к сказанному, что ниже мы оперируем данными толь-

ко о городских землях. Между тем известны случаи, когда городские жители имели земли в более или менее близких селах. Но по техническим причинам сельские земли, находившиеся в руках горожан, не удалось в настоящее время учесть. Таким образом, мы оперируем несколько заниженными данными. В действительности объем сельскохозяйственных занятий горожан был несколько выше. Предполагаем (на основе известного нам материала), что различие это в целом по стране не столь значительно, чтобы существенно повлиять на конечные выводы. Точный ответ можно будет дать лишь в результате разработки всей переписи.

Начнем наше исследование с городов Северной Болгарии. Как правило, речь пойдет о занятых землях; кроме того, учитывается не вся земля города, а земля, находящаяся в руках определенных хозяев. Данных об общих площадях городской земли мы не приводим. Земли, брошенные бежавшими во время войны владельцами, не учитываются.

Города Видинской губ., за исключением самого Видина, о земельных владениях жителей которого в переписи сведений не имеется, обладали, как видно из табл. 12, значительными земельными угодьями. Жители городов использовали эти владения как для возделывания различных культур, так и для развития скотоводства.

ТАБЛИЦА 12

Город	В среднем долюмов на двор		Город	В среднем долюмов на двор	
	земли обрабатываемые	земли животноводческие		земли обрабатываемые	земли животноводческие
Рахово	49,7	35,8	Враца	14,0	4,5
Белоградчик . .	46,8	30,7	Лом Паланка . .	12,9	11,5
Кула	28,0	14,3	Берковица . . .	12,2	2,3

Приведенная таблица показывает, что средняя обеспеченность горожан Видинской губ. землей не была одинакова. В то время как в половине городов она была высокой, в других — она составляла от $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$ среднего надела горожан первой группы. Интересно, что высокому обеспечению сельскохозяйственной землей сопутствуют и крупные размеры животноводческих угодий. В городах было развито хлебопашество и виноградарство, скотоводство. Такая картина вполне соответствует данным, собранным русским офицером Скалоном, участвовавшим в 1867—1868 гг. в градусном измерении дуги меридиана от Измаила до Кандии. Он отмечал, например, что Белоградчик славится виноградарством (то же указывает и современник-болгарин)¹¹⁷; что Лом Паланка занята сбытом хлеба своего производства, что здесь

же концентрируется врачанский хлеб. Видин он характеризовал как крупный центр, который ведет хлебную торговлю по Дунаю. Скалон отмечал высокое качество видинского хлеба, который считал лучше раховского и ломского¹¹⁸.

Как показывают заметки переписчика, основным земледельческим населением в таких городах, как Враца, Белоградчик, Рахов, было население болгарское, в руках которого находилось основное количество земли. Так, во Враце болгарское население города владело 61,5% земли, в Ломе — 78,9%, в Рахове — 72,9%. Остальные земли находились в руках турок и цыган. Кроме того, жители некоторых из указанных пунктов имели земли вне городских владений. Отмечается, что врачанцам принадлежало 1267 дюлюмов пахотной земли, 400 дюлюмов покоса и 76 дюлюмов леса сверх городских земель. Все это свидетельствует о широком развитии аграрных занятий городских жителей Видинской губ.

О реальном распределении земли между горожанами мы знаем мало. Что касается Рахова, то перепись отмечает размеры участков пахотной земли, имеющейся у жителей. Максимальным владением был участок в 130 дюлюмов, минимальным — 5. Средним считался участок в 50 дюлюмов.

Данные о скотоводстве полностью подтверждают наблюдение о широком развитии сельскохозяйственных промыслов горожан. Количество рабочего скота было особенно велико в Враце (1746 голов), Рахове (568), Берковице (572).

Среднюю обеспеченность земледельческого двора рабочим скотом мы определить не можем, так как неизвестно число дворов, ведущих сельское хозяйство. Среднее количество скота, выведенное для всего количества дворов, малопоказательно, так как в одних городах цыгане, в других евреи не имели земли. Однако не всегда это отмечено в документах переписи. Во всяком случае то обстоятельство, что в Куле 100% дворов, в Рахове почти 100%, примерно 75% в Берковице, Враце имеют рабочий скот, свидетельствует о значительном его количестве.

В какой мере перепись отражает перемены, произошедшие в военные годы, сказать трудно из-за недостатка сопоставимых данных. Можно сравнить данные переписи с данными «Таблиц генерального штаба» (см. табл. 13).

Но сопоставление этих данных не дает оснований для каких-либо выводов. Во всяком случае можно сказать, что никакой убыли поголовья рабочего скота за время войны обнаружить не удалось. Сделать другие выводы приведенные цифры не позволяют.

Мелкий скот (овцы, козы) разводили во всех городах. Количество его не было одинаковым. Оно колебалось от 1,6 на двор в Рахове, до 14,1 в Куле и 15,5 в Белоградчике, что свидетельствует о значительной средней обеспеченности этим видом скота.

Данные о среднем количестве земли на двор в городах Рушукской губ. показывает табл. 14 (в дюлюмах).

Бросается в глаза различие в обеспечении земель населения городов. Крупные придунайские города имели малое среднее количество земли на двор. В то же время некоторые и из этих пунктов, в частности Никополь, отмечены в качестве сельскохозяйственных центров.

ТАБЛИЦА 13

Город	Рабочий скот		Город	Рабочий скот	
	данные переписи	данные таблиц генштаба		данные переписи	данные таблиц генштаба
Белоградчик . . .	258	28	Рахово	568	893
Лом	440	164	Кула	534	—
Берковица	572	627	Видин	1179	775
Враца	1746	1803			

Как и в городах Видинской губ., жители некоторых городов Руцукской губ. (например, Разград) арендовали землю в соседних селах. При большом размере хлебных посевов (особенно в таких городах, как Плевен, Разград, Тутракан, Никополь) в городах Руцукской губ. широко было развито разведение винограда (Плевен, Никополь, Тутракан).

ТАБЛИЦА 14

Город	Земли обрабатываемые	Земли животноводческого назначения	Город	Земли обрабатываемые	Земли животноводческого назначения
Плевен	35,6	2,7	Свищов	3,4	2,5
Разград	22,7	1,1	Русе	1,5	3,2
Тутракан	14,7	3,8	Эски Джумая . .	1,5	2,1
Никополь	7,3	7,3			

Круг возделываемых культур в Руцукской губ. был шире, чем в Видинской. Здесь сеяли не только пшеницу, ячмень, кукурузу, рожь, но и рис, просо, коноплю, лен. Сельскохозяйственные продукты шли здесь не исключительно на потребление, но и на продажу. Это относится не только к винограду и вину. Виноград широко разводился в таких городах, как Плевен, Разград, Свищов. Отмечается также, что Никополь широко торговал овощами, продавая их даже в Румынию¹¹⁹.

В некоторых городах наблюдатель отмечал концентрацию земли в руках крупных землевладельцев, которые обрабатывали ее

трудою «совершенно разоренных жителей, не имеющих возможности заниматься земледелием и торговлей, да и вообще какою бы то ни было отраслью промышленности...» (Никополь)¹²⁰. Встречается и такая характеристика: жители занимаются земледелием, а большая часть — торговлей (Разград)¹²¹.

К сожалению, особенности нашего источника, который дает общее количество земли по видам угодий для каждого населенного пункта, не показывая распределение ее между владельцами, не позволяют останавливаться на вопросе о землевладении горожан.

Горожане содержали разнообразный скот, но относительная численность его (в среднем на дом) ниже, чем в Видинской губ. По количеству овец и коз первое место занимал Плевен (3,8 на дом), затем шли Эски Джумая (2,7), Разград (1,5), Тутракан (1,3). В других городах средняя цифра составляла десятые доли овцы. Отмечается значительное количество коров (Эски Джумая, Тутракан, Разград, Русе).

Интересно отметить имеющееся в литературе указание на наличие в Свищове промысла по откорму скота на продажу и на убой для изготовления сушеного мяса (пастърма), сала и т. п. Отсутствие указаний на этот промысел в переписи мы склонны рассматривать как свидетельство исчезновения его во время войны.

Что касается рабочего скота, то больше всего его имелось в Эски Джумаяе — свыше одной головы на двор. Во всех прочих городах рабочий скот был далеко не во всяком доме.

Обращает на себя внимание наличие значительного количества лошадей в Русе, Эски Джумаяе, Разграде, что, как полагаем, обусловлено не только развитием сельского хозяйства, но и транспортом грузов в связи с торгово-транзитным значением этих пунктов.

Шесть городов Тырновской губ. по размеру земельной площади распределяются так (табл. 15).

ТАБЛИЦА 15

Город	Земли обрабатываемые, в дюлюмах	Земли животноводческого назначения, в дюлюмах	Город	Земли обрабатываемые, в дюлюмах	Земли животноводческого назначения, в дюлюмах
Горна Ряховица	43,6	19,8	Дряново	5,5	1,2
Елена	11,4	0,7	Ловча	4,3	0,2
Севлиево	10,8	3,0	Осман Базар . .	1,8	7,1

По Тырнову нет сведений ни о количестве земли, ни о животноводстве; по Габрову отсутствуют данные о числе домов в городе, что лишает нас возможности сделать подсчеты.

Жители перечисленных городов Тырновской губ. в области сельского хозяйства занимались главным образом хлебопашеством и возделыванием винограда, кое-где были большие фруктовые сады (Ловча). Сеяли главным образом пшеницу, ячмень, овес. Широко была развита аренда земли в соседних селах. Ее снимали из доли (половина, треть) или за деньги. В таких городах, как Елена, Ловча было развито виноградарство и виноделие; вино продавали в Севлиево и другие соседние пункты, где виноград не возделывался. Само Севлиево представляло собой также сельскохозяйственное поселение. Жители почти все занимались хлебопашеством, обрабатывая поля иногда с помощью поденщиков, как отмечал переписчик. Они сеяли рожь, пшеницу, кукурузу, ячмень как на своих полях, так и на арендуемых. В то же время некоторые сдавали свои участки в наем, а сами нанимались на работу. Кроме того, в Севлиеве была развита ремесленная обработка кожи. Можно полагать, что ремесло способствовало отходу владельцев малых земельных участков от сельского хозяйства.

В этих сельскохозяйственных центрах было развито и скотоводство. В Горной Ряховице на дом приходилось 1,3 лошади, 6,4 овцы, 2,5 свиньи и т. д. В других городах (например, в Севлиеве) значительную долю тяглого скота составляли волы и буйволы. Конечно, средние величины не указывают на действительное распределение скота в городах Тырновской губ., и то обстоятельство, что в Осман Базаре, Елене, Ловче, Дрянове средняя цифра не составляет и одной овцы на дом, свидетельствует о неравномерности этого распределения. Однако такой цифровой материал говорит об относительной малочисленности скота в этой группе городов и, следовательно, о незначительной экономической роли скотоводства.

Данные по Габрову, хотя и неполные, могут послужить для некоторых выводов. Нам известно количество обрабатываемой и животноводческой земли, известно число жителей. Считая 5 человек на семью, получим условное число семей, которое будем считать равным числу домов. При таком допущении получим по 5,09 дюлюма обрабатываемой и 2,3 дюлюма животноводческой земли на дом. Так же как и в других городах, основным сельскохозяйственным занятием здесь было хлебопашество, виноградарство, огородничество. По сведениям, имеющимся в литературе, именно две последние отрасли были основными¹²². По нашим данным, скотоводство в Габрове было развито очень слабо. Немного коров, волов, ослов, несколько больше (235) лошадей — это все, что было в городе. Наличие лошадей было результатом развитой в Габрове мелкой торговли в развоз (кърджийство) и извоза (кираджилък). Очевидно, наличие ремесла в городе отвлекло населе-

ние от занятий животноводством, хотя связь с землей еще сохранилась.

Говоря о Тырновской губ., нельзя не отметить своеобразие г. Котел. Об этом уже говорилось в литературе¹²³, но мы упоминаем об указанной ниже особенности только потому, что литература сообщает более поздние данные. Между тем, как свидетельствуют источники, и до освобождения жители Котела занимались скотоводством в Добрудже, где более состоятельные имели свои чифлики. Историк города на основе доступных для него материалов утверждает, что численность овец, принадлежащих горожанам, достигала 450 тыс. голов. Отдельные скотоводы обладали стадами в 1000—2500 голов, бедные имели 25—100¹²⁴. Все мужчины отправлялись в Добруджу, где пасли овец, делали сыр, стригли овец. На основе скотоводства в городе было развито домашнее сукноделие. Тот же автор считает, что в каждом доме Котела производилось 200—500 ямурлуков (шерстяных плащей) в год.

Война нанесла значительный ущерб скотоводству, привела к сокращению поголовья овец. Сократилось и домашнее производство шерстяных тканей, так как, по словам Ю. Несторова, турецкое правительство взяло на нужды армии большое количество шерсти и готовой абы.

Среднее обеспечение жителей земель в городах Варненской губернии определяют следующие данные табл. 16.

ТАБЛИЦА 16

Город	В среднем дюлюмов на двор	
	земли обрабатываемые	земли скотоводческого назначения
Каварна	29,5	Нет сведений
Балчик	13,5	0,3
Силистрия	13,2	Нет сведений
Провадия	8,7	4,4
Варна	5,0	0,06
Козлуджа	3,7	4,8
Шумла	Нет сведений	Нет сведений
Пазарджик	»	»

В целом жители городов Варненской губ. имели меньше земли, чем население городов рассмотренных ранее губерний. Отсутствие сведений для некоторых пунктов препятствует более широким сопоставлениям.

В то же время можно сделать некоторые частные выводы. В рассматриваемой полосе наряду с хлебопашеством значительное развитие получило виноградарство. В Козлудже, Каварне, Прова-

дии преобладало хлебосеяние (пшеница, ячмень, кукуруза, овес), в Варне, Силистрии сильно было развито виноградарство и садоводство.

Для Варны переписчик привел интересные данные о распределении пахотной земли по национальностям. Мы предполагаем, что все домовладельцы соответствующей национальности имели землю, и находим, что в среднем они располагали:

	Пахотная земля, в дюлумах	Виноградники
Болгары	7,1	4,5
Турки	1,3	1,2
Греки	3,5	5,3

Вывод из приводимых данных о том, что для болгарского и греческого населения города земледельческие промыслы имели большое значение, вряд ли может быть оспорен. Более того, другие сведения переписи свидетельствуют о том, что в отношении среднего размера землевладения болгар мы не очень ошиблись. Переписчик свидетельствует, что у болгар средний размер надела равнялся 8 дюлума, меньший составлял всего 1 дюлум, а были и безземельные семьи. Ошибка в отношении землевладения турок и греков больше. Перепись указывает такие средние цифры: 5 и 15 дюлюмов. Таким образом, становится вполне очевидным, что не все варненские домовладельцы являлись владельцами земли.

Н. Тодоров, оперируя другим кругом источников, отмечал в Варне наличие крупных поземельных собственников¹²⁵. О том же говорит исследуемая перепись. Она сообщает, что два грека имели по 200 дюлюмов земли, один — 300, один владел чифликом с 350 дюлумами земли, 10 человек имело по 45, а меньший размер участка составлял 4—7 дюлюмов. Среди турок же были еще более крупные землевладельцы. Отмечен владелец 4 тыс. дюлюмов, 13 человек владело по 2 тыс.; переписчик отметил, что это чифлики, т. е. владения, расположенные вне городских земель. Они находились в деревнях в округе Варны и вне его. Наряду с такими крупными землевладельцами было 10 горожан, имевших по 250, 20 — по 20 дюлюмов. Были среди турок владельцы ничтожных клочков земли размером в 1 дюлум, были вовсе безземельные.

Крупные землевладельцы были среди армян, земли которых находились за городской чертой. Из них один владел чифликом в 2 тыс. дюлюмов, трое по 200 — все в районе Пазарджика. В городе армяне имели участки максимально в 15 дюлюмов, были и обладатели парцелл в 1—2 дюлума и безземельные.

Всего вне города горожане имели: болгары — 2 чифлика, греки — 4 (1050 дюлюмов земли, 46 голов скота), турки — 17 (17 170 дюлюмов земли, 202 головы крупного и 350 голов мелкого скота).

Кроме того, виноградниками владели «иностранные» — немцы

(среди них германский консул), итальянцы. Одна заметка переписчика заставляет думать, что наряду с земельными владениями промышленного характера имелись и дачные участки.

В связи со сказанным представляется вполне справедливым изображение Н. Тодорова о наличии в Варне значительного количества сельскохозяйственных рабочих (копачи). Перепись 1879 г. не сообщает сведений о занятиях жителей описанных городов, но приведенные данные о землях и их назначении свидетельствуют о том, что существовала потребность в наемных рабочих руках для ведения сельского хозяйства, в частности для возделывания такой трудоемкой культуры, как виноград.

Таким образом, и в отношении Варны, хотя средний размер подворного землевладения в ней ниже, чем в других городах губернии, несомненно, большое значение для горожан имели сельскохозяйственные занятия. Это характерно потому, что Варна в то же время являлась крупным торговым портом и вообще важным торговым центром¹²⁶. Перепись выделяет Варну среди городов губернии как наиболее значительный пункт торговли зерном. После Варны переписчик указывает Провадию и Силистрию (последняя, как и Варна, являлась торговым портом).

Что касается скотоводства в городах Варненской губ., то оно в среднем значительно ниже, чем в рассмотренных ранее городах других губерний, и нигде, кроме Козлуджи (здесь 1,6 головы рабочего скота на двор), не достигает единицы на двор. Мы не в состоянии выяснить степень сокращения городского поголовья скота во время войны (сопоставление с данными «Таблицы генерального штаба» ничего не дает, так как они указывают, например, для Варны 185 голов рабочего скота, а перепись отмечает 625; для Шумлы — соответственно 620 и 1565). В литературе уже отмечено значительное расслоение населения Варны¹²⁷; наличие численно значительной городской бедноты в Шумене¹²⁸. Весьма вероятно наличие аналогичных явлений и в других городах: Силистрии, Пазарджике, Провадии. Исключением, по-видимому, являются чисто сельскохозяйственные пункты, где процесс расслоения населения совершался медленнее. В частности, в Козлудже не только количество рабочего скота, но и мелкого самое высокое в губернии (10,4 головы на двор).

В итоге рассмотрения земельного обеспечения городов Северной Болгарии можно сказать, что все города обладали значительным количеством земли, которую обрабатывали их жители. Можно отметить, что в городах северо-западной части страны среднее обеспечение горожанина землей выше, чем в северо-восточной части, но и в более развитых торговых центрах сельскохозяйственные промыслы населения сохранились.

Обратимся к городам южной части страны, прежде всего к рассмотрению данных по Филиппопольской губ. Здесь среднее обеспечение горожан землей (в дюлюмах) показывает табл. 17.

Эски Загра была крупнейшим сельскохозяйственным центром области. Здесь широко было развито хлебопашество. Одной пахотной земли в городе приходилось в среднем по 16 дюлюмов на двор и немногим меньше было земли под виноградниками. В городе производилось значительное количество товарного зерна, которое, как и зерно, выращивавшееся в соседней округе, шло на продажу в Константинополь и далее на Запад, в частности во Францию.

ТАБЛИЦА 17

Город	Земли обрабатываемые	Земли животноводческого назначения	Город	Земли обрабатываемые	Земли животноводческого назначения
Эски Загра . . .	33,4	12,2	Филиппополь	3,1	1,4
Казанлык . . .	10,0	1,5	Татар Пазарджик	2,4	0,4
Станимака . . .	8,2	—			

Станимака являлась важным центром виноградарства. Однако среднее количество земли на двор, занятой виноградниками, здесь меньше, чем в Эски Загре. К тому же, как отмечает современный историк этого города Н. Хайтов, перед освобождением вся земля, за исключением занятой под посевами риса, была под виноградом и отчасти шелковицей. Пахотной земли, как показывает перепись, было совсем немного — 1925 дюлюмов, т. е. в среднем немного больше 1 дюлюма на двор. Очевидно, это и были рисовые поля (оризища). Что же касается виноградников, то часть их, по-видимому, находилась за городом. В с. Долно Слав станимакские богатые греки во главе с ростовщиком Мюзервируолу имели чифлики¹²⁹. Возможно, что и там возделывался виноград. Известно, что в Станимаке было развито огородничество. Особенно славился станимакский лук.

Цифровые данные о земле по Татар Пазарджику неполны. Нет сведений о виноградниках, усадьбах, лесе; нет их и о распределении земли между горожанами разных национальностей. Таким образом, вопрос, затрагиваемый в литературе в очень общей форме — о переходе земли от турок к болгарам¹³⁰, наш источник не помогает рассмотреть подробно. Что касается сельскохозяйственных занятий горожан, то нам известно о наличии хлебопашества, но сведений о возделывавшихся культурах перепись не сообщает. Другой источник¹³¹ указывает на наличие значительного зернового хозяйства (пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, рис и др.), которое не только обслуживало нужды жителей, но поставляло товарное зерно. Возделывали в Татар Пазарджике виноград, овощи, табак и др.

В Казанлыке сеяли хлеб, возделывали виноград. Количество пахотной земли было вдвое больше, чем занятой под виноградом. Особо отмечено наличие розовых плантаций, которые составляли славу этого города.

Скотоводство в городах Пловдивской губ., по данным переписи, не было развито значительно. Ни в одном городе губернии среднее обеспечение рабочим скотом на двор не составляет одной головы. Больше других тягловым скотом были обеспечены жители Эски Загры, Татар Пазарджика, Пловдива.

Овцеводство было наиболее развито в Эски Загре (3,5 головы на дом).

В городах губернии была развита переработка сельскохозяйственных продуктов.

Сливенская губ. дает еще более яркую картину значительной обеспеченности горожан землей и существования развитого сельского хозяйства. Среднее обеспечение землей видно из табл. 18.

ТАБЛИЦА 18

Город	В среднем джолюмов на двор	
	земли обрабаты- ваемые	земли животновод- ческого назначения
Айдос	64,4	59,8
Карнобат	48,6	21,9
Бургас	48,0	58,6
Ахиоло	25,3	4,4
Ямбол	16,6	13,2
Кизил Индже	6,6	17,9
Сливен	4,6	2,0
Месемврия	Нет сведений	Нет сведений

В указанных городах высокая средняя обеспеченность горожан землей объяснялась развитием хлебопашества, садоводства, виноградарства и огородничества.

Развитию хлебопашества в Айдосе способствовала равнинная местность, прилегавшая к городу. Здесь возделывались преимущественно зерновые культуры (главным образом пшеница, меньше рожь, ячмень, кукуруза). Виноградников было мало, и жители вино покупали.

Жители Карнобата больше занимались садоводством, хотя и сеяли пшеницу, овес, кукурузу, ячмень. Переписчик отметил: «Жители Карнобата... для обработки поля не держатся никакой системы, а сеют на тех же полях, что попало»¹³², чем засвидетельствовал отсталый характер зернового хозяйства горожан.

Садоводство было развито в Бургасе. В отношении этого города мы располагаем интересными данными. Здесь почти всей са-

довой землей владел греческий подданный Иван Христопуло (сад в 214 дюлюмов). У остальных жителей были небольшие сады.

В других городах было сильно развито виноградарство. Так, в Сливене возделывание винограда преобладало над хлебопашеством. Количество земли под виноградниками в 23 с лишним раза превышало размер пашни. Историк Сливена говорил, что в городе «не было дома без виноградника»¹³³.

В Ямболе количество земли под виноградниками составляло несколько больше половины всей пахотной земли. Виноградарство было в той или другой степени распространено и в других городах губернии.

Что касается характера виноградарства, он, по-видимому, не был одинаков. С. Табаков утверждает, что производство вина в Сливене носило чисто потребительский характер и если продавали, то только излишки вина. Но он же говорит и об очень крупных виноградниках, которыми владели богатые горожане, и о том, что «лишнее» вино продавали по недорогой цене. Один документ позволяет внести некоторую ясность в данный вопрос. Мы имеем в виду налоговую ведомость по учету собранного болгарскими Сливена в 1861 г. винограда. Она показывает, что винограда было собрано 2 201 478 кг¹³⁴. Если учесть, что сюда не вошло количество винограда, потребленного производителями, что показанное количество занижено для уменьшения размера десятины, что эта цифра включает виноград, подлежащий налогу только болгарского населения, а для получения общего сбора надо было бы прибавить виноград, снятый горожанами других этнических групп, очевиден большой размах виноградарства в Сливене. Это самая крупная, преобладающая отрасль хозяйства горожан. Нам представляется, что буржуазный историк преуменьшал торговый характер виноградарства и виноделия.

Очень важной отраслью хозяйства в этой губернии было скотоводство, особенно разведение овец и коз. Ни в одном из рассмотренных ранее городов мы не встречаем столько мелкого скота: 21,3 головы на дом в Айдосе, 16,4 — в Кизил Инджи, 9,5 — в Бургасе, 6,9 — в Карнобате. Шерсть от скота шла как на домашнюю переработку, так и на продажу. О значении этой отрасли хозяйства переписчик сообщал:

«Главный промысел жителей г. Карнобата заключается в торговле пшеницью и шерстью, которые они сбывают теперь в г. Сливно, а прежде сбывали в г. Бургас пшеницу, а шерсть в три пункта: Котел, Сливно и Бургас»¹³⁵.

Кое-где был значительно развит торговый извоз (кирад-жилък). Об этом свидетельствует наличие большого числа лошадей в Кизил Инджи и Сливене. Наличие тяглового скота близко к средним нормам.

Все сказанное свидетельствует о том, что и в южноболгарских городах было весьма развито сельское хозяйство.

ТАБЛИЦА 19

Город	В среднем дюлюмов на двор		Город	В среднем дюлюмов на двор	
	земли обрабатываемые	земли животноводческого назначения		земли обрабатываемые	земли животноводческого назначения
Радомир	59,5	55,3	Пирдоп	5,1	9,5
Тетевен	32,6	73,4	Джумай	3,3	0,6
Брезник	19,0	10,5	Кюстендил	3,0	0,8
Орхание	16,9	5,0	Самоков	0,7	25,5
Дунища	11,3	5,2	Ихтиман	Нет числа дворов	Нет числа дворов
Златица	8,0	58,8	София	Нет данных	Нет данных
Этрополь	6,6	30,9			

Города последней Софийской губ. характеризуются следующим средним количеством земли на двор (табл. 19).

Таким образом, примерно половина городов Софийской губ. располагала сравнительно небольшим количеством земли, тогда как другая была в среднем обеспечена хорошо или достаточно.

В городах этой зоны, как показывают данные о распределении земель по угодьям, преобладало зерновое хозяйство. Под виноградом были заняты значительные площади только в Дунище. В некоторых местах имелись большие сады (Радомир, Тетевен). Ряд городов владел крупными лесными угодьями (Тетевен, Ихтиман, Пирдоп, Этрополь). Наличие значительных лесов в некоторых казах Софийской губ. отмечают и иностранные источники¹³⁶.

Что касается обеспеченности горожан рабочим скотом, можно выделить четыре города, где рабочего скота было более или менее достаточно. Это Тетевен (3,1 головы на двор), Радомир (1,0), Златица и Этрополь (по 0,9). Во всех остальных городах количество рабочего скота было значительно ниже. Меньше всего голов рабочего скота на двор было в Джумае (0,06).

В ряде пунктов было развито разведение мелкого рогатого скота (овцы, козы). Выделяется следующая группа городов с относительно большим количеством скота: Тетевен (14,7 головы на двор), Брезник (13,3), Радомир (12,3), Пирдоп (5,8). В прочих число это колеблется от 3,2 (Этрополь) до 0,3 (Самоков).

Рассмотренные данные свидетельствуют о том, что в городской экономике удельный вес сельского хозяйства занимал важное место. Подтверждают эти выводы и косвенные данные. Давно опубликованные, но мало использованные в литературе «Таблицы генерального штаба» содержат важные сведения о налоговом обложении городов. В частности, там приведены суммы десятины

(ашар) и подоходного налога с имущества (верги), уплачивавшиеся горожанами. По этим данным оказывается, что из 34 учтенных «Таблицами» городов для 25, т. е. для 73% всех городов, основным налогом являлась десятина. Иначе говоря, в отношении налогового обложения они не отличались от сельских населенных пунктов. Были города (Разград, Враца), где налог взимался только в виде десятины, в 11 случаях размер десятины превышает сумму подоходного налога, в 12 случаях десятина составляет более половины налога. Приведенные сведения особенно показательны, потому что они носят массовый характер. В «Таблицах» указаны налоги не по казе в целом¹³⁷, а только для города.

Все данные, приведенные выше, показывают наличие значительного количества обрабатываемой земли в руках горожан. В 21 городе приходилось (в среднем) на двор до 10 дюлюмов, т. е. до 1 га, а в 27 — от 10 до 50 (иногда и выше) дюлюмов, т. е. от 1 до 5 га на двор. А показание переписи о крестьянском землевладении по Варненской губ. показывает, что в 11% сел на двор приходилось до 20 дюлюмов, в 69% — 21—80 и в 19% — 80—500. В Руцукской губ. надел в 5—10 дюлюмов имели жители 6% сел, 11—80—80% сел¹³⁸. Выборочный подсчет по 15 селам Софийской губ. (Тетевенский и Орханийский районы) дает такие итоги: до 10 дюлюмов на двор — 3 села, 10—20—10 сел, свыше 20 дюлюмов — 2 села. Таким образом, обеспечение горожан землей, хотя и было несколько ниже, чем у крестьян, не так уж значительно отличалось от последнего. Это и создавало для горожан возможность заниматься сельским хозяйством, так широко распространенным в городах, а иногда составлявшим и основное или одно из основных их занятий.

Данные переписи не дают сведений о динамике развития сельского хозяйства ни в годы войны, ни тем более на большем отрезке времени. Нет возможности определить, какая часть городского населения была связана с сельскохозяйственными занятиями.

При всем том факт большого значения сельского хозяйства в экономической жизни города вряд ли может быть оспорен.

Ремесло и промышленность

Рассматриваемая нами перепись — важный источник для изучения аграрных отношений в Болгарии и для ознакомления с аграрными занятиями горожан и с их землевладением. Но, конечно, было бы неверно и односторонне охарактеризовать болгарский город 1879 г. как исключительно аграрное поселение. Наш источник осветил и другие стороны городской экономики. Надо говорить, что в отношении торговли и ремесленно-промышленного производства данные переписи более суммарны и скудны, чем

в отношении сельского хозяйства. Однако попытаться на их основе выяснить, что дает перепись для характеристики других, кроме сельского хозяйства, занятий горожан представляет определенный интерес, так как иного источника, дающего характеристику торгово-промышленной деятельности жителей столь многих городов и относящегося к одному и тому же времени, до сих пор не было обнаружено.

Мы не предполагаем дать исчерпывающую характеристику городских ремесел и промышленности, так как не все необходимые для этого материалы нам доступны. В основном в своих выводах мы будем опираться на данные переписи.

Предварительно приведем некоторые соображения о системе учета промышленных предприятий. Он ведется по следующим категориям: лавки, фабрики, заводы; кузницы, мельницы, хлебопекарни, заезжие двory, склады и т. п. Требуют некоторых комментариев три первых термина. Переписчики использовали русское понятие: лавка — место торговли — для обозначения и лавок, так как такие существовали в болгарских городах, и дюкянов — заведений, в которых товар не только продавался, но и производился. Расчленить собственно лавки и дюкяны не представляется возможным. Во всяком случае несомненно, что термин «лавка» в основном обозначает заведения торговые и ремесленные. Может он обозначать и предприятия типа рассеянной мануфактуры, но выделить их из числа ремесленных мастерских невозможно.

Что касается терминов «фабрика» и «завод», они могут иметь разное значение: это или централизованная мануфактура, или фабрика в собственном смысле этого слова, может быть даже и крупная ремесленная мастерская. Во всяком случае сами термины указывают на наличие специального производственного помещения, на наличие работающих там рабочих. К сожалению, ничего нельзя сказать ни о технической вооруженности предприятия, ни о размерах его, ни о внутренней организации производственного процесса. Надо отметить, что и в русской статистике этого времени не было выработанного и точного содержания понятия «фабрика».

В. И. Ленин писал: «У нас в официальной статистике и в литературе вообще под фабрикой разумеют всякое более или менее крупное промышленное заведение с более или менее значительным числом наемных рабочих»¹³⁹.

Только в 90-х годах XIX в. была предпринята попытка определить содержание данного термина следующими признаками: предприятие, имеющее не менее 15 рабочих, паровой котел или другие двигатели, машины и «фабричные устройства»; предусматривалось также подчинение предприятия надзору фабричной инспекции¹⁴⁰. В инструкции переписчикам, производившим перепись, никакого указания о том, что считать фабрикой, не имеется.

Во всяком случае остается вопрос, в какой мере возможно все, что переписчики обозначают этим словом, принимать за действительную фабрику.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что слово «завод» иногда применяется слишком свободно. Встречается, например, такая формулировка — «завод шелковых червей». При проверке другими данными выясняется, что речь идет о «шелкомоточной фабрике». В другом случае переписчик отметил наличие 13 суконных фабрик (г. Котел), но добавил, «собственно говоря, это не фабрика, потому что в эту мастерскую жители приносят уже готовое сукно лишь для приведения его в более плотный вид»¹⁴¹. Дальше описывается обычная тепавица — заведение ремесленного, а не фабричного типа.

Поэтому мы позволим себе по ходу изложения высказать некоторые соображения относительно того, что имеет в виду переписчик в том или другом случае. В то же время мы понимаем, что последующее исследование состава и характера предприятий каждого города может внести изменения в наши предположения.

И в болгарской научной литературе, равно как и в источниках, также не существует точной терминологии и не имеется правильного в научном отношении учета мануфактур и фабрик.

Если в специальных монографиях (Х. Гандева, Н. Тодорова и др.)¹⁴² дается точный и убедительный анализ характера конкретного предприятия, то в общих работах отдельные предприятия нередко относятся в ту или иную группу не в результате анализа их характера, а по тому, как их именует источник.

Имея в виду все изложенное, рассмотрим сообщения переписки. Для Видинской губ. не по всем городам имеются сведения переписки. В частности, отсутствуют данные, касающиеся Видина и Кулы. Записи о прочих населенных пунктах рисуют следующую картину.

В Белоградчике отмечено наличие 37 лавок, 9 кузниц, 4 мельниц; в Лом Паланке — 528 лавок¹⁴³, в Берковице — 14 хлебопекарен, 11 заезжих дворов (ханов), 13 мельниц; во Враце — лавок 436, табачных фабрик 3¹⁴⁴, кузниц 12, мельниц 9; в Рахове — лавок 90, пекарен 7, фабрик 7, хлебных складов 48.

По другим данным выясняется, что в городах Лом, Враца, Видин не существовало развитого ремесленного производства, работавшего на широкий рынок. Так, в Ломе имелся ряд цехов, но крайне малочисленных¹⁴⁵. Во Враце только кожевники продавали свою продукцию посторонним торговцам¹⁴⁶. Указанные данные подчеркивают наличие мелкого ремесленного производства в этих пунктах.

Рассматривая приведенные данные, следует сказать, что когда речь идет о фабриках, то в одном случае мы знаем, что имеются в виду табачные предприятия, в другом — род производства не указан.

Французский консул в отчете за 1876 г. характеризует Рахово как «порт, в котором хлебная торговля довольно значительна»¹⁴⁷, но ни о каких промышленных предприятиях не упоминает. Не оспаривая количество заведений, полагаем, что речь идет о предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, скорее всего (в связи с характером торговли) винокуренных.

Главный город Руцукской губ. Русе имел, по данным переписи, 1830 лавок и магазинов. Здесь наряду с лавками-дюкьями отмечены и магазины, т. е. более крупные торговые предприятия и, как можно думать, исходя из русского значения этого слова, являвшиеся учреждениями чисто торговыми. Ничего другого перепись не отметила, в частности, ранее существовавших скотобоен. Нет указаний на них и в описаниях других городов.

Хотя историк Разграда, останавливающийся на экономике города, утверждает, что «Разград в турецкое время был исключительно земледельческим городом»¹⁴⁸, перепись отмечает здесь существование казенного селитренного завода. Он описан в литературе. И из описания¹⁴⁹ ясен мануфактурный характер этого производства. Кроме того, в городе было 2 склада оружия, 2 винокуренных завода¹⁵⁰, 275 лавок, 30 кузниц, 6 мельниц и 4 хлебных магазина, из которых 2 было расположено в самом городе и 2 на железнодорожной станции.

В Свищове имелись 503 лавки, 15 кузниц, 1 мельница; в Никополе — 218 лавок и 7 водяных мельниц; в Плевене — 500 лавок и 22 мельницы; в Эски Джумае — 280 лавок, которые переписчик охарактеризовал как «мелочные», 19 хлебопекарен, 17 кузниц, 3 мельницы, в Тутракане — 267 лавок, 12 кузниц, 15 мельниц.

Таким образом, промышленным центром в Руцукской губ. можно считать только Разград, все же остальные города являлись, по данным переписи, ремесленно-торговыми пунктами.

Интересно отметить что перепись ничего не говорит о знаменитой ярмарке, открывавшейся обычно 23 апреля и продолжавшейся неделю в Эски Джумае, т. е. как раз в период, когда проводилась перепись. Ее оборот — 10—15 млн. левов, как его определяет мемуарист¹⁵¹. Обычно большой наплыв торговцев из разных пунктов Руцукской губ., а также из всей придунайской части страны и даже Софии, Сливена, Константинополя, придавал ярмарке важное значение. Видимо, перепись не говорит о ярмарке потому, что она во время войны и в ближайшее после нее время не действовала.

В главном городе Тырновской губ. Тырнове отмечены следующие предприятия: паровая мельница — 1, водочные заводы — 2, красильный завод — 1, кожевенные заводы — 15, заводы шелковых червей — 2, водяные мельницы — 5, лавки — 680. Интересно, что перепись не упоминает табачной фабрики Славчо Хаджипаскалева¹⁵². Может быть, ко времени составления переписи она прекратила свое существование?

В Горной Ряховице имелось 8 вакуфных лавок; в Осман Базаре — 125 лавок, 20 кузниц, 8 мельниц; в Елене — лавок 120, особо отмечено наличие 7 цыганских лавок, 16 мельниц; в Ловче — 472 лавки (по сведениям Канитца от 1871 г. здесь было 600 дюкянов и мастерских¹⁵³), 4 водяных мельницы, 1 хлебный магазин; в Севлиеве отмечено 368 лавок; в Дрянове — 156 лавок, 14 кузниц, 16 мельниц. По Габрову сведений не имеется.

Переписчик сделал примечания, которые оттеняют некоторые черты городского производства. Подробно рассказав о сельскохозяйственных занятиях жителей Ловчи, он добавил: «...город ничем не славится». Полагаем, что переписчик хотел указать тем самым на отсутствие какого-либо особого (кроме сельскохозяйственного и ремесленного¹⁵⁴) городского производства, составляющего его специфику. В отношении Елены он отметил, что жители делают вино и продают в соседние города, в частности в Севлиево. Это интересно потому, что, несмотря на значительное количество лавок и ремесленников в городах, переписчик подчеркивает аграрный в основном характер этих населенных пунктов.

Интересно замечание переписчика о Севлиеве, который «славится выделкой кож». Но, как видно из цифровых данных, здесь никаких значительных предприятий не было. Значит, кожевенным делом занимались в Севлиеве ремесленники.

Таким образом, из всех городов губернии собственно городом, т. е. населенным пунктом, имеющим черты значительного индустриального развития, можно назвать только Тырново. Однако необходимы некоторые замечания. Из литературы известно о создании в Тырнове в начале 60-х годов итальянским капиталом шелковой фабрики, которая перешла затем в руки болгарина С. Карагьозова. На фабрике был паровой котел, паровая машина, прядильные итальянские машины, на ней работало 300 рабочих¹⁵⁵. Вероятно, один из «заводов шелковых червей», указанных переписью, и есть именно эта шелкомотальная фабрика.

В известной нам переписке торговых фирм, тырновские кожевники определяются словами табаца, табашки еснаф¹⁵⁶, что свидетельствует о ремесленном характере производства. Может быть, в данном случае речь идет о более крупных мастерских или мануфактурах? Решить это за отсутствием данных мы не можем.

Что касается водочных заводов, то в торговой переписке один из них назван «фабрикой»¹⁵⁷. Вероятно, это спирто-водочный завод С. Карагьозова. Известно, что он производил в день 256 литров спирта, а сама технология винокурения требует определенного оборудования. Очевидно, речь идет о настоящем промышленном предприятии.

О Габрове существует достаточная и серьезная литература. Не пересказывая ее содержания, укажем лишь, что она отмечает широкое распространение в городе домашнего ремесла. Было ши-

роко развито домашнее производство тканей. Как и в других пунктах, оно всецело находилось в руках женщин, которые пряли, ткали, окрашивали ткани из шерсти, хлопка, конопли, шелка. Орудиями труда были прялки, самопрялки (чекрък), ткацкие станы и т. п., сделанные местными ремесленниками. Продукция домашнего ремесла шла не только на собственные нужды, но и на продажу¹⁵⁸.

В городе существовало цеховое и отчасти внецеховое ремесло многих специальностей. Во всяком случае точных данных о наличии цеховых объединений во всех отраслях ремесла не имеется. Особенно развиты были обработка металла, сукноделие (абаджийство), производство гайтана, переработка козьей шерсти, производство шелка, красильное, гончарное, мыльно-свечное, деревообделочное, швейное, сапожное и некоторые другие виды ремесла.

В литературе отмечено, что в 1876 г. в Габрове была создана мыловаренная фабрика, действовавшая полтора года. Владелец (С. Султанов) закрыл ее, уходя в болгарское ополчение, а во время его отсутствия фабрика сгорела¹⁵⁹. О наличии каких-либо других крупных предприятий в городе данных нет.

Прочие города, по данным переписи, мало отличаются от больших ремесленных и торговых сел — таких, как Котел, Врбица и др.

Многие города Варненской губ. являлись крупными торговыми центрами. К ним принадлежала сама Варна, а также Провадия, Силистрия, где велась значительная хлебная торговля. Важным торговым пунктом была и Шумла (Шумен).

Промышленное развитие городов характеризуется следующими данными.

Варну трудно охарактеризовать, так как самая важная графа переписи дана переписчиком в суммарном виде. В документе сказано: магазины, мануфактуры и конторы — иностранных 12, болгарских 8, греческих 46, турецких 96, всего 162. Сколько же было мануфактур — остается неизвестным. Мелочных лавок, в том числе дюкянов, указано 938. Дана их национальная принадлежность: болгарских лавок — 1, еврейских — 3, греческих — 149, турецких — 785. Отмечено наличие 6 гостиниц, 18 постоянных дворов, т. е. ханов. Много питейных заведений — 161, из которых 90 болгарских, а остальные греческие; 157 турецких кофеен, 34 локанты (харчевни) — главным образом турецкие, 46 пекарен — преимущественно греческих и турецких. Наконец, 1 паровая мельница, принадлежавшая городу. Водяные же мельницы горожан (всего 54) находились за чертой города.

Приведенные сведения вполне увязываются с данными, опубликованными Н. Тодоровым, относительно многочисленности видов ремесла, существовавшего в Варне. Очень важно наблюдение Тодорова, что здесь имелось большое количество ремесленных под-

мастерий, много лет работавших у мастера и являвшихся по существу наемными рабочими. В связи с этим Тодоров отмечает зародыши капиталистической эксплуатации¹⁶⁰. Но это же обстоятельство, по-видимому, свидетельствует и о том, что ремесленники Варны обслуживали в основном местный рынок, не открывавший возможностей для возникновения новых самостоятельных мастерских. Интересно также, что в Варне имела место концентрация собственности на дюкяны в руках небольшого числа лиц, принадлежавших к имущим горожанам, которые сдавали их внаем товаропроизводителям. Может быть, это создавало дополнительные трудности для заведения собственной мастерской?

В Провадии имелось 3 винокуренных завода, 2 табачные фабрики, 355 лавок, 3 кузницы и 4 водяные мельницы.

В Шумле концентрировалась заметная группа промышленных предприятий. Отмечено: 10 табачных фабрик, 8 винокуренных и 1 пивной завод, 150 кожевенных фабрик. Вероятнее всего, термин «фабрика» употреблен не везде с особым основанием. Скорее, речь идет чаще о кожевенных мастерских, чем о фабриках в точном смысле этого слова. Может быть, какая-то часть этих «фабрик» представляла собою мануфактуры. Но все ли?

Далее указано: 1 паровая мельница, 11 водяных, 3 ветряных и 1500 лавок. В последнее число переписчик включил также мельницы и питейные заведения. Склады, отмечаемые другими переписчиками, здесь не указаны, хотя они сохранились до сих пор. В литературе говорится о большом развитии наряду с ремеслом¹⁶¹ домашнего производства, но перепись об этом не говорит.

В Балчике не отмечено наличие ремесла. Указано 4 водочных завода, 1 ручная лесопилка, 2 хлебопекарни, 6 гостиниц, 2 кофейни. Оговорено наличие хлебного склада и в прошлом большой хлебной торговли.

Пазарджик не имел предприятий, кроме 3 винокурен. Ремесло и торговля, как и в большинстве городов, были достаточно развиты. Имелось 560 действовавших лавок и 172 закрытых. Кроме того, отмечено 15 кузниц и 8 ветряных мельниц.

В Силистрии не было крупных предприятий. Указано 556 лавок и особо оговорено еще наличие 230 вакуфных, имелись 24 водяная мельница, 6 ветряных, 5 гостиниц.

В Козлудже учтено 19 лавок (9 бакалейных и по 5 с красным товаром — мануфактурой и др.), 6 питейных заведений, 5 кофейен, 5 кузниц, 2 постоянных двора, 2 ветряных мельницы.

По Каварне сведений не имеется.

Переходим к Сливенской губ.

Портовый город Бургас был не только крупным торговым центром. Перепись отметила в нем: 10 водочных заводов, 1 пивоваренный, 2 табачные фабрики, 300 лавок, 18 пекарен, 5 кузниц, 5 ветряных мельниц, 11 с конным приводом. Кроме того, отмечено 15 питейных заведений, 14 гостиниц — некоторые с ресторана-

ми, 15 постоянных дворов. Как и во всех предыдущих случаях, никаких подробностей об этих предприятиях не сообщено.

Сливен известен как город первой текстильной фабрики в Болгарии, основанной еще в середине 30-х годов XIX в. Отобранная вскоре у ее основателя Д. Желязкова, фабрика стала казенной. По описанию Канитца, в 1872 г. на фабрике работало 330 рабочих; она была оборудована различными машинами¹⁶², а изготавливала шерстяные ткани. Вторая фабрика, основанная на компанейских началах (Сарчивано, Кювлиев и Попович), была открыта в 1870 г. Перепись указывала одну суконную фабрику и отмечала, что она «в настоящее время на ходу». Другая, очевидно, не работала. Кроме того, учтено 40 трепальных фабрик (но были ли они действительно фабриками?), 6 водочных заводов, 414 лавок, 60 водяных мельниц и 227 питейных заведений.

Имея в виду наличие двух фабрик в полном смысле этого слова, историк Сливена писал: «Сливен занимал первое место как в домашней промышленности, так и в фабричном производстве до освобождения»¹⁶³. Он же дает красочное описание домашнего производства. «До освобождения всякий сливенский дом представлял из себя *малую фабрику* (курсив автора). Мужчина бедный или средней руки по характеру своей работы в качестве ремесленника, торговца, винодела, рабочего и т. д. смотрел прочь от дома, а его жена вместе с дочерьми, матерью или свекровью занимались домашней промышленностью и оплачивались поденной платой за изготовление основы, плаща или шаяка (шерстяная ткань.—С. Н.) или за тканье полотна или изготавливала это для семейных нужд»¹⁶⁴.

Вряд ли надо много говорить о том, что автор смешал воедино разные вещи. Для нас существенно, что наряду с производством для нужд семьи он отмечает и наличие домашнего ремесла — рассеянной мануфактуры. К сожалению, не только наш источник, но и обстоятельное описание различных производств цитированным автором не позволяют установить, что же было более развито в городе — производство ремесленного или мануфактурного типа. Несомненно во всяком случае, что работа на дому имела широкое распространение. И нам представляется вероятным, что отмеченные выше трепальные «фабрики» представляли собой специализированные мастерские, где производилась эта обязательная для последующей переработки шерсти процедура.

Карнобат не имел, как видно из наших данных, промышленных предприятий. Здесь отмечено 140 лавок, 3 кузницы, 6 мельниц, 1 ресторан. Перепись характеризует его как торговый город. Жители Карнобата торговали хлебом и шерстью, «которые сбывают теперь в г. Сливно». Прежде они вели более широкую торговлю. В Ахиало находилась табачная фабрика, 190 лавок, 1 кузница, 18 мельниц; в Месемврии — 70 лавок и 5 мельниц; в Квизил Инджи — 9 лавок и 4 мельницы.

Главный город Филиппопольской губ. Филиппополь (Пловдив)

был крупным торговым и промышленным центром. Его торговый оборот составлял около 30 млн. франков в год¹⁶⁵. Перепись указывает наличие в нем 1 паровой мельницы, 3 полотняных фабрик, 1 табачной фабрики, 1404 лавок, 37 хлебопекарен, 15 кузниц, 20 водяных мльниц и 1 бойни. С. Шишков отмечает наличие в Пловдиве в период от Крымской войны до освобождения свыше 50 ремесленных производств и около 600 ремесленных мастерских¹⁶⁶. Если эти цифры верны, то наряду с 600 ремесленными мастерскими в городе существовало около 800 торговых заведений. Но даже если это соотношение не очень точно, приводимое переписью количество лавок свидетельствует о широком развитии ремесла и торговли. Отмеченные переписью фабрики названным автором не указываются.

Станимака была менее развита в промышленном отношении. Здесь учтено: 2 табачные фабрики, 1 пивоваренный завод, 383 лавки, 37 хлебопекарен, 11 мельниц, 22 кузницы, 1 бойня. Современный историк этого города упоминает только созданную в 1876 г. бумажную фабрику¹⁶⁷ и чем перепись не говорит. Может быть, она прекратила свою деятельность в период войны? О пивном заводе Хайтову известно, но дата его создания не установлена. Интересны сведения о табачных «фабриках». Хайтов указывает, что они возникли в 1855 г. и занимались резкой табака и упаковкой¹⁶⁸. Нам представляется это сообщение, опирающееся на местные источники, очень существенным. Оно показывает, что обозначение «фабрика» употреблено в данном случае вполне условно к производственному предприятию совсем не фабричного типа. Здесь применялось только приспособление для резки табака (хаван). Если упоминаемые в других городах табачные фабрики были такими же, как в Станимаке, то из числа фабричных предприятий, отмеченных нами на основании переписи, они должны быть исключены. Что касается ремесел, то здесь были развиты портняжное, сапожное в различных разновидностях (папукчии, цървуладжии и др.). Благодаря производству вина существовало бочарное ремесло, различные деревообрабатывающие промыслы, в частности изготовление «диканов» — приспособлений для мотыбы и др.

Интересно замечание историка Станимаки относительно мельниц. Он отмечает, что их охотно заводили чорбаджии, так как мельницы не требовали особых забот, но приносили постоянный и значительный доход¹⁶⁹.

Эски Загра сильно пострадала от войны. Переписчик писал: «После того как просвещенный Сулейман погостил в городе, Эски Загра представляет груды камней». Город являлся центром важного сельскохозяйственного округа и был торгово-сельскохозяйственным. В период проведения переписи здесь имелось 259 лавок, 213 лавок для продажи вина и 8 кузниц. Ремесленное производство города сильно пострадало во время войны. По сведениям пере-

писчика, здесь «лавок и духанов (среднее между русским кабачком и трактиром, с добавлением кофе) было около 2500 со средним оборотом около 12 миллионов руб.»¹⁷⁰

Кроме того, как говорит переписчик, до войны была фабрика шелковых ниток, принадлежавшая французу Бунал и имевшая средний годовой оборот до 250 тыс. руб. Имелось 3 кожевенных завода, 1 мыловаренный и около 800 винокуренных.

Татар Пазарджик не был промышленным центром. Здесь имелось всего 125 лавок, 8 кузниц и 2 мельницы.

Казанлык также не был промышленным центром, здесь имелось лавок и других торговых заведений — 267, 10 кузниц, 1 мастерская для исправления ружей и 78 питейных заведений.

В Софии существовал 1 пивоваренный завод и 1200 лавок; в Пирдопе — 3 тепавицы, т. е. сукновальни, 266 чарков.

Только переписчик Софийской губ. говорит о чарках. Можно подумать, что вместо обычно указываемого числа мастерских переписчик отметил количество применявшихся в данном ремесле приспособлений. В другом случае указано число даракров (устройств для чесания шерсти). И переписчик в данном случае пояснил: «Это такая машина, которая расчесывает шерсть и делает ее совершенно чистой»¹⁷¹. Однако в описании г. Златицы также говорится о чарках, но там переписчик дал пояснение к слову чарк: «фабрика, где готовят шнуры в $\frac{1}{3}$ толщины пальца». Возможно, что в описаниях Пирдопы и Златицы переписчик имеет в виду не одно и то же. Это лишний раз показывает неясность терминов, встречающихся в переписи. Назначение мастерских (чарков) не указано; возможно, на них готовили гайтан, а может быть, и шерстяные ткани. Имелся в Пирдопе еще один дарак. Кроме того, названо 32 лавки, 5 кузниц и 12 мельниц. Данное описание убедительно показывает ремесленный характер производства в Пирдопе.

В Златице переписчик отметил 4 чарка. Как уже указано, он имел в виду мастерские. Кроме того, в городе было 16 лавок, 12 мельниц и 5 кузниц.

В Этрополе отмечено 96 лавок, 5 кузниц, 13 мельниц. Не было также никаких промышленных предприятий в Радомире. Здесь отмечено 30 мелочных лавок, 13 водяных мельниц, 3 кузницы, 34 кабака. Имелось в городе 30 хлебных магазинов. Радомир был торговым пунктом, где два раза в неделю (среда и пятница) происходили базары, на которые приходили жители окрестных сел. В Радомире велась торговля хлебом и скотом, но размеры ее не были велики. Переписчик отмечал: «Обороты здесь совершаются незначительные». В то же время крупная торговля овцами находилась в руках болгарина Ионыча из с. Одраницы, который вел торговлю «в громадном размере», гоня скот в В. Румелию и Татар Пазарджик. Шерстью в Радомире не торговали вовсе. Торгов-

ля находилась главным образом в руках евреев, греков и в меньшей степени болгар¹⁷².

В Дупнице, как указывает перепись, имелось 4 кожевенных завода, 422 лавки, 20 мельниц, 23 кузницы. Но как и в других случаях, характер этих кожевенных «заводов» определить невозможно.

Самоков был важным производственным центром. Широко известно о производстве здесь железа. Перепись отмечает 4 железо-плавильных завода. Кроме того, здесь, как и во всех других городах, имелись лавки — 663 (в литературе указывается на наличие здесь абаджийского и кожевенного производства), водяные мельницы — 24, кузницы — 12.

Опубликованные несколько лет назад, составленные почти одновременно с переписью, сведения о населении Самокова позволяют сделать некоторые сопоставления. По этим сведениям, в городе имелось 3 фабриканта (болгарин и 2 турка)¹⁷³. Очевидно, речь идет о владельцах, указанных в переписи железо-плавильных заводов. Упоминание в названных сведениях о населении многочисленных ремесленных специальностей корреспондирует со значительным для небольшого города числом лавок-дюкянов. Видно, что переписчик Самокова привел неполные сведения, в частности, здесь нет данных о разного рода питейных заведениях, трактирах (механа) и др., наличие которых подтверждается профессиями жителей.

Что касается указанных железо-плавильных заводов, то на них занимались выплавкой железа, изготовлением гвоздей, круглого, полосового и листового железа. Переписчик отмечает низкий технический уровень производства, в результате чего половина руды не выплавлялась и выбрасывалась¹⁷⁴. Ни одно предприятие не могло изготовлять крупные предметы, например сделать ось к лафету. Об организации производственного процесса не сказано ничего.

Приведенные сведения о характере и уровне железо-плавильного производства заставляют сомневаться в том, что описываемое переписчиком производство кричного железа происходило на «значительных промышленных предприятиях», как называет самоковские маданы более раннего времени акад. Д. Косев¹⁷⁵. Поскольку плавка совершалась на древесном угле, домницы не могли быть большими. В том, что самоковские маданы и видни были невелики, убеждают и сведения, приводимые К. Иречеком¹⁷⁶, указывающим, что 4 видни (это соответствует отмеченному в переписи числу «железо-плавильных заводов», поэтому считаем эти понятия тождественными), оставшиеся в Самокове из некогда существовавших десятков их, производят в год 25 тыс. ока, что в переводе составляет 32 500 кг, или по 8,1 тонны на каждую. Принимая же в расчет удельный вес железа (7,8), оказывается, что каждый агрегат давал всего немногим больше одного кубометра металла. Поэтому

приводимое в работе Е. Диловской¹⁷⁷ обозначение Самокова как «мелкоремесленного города» представляется соответствующим действительности в рассматриваемое время.

Это подтверждают и данные Семерджијева. Высота печи составляла всего 3—4 метра; печь обслуживали 3 производственных и 2 подсобных рабочих, при которых состоял писарь, ведший учет. Способ производства железа названный автор считает очень простым, а орудия — первобытными. Выход металла поэтому был невысок, и значительная часть руды превращалась в шлак.

Турецкий документ 1868 г. подтверждает приведенные соображения. Он в связи с вопросом о предоставлении привилегии на постройку домны (висока пещь) указывал, что самоковские «железоплавильные фабрики» из 360 ок руды выплавляют 90 ок железа, тогда как более современная печь, оборудованная дутьем (модерни мехове) даст то же количество железа из 220 ок руды¹⁷⁸. Техническая характеристика самоковской печи подкрепляет сказанное переписчиком об особенностях производства металла в Самокове.

Перепись показывает только остатки ранее более значительного самоковского железоделательного производства. Семерджијев указывает на разрушение печей и кузниц Самокова крестьянами соседних местностей как на причину невозможности возрождения производства после окончания войны¹⁷⁹. Очевидно, эти разрушения были произведены во время военных действий.

Описание Кюстендила интересно некоторой детализацией. Там сказано: лавок — 67 (как увидим ниже, здесь речь идет о торговых заведениях), красилен — 24, портняжных мастерских — 40, бондарных — 2, меховых (тулупных) — 37, сапожных — 28, столярных — 21, часовых — 3, ювелирных — 7.

Кроме того, отмечено 13 кузниц и 27 пекарен. Следовательно, в городе имелось 140 ремесленных мастерских, не считая 40 кузниц и пекарен. Эти цифры говорят об отсутствии в Кюстендиле крупного производства.

По-видимому, так дело обстояло и в Орхание. Здесь характер только одного предприятия может вызывать сомнение. Это лесопилка. Однако у нас нет оснований полагать, что она не была ручной. Кроме того, отмечено 68 лавок, 7 мельниц, 10 кузниц.

В Тетевене лесопилки встречаются в большем количестве — их 8. Кроме того, имелось 15 кожевенных мастерских, 21 лавка, 3 мельницы. В Джумае указан «завод для выделки шерсти». Имелась ли в виду шерстстрепальная мастерская или что-то другое, сказать трудно. Но состав остальных промышленных заведений, имевшихся в этом городе, не позволяет предполагать наличия крупного предприятия. В городе имелось 180 лавок, 13 мельниц, 10 кузниц и 24 постоянных двора (хана). По Ихтиману сведений не имеется.

Отдавая себе отчет в недостатках переписи — не раз об этом уже шла речь выше — автор все же полагает, что данные о ремес-

ленных, торговых и промышленных предприятиях позволяют сделать некоторые заключения.

Те немногие случаи, когда ремесленные и торговые заведения показаны раздельно, не позволяют расчленить эти две категории предприятий для всех пунктов. Мы вынуждены оперировать понятием «лавка», объединяющим ремесленные и торговые заведения. Несмотря на эту неприятную особенность, перепись дает богатый материал, свидетельствующий о том, что экономическая жизнь городов после окончания русско-турецкой войны должна быть охарактеризована не только наличием в них сельскохозяйственного производства, но и развитием ремесла и торговли, хотя города и продолжали оставаться важными сельскохозяйственными центрами. Из описанных переписью 45 городов (по 2 — сведений не имеется) 34, т. е. 75% из них, не имеют других промышленных предприятий, кроме ремесленных¹⁸⁰.

Сама констатация преобладания ремесла в производстве Болгарии этого времени не представляет ничего нового.

Русский консул в Филиппополе, болгарин по национальности, Н. Геров в 1872 г. писал: «Одной из отличительных черт домашнего быта у болгар может служить то, что у них все нужное для одояния и домашней утвари приготавливается у каждого в доме. Каждая болгарка должна знать прясть, ткать, вязать чулки и проч., чтобы самой изготовлять все нужное как для одежды всего семейства, так и для других домашних потребностей, как-то: постели, одеяла и проч., так что в сельских домах и большей части городских нет ничего или очень мало покупного. Только одна часть городского населения употребляет привозные изделия.

Но рукодельная промышленность у болгар не ограничивается приготовлением изделий только для домашнего употребления. Во многих местах Болгарии приготавливаются разные изделия, которые служат предметом торговли с Малой Азией, Египтом, Архипелагскими островами и княжествами Сербией и Румынией. Таковы сукно, изготовляемое в Сливно, в Родопских горах и в некоторых других местах, пиротские ковры, шнурки (гайтан) и чулки разных мест, габровские железные и стальные изделия и другие»¹⁸¹.

Признано широкое развитие ремесла в Болгарии и современными историками¹⁸².

И все же характеристика Герова чрезвычайно интересна. Она подчеркивает первостепенное значение ремесла как домашнего, так и в форме работы на широкий внутренний и граничный рынок. Геров, говоря о продуктах неремесленного происхождения, отмечает только импортные товары, употребляемые очень малой частью населения. Строки, принадлежащие компетентному свидетелю, даже не упоминают зарождающуюся в Болгарии крупную промышленность. Вероятно, причина этого заключается в том, что она была малоощутима болгарским потребителем. Нужды его, как

явствует из показания Герова, удовлетворялись ремеслом и в малой доле импортом.

Могут сказать, что этот вывод противоречит сведениям о кризисе ремесла после Крымской войны и что процитированные строки Герова представляют выражение этого кризиса и стремление укрепить ремесло. Пусть это так. Но все же вопрос о реальных размерах кризиса и о степени точности свидетельств болгарской константинопольской журналистики не может считаться во всех отношениях ясным. Когда речь идет об экономических процессах, данные публицистики требуют серьезной проверки. Совсем не отвергая отрицательного влияния иностранного ввоза на болгарское ремесло, думается, что вопрос о размерах и сфере кризиса, его динамике еще заслуживает специального изучения.

Цифры, даваемые переписью, показывают различия в промышленном развитии разных частей страны. Так, губернии Софийская, Русюкская являются районами преимущественно ремесленными, тогда как в других имеются в большем числе предприятия и иного характера.

Все изложенное дает — на первый взгляд — право характеризовать болгарский город как город мелкотоварного производства и рынок его как мелкотоварный. Однако такое определение не было бы вполне исчерпывающим. Оно справедливо для большинства болгарских городов; об этом говорят данные переписи. Но для ряда крупных городов необходимо другое определение. В таких городах, как Филиппополь, Сливен, Габрово и некоторых других, наряду с мелкотоварным производством, составлявшим основу экономики, несомненно широкое развитие *«домашней системы крупного производства...»*¹⁸³, или капиталистической работы на дому, как называл это В. И. Ленин¹⁸⁴. В тех же Филиппополе и Сливене существовали настоящие капиталистические фабрики. Таким образом, с точки зрения промышленного производства города Болгарии не были однородными, и если большинство их являлось центрами мелкотоварного ремесленного производства, *«капиталистической работы на дому»* и мануфактуры, наряду с ними имелись и такие, где начатки крупной машинной промышленности являлись несомненным фактом. Однако нельзя не отметить, что это были именно *начатки* промышленности. И не всегда они представляли собой крупные предприятия. В пору турецкого господства в Болгарии образование значительного капитала, могущего быть вложенным в производство, было крайне затруднено господствовавшей политической системой, а недостаток средств не позволял предпринимателям сразу придать производству широкие размеры. В этом отношении показательно обращение фабриканта шерстяных тканей И. Грозева к покупателям от июня 1871 г.: *«Поскольку материальные средства не позволяют мне выработать ткани, держать их на складе и ждать долгое время распродажи, надеюсь, что соотечественники порадуют*

меня заказами». Грозев обещает в кратчайшее время изготовить и выслать заказ — будет ли он малым или большим¹⁸⁵.

И все же независимо от размера производства сам факт наличия капиталистических фабрик имел очень большое значение.

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что населенные пункты, именуемые переписью вслед за турецкими официальными документами городами, далеко не всегда заслуживают этого наименования. Их социально-экономический характер различен. Все эти населенные пункты можно разделить на три группы: 1) населенные пункты, которые представляют чисто аграрные поселения со слабо развитым ремеслом, обслуживавшим местный рынок — Ловча, Белоградчик, Берковица, Лом; 2) города аграрно-ремесленные с производством не только на местный, но и на внегородской рынок; наконец, 3) города в социально-экономическом значении этого слова, т. е. торгово-промышленные центры с сохранившимися сельскохозяйственными занятиями жителей. К этой последней категории принадлежат Филиппополь, Сливен, Габрово.

Наш источник, позволяя наметить эти типы городов, все же сам по себе недостаточен для проведения полной классификации населенных пунктов, именуемых переписью городами. Для осуществления этой задачи необходимо дальнейшее сопоставление данных переписи и других источников. Автор надеется вернуться к этой задаче в другой работе.

Влияние войны на ремесло переписью не показывает. Но известное представление об этом получить можно. Перепись указывает в городах страны около 18 тыс. «лавок» (18 429). Имея в виду, что лавки в собственном смысле слова всюду, где они обозначены, гораздо малочисленнее дюкянов, и считая, что лавок было примерно $\frac{1}{4}$ всего учтенного числа, мы получим около 13,5 тыс. дюкянов. Если сообщаемые Г. Димитровым сведения о сожжении во время войны турками 2330 дюкянов верны¹⁸⁶, то убыль составляет всего примерно 17%. Если материальные потери ремесла сводятся только к этому, они не были велики и не могли оказать существенного на него влияния.

Сведения переписи о крупных предприятиях сбивчивы и неоднородны. Не вызывает сомнения, что крупными предприятиями были единственная суконная фабрика (Сливен), 4 паровых мельницы, 4 пивных завода, шелкомотальные фабрики. Винокуренные предприятия менее ясны. Многие определили бы данные об их размерах. Что же касается всех остальных «фабрик» и «заводов», то недостаток сведений переписи, в частности об организации производства, не дает возможности отделить мануфактуру от ремесленных мастерских и вкрапленных в массу этих предприятий единичных фабрик.

Хотя данные переписи о крупных предприятиях могут иметь значение в дальнейшем, сами по себе они недостаточный источник, как указывалось ранее. Использование их требует привлече-

ния других материалов, какими автор не располагает. Поэтому дать в настоящей работе картину состояния промышленности оказывается невозможным.

Перепись 1879 г. позволила нам указать на оставшееся до сих пор вне поля зрения историков большое значение сельского хозяйства в экономической жизни горожан. Она, хотя и путает исследователя своей обывательской терминологией, все же с несомненностью отмечает господство мелкотоварного производства. Она позволяет думать, что факты эти взаимозависимы, так как «...капитализм нигде не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли»¹⁸⁷. В целом данные переписи вполне подтверждают мнение Ж. Натана о том, что в Болгарии «до освобождения был налицо начальный процесс капиталистического развития»¹⁸⁸. Город, который мы рассмотрели на основе данных переписи, был городом раннекапиталистическим. Он был в массе своей мелкобуржуазным, так как: «Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие „мелкого буржуа“...»¹⁸⁹

¹ Ж. Натан. Стопанска история на България. София, 1957, стр. 148.

² Число авторов, говорящих о земледельческом характере города, невелико. См., например: А. И. Явашов. Разград, неговото археологическо и историческо минало, ч. 1. София, 1930, стр. 155.

³ Н. Тодоров. Социално-икономически облик на Варна през 60 и 70 години на XIX в. «Известия на Варненското археологическо дружество», кн. XIV. Варна, 1963; «Върху демографското състояние на Варна в средата на XIX век». «Известия на народния музей — Варна», кн. II (XVII). София, 1966; «К вопросу о городской бедноте в Шумене в середине XIX в.». В сб.: «Славянское возрождение». М., 1966.

⁴ Центральный государственный военно-исторический архив (далее — ЦГВИА).

⁵ ЦГВИА, ф. Военно-ученого архива (далее — ВУА), д. 8823, л. 10.

⁶ В. Тодоров-Хиндалов. Принос към българската история. I Видинско въстание и предшествувалите го събития. Новооткрити документи. «Годишник на народната библиотека в София за 1924—1925 година». София, 1926, стр. 182—183.

⁷ «Материалы для изучения Болгарии», ч. III, вып. V. Букурешт, 1877, стр. 100—275.

⁸ «Извори за Българската история», т. V. София, 1960.

⁹ Общую источниковедческую характеристику переписи см.: С. А. Никигин. Материалы русской аграрной переписи 1879 г. в Болгарии и их научное значение. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год». Кишинев, 1966.

¹⁰ В. Теллов. Материалы для статистики Болгарии, Фракии и Македонии. СПб., 1877, стр. XIII.

¹¹ Н. В. Михов. Населението на Турция и България през XVIII и XIX вв. «Сборник на Българската академия на науките», кн. IV, клон историко-филологичен и философско-обществен, 3. София, 1915.

¹² «Архив за поселищни проучвания», кн. II, година 1. София, 1938.

- ¹³ ЦГВИА, ф. 430, д. 204, л. 2 об.
- ¹⁴ Там же, д. 212, л. 4.
- ¹⁵ Там же, д. 7451, л. 78.
- ¹⁶ Сравнительно редкий случай передвижения населения с имуществом отмечен начальником Гирсовского округа, сообщавшим тульчинскому губернатору о наличии в его округе беженцев из Силистрии: «...они люди зажиточные, имеют достаточно скота и особых пособий от правительства не требуют... Все эти переселенцы, по заявлению их, ютятся в Гирсовском округе временно, и как только наши войска займут Силистрийский округ, так они уйдут на свои родные места» (ЦГВИА, ВУА, д. 32425, л. 41).
- ¹⁷ Там же, д. 8385, ч. 1, лл. 173—176.
- ¹⁸ Там же, д. 32677, лл. 49—50.
- ¹⁹ «Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—1879 гг., под ред. Н. Р. Овсяного (далее — «Сборник материалов...»), вып. 3. СПб., 1904, стр. 12.
- ²⁰ Там же, вып. 5. СПб., 1906, стр. 23.
- ²¹ ЦГВИА, ВУА, д. 7943.
- ²² «Сборник материалов...», вып. 5, стр. 199.
- ²³ Архив внешней политики России (далее — АВПР), ф. Канцелярия, 1878 г., д. 32, т. II, л. 265.
- ²⁴ ЦГВИА, ВУА, оп. 1, д. 31, лл. 323 и об.
- ²⁵ Там же, д. 7943, л. 155.
- ²⁶ «Сборник материалов...», вып. 5, стр. 27.
- ²⁷ Там же, стр. 193.
- ²⁸ ЦГВИА, ВУА, д. 8908, ч. 24, л. 35; д. 32774, л. 4; д. 8270, ч. 3, л. 19; Ломски окръжен архив, ф. Ломски градски съвет. Журнал на заседанията на градски съвет, 1878, лл. 11—12.
- ²⁹ ЦГВИА, ВУА, д. 32903, л. 13; д. 32936, л. 12.
- ³⁰ Там же, д. 7501, лл. 151—152.
- ³¹ Там же, д. 32639, л. 12.
- ³² Там же, д. 8270, ч. 3, л. 19.
- ³³ Там же, д. 9809, ч. 24, лл. 59—59 об.
- ³⁴ В. Теплов. Указ. соч., стр. 184.
- ³⁵ «Материалы для изучения Болгарии», ч. III, вып. V, стр. 142.
- ³⁶ В. Теплов. Указ. соч., стр. 179.
- ³⁷ Н. Михов. Указ. соч., стр. 291, 347 и др.
- ³⁸ М. Маджаров. Спомени. София, 1968, стр. 350.
- ³⁹ Н. Михов. Указ. соч., стр. 23, 212, 286. Число населения определяется в 5—6 тыс. человек. Цифра 15—20 тыс. (стр. 262) явно преувеличена.
- ⁴⁰ ЦГВИА, ф. 430, д. 214, л. 59.
- ⁴¹ Там же, л. 50.
- ⁴² И. Блъсков. Един достохвален и достопамятен пример от найвисока благотворителност на читалището «св. Архангел Михаил». В кн.: «Сто години народно читалище «Добри Войников» (Коларовград) 1856—1956». София, 1958, стр. 255.
- ⁴³ С. Табаков. История на град Сливен, т. II. София, 1924, стр. 319.
- ⁴⁴ ЦГВИА, ф. 430, д. 211.
- ⁴⁵ С. Табаков. Указ. соч., стр. 583.
- ⁴⁶ Н. Хайтов. Асеновград в миналото. София, 1965, стр. 206.
- ⁴⁷ Там же, стр. 207.
- ⁴⁸ ЦГВИА, ф. 430, д. 209.
- ⁴⁹ А. Илиев. Спомени. София, 1926, стр. 221.
- ⁵⁰ В соответствующей графе таблицы указаны турецкие дома. Кроме того, обычным условным обозначением (в числителе — дома, в знаменателе — люди) показаны помани.
- ⁵¹ Данные, приводимые Н. Миховым, указывают, что население Видина в разные годы XIX в. достигало 20—25 тыс. человек.

- ⁵² Эти данные почти совпадают с имеющимися в литературе сведениями, сообщаемыми путешественниками и турецкой статистикой, на которые ссылается историк г. Врацы Д. Йоцов, определяющий численность населения до освобождения в 13—13,5 тыс. человек, из которых 11 тыс. составляли болгары.
- ⁵³ По данным Михова — 3—6 тыс. человек (указ. соч., стр. 134 и др.).
- ⁵⁴ По данным Михова — 5—6 тыс. человек (указ. соч., стр. 196).
- ⁵⁵ По данным Михова — 2 тыс. человек (указ. соч., стр. 154).
- ⁵⁶ Данных нет.
- ⁵⁷ По данным Михова — 1,5—2 тыс. человек (указ. соч., стр. 292).
- ⁵⁸ По данным Михова — 30 тыс. жителей (указ. соч., стр. 212).
- ⁵⁹ По данным Австрийского географического общества (1869 г.) — 15,3 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291).
- ⁶⁰ По данным Канитца, основанным на официальных турецких источниках, в 1874 г. в Разграде было около 10 тыс. жителей (*А. И. Явашов*. Разград. Негового археологическо и историческо минало, ч. 1. София, 1930, стр. 168).
- ⁶¹ По данным Михова было 6 тыс. жителей (указ. соч., стр. 212).
- ⁶² По данным иностранных путешественников, относящимся к 1856 и 1859—1862 гг., число жителей за это время было 9—12 тыс. (*С. Ганчев*. Свищов. Принос за историята му. Свищов, 1929, стр. 28—29). Более ранние сведения (1839 г.) указывают 22 тыс. [*Г. П. Христов*. Свищов в миналото (86—1877 г.) Свищов, 1937, стр. 40]. Австрийское географическое общество указывает цифру 12 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291).
- ⁶³ По данным Австрийского географического общества — 5,6 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291). Там же приводятся и другие данные.
- ⁶⁴ По данным Михова — 12 тыс. человек (указ. соч., стр. 212).
- ⁶⁵ По данным Михова, в Севлиево (Selvi) было около 8 тыс. человек (указ. соч., стр. 373).
- ⁶⁶ По данным Михова — 7 тыс. человек (указ. соч., стр. 291).
- ⁶⁷ А. Буз, путешествовавший по Болгарии в 1836—1833 гг., считал, что в Ловече было 12—15 тыс. жителей. По его данным, 300 домов принадлежало христианам (перепись указывает 998 болгарских домов), а остальные — туркам. Таким образом, по его сведениям, подавляющая масса населения Ловеча была турецкой (*С. Петков* и *А. Иширков*. Стари описания на град Ловеч. Ловеч и Ловчанско, кн. III. София, 1931, стр. 95—96). По данным Австрийского географического общества, в городе было 11 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 293).
- ⁶⁸ По данным Михова — около 5 тыс. человек, большей частью турки (указ. соч., стр. 291 и др.).
- ⁶⁹ У Михова данных нет.
- ⁷⁰ У Михова данных нет.
- ⁷¹ У Михова данных нет.
- ⁷² По данным Австрийского географического общества, в Шумле было (без гарнизона) 20 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291).
- ⁷³ По данным Австрийского географического общества — 15—16 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 293, 330), по другим — 25 тыс. жителей.
- ⁷⁴ По данным Австрийского географического общества — 8 тыс., по другим — 20 тыс. жителей. По расчетам профессора А. Иширкова — 15 тыс. жителей (*А. Иширков*. Статистически бележки за населението на град Силистра. В сб.: «Силистра и Добруджа», кн. 1. София, в. а., стр. 12).
- ⁷⁵ По данным Австрийского географического общества, в Пазарджике (Хаджи Оглы Базар) было 10 тыс. жителей; по другим сведениям — 12 тыс., а по более ранним сведениям — 4—5 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 275, 293, 347).
- ⁷⁶ По данным Австрийского географического общества — 2,5 тыс. жителей; по другим сведениям — 5 тыс. Имеется вариант — 550 домов, т. е. около 2,75 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 217, 275).

- ⁷⁷ По данным Австрийского географического общества — 4 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 293).
- ⁷⁸ Сведений не имеется.
- ⁷⁹ Гагаузы жили и в Варне, но значились в числе греков; возможно, так же обстояло дело и в других пунктах, где учтены греки.
- ⁸⁰ С. Табаков приводит сообщаемую иностранными путешественниками середины XIX в. цифру населения Сливена — 20 тыс. (*С. Табаков*. История на град Сливен, т. I. София, 1911, стр. 514—517). Не ясно, включали ли путешественники в эту цифру, кроме турецкого населения, и турецкий гарнизон. Эта же цифра встречается у Михова (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 247, 274); Э. Реклю указывает 12 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 255).
- ⁸¹ У Михова встречаем такие данные: 7 тыс., 10 тыс., 5 тыс. (указ. соч., стр. 286, 294, 347).
- ⁸² У Михова приведены цифры: 8 тыс., 4 тыс., 6—7 тыс. (указ. соч., стр. 264, 274, 294).
- ⁸³ В Ахиоло (Анхиоло), по данным Михова, было 3,5 тыс. жителей (указ. соч., стр. 347).
- ⁸⁴ По данным Михова — 5 тыс. жителей (указ. соч., стр. 347).
- ⁸⁵ По другим данным — 3 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 347).
- ⁸⁶ По данным Михова — 6 тыс. жителей (указ. соч., стр. 347); 4—6 тыс. (указ. соч., стр. 286).
- ⁸⁷ Других сведений не имеется.
- ⁸⁸ Автор книги «Пловдив в свете минало и настояще» (София, 1962) С. Н. Шишков указывает, что, по данным грека Полизоиди, относящимся к 1853 г., в Пловдиве было 50 тыс. жителей (стр. 110). Точной ссылки на эту книгу не имеется. Более близкие данные к нашим сообщает «Лето-струй или домашен календар за проста година 1870» (Пловдив, Русчук, Велес), где сказано, что жителей в Пловдиве 28—30 тыс., из которых половина — мусульмане (стр. 76). Если учесть, что наши данные свидетельствуют о значительном сокращении числа мусульман, т. е. турок, то совпадение сведений «Лето-струя» и переписи станет еще разительнее. Близкие цифры находим у Михова: 30,8 тыс. (указ. соч., стр. 347), 31,4 тыс. (стр. 362), 30 тыс. (стр. 328).
- ⁸⁹ Эта цифра близка к указываемой С. Захариевым — 12 326 человек (*С. Захариев*. Географико-историко-статистическое описание на Татар-Пазарджишката кааза. Виена, 1870, стр. 13) и резко расходится со сведениями, приведенными составителем «Истории Татар Пазарджика» И. Батаклиевым, который считает население города равным 24—25 тыс. человек (*И. Батаклиев*. Град Татар Пазарджик. Историко-географски преглед. София, 1923, стр. 109). Между тем данные, заимствованные этим автором из названного выше труда Н. Михова, указывают для 1860, 1876 и 1878 гг. 10 тыс. жителей (*И. Батаклиев*. Указ. соч., стр. 22, 67, 79, 347 и др.); автор, не сообщая оснований, толкует их в том смысле, что имеются в виду только мужчины. Сильно отличается от данных Михова определение населения, указанное М. Дриновым, который насчитывал 8 тыс. турок, 15 тыс. болгар и 100 цыгнор и румын. Расхождение здесь с нашими данными идет по всем направлениям. По данным переписи: болгар — 8890, турок — 1925, греков — 307, румын — 318, армян — 152, цыган — 1414, евреев — 829.
- ⁹⁰ По данным Михова — 20 тыс. жителей (указ. соч., стр. 328, 364); по более ранним сообщениям (30-х годов XIX в.) — 10 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 312).
- ⁹¹ По данным Михова — 10 тыс. (указ. соч., стр. 215, 314).
- ⁹² По данным Михова — 10 тыс., 12 тыс., 13—14 тыс. жителей (указ. соч., стр. 294—295, 311, 361).
- ⁹³ По данным Михова — 46 тыс. жителей (указ. соч., стр. 365), 36 тыс. (стр. 363), 50,9—35,8 тыс. (стр. 362), 56 тыс. (стр. 347, 329). По данным Австрийского географического общества, София отнесена к городам с 15—

- 19 тыс. населения (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291).
- ⁹⁴ В сообщении Австрийского географического общества, Самоков отнесен к городам с 10—14 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 291). Приводятся также такие данные: 4 тыс. (стр. 347), 11—12 тыс. (стр. 292), 11 тыс. (стр. 286), 15 тыс. (стр. 270).
- ⁹⁵ В работе Михова имеются сведения 20-х годов XIX в., когда в городе насчитывалось 8 тыс. жителей (указ. соч., стр. 321).
- ⁹⁶ Других сведений не имеется.
- ⁹⁷ В работе Михова имеются сведения 20—30-х годов XIX в. — 6 тыс. жителей (указ. соч., стр. 312, 324, 398), по данным Австрийского географического общества — 7—8 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 292).
- ⁹⁸ По сведениям Австрийского географического общества, около 2 тыс. человек (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 292).
- ⁹⁹ Других сведений не имеется.
- ¹⁰⁰ По сведениям Австрийского географического общества, около 2 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 292).
- ¹⁰¹ Других сведений не имеется.
- ¹⁰² По данным Австрийского географического общества, Джума (Джума или Эски Джума, Горна Джумая, ныне Благоевград) насчитывал 6 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 262). В книге В. Шаркова «Град Горна Джумая. Минало и днес» (София, 1930) сведений о численности населения не приводится.
- ¹⁰³ Других сведений не имеется.
- ¹⁰⁴ По данным Австрийского географического общества — около 1,5 тыс. жителей, преимущественно болгар; по сведениям Австрийского генерального штаба — 4 тыс. (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 262, 292).
- ¹⁰⁵ По данным Австрийского географического общества — около 3 тыс. жителей (*Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 292).
- ¹⁰⁶ ЦГВИА, ф. 430, д. 214, л. 321.
- ¹⁰⁷ *Н. В. Михов*. Указ. соч., стр. 347.
- ¹⁰⁸ *N. Svoronos. La commerce de Salonique au XVIII s. Paris, 1956, p. 40.*
- ¹⁰⁹ *M. Samić. Les voyageurs français en Bosnie. Paris, 1960, p. 235.*
- ¹¹⁰ *Д. А. Бангыш-Каменский. Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810, стр. 15; Н. В. Михов. Указ. соч., стр. 313.*
- ¹¹¹ *M. Samić. Указ. соч., стр. 236—238; Н. В. Михов. Указ. соч., стр. 312—313, 347.*
- ¹¹² *В. Теплов. Указ. соч., стр. XXIV—XXVIII.*
- ¹¹³ ЦГВИА, ф. 430, д. 213, лл. 47—52.
- ¹¹⁴ Там же, лл. 43 об. — 44 об.
- ¹¹⁵ Перепись отмечает случаи, когда в городах отсутствуют сады и огороды. Тогда чисто городская (под зданиями и дворами) земля не учитывается.
- ¹¹⁶ Лесные площади мы не включили ни в одну из групп, ибо если в некоторых местах мелколесье и кустарники могли использоваться для пастьбы скота, в частности коз, то буковые леса не использовались таким образом. А так как характер леса источником не указан, считаем, что целесообразнее сведения о лесе не учитывать.
- ¹¹⁷ *А. Райкова. Нови данни за националноосвободителното движение в Северо-западна България. «Известия на държавните архиви», т. 12. София, 1966, стр. 114.*
- ¹¹⁸ *А. М. Селищев. Описание Болгарии в 60 годах прошлого века. «Годишник на народната библиотека в София за 1926—1928 гг.». София, 1930, стр. 190—192.*
- ¹¹⁹ ЦГВИА, ф. 430, д. 205.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же, д. 208, л. 202.
- ¹²² *П. Пончев. Из стопанското минало на Габрово. София, 1929, стр. 32.*
- ¹²³ *И. Гешов. Спомени и студии. София, 1928, стр. 278—286.*

- 124 Ю. Несторов. Град Котел. София, 1933, стр. 9.
- 125 Н. Тодоров. Социално-икономически облик на Варна през 60 и 70 години на XIX в. «Известия на Варненското археологическо дружество», кн. XIV. Варна, 1963, стр. 124.
- 126 Широкую картину торгового значения Варны дал Ф. Канитц (см.: *N. Michof. Beiträge zur Handelsgeschichte Bulgariens, Bd II. Sofia, 1953, S. 502—513*); по французским консульским данным, в 1875 г. в Варну вошло 848 судов и ушло из нее 846 судов. Для других лет приводятся еще более высокие цифры (см.: *N. Michof. Contribution à l'histoire du commerce de la Turquie et de la Bulgarie, vol. III. Svichtov, 1950, p. 665, 600*).
- 127 Н. Тодоров. Указ. соч., стр. 120.
- 128 Н. Тодоров. К вопросу о городской бедноте Шумена в середине XIX в. В сб.: «Славянское возрождение». М., 1966, стр. 121.
- 129 Н. Хайтов. Указ. соч., стр. 227—228.
- 130 Ю. Ненов. Автобиография. Сборник за НУК, кн. 13. София, 1896, стр. 374—375; *Ив. Багачкиев. Град Татар Пазарджик. София, 1923, стр. 146*.
- 131 С. Захариев. Географико-историко-статистическое описание на Татар Пазарджишката кааза. Виена, 1870, стр. 14.
- 132 С. Табаков. История на град Сливен, т. III. София, 1929, стр. 63.
- 133 ЦГВИА, ф. 430, д. 211, л. 92.
- 134 «Юбилейна книга на катедрални храм св. Димитър в г. Сливен. 1831—1931». София, 1931, стр. 60—61.
- 135 ЦГВИА, ф. 430, д. 211, л. 92.
- 136 *N. Michof. Contribution à l'histoire...*, p. 698.
- 137 Ср.: там же, стр. 358.
- 138 Подсчеты М. Б. Северис.
- 139 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 455.
- 140 С. А. Никитин. Источниковедение истории СССР, т. II. М., 1940, стр. 70—73.
- 141 ЦГВИА. ф. 430, д. 205, л. 191 об.
- 142 Х. Гандев. Към историята на промишления капитализъм у нас през възрождането. «Исторически преглед», 1954, № 4; Н. Тодоров. Зарождението на капиталистически отношения в текстилното производство в Болгарии в первой половине XIX в. «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР». М., 1958, т. XXIII; *он же. К развитию мануфактуры в Болгарии во второй четверти XIX в. «Ученые записки Института славяноведения АН СССР». М., 1958, т. XVI*.
- 143 Интересно сообщение списка, составленного Ломской городской общиной также в 1879 г., в котором говорится о существовании в Ломе 213 ремесленных мастерских (дюкянов) см.: С. А. Дамянов. Ломский край през възрождането. София, 1967, стр. 163. Вероятно, разность между цифрой, приводимой переписью и даваемой Дамяновым, указывает на количество торговых заведений. Известно, что торговля в Ломе была весьма развита.
- 144 По-видимому, эти предприятия отмечала турецкая статистика 1866 г. под неудачным определением «фабрики — 3» (*Д. Йоцов. Културно-политическа история на Вратца. София, 1937, стр. 99*).
- 145 Данные для 40-х годов XIX в., приводимые Н. Тодоровым, также говорят о малочисленности ремесленников. С. Дамянов отмечает, что ремесло в Ломе обслуживало потребности местного населения. См.: Н. Тодоров. Българското население на град Лом през 40-те години на XIX в. Изследования в чест на Марин Дринов. София, 1960, стр. 588; С. Дамянов. Указ. соч., стр. 162.
- 146 И. П. Георгиев. Град Враца. «Сборник за народни умотворения», кн. XX. София, 1904, стр. 6; С. А. Цонев. Към въпроса за разложението на еснафските организации у нас през периода на възрождането. «Трудове на Висшия Институт за народно стопанство в г. Варна», кн. 1. София, 1956, стр. 31.
- 147 *N. Michof. Contribution à l'histoire...*, p. 693.

- 148 А. И. Явашов. Разград неговото археологическо и историческо минало, ч. 1. София, 1936, стр. 155.
- 149 А. И. Явашов. Указ. соч., стр. 126—129; Н. Тодоров. За наемний труд в българските земи към средата на XIX в. «Исторически преглед», 1959, № 2, стр. 10—11.
- 150 А. Явашов не упоминает о наличии таких предприятий.
- 151 «Спомен на о. з. ген. И. Димитриев за еснафство и търговията в г. Шумен преди освобождението». Окръжен народен музей в Коларовград.
- 152 С. А. Цонев. Указ. соч., стр. 47.
- 153 «Ловеч и Ловчанско», кн. VII, София, 19.., стр. 17.
- 154 Там же, кн. II. София, 1950, стр. 134—142.
- 155 Ж. Натан. Указ. соч., стр. 201.
- 156 Търнов. Окръжен държавен архив, ф. 65, оп. 1, д. III, л. 7 и др.
- 157 Там же, ф. 92, оп. 1, д. 47.
- 158 П. Цончев. Указ. соч., стр. 44.
- 159 Там же, стр. 353—354.
- 160 Н. Тодоров. Социално-икономически облик на Варна..., стр. 122.
- 161 «Шумен — Коларовград», кн. II. Коларовград, 1962, стр. 37.
- 162 С. Табаков. История на град Сливен, т. III, стр. 113.
- 163 Там же, стр. 49.
- 164 Там же.
- 165 N. Michof. Contribution à l'histoire..., стр. 722.
- 166 С. Н. Шишков. Пловдив в своето минало и настояще. Пловдив, 1926, стр. 239.
- 167 Н. Хайтов. Указ. соч., стр. 266.
- 168 Там же, стр. 267.
- 169 Там же, стр. 262.
- 170 ЦГВИА, ф. 430, д. 209, л. 218.
- 171 Там же, д. 205, л. 191 об.
- 172 Там же, д. 206, л. 112.
- 173 Н. Жечев. Някои статистически данни за Самоков от 1878 г. «Известия на Института за история», т. 14—15. София, 1964, стр. 405—406.
- 174 То же потвърждават и Хр. Семерджиев (см.: Хр. Семерджиев. Самоков и околността му. София, 1913, стр. 200).
- 175 Д. Косев. Към изясняване на някои проблеми от историята на България. «Исторически преглед», 1956, № 3, стр. 34—35.
- 176 К. Иречек. Княжество България, ч. 1. Пловдив, 1899, стр. 256.
- 177 К. Диловска. Самоковската комуна. София, 1962, стр. 7.
- 178 «Документи за българската история», т. IV. София, 1936, стр. 8.
- 179 Хр. Семерджиев. Указ. соч., стр. 205.
- 180 Мы условно говорим о ремесле, так как основным видом мануфактуры в Болгарии была рассеянная мануфактура, которую трудно отличить от ремесла. Данные же переписи делают это в подавляющем случае невозможным.
- 181 «Документи за българската история», т. II. София, 1932, стр. 48—49.
- 182 Ср.: Ж. Натан. Указ. соч., стр. 159; «История на България», т. 1. София, 1961, стр. 334.
- 183 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 213.
- 184 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 368.
- 185 Ю. Юрданов. Наченки на нашата индустрия преди Освобождението. «Списание на Българското Икономическо дружество». 1936, кн. 5, стр. 297.
- 186 Г. Димитров. Страданията на българите и освобождението на България през 1877—1878 год. София, 1899, стр. 288.
- 187 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 214.
- 188 Ж. Натан. Указ. соч., стр. 208.
- 189 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 413.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В БОЛГАРИИ В 1875—1876 ГГ. И АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Период истории Болгарии с конца XVIII в. и до ее освобождения русской армией в 1877—1878 гг. характеризуется разложением турецкой феодальной системы и зарождением, развитием капиталистических отношений. Этот процесс охватил все стороны социально-экономической жизни страны. В области сельского хозяйства этот процесс выразался в распаде военно-ленной системы землевладения, уничтоженной в середине 30-х годов XIX в. Военно-ленное спахийское землевладение превратилось во владение на праве собственности, но помещики сохранили права на феодальные повинности крестьян. На бывших военно-ленных землях возникало ориентировавшееся на рынок хозяйство, так называемый чифлик.

Спахии утратили лены и феодальное господство над населением; они получили государственную ренту, размер которой соответствовал размеру прежнего дохода с их владений. Но владельцы чифликов сохранили все свои старые права. Крестьяне прежних спахийских земель получили право владения обрабатываемыми ими участками. Значительное количество земли стало предметом купли-продажи. Но реформа не проводилась одновременно по всей стране, реализация ее затянулась на долгий срок. Поэтому Болгария середины XIX в. отличается большой пестротой аграрных отношений. Турецкое правительство взяло на себя сбор всех натуральных и денежных даней, которые раньше собирали спахии. Так что те крестьяне, которые получали землю, не были свободны от феодальных повинностей. Само государство взяло на себя функции феодального господства.

В Турции помещичье хозяйство с трудом приспособлялось к новым условиям. Результатом этого было разорение хозяйств

и распродажа земель помещиков. Гюльханейский хатти шериф 1839 г. признал за христианским населением Турции право на землевладение. Начиная с этого времени часть болгарских крестьян выкупается из феодальной зависимости и становится свободными землевладельцами. Но в некоторых районах страны ко времени реформы крестьяне были сильно обезземелены. Они не были в состоянии создать самостоятельные хозяйства.

Аграрные реформы, проводившиеся турецким правительством под давлением крестьянского движения в 50—60-х годах XIX в., способствовали закреплению и росту крестьянской собственности, но они не разрешили аграрный вопрос.

К середине 70-х годов XIX в. болгарские крестьяне разделились на несколько групп. Существовали свободные крестьяне-собственники, выкупившие свои земли у турецких землевладельцев либо удержавшие их тем или иным способом (раецкие села, бывшие привилегированные группы), крестьяне — наследственные держатели государственных и вакуфных земель, а также разные категории зависимых помещичьих крестьян. Отсутствие в Турции того времени какой-либо статистики лишает нас возможности судить о соотношении этих групп. Данные же, касающиеся крестьянского землевладения в период освобождения, заставляют признать, что к середине 70-х годов в Болгарии основными группами были две первые из указанных выше.

Процесс капиталистического развития в деревне привел не только к появлению новых категорий крестьян, но и к расслоению крестьянства.

Наряду с обезземеливанием крестьян помещиками, т. е. пролетаризацией крестьян, происходило формирование болгарской сельской буржуазии, которая, как и городская буржуазия, началась заимствованным турецким словом — «чорбаджи». Это были деревенские кулаки, ростовщики, торговцы, из числа которых выбирались сельские старосты и другие низшие агенты правительства. Нередко они обладали большой экономической властью и влиянием. Среди них, по свидетельству современника, встречались «всемогущие в округе».

Развитие капиталистических отношений захватило и город. Болгарские города были населенными пунктами, жители которых занимались как сельским хозяйством, так ремеслом и торговлей. И соотношение этих видов занятий в разных пунктах было различным. Были и такие города, которые являлись крупными аграрными центрами. Кроме того, в городах было развито домашнее производство, частично поставлявшее товар на рынок, частично входившее в систему рассеянного мануфактурного производства. Ремесленный цех в XIX в. под влиянием развития товарно-денежных отношений стал разлагаться, а затем и распадаться. Мастер, бывший представителем цеха по закупке сырья и сбыту продукции, отгораживал сочленов по цеху от рынка и фактиче-

ски превратился в капиталистического скупщика еще в первые десятилетия XIX в. Но процесс этот не был всеобщим и однородным. Ремесленный цех дождался освобождения. Происходило совершенствование производства, с ремеслом во все более сильную конкуренцию вступала мануфактура. С 30-х годов XIX в. в Болгарии делались попытки создания капиталистической фабрики, оканчивавшиеся неудачно вследствие особенностей турецкого политического строя. «...турецкое, как и любое другое восточное господство, — писал Энгельс, — несовместимо с капиталистическим обществом; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей; отсутствует первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности купца и его собственности»¹. Многие из возникших предприятий погибали, так как внутренние пошлины были настолько велики, что привозной иностранный товар оказывался дешевле товара внутреннего производства. Резкое увеличение ввоза иностранных товаров в середине XIX в. и особенно после Крымской войны пагубно отразилось на экономике страны и привело ко все более усиливавшемуся кризису болгарского ремесла и торговли, к разорению ремесленников и купцов.

Болгария была страной тяжелого национального гнета. Христианские подданные Турции были бесправной частью населения: они не несли военной службы, за немногими исключениями не принимались на государственную службу, их свидетельство не принималось в суде и т. п. Это бесправие нашло себе выражение в презрительной кличке, которой турки называли христианских подданных — «райя» (скот).

Противоречия между развивающимися капиталистическими и старыми феодальными отношениями, рост национального самосознания — все это вело к развитию национально-освободительной борьбы, которая до 70-х годов XIX в. прошла ряд этапов. Она началась с борьбы за национальные церковь и школу и превратилась затем в национально-политическую борьбу, особенно обострившуюся в 60-х годах XIX в.

В конце 60-х — начале 70-х годов, главным образом благодаря деятельности выдающегося революционера В. Левского, была создана новая организационная форма этой борьбы — революционные комитеты. В настоящей книге мы касаемся последнего этапа борьбы болгарского народа за национальное освобождение Болгарии.

Экономическое положение Турции, быстро ухудшавшееся с 50-х годов, стало критическим в начале 70-х годов. Внешний долг, достигавший в 1854 г. 0,75 млрд. фр., вырос к 1875 г. до 5,3 млрд. фр.; 60% государственного бюджета уходило в 1875 г. на оплату процентов по займам. На протяжении ряда лет, предшествовавших русско-турецкой войне 1877—1878 гг., государст-

венный бюджет сводился со значительным дефицитом. Тяжелое состояние государственных финансов заставляло правительство увеличивать как прямое, так и косвенное обложение; в 1874 г. была увеличена с 10 до 12,5% десятина (ашар), и общий размер этого налога в империи с 100 млн. фр. в 1866 г. возрос к 1876 г. до 156,5 млн. фр.² Повысились акцизы на табак, сбор с документов на право землевладения и др. Несмотря на все эти меры, турецкое правительство было вынуждено в 1875 г. признать лишь половину процентов по своим обязательствам, а на другую половину выпустило облигации³.

Положение болгарского населения резко ухудшилось. Растущая конкуренция иностранных товаров подрывала ремесло и торговлю товарами местного производства. Развитие путей сообщения, особенно начавшаяся постройка железных дорог, отрицательно сказывалось на ярмарочной торговле. В 1875 г. закрылась самая крупная в Турции Узунджовская ярмарка. В газетах нередко сообщалось о застое торговли. Ремесленники и торговцы разорялись.

Тяжелым было положение крестьян. Непрерывно возрастало налоговое обложение. Злоупотребления откупщиков налогов достигали такой степени, что нередко они взымали с крестьян двойную сумму десятины. Затяжкой приема налога (крестьяне не имели права до уплаты увозить хлеб с поля) откупщики вымогали часть урожая в свою пользу. По сообщению иностранного наблюдателя, «десятина эта... лишь номинальная; в действительности с населения отбирается не только десятая, четвертая или третья часть, но и половина и даже более собранного им урожая... В конце концов поселяне еще счастливы, если им останется необходимое до будущей жатвы количество хлеба для пропитания и потребный для будущего посева запас семян. Все остальное становится добычей этой оригинальной администрации»⁴. Чем труднее было крестьянину, тем чаще он обращался к ростовщику, тем больше запутывался в неоплатных долгах и был вынужден за бесценок продавать свой урожай на корню еще весной. Болгарская газета «Прогресс» писала, что имеются села, общий долг населения которых превышает стоимость всего имущества его жителей.

Положение ухудшили стихийные бедствия 1874 года — засуха и град, уничтожившие посевы. Крестьяне не собрали ни урожая хлеба, ни травы. Отсутствие корма влекло за собой уничтожение скота. Особенно тяжелой была зима 1874/75 г. К весне многие села остались без продовольствия и семян. Н. Геров, представитель болгарских либерально-буржуазных кругов, бывший русским консулом в Пловдиве, писал в марте 1875 г., что «весь запас (продовольствия и фуража. — С. Н.) находится в руках откупщиков, а поселяне, которые тотчас после уборки должны были продать все произведения скудного урожая для уплаты

податей и неотсроченных долгов, теперь для кормления как себя, так и своего скота должны покупать хлеб и корм по двойной, часто и по тройной цене и, не имея нужных для сего денег, они должны голодать...»⁵. «...Население санджака,— сообщил Н. Геров,— находится в критическом положении, и из многих мест получают заявления, по которым если в течение нескольких дней правительство не придет на помощь неимущим деньгами или хлебом, то население дойдет до отчаяния, и в таком случае могут последовать беспорядки, как грабежи, насилия и т. п.»⁶ Но государство не пришло на помощь населению. Более того, его агенты, собиравшие с крестьян натуральный налог за мелкий скот (бегликчи), стали вместо овец и коз, состояние которых от бескормизы было неудовлетворительным, требовать уплаты деньгами, которых не было у разоренных крестьян.

Как раз в это время турецкое правительство строило железную дорогу через Пловдивский (Филиппопольский.— *С. Н.*) округ и ко всем значительным пунктам начало проводить шоссейные пути для подвозки грузов из окрестных местностей. По уставу о путях сообщения шоссейные дороги строились населением; на строительстве дорог каждый мужчина должен был работать четыре дня в год в свободное от сельскохозяйственных работ время. В действительности население заставляли работать сверх положенного срока, пока не будет построена дорога. Вопреки уставу крестьян принуждали выходить на работу со своими инструментами и скотом. Последний был настолько слаб от голода, что работать не мог, и многие крестьяне к весне 1875 г. потеряли имевшийся у них скот; поэтому им приходилось самим таскать камень и возить песок. Даже продовольственной помощи крестьяне не получали⁷.

Всёвозможные бесчинства и злодеяния турок, убийства и грабежи болгарского населения продолжались⁸. Но чем больше терпели болгарские крестьяне, ремесленники, торговцы, испытывавшие гнет турецких помещиков, чиновников, полицейских, тем более росло их недовольство. Не удивительно, что вести о восстаниях в других местах, особенно о восстании в Герцеговине, глубоко волновали население, сочувствовавшее «этому движению, которое, как и все этого рода движения, возбуждает в них надежды если не на какой-нибудь совершенный переворот, то по крайней мере на какие-нибудь реформы для улучшения участи их», — писал Н. Геров⁹. Он прибавлял к этому, что и турки (из контекста видно, что речь идет о некоторых представителях турецкого господствующего класса) доведены до крайности неправильным управлением, и «если судить по отзывам их, то они первые бы восстали против правительства, если бы не боялись христиан». В Болгарии явно нарастала своеобразная революционная ситуация. Обострение нужды и бедствий угнетенных классов, нарастание активности народных масс, широкий размах националь-

ного движения в Боснии и Герцеговине, растущее национально-освободительное движение в Болгарии, подготовка войны против Турции со стороны Сербии и Черногории, которая усиливала брожение южных славян турецких областей,— все это наряду с дипломатическим давлением европейских держав приводило правящие турецкие круги к признанию неизбежности уступок в национальном вопросе, к сознанию невозможности сохранить старый порядок отношений. О появлении таких настроений в кругах турецкой буржуазной интеллигенции свидетельствовало течение «новых османов» (младотурок).

Турецкое правительство, надеясь уменьшить недовольство населения, обещало в официальном сообщении от 27 октября 1875 г. понизить десятину на $\frac{1}{4}$ и аннулировать недоимки по налогам 1872—1873 гг. В том же документе говорилось о расширении представительства от населения в областных административных советах (меджлисах). 30 ноября 1875 г. был издан фирман, обещающий невмешательство административных властей в деятельность суда, невмешательство полиции в собирание налогов. Правительство обещало провести реформы суда, налогов, жандармерии, облегчение торговли, равенство подданных и т. д. 23 декабря 1876 г. была опубликована конституция Турецкой империи.

Подобные обещания турецкое правительство давало уже не в первый раз. Болгарский народ относился к ним с недоверием, видя в них способ обмануть население, и в то же время это был признак слабости Турции. Реакционные мусульманские круги встретили обещания реформ враждебно. Не считаясь с заявлениями правительства, они усилили грабеж болгарского населения и насилия над ним.

Среди болгарских крестьян, ремесленников и торговцев нарастало недовольство, которое находило отражение даже в легальной турецкой печати. Константинопольские болгарские буржуазные газеты «Век», «Прогресс», «Восточное время» постоянно писали о злоупотреблениях местных властей, помещали сообщения о тяжелом положении народа. Они ставили вопрос об уравнивании в правах болгар с турками и приводили читателя к мысли о неспособности правительства выйти из затруднений.

«Если под восстанием понимают жалобы против вопиющих злоупотреблений, жалобы на неволю и притеснения, стоны от тяжелого и несносного положения, желание лучшего и более самостоятельного положения государства, стремление к прогрессивному во всяких отношениях развитию; если все это может быть названо восстанием или революцией — спросили бы мы тогда: кто не повстанец, кто не революционер?» — писала газета «Век»¹⁰, выражая широко распространенные настроения. Буржуазная печать обсуждала вопрос о реформах, об отмене военного налога, о привлечении болгар к военной службе, о признании болгарского языка официальным и т. д.

Эти пожелания были характерны для либерально-буржуазного течения. Его сторонники — представители средней буржуазии и части буржуазной интеллигенции — не думали о борьбе с турецким правительством, они хотели убедить его в необходимости реформ.

Правую группировку составляла крупная буржуазия. Эта группа была туркофильской. Она открыто ориентировалась на турецкое правительство и занимала враждебную национально-освободительному движению позицию.

Левая группировка состояла из мелкой и частично средней буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. Настроенные революционно, они активно участвовали в национально-освободительной борьбе, стремились к национальной свободе, уничтожению турецкого господства, но плохо представляли, что должно наступить после свержения турецкого ига. Основной силой национально-освободительного движения были крестьяне, ремесленники и мелкие торговцы. Выразителем интересов этих слоев было революционно-демократическое течение, возглавлявшееся в 70-х годах выдающимся революционером, поэтом и публицистом Христо Ботевым (1848—1876).

Тяжелое положение населения, его растущее недовольство и рост активности масс отразились на деятельности революционных комитетов, оживили ее. В августе 1874 г. в Бухаресте состоялось собрание деятелей революционных комитетов, на котором присутствовали главным образом эмигранты. Оно избрало Временный центральный комитет в составе Л. Каравелова, Х. Ботева, К. Цанкова, О. Панова и Т. Пеева. Комитет должен был собирать денежные средства, поддерживать связи с местными революционными комитетами в Болгарии и подготовить созыв общего собрания представителей всех комитетов.

Начиная с этого времени в деятельности комитета принимает активнейшее участие новый его член Христо Ботев. Сын известного в Болгарии прогрессивного учителя Ботю Петкова, Ботев получил начальное образование в Болгарии, а в 1863 г. приехал в Одессу, где поступил в классическую гимназию. Спустя два года его по просьбе Одесского болгарского настоятельства — организации местной болгарской буржуазии — лишили стипендии. Причиной этого, по мнению биографа Ботева академика М. Димитрова, могли быть взгляды Ботева, далекие от консервативных воззрений одесских торговцев¹¹.

Ботев жадно впитывал идеи русских революционных демократов — Добролюбова, Чернышевского, Белинского, Герцена, читал русскую художественную литературу. Около года он прожил в Одессе без стипендии, а затем стал учителем в болгарском селе Задунаевка в Бессарабии. Весной 1867 г. он вернулся на родину в г. Калофер, где агитацию среди молодежи против чорбаджиев и призывал к борьбе с турецким игом. Создавшаяся неблаго-

приятная обстановка заставила его покинуть Калофер и уехать в Румынию, где он жил в Бухаресте, Браиле и затем снова в Бухаресте. В Румынии Ботев встречался с русскими революционерами-эмигрантами. Там же он издавал газету «Слово болгарских эмигрантов» и сотрудничал в газетах «Свобода» и «Независимость», издававшихся Каравеловым.

Ботев глубоко воспринял учение русских революционных демократов, особенно Чернышевского; учение Чернышевского стало основой его собственного мировоззрения.

Главного врага болгарского народа Ботев видел в турецких феодалах и турецком правительстве. Он понимал, что «реформы» проводились в Турции для обмана населения и что их результатом была «законченная система убийств, злодейств и всякого рода притеснений». Он отмечал наличие глубокого кризиса турецкой государственности — рост взяточничества и бесчинств чиновников, кризис государственных финансов империи. В земледелии и скотоводстве Ботев видел основное богатство страны, но указывал, что в Турции они находились в худшем состоянии, чем где-либо в Европе, что торговля там тормозилась безобразной таможенной системой, а иностранная экономическая экспансия разрушала болгарское ремесло и подрывала торговлю. Такие изобретения, как железные дороги, которые в других странах сокращают время и способствуют быстрому обмену продуктов и услуг, по мнению Ботева, Болгарии были вредны, так как увеличивали импорт, губили болгарское ремесло и промышленность и укрепляли власть султана, давая возможность быстро перебрасывать войска для подавления восстаний. Выход из отчаянного положения болгарского народа Ботев видел в революции, в массовом народном восстании. Он считал крестьян и ремесленников Болгарии основной силой революции и призывал их к восстанию против господства турок, чорбаджиев и греческого духовенства. Следствием восстания должен был явиться переворот. Ботев рассматривал переворот не только как национальное освобождение, но считал его и социальной революцией, которая открыла бы путь к созданию нового социалистического общества, минуя капиталистическую стадию развития.

Ботев не создал ясной разработанной программы будущего социального строя, но указывал, что «общины без всякой централизации», эснафы, мужские, женские и детские общества являются зародышами, семенами будущего строя¹². Он стремился к политической свободе и призывал к созданию в Болгарии республики. Ботев стремился к образованию федерации южнославянских республик, которая должна была заменить на Балканском полуострове гниющую и разлагающуюся Турцию. Он был чужд национальной ограниченности и шовинизма. Революционный демократ и утопический социалист, ученик и последователь великого русского революционного демократа Н. Г. Чернышевского, Бо-

те в 70-х годах познакомился с произведениями К. Маркса. Они произвели огромное впечатление на болгарского революционера, который усвоил некоторые марксистские положения, но последовательным марксистом не стал и не мог стать в условиях отсталой в социально-экономическом отношении феодальной Турции, где капиталистические отношения были в начальной стадии развития и где еще не существовало промышленного пролетариата.

Ботев был также выдающимся болгарским революционным поэтом. Его творчество находилось под воздействием русской классической литературы и особенно великого русского поэта Пушкина. Ботев звал болгарский народ к борьбе за освобождение Родины от многовекового турецкого ига.

Кто в грозной битве пал за свободу,
Тот не погибнет: по нем рыдают
Земля и небо, зверь и природа,
И люди песни о нем слагают...

Избранный в состав Временного центрального комитета, Ботев стремился оживить его деятельность, но комитет бездействовал, раздираемый несогласиями по вопросу о характере и направлении деятельности.

Каравелов к концу 1874 г. окончательно отказался от революционной деятельности и перешел на позиции либерального просветительства. Он решил прекратить издание газеты «Независимость» и в последнем номере (от 12 ноября 1874 г.) просил прощения у тех, на кого напал. Ботев тщетно пытался убедить Каравелова в необходимости продолжать выпуск газеты. Понимая, как важно для революционной организации иметь свой печатный орган, свое пропагандистское издание, и имея достаточный опыт в этом деле, Ботев в начале декабря начал издавать газету «Знамя», в которой выступил с пропагандой подготовки восстания.

26 декабря 1874 г. состоялось собрание комитета. Споры вызвал поднятый Л. Каравеловым и И. Адженовым вопрос о структуре организации. Они предложили избрать одно лицо главой всей организации, предоставив ему право основывать местные комитеты, управлять административной и финансовой деятельностью организации и входить в соглашение с государствами и правительствами. В предложении Каравелова, как указал в своей работе академик М. Димитров, была скрыта мысль о невозможности для болгарского национально-освободительного движения добиться победы собственными силами и о необходимости действовать совместно с сербским правительством¹³. Вызвала недовольство и предложенная Каравеловым структура организации, вводившая единоличную диктатуру. Демократически настроенное большин-

ство комитета высказалось против этого предложения. Были избраны Временный комитет из 12 человек и комиссия из 5 человек для ведения практической работы. В нее вошли 4 эмигранта: Л. Каравелов, К. Цанков, И. Адженов, Т. Панталеев и 1 представитель из Болгарии. Панталеев был заменен Ботевым, который стал секретарем комиссии. Новое собрание было назначено на март 1875 г., но оно не состоялось. Среди членов комиссии обнаружилось серьезные разногласия. Каравелов тормозил организационную работу, так как сербское правительство считало выступление болгар несвоевременным, и все больше отходил в сторону от освободительного движения¹⁴. В январе 1875 г. он начал издавать аполитичный литературный журнал «Знание», в котором заявлял, что «действительность и история давно уже доказали человечеству, что благосостояние народа или отдельного человека зависит исключительно от суммы знаний, которыми он располагает»¹⁵.

Ботев, всегда протестовавший против попыток свернуть знамя революции и подменить последнюю либеральным просветительством, резко выступил против ренегатства Каравелова. Идеиная борьба привела к окончательному разрыву между ними. В комитете преобладающее значение получила группа Ботева, к которой примкнул С. Стамболов, только что вернувшийся из Болгарии.

В своей газете «Знамя» Ботев писал, что хайдучество и выступления крестьян были протестом против насилий. Они отличались стихийностью, отсутствием единства действий и руководства. Он высоко ценил Раковского, стремившегося внести организованность в борьбу, но полагал что четническая тактика недостаточна для освобождения страны. Самым выдающимся революционером он считал Левского, создавшего внутреннюю революционную организацию. Задача, стоявшая перед комитетами, заключалась, по мнению Ботева, в укреплении и расширении сети революционных комитетов, в привлечении широких народных масс к движению. В соответствии с этими взглядами и Стамболов решил улучшить организацию комитетов и их деятельность. Это было тем более необходимо, что в некоторых местах, как в этом убедился Стамболов во время своей поездки в Болгарию, комитеты держали сторону Каравелова.

Летом 1875 г. началось восстание в Герцеговине. Ботев и Стамболов полагали, что положение Турции окажется чрезвычайно трудным, если вслед за этим восстанут и болгары. Успех восстания в этих условиях они считали обеспеченным. «Герцеговина сражается, Черногория расползлась по своим горам и идет на помощь, Сербия готова поставить свои силы на карту и крикнуть *va banque!* Албания волнуется, Греция готова объявить войну, Румыния не удержит нейтралитета... Есть ли сомнение, что смерть Турции уже над ее головой?» — писал Ботев в газете «Знамя»¹⁶. Ботев призы-

вал ускорить подготовку восстания, чтобы быстрее начать борьбу, и укорял болгарских революционеров за бездеятельность. Одних призывов было недостаточно. Нужно было действовать, но Л. Каравелов и К. Цанков держали в своих руках комитетские архивы, в которых хранились необходимые для работы данные. Все попытки добыть эти материалы были безрезультатными. Пришлось обратиться за помощью к комитетам в Болгарии, к П. Хитову и другим. Общее настроение побудило Л. Каравелова и К. Цанкова примириться с группой Ботева. Они согласились принять участие в подготовке восстания, но работали все же плохо: «Один спит, другой разгуливает, один пишет «Знание» и ведет торговлю, другой — «Балкан» и жалуется, что нет денег», — так характеризовал один из деятелей комитета участие Каравелова и Цанкова в делах комитета ¹⁷.

30 июля 1875 г. комитет опубликовал воззвание с призывом использовать удобный в связи с восстанием в Герцеговине момент и поднять восстание в Болгарии ¹⁸.

В августе 1875 г. в Бухаресте состоялось собрание, на котором присутствовали главным образом представители комитетов, находившихся в Румынии. Внутренние болгарские революционные организации представлял один Н. Обретенов. Принятые решения были изложены в разосланном циркуляре, в котором сообщалось, что собрание «единогласно решило революцию». От всех местных организаций циркуляр требовал подготовки сил и учета людей, готовых к борьбе. Для большего объединения всех в конце циркуляра сообщалось, что разногласия между Ботевым и Каравеловым улажены, все работают дружно на пользу народному делу, а журнал «Знамя» является органом комитета ¹⁹. Была составлена новая комиссия из 5 человек для руководства подготовкой восстания. Кроме того, было решено командировать Ботева в Одессу, чтобы пригласить воеводу Филиппа Тотю принять участие в восстании и добыть денег для закупки оружия.

По сообщению А. Бояджиева, в Одессе Ботев получил для нужд комитета через одесского купца Тошкова и полковника русской службы, болгарина по национальности, Кишельского 300 рублей и 30 револьверов ²⁰. Были получены сведения о готовности болгар — офицеров русской службы выйти в отставку и прибыть в Болгарию ²¹. Как сообщает А. Бояджиев, Ботев ездил также в Константинополь, где пытался привлечь к участию в освободительной борьбе членов болгарской константинопольской колонии, но получил лишь обещание денежной помощи ²². Д. Ценович был послан в Белград, чтобы связаться с герцеговинцами, а в Болгарию для подготовки восстания были отправлены С. Стамболов, Н. Обретенов, П. Волон и др. Было, наконец, решено поджечь в нескольких местах Константинополь, и для этого туда выехала специальная группа из 6 человек во главе с С. Заимовым, в которую входил и Г. Бенковский.

Члены внутренних революционных комитетов больше всего были озабочены поисками денег и оружия. Они хотели, чтобы Центральный комитет достал их у богатых болгар в Румынии и России. Они требовали присылки военных руководителей и обеспечения реальной помощи со стороны Сербии, Черногории, Румынии и России. Центральный комитет надеялся, что начало восстания побудит богатых болгар развязать свои кошельки и вызовет движение чет из-за Дуная, а болгарские офицеры, служившие в России, бросят службу и приедут в Болгарию. В то же время комитет рассчитывал на помощь и со стороны Румынии.

Центральный комитет призывал к немедленному восстанию, не дожидаясь помощи. «И малое восстание на пользу. Если нет пушек и ружей, пусть народ восстанет с косами и дубинами»²³. Члены комитета предполагали, что если несколько чет по 100 человек перейдет Дунай, то своей формой они вызовут восторг, воодушевление и готовность к борьбе в массах болгарского народа. П. Хитов был назначен главнокомандующим повстанцами внутри страны, а Ф. Тотю должен был формировать и посылать отряды из Румынии. По стране распространялась прокламация, призывавшая к восстанию, составленная Богевым и Стамболовым и изданная Центральным комитетом²⁴. Прокламация рисовала тяжесть «варварского ига», источником которого было «неспособное и бесчеловечное правительство». Она предлагала всем болгарам от мала до велика отказываться в поддержке и помощи правительству и его приверженцам, преследовать и немилосердно наказывать их, а мирных турок не только не трогать, но оказывать им в случае необходимости помощь. До тех пор, говорилось в прокламации, пока освобождение не будет осуществлено, денежные средства частных лиц по требованию комитета могли быть употреблены для нужд освобождения, тогда как общественные средства, предназначенные на поддержание училищ и церквей, должны были оставаться неприкосновенными²⁵.

Прокламация сосредоточивала внимание на задачах национально-освободительной борьбы, социальные мотивы в ней звучали слабо. Освобождение от «варварского ига» рассматривалось как условие экономического и культурного роста. В этом документе, обращенном ко всему болгарскому народу, говорилось, что долгие страдания должны влить в их жилы юнацкую кровь, если учесть, за что идет борьба и что она принесет. «Кроме того, ты, народ, многочислен, ты в своих домах между стенами твоего крепкого Балкана, ты окружен своим имуществом. А все это — твои наиболее здоровые и непобедимые союзники». Недостаточно четко проводит прокламация социальные различия и в отношении турок. Она делит их на две группы: «мирные турки» и «правительство и его кровавые приверженцы». Первых она называет «сожителями и товарищами по страданиям» болгарского народа, вторых — виновниками его страданий. Можно догадываться, что под «мирными турками» прокла-

мация имеет в виду турецких крестьян, а под приверженцами правительства — турецкий господствующий класс.

Такое понимание подтверждается другими высказываниями Ботева, одного из авторов прокламации. В этом отношении интересно сопоставить следующие тексты:

«Правителството и привилегированите класи у всяки един народ, ще да мъчат и притесняват сиромаха...

Разбира се, че ако да би могли народите да разберат веднъж за всякого де лежат изворите на техните страдания, то те тутакси би се убедили, че главните и единствените техни врагове са самите техни правителства и онзи клас паразити, които, за да могат да прекарат своя празен и вредителен живот, са станали душа и тяло с тираните и под покровителството на «ваконите» упражняват принципите на лъжата и на кражбата»²⁶.

«Всяки българин от най-малкият и до най-голямият дължен е да постоянствува в народното решение и да недава *никаква* поддръжка и помощ на досегашното правителство и на неговите привърженици ...напротив, това правителство и неговите привърженици от сякото трябва да са гонят и наказват най-безмелостно»²⁷.

Противопоставление двух социальных групп господствующей нации в прокламации дано неясно, туманно. Вероятно, смягчение социальной остроты прокламации по сравнению с действительными взглядами Ботева объясняется воздействием буржуазных элементов Центрального комитета и в первую очередь Стамболова, которые не могли не стремиться ослабить революционно-демократическое содержание документа, шедшего от имени Центрального комитета, и, может быть, тактическими соображениями: желанием уменьшить число активных врагов обещанием «братской руки, помощи и покровительства» туркам, сохранившим нейтралитет в борьбе.

Прокламация в большей степени выражала стремление к освобождению, желание ускорить момент решительной схватки с угнетателями, чем отражала действительную готовность к борьбе. Подготовка и организация восстания шли гораздо хуже, чем это рисовалось вождями Центрального комитета в Бухаресте.

Воевода П. Хитов в Болгарию не прибыл, Ф. Тотю по-прежнему жил в Одессе. Поджечь Константинополь не удалось из-за отсутствия достаточного числа помощников и средств, да и сигнала о времени поджога группа Заимова не получила²⁸. В стране восстание должно было начаться одновременно в трех округах (Тырново, Ловеч, Старая Загора). Но и здесь подготовка восстания была крайне плоха. Стамболов, руководивший восстанием в Старой Загоре, столкнулся с оппозицией, считавшей восстание невозможным из-за его неподготовленности. Местные учителя возражали против призыва к восстанию, так как у населения не было оружия, и начинать борьбу было не с чем. Но вопреки всем возражениям Стамболов 16 сентября 1875 г. провозгласил восстание. По призыву Стам-

болова собралось всего 20 человек²⁹. Стамболов произнес клятву, которую повторили за ним остальные. Маленький отряд с песней двинулся по улице города навстречу сельским четам. Предполагалось, что соединенные отряды займут балканские проходы и отрежут Северную Болгарию от Южной. Но восстание в селах оказалось подготовленным не лучше, чем в городе. Некоторые ждали Старозагорскую дружину раньше и, не дождавшись, разошлись, другие опоздали сами, пришли после ухода дружины и подверглись репрессиям турецких властей. Кое-где крестьяне, видя малочисленность восставших, уклонялись от присоединения к отряду. Восстание превратилось в беспорядочное движение отдельных групп, не давшее никаких результатов. Отряд Стамболова дошел за два дня до Старой Планины. Стало ясно, что план провалился. Сам Стамболов отправился в Тырново, а затем пробрался в Румынию.

Таким же неудачным оказалось восстание в Северной Болгарии. Около Русе в с. Червена Вода был образован отряд, в котором насчитывалось около 20 человек. Он двинулся к Старой Планине, но, увидев, что никакого восстания нет, рассеялся. То же самое произошло в г. Шумен.

Как ни плохо подготовлено и организовано было восстание, среди городского и сельского населения нашлись группы людей, которые при всей слабости своей военной подготовки и недостатке вооружения поднялись против турецкой власти. Сама малочисленность восставших подчеркивает героический характер их решимости.

Неудачная попытка организовать восстание привела к жертвам. Многие председатели и члены местных революционных комитетов были схвачены и казнены, другие посажены в тюрьму. Некоторым участникам движения удалось бежать в Румынию. Деятельность революционных комитетов в стране замерла.

Одним из важных центров эмиграции после поражения Старозагорского восстания стал румынский город Джурджу (по-болгарски — Гюргево). Туда собрались крупные деятели движения: П. Вслов, Н. Обретенев, С. Стамболов, С. Заимов и др. Старый Центральный революционный комитет прекратил свое существование вскоре после отставки Х. Ботева и Д. Ценовича. Свою отставку Ботев объяснял расхождением во мнениях с другими членами. Как сообщает один из современников, разногласия касались характера восстания. Ботев возражал против частичного восстания, которое считал вредным³⁰.

Сейчас трудно полностью восстановить суть этих разногласий. В некоторых статьях Ботева, напечатанных перед восстанием, отражены какие-то споры и расхождения среди деятелей комитета. Такова статья, опубликованная в «Знамени» от 27 июля 1875 г., осуждающая как тех, кто ждет иностранной дипломатической помощи или возлагает надежды на повстанческие четы, так и тех, кто

воет безоружный народ к восстанию с косами и топорами. Ботев говорит в этой статье о всенародном восстании, опирающемся на революционную организацию, которая объединит силы народа и даст им должное направление³¹. На этот раз основное расхождение во взглядах происходило не между Ботевым и Каравеловым, как это было раньше, а между Ботевым и Стамболовым. Ботев верно оценивал огромное значение организации, в то время как Стамболов рассчитывал больше на неожиданность восстания, которое захватит турок врасплох³². Вследствие плохой подготовки такое восстание не могло не оказаться частичным, а как частичное не могло не быть неудачным. Таким образом, значительная доля вины за неудачу восстания 1875 г. падает на Стамболова — вождя буржуазной части Центрального комитета.

Стекавшиеся в Джурджу участники потерпевшего неудачу восстания решили продолжать борьбу. В результате переговоров между ними в Джурдже возник новый комитет, во главе которого стал Стамболов. В состав Гюргевогского комитета входили: С. Стамболов, С. Заимов, П. Волов, Н. Обретенгов, И. Драгостинов, X. Караминков, Г. Апостолов, Н. Славков, Г. Бенковский, Г. Икономов, Г. Обретенгов, Г. Измирлиев. Подавляющее большинство членов комитета были выходцами из буржуазной среды или принадлежали к мелкобуржуазной интеллигенции. Лишь двое (X. Караминков и Г. Бенковский) были ремесленниками.

Комитет решил готовить новое восстание к весне 1876 г. Предположительный срок его начала был намечен на 1 мая³³. От местных революционных комитетов требовалось в кратчайший срок осуществить необходимую подготовку. Страна была разделена на четыре революционных округа³⁴: Тырновский, Сливенский, Врачанский и Пловдивский с центром в Панагюриште³⁵. В Болгарию были посланы представители комитета, как их называли современники, — «апостолы», для подготовки и руководства восстанием на местах.

В первый округ руководителями были назначены С. Стамболов, X. Караминков, Г. Измирлиев, X. Иванов и Г. Кирков; во второй — И. Драгостинов, Г. Икономов, Г. Обретенгов, Стоил-воевода; в третий — П. Данчев, С. Заимов, Н. Обретенгов, Г. Апостолов и Н. Славков; в четвертый — П. Волов, Т. Каблешков, Г. Бенковский. Весть о предстоящем восстании распространилась среди болгар-эмигрантов в Румынии и России, и они решили готовить вооруженные отряды для участия в борьбе.

Так как вопрос о точной дате восстания до конца решен не был, некоторые (И. Драгостинов) предлагали перенести восстание на 11 мая — день болгарского национального праздника. Уже с конца 50-х годов XIX в. день церковного праздника в честь славянских просветителей Кирилла и Мефодия отмечался в болгарских школах как праздник славянского просвещения и славянской культуры. Постепенно он получил значительное распространение в

стране, и его отмечали не только школы, но и широкие слои населения. Этот день представлялся удобным для такого важного события, как начало восстания, в котором должен был принять участие весь болгарский народ.

Появление второй возможной даты начала восстания привело к путанице. По-видимому, разные округа ориентировались на разные сроки — одни на 1, другие на 11 мая³⁶.

Общий план восстания был таков. Силы Тырновского революционного округа должны были захватить город, овладеть складами оружия и вооружить бойцов. Отрядам Врачанского округа следовало напасть на Видин и Софию. Телеграфные линии, железные дороги и мосты, которыми мог воспользоваться неприятель, предполагалось разрушить. Перед сливенцами и панагюрцами ставилась задача защищать территорию восстания от наступления турецких войск и прервать сообщение Северной Болгарии с Константинополем. Предполагалось, что на помощь восстанию прибудет вооруженная Центральным комитетом в Румынии чета во главе с одним из известных воевод.

Восстание планировалось осуществить не на всей территории страны. Восточная Болгария исключалась, как имеющая слишком густое турецкое население. Предполагались активные военные действия, захват городов, в том числе укрепленных (Видин). Все это требовало хорошей военно-технической оснащенности, умелого военного руководства, тем более что повстанцы должны были встретиться с регулярными войсками.

Предпосылок для восстания было достаточно. Переворот, к которому привело бы успешное восстание, подготовлялся всем ходом исторического развития страны и достаточно назрел. В какой же мере восстание было подготовлено, в какой степени готовившие его обладали силой для совершения этого переворота?

Необходимо признать, что в военном отношении восстание оказалось неподготовленным. В округах не было военных руководителей. Старые хайдуцкие воеводы остались в стороне от восстания. Ни П. Хитов, ни Ф. Тотю, ни другие, с чьими именами были связаны годы борьбы против турецкого ига, не приняли участия в борьбе. Ни «апостолы», ни деятели местных комитетов за единичным исключением к роли военных командиров подготовлены не были.

Отсутствие точной договоренности о дате начала восстания при фактической децентрализации его подготовки в округах неизбежно должно было привести к разнобою и военной неслаженности в действиях отдельных групп повстанцев.

Плохо обстояло дело с вооружением народа. При принятии в революционную организацию нового члена от него требовали, чтобы он обзавелся ружьем с 300 патронами, кинжалом, саблей и револьвером, порохом, повстанческой формой, необходимым продовольствием и медикаментами. Так как иметь огнестрельное

оружие христианскому населению Турции было запрещено, добывали устарелые кремневые и охотничьи ружья. Через одного из членов панагюрского комитета была сделана попытка закупить оружие в Константинополе. К моменту начала восстания в Татар Пазарджик по железной дороге было доставлено 86 игольчатых ружей, но они попали в руки турок. Другая попытка купить партию ружей в Румынии была сделана Врачанским комитетом, но закупленное оружие не смогли переправить через Дунай. Ружей с металлическими патронами было мало, большинство имело бумажные самодельные патроны. Трудно было доставать порох. Его покупали у турок в Златице и у родопских помаков³⁷, которые нелегально изготовляли его. Но когда спрос увеличился, они стали торговать негодным порохом, и повстанцы в самый важный момент были лишены возможности стрелять.

По-видимому, лучше других было снабжено население Панагюриште. Население этого города раньше принадлежало к так называемым «войникам» — вспомогательным отрядам турецкого войска. Поэтому в этом городке не было дома, где не было бы какого-либо старого пистолета, попорченного ружья или заржавленного ятагана; его жители умели владеть оружием. Накануне восстания началась спешная починка оружия. Почти все ружья были кремневые. Из имевшихся нескольких современных ружей, кроме одного (системы Маузер), все были охотничьими. Не лучшими были и пистолеты³⁸. Починка наличного огнестрельного оружия, изготовление сабель, ножей и другого подобного вооружения производились не только в Пловдивском, но и в Тырновском (Габрово) и Врачанском (Кремена) округах. Однако все эти меры не могли обеспечить снабжения достаточным количеством удовлетворительного оружия.

Личное вооружение повстанцев было недостаточным, плохим. Всего вооружено было не больше 7—8 тыс. человек, но из этого количества в тех районах, которые приняли участие в восстании, находилось не более 4—5 тыс. Недостаток современного оружия побудил изготовить копья, которыми в Панагюриште вооружили конницу.

Кроме того, на вооружении повстанцев находились деревянные пушки, изготовленные из выдолбленных стволов черешни. В известном романе болгарского классика И. Вазова «Под игом» ярко описано изготовление такой пушки. У повстанцев было всего 13 деревянных пушек, частично стянутых обручами или с вставленными вовнутрь медными трубками от котлов для варки розового масла или водки. Значительная часть черешневых пушек лопалась при первых выстрелах. Те же, которые могли стрелять, выбрасывали гири от весов и подобные малопоражающие противника снаряды лишь на расстояние в несколько десятков метров.

В большинстве населенных пунктов повстанцы не были обучены стрельбе и тактическим приемам. В военном отношении восстание 1876 г. было так же плохо подготовлено, как и предыдущее.

Слабо было подготовлено оно и с организационной стороны. В городах и селах существовали местные комитеты. В период особенно горячей подготовки восстания они перешли к совершенно открытой деятельности. Комитеты нередко стремились к поголовному вовлечению односельчан в восстание. Так, в с. Мечка после церковной службы, на которой присутствовали все жители, присутствовавшие дали клятву верности борьбе за освобождение. В Панагюриште совершенно открыто шло изготовление снаряжения для повстанцев. В с. Перуштица приготовления велись настолько явно, что о них скоро стало известно турецким властям, которые, используя религиозную рознь, начали вооружать помаков. Все это открывало широкий простор шпионажу и предательству. Скрытые враги народа — чорбаджии, не бывшие ни участниками восстания, ни союзниками, в удобный момент доносили о происходившем турецким властям.

В селах комитеты старались привлечь к участию в восстании крестьян, в промышленных селах и городах — ремесленников, руководство же подготовлявшимся движением находилось в руках средней и мелкой буржуазии, мелкобуржуазной интеллигенции (учителей, сельского духовенства). Число рядовых крестьян и ремесленников в руководстве было ничтожно. Это выясняется при анализе состава комитетов в основных центрах восстания. В Копривштице, например, из 22 наиболее активных деятелей известно общественное положение 16. Это были четыре бегличия (откупщики налога на овец), торговец, мыловар, пекарь, абаджия (мастер по выработке абы), два портных, четыре столяра и плотника, учитель, полевой сторож (пъдарин)³⁹.

Есть также данные об 11 наиболее видных деятелях другого крупного центра — Перуштицы⁴⁰. Среди них: три торговца и землевладельца, два священника (один из них в молодости был торговцем), учитель, фельдшер, семинарист, мастер-сапожник, ученик, батрак.

Такое же положение в центре четвертого округа — Панагюриште. Из девяти членов подготовительного комитета имеются сведения о социальной принадлежности пяти. Трое из них принадлежали к буржуазным кругам (два торговца и содержатель постоялого двора), двое были учителями⁴¹.

Насколько можно судить по неполным данным, аналогичным был состав местных революционных комитетов и в других пунктах.

Восстание 1876 г., так же как и восстание 1875 г., готовилось и велось под лозунгами национально-освободительной борьбы. Один из членов комитета после неудачи восстания 1875 г.

писал: «Мы не оставим Турцию в покое — или все умрем, или освободим Болгарию»⁴².

В воззвании комитета, подготовленном в канун восстания в четвертом революционном округе, говорилось: «Пришел уже конец зверским злодеяниям, которые вот уже пять столетий терпит наш народ под гнусной турецкой властью... Всякий честный болгарин, в жилах которого течет чисто болгарская кровь..., должен взять оружие в руки, чтобы все восстали, как один человек, и тем с первого удара смутили неприятеля». Во имя свободы, чести и человеческого права комитет призывал: «Или свобода, или смерть всего населения»⁴³.

Другие документы также звали к единству действий и борьбе до конца. Одно из воззваний, выпущенных от имени болгарского национального правительства, опубликованное в русской печати, звало покинуть плуг и ткацкий станок и прибыть в указанное агентами правительства место⁴⁴.

Нигде в других известных нам прокламациях не содержалось подобного обращения к ремесленникам и крестьянам, хотя оно было бы вполне естественно, поскольку только при поддержке масс восстание могло иметь успех. Этот интересный факт единичен.

Для изучения лозунгов, выдвинутых в это время, большой интерес представляют документы, связанные с деятельностью Х. Ботева. Один из них — обращение ко всем народам Балканского полуострова — известен нам по публикации в газете «Современные известия», которая называет его «Воззванием национального правительства». Оно датировано 25 июня 1876 г. Не имея возможности разъяснить эту слишком позднюю дату, мы не видим оснований отказаться от рассмотрения этого документа. Известный болгарский специалист по изучению Ботева и его эпохи академик М. Димитров признал автором этой прокламации Х. Ботева. В ней действительно есть мотивы, близкие идеям последнего. Во всяком случае это документ восстания.

Прокламация призывает все балканские народы к участию в общем восстании против турецкой тирании. «Пусть греки, албанцы, румыны по примеру сербов Сербии, Боснии, Герцеговины, Черной Горы и Старой Сербии присоединятся к нам с целью, для нас общей, прогнать мусульман из нашего наследия! Забудем все мелкие предрассудки и соединимся, пока не завоюем всю нашу свободу, и пусть не будет видно ни одного врага на наших благоденственных богем полях. — Тогда и только тогда мы остановимся, чтобы дать себе управление и упрочить наши общие интересы»⁴⁵.

Прокламация провозглашает от имени болгарского народа решение не вкладывать шпагу в ножны до завоевания свободы, «которая любезна каждому народу, достойному ее».

К этому документу близка по своему содержанию другая прокламация, также помеченная июнем 1876 г. и подписанная фами-

лиями Х. Ботева, С. Стамболова, Г. Тирнова и Д. Волнова. Она, несомненно, написана после получения сведений о неудаче Апрельского восстания. В ней указывается, что «ни гунны, ни вандалы, ни никакой другой варварский народ времен переселения народов не совершили тех гнусностей, какие совершили ныне турецкие и черкесские орды над мирным болгарским населением». В прокламации рассказывается о зверствах турок и содержится призыв к народам Европы и христианам всех частей света: «Братья-христиане!.. Если в ваших жилах еще течет та благородная кровь, которая так часто была проливаема за возвышенное дело цивилизации, то поспешите на помощь вашим несчастным братьям, которые такие же люди, как и вы... Поставьте в союзе с нами грань азиатскому варварству, которое в течение 500 лет служит позором для Европы и ее христианской цивилизации... Отбросьте от вас эгоистические и узкие точки зрения варварофильской дипломатии и докажите делом, что вы не оставите неотомщенными гекатомбы жертв турецкого варварства». Далее прокламация, как и предыдущая, призывает народы Балканского полуострова к общему восстанию и специально обращается к румынам (воззвание было первоначально напечатано в румынской газете), зовя их на помощь болгарскому народу⁴⁶.

Третье ботевское воззвание отличается особой широтой перечисляемых в нем групп населения, которые оно призывает к борьбе. Это пастыри и наставники церкви, учителя, граждане (владеющие домами и имуществом), поселяне, жители Мизии, Фракии, Македонии, богатые, бедные, военные, епископы, монахи и весь церковный клир. Воззвание призывает бедных помогать всеми силами восстанию и проливать кровь в святой войне против турок, а для богатых считает достаточным денежное пожертвование. В воззвании содержится угроза по адресу тех, кто не примет в какой-либо форме участия в борьбе: «Не помогут нам богатые, пусть лучше их не станет, как вещи ненужной! Не помогут нам бедные, неспособные, и их пусть не станет!..

Кто не за нас, тот против нас! Кто же против нас, тот против бога и против свободы!»⁴⁷

Таким образом, хотя некоторые группы деятелей восстания подчеркивали свое стремление опереться на крестьян и ремесленников, выявляя этим свою классовую ориентацию, хотя все руководители восстания, готовясь к нему, организуя его, рассчитывали прежде всего на участие в нем крестьян и ремесленников, ни один документ восстания не содержит никаких социальных требований и лозунгов, призывая исключительно к освободительной борьбе против турецкого господства.

Следует отметить, что объективно стремление к национальному освобождению было большим, чем стремление к чисто политическому перевороту. Болгарская мелкая и средняя торговая и торгово-промышленная буржуазия боролась против турецкого

феодалного государства, феодальных пут, препятствовавших нормальному экономическому развитию, т. е. развитию капиталистическому. Она боролась против национального гнета и политического бесправия, ощущавшихся всеми слоями населения, против гнета, который создавался и поддерживался турецким государством, был его неотъемлемой частью, способствовал застою, политическому и экономическому упадку. Болгарская буржуазия не выдвигала социальных требований, в частности требования об уничтожении турецкого крупного землевладения. С одной стороны, это, вероятно, объяснялось тем, что крестьяне освободились от спахийской зависимости. Что же касается чифликов, они не всюду были многочисленны, хотя в ряде районов страны представляли заметное и важное явление и не могли не затрагивать интересы крестьян. С другой стороны, в некоторых районах Болгарии обезземеливание крестьян достигло очень крупных размеров (до 30—40%). Там взаимоотношения крестьян и землевладельцев принимали иной характер и не могли не вызывать у крестьян стремление получить землю тем или иным способом. Все эти разнообразные и острые нужды крестьян в программных документах не отражены. Исследователь может полагать, что турецкое помещичье землевладение было одним из устоев феодальной Турецкой империи и неизбежно пало бы вместе с нею. Турция, против которой велась борьба, была тем препятствием, которое мешало буржуазному развитию Болгарии. Однако достаточно ли ясно понимали это болгарские крестьяне в 1876 г.? Ответить на этот вопрос могут только данные о степени участия крестьян в восстании.

Нельзя не остановиться здесь на том, как решался национальный вопрос руководителями Апрельского восстания. Выше указывалось, как относился к этому вопросу в 1875 г. Центральный комитет, во главе которого стоял Х. Ботев. Национальный вопрос обсуждался на собрании, состоявшемся 17 апреля 1876 г. под председательством Г. Бенковского. В протоколе собрания содержится план предстоящих действий в четвертом Пловдивском революционном округе и более детально и практически, чем в прокламации, написанной Ботевым и Стамболовым в 1875 г., рассматривается национальный вопрос. В протоколе указано, что по отношению к турецкому крестьянскому населению необходимо применить насилие, огнем и мечом принудить его к сохранению мира, предусматривался вывод турецкого населения из сел со смешанным населением и т. д.⁴⁸

План, разработанный на собрании 17 апреля, не был планом революционно-демократической политики в отношении турецкого населения. Если в нем и были ноты, продиктованные стремлением к национальному миру, они тонули в положениях, ведущих совсем к иным последствиям. Данный план мог привести к борьбе не только с правящими турецкими классами, а со всем турец-

ким населением страны, так как трудно предполагать, чтобы любое турецкое село, подвергшееся нападению повстанцев, не ответило бы на это нападение вооруженной борьбой. В национальном вопросе позиция, занятая вождями восстания в четвертом округе, радикально отличалась от позиции Ботева. Такая позиция неизбежно должна была привести при ее осуществлении к развязыванию национальной розни.

Как же реагировала масса населения на все эти призывы? Как отнеслась к начинавшейся освободительной борьбе основная сила восстания — крестьянство? Было ли достаточно распространявшихся среди населения лозунгов, чтобы всколыхнуть всю его массу?

Шире всего восстание развернулось в Пловдивском округе, центром которого был город Панагюриште, в прошлом село с населением из войников, пользовавшееся привилегиями вплоть до военной реформы в Турции. Как привилегированное поселение, Панагюриште всегда было чисто болгарским селом, где не могли жить турки, и только в 1856 г. сюда был назначен полицейский чиновник (мюдур) с двумя-тремя стражниками. Но и после этого значение турецкой полиции было невелико, так как городок сохранил самоуправление и свою болгарскую стражу.

Во главе революционного округа стоял П. Волон, происходивший из богатой среды. На средства своего дяди он окончил гимназию в Николаеве. Вернувшись на родину, он стал учителем. Его помощником был Георгий Бенковский (настоящее имя Гаврил Хлытев) из Копривштицы. Ученик портновского цеха, имевший уже опыт участия в революционном движении, Бенковский скоро занял руководящее положение в Панагюриште, а Волон действовал в родном городе Бенковского — Копривштице, в городе Карлове и их окрестностях.

Подготовка восстания заключалась в агитации, привлечении новых сторонников, в создании необходимых запасов вооружения и продовольствия. Копривштицу было решено сделать центром восстания в округе, поэтому там стремились сосредоточить запасы продовольствия. В марте 1876 г. крестьяне под видом продажи на местном базаре стали подвозить туда продукты в таком количестве, что это привлекло внимание и вызвало толки у соседних турок. Была организована регулярная комитетская почта, осуществлявшая связь между отдельными пунктами. Для наблюдения за безопасностью связи, для разведки в чорбаджийской среде, для слежки за всеми проходящими в село посторонними лицами, для охраны и наблюдения за дорогами около сел в ночное время была создана «тайная полиция», требовавшая от проходящих ночью знания пароля⁴⁹. В округе формировались и вооруженные силы восстания. Они должны были состоять из отрядов по 100 человек, в свою очередь распадающихся на десятки. Во главе всей сводной дружины Копривштицы в качестве тысячника

был поставлен учитель Найден Стоянов, в Панагюриште тысячником был назначен учитель П. Бобеков. Комитет назначил сотников, которые стали подбирать в свои отряды десятников и рядовых четников. В Копривштице сформировали пять отрядов по 100 человек. Члены комитета независимо от своих функций по комитету входили в тот или иной отряд.

Односельчанам, находившимся в отлучке, — а в таких промышленных и торговых селах, как Копривштица, значительное количество мужчин на зимние месяцы уходило на заработки, на сторону, — было разослано письмо, в условных выражениях сообщавшее о предстоящих событиях. «Жених прибыл, свадьба будет после пасхи», — говорилось в нем. Многие получив такое письмо, возвращались домой, чтобы принять участие в борьбе.

Военная подготовка велась вполне открыто. В Копривштице начали упражняться в стрельбе, что вызвало беспокойство недавно назначенного начальника околии (района), но его успокоили выдуманном рассказом о том, что таков местный весенний обычай.

В предпасхальный период деятельность комитета усилилась. Общее возбуждение росло. Оно захватило даже группы населения, до того оставшиеся в стороне. Все большее участие в подготовке восстания принимали представители богатых семей, дававшие средства на закупку оружия. Во многих домах занимались приготовлением патронов и отливкой пуль.

Велась оживленная переписка с другими пунктами. Из Панагюриште запрашивали Копривштицкий комитет о ходе подготовки. Из Врацы сообщали о готовности к восстанию. Несмотря на меры, предпринятые «тайной полицией», чорбаджиям было ясно, что готовятся крупные события. В самих селах дело получило такую огласку, что даже дети знали о готовящемся восстании⁵⁰. Знали о нем и турки. Мюдюр из Панагюриште даже взял отпуск, чтобы не быть на месте в момент восстания. Русский консул в Пловдиве доносил, что власти вооружают турецкое население и натравливают его на болгар⁵¹.

Тем временем руководители подготовки к восстанию решили провести широкое собрание представителей от всех местных комитетов округа, чтобы решить оставшийся все еще открытым вопрос о дне восстания. Собрание состоялось 13—16 апреля 1876 г. в глухом месте в горах в районе Панагюриште, которое носило название Обориште. На собрании присутствовало 65 человек, представлявших 58 городов и сел⁵². Начались большие споры по самым основным вопросам. Панагюрский тысячник П. Бобеков говорил о том, что с восстанием не следует спешить, так как оно не готово и народ не вооружен. Это был голос меньшинства, но он отражал колебания и сомнения повстанцев. Член Копривштицкого комитета П. Беловеждов сообщал о различии в настроениях участников подготовки. У некоторых комитетских деятелей возникали сомнения относительно возможности добиться осво-

бождения в борьбе один на один с султанской Турцией без помощи каких-либо европейских государств, особенно России. Были лица, не верившие в успех восстания, которые хотели бы отказаться от участия в нем, но считали, что подготовка его зашла так далеко, что страдать придется и без восстания, и они продолжали участвовать в деле, в успех которого не верили.

Предложение П. Бобекова, возражавшего против поспешного восстания безоружных людей, было отклонено. Разногласия между повстанческими руководителями, трения между Бенковским, отражавшим взгляды демократических кругов, и Панагюрским комитетом, буржуазные представители которого хотели до начала восстания послать особую депутацию в Европу, чтобы ходатайствовать перед правительствами великих держав об их вмешательстве в дело освобождения болгарского народа, побудили Бенковского требовать признания за членами Центрального комитета неограниченных полномочий, чтобы их единой волей спаять всех, подчинить этой воле колеблющихся и не допустить оттяжки восстания. Бенковский добивался того, чтобы за «апостолами» было признано право объявлять восстание, назначать воевод, давать директивы по вопросам восстания⁵³. Не без труда при сопротивлении со стороны значительной части собрания ему удалось провести желательное решение. Вопрос быть или не быть восстанию был решен единогласно. Специальная комиссия, избранная собранием, составила протокол, в котором излагался план восстания, вызвавший на самом собрании ряд споров.

Начало восстания было назначено на 1 мая, но только 25 апреля все должны были быть окончательно об этом извещены. Предполагали прервать телеграфную и железнодорожную связь, сжечь города Адрианополь, Пловдив, Татар Пазарджик, Карлово, Златицу, Ихтиман, сжечь все села, которые могли выступать против восстания⁵⁴. Дружины чисто болгарских сел должны были напасть на села со смешанным болгарско-турецким населением, освободить болгар и отвести их на сборные пункты. Турок, которые пытались бы оказать сопротивление, следовало перебить, жилища их разорить, тех же, которые покорились бы, — разоружить и принять меры к охране их имущества. Был намечен порядок действий против черкесских сел и некоторых городов. Однако отчетливого во всех частях плана с перечнем нужных организационных мероприятий выработать так и не удалось. В частности, в начале протокола говорилось о поджоге Адрианополя, но далее отмечалась невозможность принять какое-либо решение из-за отсутствия там своих людей. Значительное внимание уделялось вопросу о защите горных проходов. Указывалась численность отрядов для их защиты, назначались воеводы для действий в горных проходах. Было намечено, в какие пункты с театра боевых действий должно уходить болгарское население, не принимающее в них участие (женщины, дети).

Все эти решения не устранили сомнений и разногласий между руководителями повстанцев. Не прекращались трения и раздоры между Панагюрским комитетом и Бенковским. В комитете продолжали обсуждать вопрос о необходимости заручиться сочувствием великих держав. Идея послышки депутации вызывала резкие упрёки в адрес Бобекова, который знал иностранные языки и которого Бенковский подозревал в желании уклониться от боя.

Как ни проверяли полномочия у присутствовавших на собрании в Обориште лиц, проверить их намерения и мысли было невозможно. Один из участников собрания, управляющий турецким чифликом и содержатель сельской лавки Ненко Стоянов (из с. Балдево), донес турецким властям в Татар Пазарджике о виденном и слышанном.

Остается неясным, как он попал в Обориште, какие полномочия предъявил и как проник в ряды участников организации. Известно, что он никого из крестьян к восстанию не призывал и в подготовке его не участвовал. Предполагают, что он узнал о происходившей работе комитетов и присоединился, чтобы использовать движение в свою пользу. Если бы он увидел, что дело клонится к успеху болгарской стороны, он бы остался в рядах повстанцев. Но он понял, что условия борьбы тяжелы и не сулят успеха. Есть даже сведения, что, идя на собрание, он предупредил об этом каймакама, т. е. пришел в Обориште как турецкий шпион⁵⁵.

Следует отметить, что и чорбаджии Копривштицы, как и чорбаджия Ненко Стоянов, старались обезопасить себя предательством. Они послали донесение пловдивским властям, которое, правда, не достигло цели. В числе предателей был дядя видного деятеля местного революционного комитета Т. Каблешкова, который знал о подготовке восстания от племянника. Будучи крупным скотоводом, он, чтобы спасти себя и свои богатства во время восстания, решил отогнать свой стада в горы. По дороге, в Златице, он был позван в конак, где рассказал все, что знал.

В связи с предательством события приобрели иной ход, чем это предполагалось планом.

Из Пловдива в Копривштицу 19 апреля 1876 г. был выслан отряд из 10 конных стражников для поимки бунтовщиков, из Татар Пазарджика подобный отряд был послан в Панагюриште. Предводитель этого отряда не спешил. Он решил собрать сведения о положении в Панагюриште и, узнав, что путь занят болгарской дружиной, не решился туда идти и вернулся назад. Первый же отряд прибыл в Копривштицу, занял конак, взял двух заложников и потребовал выдачи бунтовщиков. Собранный Каблешковым военный совет признал невозможным выдать кого-либо из участников движения и решил в случае, если будет сделана попытка начать аресты, поднять восстание.

20 апреля утром турки арестовали двух членов копривштицкого комитета и сделали попытку захватить Каблешкова. Это по-

служило поводом к началу действий. Ударили в набат и собрали повстанцев. Часть вооруженных людей двинулась к конаку, часть была поставлена на дороге, ведущей в Пловдив, чтобы преградить ее. Почти все повстанцы явились по призыву, и лишь единицы пытались уклониться от участия в действиях. От турецких полицейских потребовали освобождения арестованных членов комитета и предложили сдаться. Первое требование было выполнено, но полицейские не сдались и, увидев подходящий момент, бежали. Город был объявлен свободным, и управление им взял на себя военный совет. В Панагюриште было послано уведомление о происшедшем.

В Панагюриште продолжались разногласия, проявившиеся еще на собрании в Обориште. Еще во время собрания было получено письмо из Врацы, где сообщалось о полной готовности к восстанию. Затем запрос о степени готовности был послан Стамболу. В своем ответе он убеждал с восстанием не спешить, имея в виду предстоящее объявление Сербией войны Турции, и рекомендовал отложить восстание во всех округах до начала сербо-турецкого столкновения. Хотя Бенковский скрыл это письмо от членов комитета, все же о нем стало известно. Это усилило разногласия и недовольство. Группа членов требовала отчета от Бенковского в его действиях; но ничего не добились. Представители буржуазии в комитете, как и раньше, предлагали послать в момент восстания депутатов за границу, чтобы просить поддержки великих держав, но Бенковский считал такую депутацию несвоевременной. Лишь с большим трудом удалось уладить недоразумения и разногласия между членами комитета и Бенковским.

Во второй половине дня 20 апреля в Панагюриште прибыл гонец из Копривштицы с письмом о происшедших событиях и провозглашении восстания. Было собрано экстренное собрание Панагюрского комитета, на котором Бенковский прочел письмо. В Панагюриште рассчитывали начать восстание 1 мая. Поэтому некоторые члены комитета предложили подождать хотя бы несколько дней, пока не придет оружие из Константинополя. Но Бенковский не согласился с возражениями. Попытка тысячника П. Бобекова удержать Бенковского от немедленного выступления осталась также безрезультатной. Восстание было объявлено. Члены комитета Бенковский и Бобеков и большая часть сотников, одетые в повстанческую форму, двинулись к рынку, где собрался почти весь город. Здесь Бенковский поднял зеленое знамя с золотым львом, наступившим на полумесяц, и выкрикнул: «Восстание, восстание!» Было убито несколько стражников, остальных арестовали. Был создан военный совет, который должен был руководить всем восстанием⁵⁶. Случайно находившиеся в Панагюриште крестьяне из соседних сел были отосланы обратно в села, чтобы поднять восстание и там.

Уже в это время обнаружилось различное отношение крестьян к восстанию. Так, в ближайших окрестностях Панагюриште жители одних сел восстали и ушли в город, жители других примкнули к восстанию, но остались в своих селах. В некоторых селах, где было смешанное турецко-болгарское население, оно заключило соглашение совместно обороняться от всяких нападений, с чьей бы стороны они ни шли. К сожалению, опубликованные источники не дают возможности разобраться в причинах такого поведения крестьян.

Первым делом военного совета было нападение на с. Стрелча, лежавшее между Копривштицей и Панагюриште, население которого состояло из турок и татар и овладение которым считали нужным для связи повстанцев этих пунктов. На Стрелчу выступили панагюрский отряд и отряды из Копривштицы. Жители Стрелчи укрылись в мечети. Повстанцы подожгли лежавшее поблизости от нее сено, и дым, проникавший в мечеть, заставил осажденных вступить в переговоры, которые не привели ни к какому соглашению. Взять каменную мечеть при отсутствии артиллерии оказалось невозможным. Набег на Стрелчу оставил разгромленные и сожженные повстанцами дома, а также некоторое количество убитых турок. Эта неудача имела тяжелые последствия, так как мобилизовала против повстанцев окрестное крестьянское турецкое население. Собравшиеся значительные турецкие отряды заставили прекратить борьбу под Стрелчей.

В целях охраны города на дорогах, ведущих к нему, были поставлены заслоны. Вокруг Панагюриште стали сооружать укрепления, на которых поставили черешневые пушки. Бенковский с небольшим отрядом объезжал ближние села, чтобы привлечь их к восстанию.

Уже в селах Мечка, Поибрене к первоначально небольшому отряду Бенковского присоединились в первом 25, во втором 30—40 человек. Это были батраки, ремесленники, крестьяне. Кроме того, из с. Мечка в Панагюриште был послан отряд в 20—25 человек для постройки укреплений. И в других селах к отряду Бенковского примыкали конные или пешие отряды. При возвращении в Панагюриште чета Бенковского состояла из 200 человек.

22 апреля было произведено торжественное освящение знамени, которое вышивала местная учительница Райна Попова (Футекова). Освящение знамени превратилось в своеобразную демонстрацию. Райна со знаменем в руке ехала по городу на лошади, которую вели два повстанца. Около нее шел Бенковский. На лошади же в церковном облачении ехал член комитета священник Груйо. На другой день Бенковский со своим подвижным отрядом двинулся по соседним селам. Когда он прибыл в с. Петрич, туда явился турецкий отряд. Произошло столкновение, в котором приняла участие и чета Бенковского. В результате схватки турок отбросили. 25 апреля отряд Бенковского двинулся в лес около

Еледжика, где было собрано болгарское население из восставших сел, а оттуда в соседние села. Во время пребывания Бенковского в Еледжике была организована охрана села. В с. Сестрима он распорядился о доставке продовольствия в горы и в случае опасности о переводе туда женщин и детей. В посещенных Бенковским пунктах в его отряд вступили новые бойцы. Предполагалось, что затем он установит связь с болгарским населением левого берега Марицы, чтобы начать действия против Татар Пазарджика и Пловдива, и тем отвлечет внимание турок и позволит распространиться восстанию. Но планы эти не были осуществлены, так как за это время потерпели поражение восставшие крестьяне с. Клисуре. Они восстали 20 апреля, тогда как жители соседнего села Слатина не приняли участия в движении. Клисуре была предоставлена себе самой, только из Копривштицы пришло ей на помощь десятка два-три повстанцев. В течение пяти дней, до 25 апреля, клисурцы бездействовали, в то время как турки собирали отряды башибузуков. 26 апреля турецкая колонна во главе с головорезом Турсун-беем двинулась от Карлова к селу. Турки подошли к нему с трех сторон, и повстанцы начали отступать. Пошедший во второй половине дня дождь намочил порох и сделал дальнейшую борьбу для клисурских повстанцев невозможной.

После отбытия отряда Бенковского из Панагюриште в окрестные села военный совет провозгласил себя Временным правительством. Тем временем турки начали принимать меры к подавлению восстания.

Когда отряд Бенковского 28 апреля возвращался обратно, шайки черкесов и башибузуков наступали от Ихтимана на Еледжик. Положение повстанцев было трудным. Дожди, начавшиеся с 26 апреля, лили не переставая, мокрый порох не давал вспышек, и в лучшем случае удавалось сделать половину выстрелов, а то и того меньше. Между тем и панагюрский отряд, поставленный на дороге в Татар Пазарджик, уже 26 апреля вступил в бой с турками, и ему пришлось просить подкрепления. На другой день к Еледжику прибыли новые турецкие силы. Бенковский занял с защитниками города выгодную позицию на высоте, близкой к туркам, но стрелять запретил, чтобы не обнаруживать свою слабость. Тем временем до защитников Еледжика дошли слухи о неудаче под Стрелчей, о разгроме Клисуре и падении Петрича. В их среде начались колебания. В течение 29 апреля под Панагюриште шел упорный бой, турки обходили город, нанося тяжелые удары повстанцам и подавляя их своей численностью: против тысячи плохо вооруженных повстанцев, в основной своей массе крестьян, действовал четырехтысячный отряд регулярных войск и пять тысяч сборных, главным образом конных, черкесских и турецких отрядов. Бенковский хотел взять достаточные силы, чтобы идти на помощь окруженному центру — Панагюриште, но повстанцы Еледжика не хотели уходить от своих семей. Находясь

шиеся же здесь панагюрцы ушли без разрешения Бенковского со своей четой. Негодование еледжичан на то, что отряд Бенковского покидает их в тяжелый момент, и их отчаяние были столь велики, что замышлялось даже убийство Бенковского из засады, но в последний момент на это не решились⁵⁷.

После ухода отряда Бенковского турки атаковали Еледжик. Большая часть защитников была вооружена пистолетами, косами и топорами. Несмотря на то, что на позицию выдвинули черешневую пушку, из нее не успели выстрелить. Турки начали артиллерийский обстрел, повели правильное наступление. Стало ясно, что безоружные крестьяне сопротивляться не могут. Началось бегство.

Оставшаяся в руках турок Стрелча стала пунктом, где сосредоточились турецкие войска под командой Хафиз-паши. Однако в течение двух дней, 26 и 27 апреля, он, ожидая подкреплений, ограничивался разведкой. Подтянув новые отряды пехоты, кавалерии и артиллерии, 28 апреля Хафиз-паша начал наступление. Он двинул свои части по возвышенностям, окружая Панагюриште и занимая позиции, господствовавшие над позициями повстанцев. Ему удалось расстроить ряды повстанцев, заставить их покинуть позиции и уйти в город. На следующий день отряды восставших вновь выступили на позиции, но турки не наступали, и на ночь все вновь вернулись в город.

Защита города была тем труднее, что сюда сошло население из 20 окрестных сел, а против крупновеских орудий защитники могли выставить лишь деревянные пушки. Получить помощь из Копривштицы оказалось невозможным, так как путь был перерезан. Настроение падало. 30 апреля собралось немногим больше 200 человек с кремневыми ружьями и черешневой пушкой, которые расположились на позиции у леса к юго-востоку от Панагюриште. Но турки заняли высоту, господствующую над лесом, и повстанцы оказались не в состоянии здесь удержаться. Восставшие при своем неудовлетворительном вооружении все же героически вели борьбу. Силы повстанцев были теперь сосредоточены на другой позиции к востоку от города — на высоте Кукла. Сюда направили деревянные пушки и все людские силы. Но одно деревянное орудие при втором выстреле разлетелось, а другое успело выстрелить дважды. Удержать турецкие войска повстанцы не могли.

Во второй половине дня 30 апреля сопротивление повстанцев было сломлено, и турки с трех сторон ворвались в Панагюриште. Борьба продолжалась и в городе. Повстанцы, пользуясь укрытиями, стреляли по наступающим туркам из дворов. Отчаяние увеличивало силы сопротивления населения.

Отсутствие оружия побуждало применять любые средства, чтобы причинить хотя бы небольшой вред противнику. Женщины старались запорошить толченым перцем глаза входившему в дом турку, чтобы бить его тем, что попадалось под руку. Нет нужды

говорить, как мало могли помешать турецкому наступлению такие приемы. Явный перевес сил противника и невозможность бороться побуждали многих искать спасения путем бегства в горы.

Охваченный пламенем пожаров и залитый кровью город был в руках турок. Их предводитель предоставил своим войскам полную свободу грабежа. Творились невероятные бесчинства. Мужчин, женщин, детей убивали. Над девушками и женщинами чинили насилия, беременным вспарывали животы. Подверглась надругательствам учительница Райна, ее отец был зарублен. Многие предпочитали самоубийство жестоким пыткам и мучительной смерти. В Панагюриште погибло 1800 человек.

В Копривштице еще 20 апреля в состав военного совета было введено двое чорбаджиев, один из которых участвовал в собрании местных богачей, происходившем 10 апреля, где было решено уведомить турок о предстоящем восстании. Введенные в состав совета чорбаджи хотели предать восстание и его руководителей, которые включили их в совет в ложной надежде объединить всех для совместной борьбы. Вслед за расширением состава военного совета вокруг села начали рыть окопы. 21 апреля состоялось освящение знамени. С 22 апреля в Копривштицу стали приходить беглецы из окрестных сел. Через два дня здесь собралось много повстанцев, прибыли Волон и Икономов, чтобы возглавить движение, один — в Копривштице, другой — в Карлове. Предполагалось совершить набег на соседние турецкие села, чтобы сжечь их, но замысел не удался из-за начавшегося ливня, намочившего порох. 25 и 26 апреля военный совет обсуждал перспективы дальнейшего хода дел и решил спасти население от резни мирной сдачей села туркам. Повстанцы, желавшие продолжать борьбу, должны были уйти в горы, чтобы там сражаться с турками. Так введенные в состав военного совета чорбаджи готовили капитуляцию.

26 апреля было сожжено с. Клисурса, расположенное недалеко от Копривштицы. Население сгоревшего села переехало в Копривштицу, где было радушно принято.

В течение 25, 26, 27 и 28 апреля приходили письма из Панагюриште с указаниями и советами. Бенковский требовал приготовить тысячу комплектов повстанческой формы. Военный совет принялся за организацию пошивки обмундирования. В одном из последних писем панагюрцы сообщали о концентрации против их города турецких регулярных войск и башибузуков и просили помощи. Но Копривштицкий военный совет вместо оказания помощи сообщил о своем плане отвода повстанцев в горы и предлагал то же панагюрцам.

Судьба соседних городов и селений взволновала Копривштицу. 28 апреля по инициативе Т. Каблешкова было собрано совещание для обсуждения положения, так как была ясна невозможность сопротивления. В совещании участвовали все местные богачи и чорбаджи. Вновь было сделано предложение вывести повстан-

цев в горы, а село сдать правительственным войскам, пригласив их письмом с просьбой о защите от повстанцев. Такое письмо было написано. В нем высказывалась жалоба на насилия, испытанные мирными жителями от повстанцев, которые, уходя из села, насильно увели с собою некоторых крестьян. Письмо заканчивалось просьбой прислать войска для охраны жителей⁵⁸. Так чорбаджийские элементы, обманув надежды руководителей восстания, предавали его. Местные комитетские вожди оказались в плену ошибочной идеи всеобщности восстания.

На следующий день повстанцам было объявлено решение. Чорбаджии сеяли рознь в среде повстанцев, говоря, что предводители бросят их и уйдут в Сербию. Агитация чорбаджиев возбудила население, которое напало на повстанцев, стало их обезоруживать и отправлять в сумасшедший дом. Каблешков запретил стрелять в толпу, что придало смелости противникам восстания. Руководители движения укрылись от возбужденной толпы в аптеке, где и были заперты. В это время прибыли бежавшие из Панагюриште тысячник Бобеков и несколько повстанцев. Они обманули чорбаджиев, рассказав им о разгроме турок в Панагюриште. Эти рассказы успокоительно подействовали на взволнованную чорбаджиями толпу, которая стала расходиться. Тогда Бобеков сбил топором с двери аптеки замок и освободил арестованных руководителей, освободил он и повстанцев, запертых в другом месте. Беженцы из Панагюриште и часть копривштицких повстанцев покинули село, жители которого остались ждать милости от победителей. Но агитация чорбаджиев сыграла свою роль. Лишь небольшая часть повстанцев решила уходить в горы. Во главе с Воловым, Икономовым, Каблешковым из Копривштицы двинулось лишь 27 человек.

После разгрома Панагюриште, 30 апреля, часть турецких войск была послана к Копривштице. Подойдя к селу, турки начали обстреливать его из пушек. Напуганные чорбаджии послали командиру турецких войск Хасан-бею сообщение, что они охотно примут турок и просят пощады. Для переговоров был послан священник, которого турки убили. Прибывшие затем в турецкий лагерь чорбаджии молили на коленях о помиловании. Бей приказал им сдать оружие: чорбаджии ждали этого, они уже приготовили оружие для сдачи. В село вступили войска и башибузуки. Войска взяли сданное оружие и ушли. После этого Хасан-бей предоставил село произволу башибузукских шаек. Через несколько дней прибыл остававшийся до того времени в Панагюриште командир турецких войск, который арестовал священников, обнаруженных участников восстания, чорбаджиев и послал их в Софию.

В Копривштице было убито 130 человек, женщины и девушки подвергались насилиям. Так предательство чорбаджиев не принесло спасения населению. Удалось лишь за солидную взятку спасти село от поджога⁵⁹.

Жестокая судьба постигла с. Батак. Оно должно было стать одним из самых крупных повстанческих центров. В него предполагалось собрать участников революционной организации из 30 населенных пунктов, расположенных по фракийским и македонским склонам Родоп. Но этого не произошло, и настроение защитников упало, а влияние противников восстания усилилось. Восстание было провозглашено, но активных действий не начали. Никакой серьезной подготовки к борьбе не провели, тщетно ожидая прибытия помощи. Слабость повстанцев побудила их согласиться на переговоры с соседними турецкими агами, которые не решались сразу на прямую борьбу, так как шли слухи, что в среде восставших есть русские («московцы») и сербы, и рассчитывали выиграть время, затянув дело. Договорились о том, что батакчане не причинят вреда мирному населению, а из турецких и помакских сел будут отпущены в Батак жившие там болгары. Но они находились в зависимости (по-видимому, феодальной) от турецких аг, которые послали своих приспешников чорбаджиев к батакчанам сообщить об отказе болгарского населения от предложения перебраться в Батак⁶⁰.

Положение Батака, расположенного в долине, окруженной возвышенностями, делало невозможной для повстанцев оборону, если бы эти возвышенности были потеряны. 29 апреля на одной из возвышенностей появились турки. Вместо того чтобы дать отпор им, батакчане покинули позицию без боя. На следующий день подошли новые турецкие силы. На предложение сдаться повстанцы ответили отказом. Но начавшаяся деморализация и агитация противников восстания привели к тому, что, несмотря на старания члена комитета П. Горанова удержать передовые позиции, все они были оставлены защитниками и перешли в руки турок. Повстанцы решили защищаться в самом селе.

После этого противники восстания из чорбаджийской среды сделали попытку арестовать или убить предводителей, которые, однако, успели спастись. Восставшие остались без руководства. Ночью население собралось в церкви и училище, бывших самыми прочными постройками, и в некоторых наиболее солидных домах. Турки вступили в село, и оставленные жилища были разграблены башибузуками. Турки убедили собравшееся в одном из домов население сдать оружие, после чего перебили всех без различия пола и возраста. Когда турки захватили укрывшихся в церкви, предводитель башибузуков послал к пазарджикским агам за советом, как поступить с населением села, и получил указание уничтожить всех пленных. На двух пнях рубили головы сдавшимся. Погибло около 5 тыс. человек из семитысячного населения села. Дома, училище, церковь были сожжены. Резня в Батаке была самой страшной и жестокой в XIX в. Только в XX в. претендовавшие быть носителями «высшей культуры» немецкие фашисты отняли первенство у диких азиатских орд башибузуков.

Героически сопротивлялась Перуштица, которая также должна была явиться одним из центров восстания, но оказалась изолированной от других пунктов и вынуждена была действовать самостоятельно.

Вокруг Перуштицы были расположены турецкие и помакские села, которые с самого начала движения заняли враждебную по отношению к восстанию позицию.

Крупные местные турецкие чифликчи 24 апреля предложили дать возможность занять Перуштицу отряду из турок и помаков, чтобы «охранять» село. Предложение это не встретило отклика у населения. Повстанцы были взяты под стражу, а когда полевой сторож (пъдар) албанец убил шедшего в Перуштицу брата одного из сельчан, державшего корчму в соседнем селе, были убиты турецкие посланцы. Это столкновение напугало местных чорбаджиев, которые послали к пловдивскому паше просить о присылке войска. В движении участвовало много родственников — сыновей, братьев, зятьев, внуков местных чорбаджиев, и это не позволяло им просто предать восстание. Они пытались предотвратить восстание оккупацией села турецкими регулярными войсками. Но пловдивский паша в посылке войск отказал, так как они были заняты подавлением начавшегося в других местах восстания.

Местный революционный комитет продолжал готовиться к восстанию. 25 апреля он обратился к жителям соседнего села Брястовица с призывом к совместной обороне. Было решено, что все брястовичане перейдут в Перуштицу и будут действовать общими силами. Но и в Брястовице обнаружились такие же разногласия, как в самой Перуштице. Местные чорбаджии обратились с просьбой о защите от башибузуков к видному пловдивскому чорбаджию (землевладельцу и откупщику) Гюмюш Гердану и соседнему турецкому бею, в виноградниках которого работали брястовичане. Гюмюш Гердан в свою очередь обратился за помощью к пловдивскому паше.

Тем временем вокруг села были вырыты окопы, в которых разместились защитники. 27 апреля к Перуштице подошли помаки и турки из соседних сел и окружили ее. Вскоре из Пловдива пришла комиссия, посланная пашой, с целью примирения жителей Перуштицы и соседних турок. Комиссия состояла из двух турецких землевладельцев и одного болгарского чорбаджия. Турки соседних сел поставили условием примирения сдачу оружия и выдачу в качестве заложников членов наиболее видных семей. Большая часть жителей отвергла эти условия, но некоторые из наиболее богатых жителей Перуштицы, надеясь на спасение, решили сдаться и ушли в соседнее турецкое село Устину. Вслед за тем начался бой.

Недосмотр защитников, оставивших без наблюдения один из участков обороны, дал возможность туркам проникнуть в самое село и поджечь некоторые строения. На следующий день прибыли

две роты турецкой пехоты и два эскадрона кавалерии с орудием. Командир отряда Решид-паша предложил защитникам сдаться и впустить в село войска. Предложение принято не было. 29 апреля турки начали обстреливать из орудия одну из церквей, где укрывалось население. Ночью около 300 человек бежало из села в надежде добраться до Пловдива, но удалось это далеко не всем. 30 апреля начался обстрел второй церкви, на колокольне которой засели повстанцы и стреляли по туркам, причиняя им большой ущерб. Турки перенесли огонь на колокольню и разбили ее. 1 мая в церкви и соседних зданиях сосредоточилось несколько сотен женщин и детей и 136 вооруженных защитников. Обстрел церкви с близкого расстояния давал возможность через окна наносить тяжелый урон спасавшимся там. Скоро разрушение других зданий побудило всех собраться в церкви, но стены ее уже не давали защиты, и осажденные оказались вынужденными поднять белый флаг. Посланные парламентарии были убиты на глазах остальных. Бой продолжался. 2 мая турки проникли в церковный двор, открыли огонь через окна, а затем попробовали ворваться в церковь, но были отброшены защитниками. Тогда турки вновь возобновили обстрел. Оставаться в церкви было опасно: она не защищала от рвавшихся гранат и сыпавшихся пуль; спастись было некуда, так как прорваться через кольцо осаждавших было нельзя. В этот отчаянный момент некоторые повстанцы — Кочо Чистеменский, Спас Гинев, Иван Гилев, Гого Мишев — поняли бесполезность борьбы, невозможность спасения и решили не отдавать своих близких на расправу туркам. Поняли это также и многие женщины, просившие убить их. Названные повстанцы застрелили своих детей, жен, еще ряд женщин, просивших об этом, а затем покончили с собой. Самоубийц и убитых по собственному желанию насчитывалось, по разным данным, 23 или 32 человека⁶¹. Оставшиеся в живых сдались. Они были ограблены и подвергнуты насилиям.

Картина восстания в Пловдивском округе должна быть дополнена еще некоторыми подробностями. Мы показали основные центры восстания, его ход. Предполагалось, что восстание будет общим и захватит не только названные пункты, но этого не произошло. В крупнейших городах округа — Пловдиве и Татар Пазарджике — восстание вовсе не началось; не подняли восстания и в Пештере. В некоторых селах, например Быта и Попинци, восстание было провозглашено, но повстанцы отказались уйти из своего села на соединение с другими. Такое восстание не могло принести пользы общему движению. Были села и города со смешанным турецко-болгарским населением, в частности Калагларе, Джумая, Кенели, в которых болгары и турки достигли соглашения о совместной обороне как от повстанцев, так и от башибузуков. Таким образом, фактически ход восстания далеко не соответствовал намечавшемуся плану. Действия повстанцев, естест-

венно, также были далеки от того, что предполагалось сделать. Они оказались настолько разрозненными, что превратились в ряд локальных выступлений, носивших главным образом оборонительный характер.

Пловдивский (Панагюрский) революционный округ, в котором в основном произошло восстание, очень сильно пострадал от жестокой расправы со стороны турецких войск, башибузуков и добровольных отрядов из турок и помаков. 42 села в округе были сожжены дотла, 21 — частично, тысячи человек населения были истреблены. Начались аресты, заключение в тюрьмы многих из тех, кто уцелел от расправы. Английская дипломатия поощряла турецких палачей в их кровавой расправе с восставшим населением.

Более слабые восстания произошли в других округах. В Тырновском округе восстание не приняло характера массовой борьбы, а проявилось лишь в передвижениях и частных действиях отдельных отрядов. Тот подъем, которым отличалась здесь деятельность комитетов при Левском, сменился затишьем после его гибели. Новые комитеты возникли, но не успели организовать сторонников борьбы. Здесь не оказалось такого яркого агитатора, как Бенковский. Восстание было плохо подготовлено и запоздало. Оно готовилось здесь в иных условиях, чем в подбалканских селах, так как турецкое население и охрана в северной части Болгарии были более многочисленны.

Собрание для обсуждения плана действий было созвано уже тогда, когда турки узнали о подготовке восстания. Помощники Стамболова, не успевшие решительно ничего сделать, были захвачены турецкими властями. Сам Стамболов скрылся. В результате основные центры района были парализованы, и восстание захватило только периферию округа. Оно было лишено общего плана. Самым крупным актом восстания в этом округе явились действия отряда, во главе которого стоял монах Преображенского монастыря Харитон.

Отряд этот в количестве около 200 человек образовался из жителей сел Бела Черква, Михалци, Мусина и др. В состав отряда входил бывший офицер русской армии болгарин П. Пармаков. Было решено двинуться в Трявненский Балкан, где предварительно был создан запас продовольствия. Но на пути (28 апреля) отряд был замечен пастухами-турками, которые сообщили о нем местным властям, выславшим для преследования отряд башибузуков. Уходя от натиска башибузуков, отряд отошел в Дряновский монастырь. Началось длившееся несколько дней сражение. 4 мая турки (теперь это были не только башибузуки, но и подошедшие на помощь им регулярные войска) сделали попытку взять монастырь штурмом. Но когда наступавшие подошли на близкое расстояние, они были встречены залпом, заставившим их отступить. Начался обстрел монастыря из орудий. Вскоре

повстанцев постигло несчастье. В одну из монастырских комнат, где воевода и другой монах набивали патроны, вошел повстанец с горящей папиросой, которую из почтения к воеводе бросил на пол. Папироса зажгла рассыпанный на полу порох и вызвала взрыв. Тяжело пострадал и был ослеплен воевода — поп Харитон, который был вынужден передать свои полномочия Пармакову. Хотя повстанцы лишились пороха, а некоторые из них пострадали от взрыва, борьба продолжалась.

6 мая дряновские чорбаджи прислали повстанцам письмо, в котором предлагали сдаться и обещали, что за это турки помилуют их. Повстанцы в своем ответе соглашались сложить оружие лишь после того, как турки выслушают объяснения о причинах восстания и желаниях повстанцев⁶². На следующий день предложение о сдаче прислал командир турецких войск Фазлы-папа. В ответе повстанцы упрекали его, что он не интересуется причинами восстания, и указывали, что встали на защиту прав народа. «Вы издали хатти хумаюн, который признает наши права наравне с вашими, но написанное осталось только на бумаге... Мы и поныне ждем человеческого права, но не получаем их». Неисполнение правительством своих же обещаний заставило искать прав с оружием в руках⁶³.

После этого второго обмена письмами (турки открыли артиллерийский огонь по монастырю. Начались пожары. Видя невозможность удержаться в монастыре, повстанцы, воспользовавшись темнотой ночи, покинули его).

В темную дождливую ночь произошла отчаянная схватка повстанцев с турками. Удалось пробить первую цепь противника, за ней вторую. После этого столкнулись с основными силами противника. В этом бою погибло немало повстанцев; одним из первых пал Пармаков, но часть отряда пробилась через окружавшее монастырь кольцо войск и ушла. Спасаясь группа расплылась, так как приходилось думать не о продолжении борьбы, а о спасении; одни искали его в родных селах, другие думали найти его в бегстве.

Другое выступление в Тырновском округе произошло в Габрове, где был создан отряд во главе с богатым мельником Ц. Дюзтабановым, пытавшийся действовать в ближайших к городу окрестностях и поднять соседние села, но не достигший успеха. Имели место и более мелкие проявления повстанческой борьбы. Они окончились и здесь, как в Панагюрском округе, избиением населения, грабежами, насилиями со стороны турок. К середине мая 1876 г. тырновская тюрьма была переполнена; там содержалась тысяча политических заключенных⁶⁴. И это в округе, который был сравнительно слабо охвачен революционным движением!

Еще меньшего масштаба действия были в Сливенском округе. У населения Брачанского революционного округа, охватывавшего северо-западную часть Болгарии, после крестьянского восста-

ния 1850 г. было отобрано все оружие. За деньги, вырученные от продажи скота, местный комитет купил оружие в Румынии, но не смог его переправить оттуда. Когда было получено сообщение о восстании в Пловдивском округе, выступление во Врачанском было признано невозможным из-за неподготовленности восстания.

Самым крупным событием революционной борьбы на территории Врачанского округа была переправа из Румынии отряда революционного демократа Х. Ботева. К переходу четы из Румынии в Болгарию готовились с момента начала усиленных приготовлений к восстанию. Предполагалось, что во главе четы станет известный воевода Филипп Тотю или Панайот Хитов. Возникшая в августе 1875 г. организация бухарестских эмигрантов «Болгарское человеколюбивое настоятельство», объединившая либерально-буржуазные группы, предполагала снарядить чету во главе с воеводой Ф. Тотю⁶⁵. Но Тотю потребовал за свое участие в деле значительную сумму денег. Затем он пошел на уступки и согласился, но в последнюю минуту уехал, не предупредив никого. Тогда во главе отряда стал Х. Ботев. Его помощником был бывший офицер русской армии болгарин Н. Войновский. Отряд насчитывал 175 человек, большая часть которых состояла из батраков, огородников, рабочих других категорий, многочисленной группы интеллигенции (учителя) и двух торговцев. Помимо болгар в отряд входили два албанца, босниец, черногорец и русский подданный, по-видимому, латыш⁶⁶.

Мысль об использовании парохода для переправы повстанцев из Румынии в Болгарию среди болгарских эмигрантов существовала уже в 1875 г. Ее осуществил Ботев, который 16 мая организовал посадку своих четников, под видом сельскохозяйственных рабочих, на австрийский пароход «Радецкий». На другой день четники арестовали капитана и команду, заставили их пристать в намеченном пункте турецкого берега (близ Козлодуя), где и высадились. Несмотря на то что турецкие власти опасались возможности проникновения болгарских чет из Румынии и принимали известные меры для предупреждения этого, высадка отряда Ботева произошла без всякого сопротивления со стороны турок. Возможно, что разгром основного центра восстания успокаивал турецкие власти. Хотя Ботеву и было известно о разгроме восстания в Южной Болгарии, он не терял надежды на возможность нового подъема борьбы. Начать ее и было задачей отряда.

Но вести о неудаче в Южной Болгарии дошли и до Врачанского округа. В первом же чисто болгарском селе мужчины скрылись и не показались отряду. В с. Борован, где предполагалось присоединить к отряду 400 бойцов, не присоединился никто.

Не пришла подмога и из города Врацы — центра революционного округа, где уполномоченным Центрального комитета был С. Заимов и куда Ботевым был послан специальный гонец с сообщением о движении его отряда⁶⁷.

18 мая началось преследование отряда турками (башибузуками) и черкесами, с которыми отряд выдержал бой и сумел отбиться, понеся значительные потери. Часть раненых добралась до находившейся поблизости лачуги, рассчитывая затем скрыться, но была выдана. Турки подожгли хижину и раненые четники заживо сгорели в ней. После этого столкновения чета Ботева продолжала двигаться дальше на юг. Когда она (19 мая) находилась на возвышенности Веслец, вблизи Врацы, Ботев послал в город письмо, прося приготовить продовольствие для отряда. Он надеялся этим письмом ускорить ожидавшуюся, но не приходившую поддержку. Но прежде чем письмо достигло города, Ботеву стало ясно, что такое промедление в приходе помощи есть свидетельство безнадежности дальнейшего ожидания ее. Действительно еще в конце апреля в Врацу прибыли две роты турецкой пехоты⁶⁸. Ботев двинул свой отряд далее в сторону Старой Планины. 20 мая отряд находился к юго-востоку от Врацы. Здесь на возвышенности Околчицы, вблизи вершины Вол, произошел новый бой с черкесами и башибузуками. Он начался в 8—9 часов утра и длился несколько часов. Для поддержки башибузуков и черкесов прибыли три роты регулярных войск. Перестрелка длилась до вечера и прекратилась лишь в сумерках, когда, воспользовавшись затишьем, часть четников пошла к источнику за водой. Ботев, оставшийся на позиции, был убит одиночным выстрелом⁶⁹. После гибели вождя отряд разделился на группы уже не для продолжения борьбы, а в поисках спасения. Попытка Ботева поддержать составленным им отрядом подавленное восстание была одним из последних эпизодов в трагической борьбе болгарского народа за свое освобождение в апреле 1876 г.

После непосредственного разгрома восстания силою оружия турки начали судебную расправу с захваченными повстанцами. Были созданы чрезвычайные судебные комиссии, куда входили в равном числе турки и болгары. Последние привлекались из числа наиболее крупных торговцев. Так, в комиссии Тырновского санджака представителями болгарского населения были председатель торгового суда и крупнейший торговец мануфактурой и еще шесть торговцев, некоторые из которых были одновременно и землевладельцами, а другие — ростовщиками⁷⁰. В турецкой среде родилась мысль о подаче усмирителью восстания в Тырновском санджаке Фазлы-паше благодарственного адреса не только от турецкого, но и болгарского населения. Однако даже в чорбаджийской среде идея эта сочувствия не вызывала, а последовавшие затем события сняли этот вопрос с повестки дня. Солидаризироваться открыто с палачами болгарского народа не решились даже чорбаджийские элементы. Это говорит и о силе, и о популярности восстания.

Попытаемся подвести итоги.

Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии было восстанием, в котором основной движущей силой были народные массы, прежде всего крестьянство, затем ремесленники. Именно крестьянство представляло основу движения, его главный костяк. Крестьянский состав участников определил в значительной мере ход восстания, локальный его характер, малую связь отдельных пунктов и действовавших в них отрядов между собой. Он же определил в известной мере невозможность реализации того плана, который был намечен комиссией, избранной собранием в Обориште. Крестьянские отряды, как это нередко бывало и в других крестьянских восстаниях, оказались недостаточно маневренными, неспособными решать общие задачи восстания. Нельзя не отметить и того, что степень вовлечения крестьян в борьбу не была велика, движение не подняло не только всего крестьянства, но и большинства его.

Руководство в Апрельском восстании принадлежало мелкой и средней буржуазии города и деревни и мелкобуржуазной интеллигенции. Классовый характер руководства также отразился на характере восстания. Он проявился в слабости социальных лозунгов, в попытке создания общего движения всего болгарского народа, включая буржуазные слои, в отсутствии классового подхода к турецкому противнику. Результатом этого было неумение нейтрализовать турецкое крестьянство и помаков, что в некоторых районах имело исключительное значение и повело к развязыванию национальной вражды, которую турецкие правящие классы использовали для мобилизации мусульман против болгар.

Неудача Апрельского восстания во многом зависела и от того, что представители болгарских революционеров-демократов не имели большинства как в Центральном, так и в местных революционных комитетах, а представители буржуазного руководства, как, например, Стамболов, были далеки от революционно-демократического разрешения задач восстания, которое было свойственно Ботеву. Слабость революционно-демократической струи в восстании также в известной степени определяла исход восстания. Если бы руководство действительно находилось в руках революционных демократов, вряд ли происходили бы нападения на турецких крестьян, вряд ли движение не получило бы более четких социальных лозунгов.

Апрельское восстание являлось национально-освободительным движением. Но хотя оно шло под лозунгами национально-освободительной борьбы, оно объективно являлось антифеодальным движением, движением, направленным не только против турецкого государства, но и против того отсталого, реакционного режима, который поддерживался этим государством, режима господства пашей и аг, системы ангарий, феодального откупа на-

логов и т. д. Апрельское восстание было результатом всего предыдущего развития страны, в которой росли и усиливались капиталистические элементы. Не случайно поэтому буржуазия стояла у руководства восстанием, являвшимся буржуазно-демократическим движением.

«Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая)... были буржуазно-национальные движения или „судороги“ освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества... Главным классом, который тогда, во время этих войн и участвуя в этих войнах, шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступать с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений, была буржуазия»⁷¹.

Апрельское восстание потерпело поражение. Оно не было случайностью. «Ошибочно было бы думать, — писал В. И. Ленин, — что революционные классы всегда обладают достаточной силой для совершения переворота, когда этот переворот вполне созрел в силу условий общественно-экономического развития»⁷².

Как обстояло дело в Болгарии в этом отношении? Руководящая революционная организация была слаба, а осуществленная ею подготовка к восстанию, проведенная наспех, была осуществлена недостаточно умело и правильно. Революционно-демократическое крыло революционной организации действовало в союзе с революционно-буржуазными группами, а эти последние стремились привлечь в организацию и к участию в борьбе не только широкие круги всегда неустойчивой и колеблющейся средней и мелкой сельской и городской буржуазии, но шли кое-где даже на союз с крупной болгарской буржуазией, которая тесно была связана с правящими турецкими кругами.

Результат этой политики, исходившей из задачи создания общенародного движения, мог быть только тот, какой был в действительности: предательство движения чорбаджийством и отход неустойчивых буржуазных элементов от борьбы в наиболее острый ее момент. Все это деморализовало восставшие народные массы и делало их неспособными к продолжению борьбы.

Мелкая и средняя буржуазная интеллигенция не сумела выдвинуть лозунги, жизненно близкие разным группам болгарских крестьян, различия в положении которых были весьма существенны. Общий лозунг национального освобождения оказался недостаточным, чтобы поднять всю крестьянскую массу.

Городская и сельская буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция не сумели подготовить и организовать восстание, не сумели руководить событиями в ходе борьбы. Руководители восстания не смогли направить и повести активные действия. И восстание в самом начале было вынуждено перейти к обороне.

Ошибочная классовая и национальная политика вождей вос-

стания была одной из причин его неудачи. Но нельзя не отметить слабости его подготовки, которая также вела к неудаче.

Революционные округа, предоставленные сами себе, фактически превращались в автономные области, над которыми не было общего руководства комитета. Это повело к провалу замысла одновременного восстания. Каждый округ самостоятельно решал вопрос о сроке восстания. Отсутствие связей и централизации повело к тому, что восстание началось не сразу, а открытый характер подготовки позволил туркам заранее узнать о готовящихся событиях, предпринять меры к их предупреждению, а затем разбить восставших по частям.

Восстание не было подготовлено в военном отношении. Лишь некоторые из числа руководителей были знакомы с военным делом. Конкретные планы действий были с военной стороны беспомощны. Нигде не было проведено нападений на воинские части с целью захвата оружия. Восстание с самого начала было лишено наступательного характера.

Вопросу о вооружении не было уделено должного внимания. Борьба с кремневыми ружьями против крупновских пушек была безнадежной. Силы противников были слишком неравны и в отношении качества вооружения и в отношении численности вооруженных сил.

При всем том Апрельское восстание не осталось бесплодным. Оно было самым значительным, самым крупным восстанием в Болгарии против турецкого ига. Мы отмечали, что оно было плохо подготовлено в военном отношении, но в то же время надо признать, что никогда еще народный энтузиазм, героический подъем, стремление во что бы то ни стало добиться свободы не достигали таких пределов. Этот героический дух создавал уверенность в возможности победить векового врага топорами и косами и деревянной артиллерией. В Апрельском восстании были проявлены чудеса героизма и преданности народному делу. Недаром имена вождей восстания вошли и в историю, и в поэзию, и в политическую жизнь страны — их именами назывались партизанские отряды в Болгарии в период борьбы против монархо-фашистского ига.

Апрельское восстание нанесло удар турецкому феодальному государству, показав силу растущего народного сопротивления. Оно нанесло еще более тяжелый удар престижу турецкой государственности. Вызванное восстанием расследование турецких зверств, произведенное английскими и американскими дипломатами и журналистами, как ни пытались они скрыть или извратить результаты этого обследования, установило вопиющие факты. Оно вызвало подъем общественного негодования в России против жестокости турецких войск и башибузуков, голоса протеста в Западной Европе, обострило борьбу держав по Восточному вопросу и в итоге привело к русско-турецкой войне, которая принесла Болгарии освобождение.

Значение предшествующей освободительной борьбы в Болгарии и особенно ее кульминационного пункта — Апрельского восстания — проявилось в том, что болгарский народ продолжал свою борьбу и в период войны, но в иной форме, в форме участия болгарского ополчения в военных действиях в составе русской армии, в форме захвата земель турецких помещиков крестьянами. Эти моменты, находящиеся в прямой связи с предшествующей революционной борьбой, оказали определенное воздействие и на политику России и на последующие события.

Апрельское восстание отразилось на дальнейшей расстановке классовых сил. Мелкая и средняя буржуазия, хотя и потерпела поражение в восстании, отодвинула с политической арены крупную туркофильскую буржуазию (чорбаджийство), в значительной степени скомпрометировавшую себя предательством или связью с турецкой властью. Буржуазия заняла первое место в политической жизни Болгарии после освобождения и наряду с русскими властями участвовала в создании демократического государственного устройства.

Значение Апрельского восстания, хотя оно и оказалось неудачным, выходит за пределы его непосредственных результатов и оказывается гораздо шире, чем роль простой прелюдии к русско-турецкой войне. Это делает его особенно важным, особенно значительным. Оно является исходным пунктом для последующей совместной борьбы русского и болгарского народов за создание свободного болгарского государства.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 33.

² «Материалы для изучения Болгарии», вып. 1, ч. I. Бухарест, 1877, стр. 82.

³ А. Бурмов. Нарастане на революционния подем всред българския народ през 1875—1876 гг. «Исторически преглед», 1950, кн. 1, стр. 74, 91.

⁴ «Материалы для изучения Болгарии», вып. 1, ч. I, стр. 79—80. (Записка Вилгельма Пресселя).

⁵ «Документи за Българската история», т. II. София, 1932, стр. 107.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 112.

⁸ Там же, стр. 94.

⁹ Там же, стр. 119.

¹⁰ Цит. по: А. Бурмов. Указ. соч., стр. 87.

¹¹ М. Димитров. Христо Ботев. София, 1948, стр. 12.

¹² Х. Ботев. Съчинения, т. I. София, 1945, стр. 225.

¹³ М. Димитров. Указ. соч., стр. 104; он же. Любен Каравелов. София, 1959, стр. 264—268.

¹⁴ Х. Ботев. Съчинения, т. III. София, 1945, стр. 392—397.

¹⁵ Ж. Натан. Болгарское возрождение. М., 1949, стр. 216.

¹⁶ Х. Ботев. Съчинения, т. II. София, 1945, стр. 94.

¹⁷ А. Бурмов. Българският революционен централен комитет, 1868—1877. София, 1950, стр. 136.

¹⁸ Н. Обрегенов. Спомени. София, б/г, стр. 203—206.

¹⁹ Д. Страшимиров. История на Априлското въстание, т. I. Пловдив, 1907, стр. 172.

- 20 А. Бояджиев. Иваница Данчев. Варна, 1901, стр. 26—27.
- 21 Х. Македонски. Записки. София, 1896, стр. 164—165.
- 22 А. Бояджиев. Указ. соч., стр. 36—37.
- 23 А. Бурмов. Българският революционен централен комитет, стр. 142.
- 24 З. Стоянов. Записки по българските въстания. София, 1948, стр. 83—84.
- 25 Д. Страшимиров. Указ. соч., т. I, стр. 189—190.
- 26 «Правителство и привилегированные классы у всякого народа мучают и притесняют бедняков...
Ясно, что если бы народы могли понять раз и навсегда, в чем заключаются источники их страданий, то они тотчас же убедились бы, что главные и единственные их враги собственные правительства и тот класс паразитов, которые, для того чтобы иметь возможность вести свою праздную и вредную жизнь, объединились душой и телом с тиранами и под покровительством «законов» проводят принципы лжи и воровства» (Х. Ботев. Съчинения, т. II, стр. 64).
- 27 «Всякий болгарин от самого маленького до самого большого должен быть постоянным в исполнении народных решений и не должен оказывать никакой поддержки и помощи теперешнему правительству и его приверженцам... напротив, всякий должен немилосердно преследовать и наказывать это правительство и его приверженцев» (Прокламация.— Д. Страшимиров. Указ. соч., т. I, стр. 190).
- 28 А. Бояджиев. Указ. соч., стр. 54—55.
- 29 З. Стоянов. Указ. соч., стр. 30.
- 30 «Х. Ботев през погледа на съвременниците си». София, 1945, стр. 58.
- 31 Х. Ботев. Съчинения, т. II, стр. 92—96.
- 32 Д. Страшимиров. Указ. соч., т. I, стр. 189.
- 33 Там же, стр. 243.
- 34 А. Бурмов. Българският революционен централен комитет, стр. 148.
- 35 Ранее считали, что было пять округов. Принимаем мнение профессора Бурмова, которое совпадает с показанием Бояджиева (см.: А. Бояджиев. Указ. соч., стр. 61).
- 36 Д. Страшимиров. Указ. соч., т. I, стр. 245.
- 37 Погурченные болгары, т. е. болгары, принявшие ислам.
- 38 Черновежд. Кратко описание на Панагюрското въстание. София, 1893, стр. 15.
- 39 Н. Беловеждов. Първата пушка за Априлското въстание. София, 1901, стр. 68.
- 40 По данным книги: «Въстанието в Перуцица през 1876 г.», сост. И. Кецев. Пловдив, 1931.
- 41 По данным Д. Страшимирова.
- 42 Н. Обретенов. Указ. соч., стр. 244.
- 43 З. Стоянов. Указ. соч., стр. 230.
- 44 «Современные известия», 26.VI 1876.
- 45 «Современные известия», 8.VII 1876.
- 46 «Современные известия», 11.VII 1876.
- 47 Д. Минева. Възвание на Революционния Комитет през 1876 г. «Известия на българското историческо дружество», кн. XXII—XXIV. София, 1948, стр. 431.
- 48 З. Стоянов. Указ. соч., стр. 226.
- 49 Н. Беловеждов. Указ. соч., стр. 46, 48.
- 50 Там же, стр. 37, 40.
- 51 «Документи за българската история», т. II, стр. 153.
- 52 Д. Страшимиров. Указ. соч., т. II. Пловдив, 1907, стр. 210—213.
- 53 Там же, стр. 226.
- 54 З. Стоянов. Указ. соч., стр. 225; Д. Страшимиров. Указ. соч., т. II, стр. 243.
- 55 Д. Страшимиров считает это преувеличением (Д. Страшимиров. Указ. соч., т. II, стр. 276, 277, 283).
- 56 Черновежд. Указ. соч., стр. 33—46; З. Стоянов. Указ. соч., стр. 239.

- ⁵⁷ *И. Венедиков*. Възстание и война за освобождение на България. В кн.: «България 1 000 години». София, б./г, стр. 904.
- ⁵⁸ *Н. Беловежов*. Указ. соч., стр. 89—90.
- ⁵⁹ *Н. Димитров*. Спомени по изследванията на турските свиренства при потушението на Българското въстание през 1876 г. и по резултата от тия изследвания. София, 1901, стр. 26.
- ⁶⁰ *Д. Страшимиров*. Указ. соч., т. III. Пловдив, 1907, стр. 229.
- ⁶¹ *И. Кепоп*. Възстанието в Перущица през 1876 г. Пловдив, 1931, стр. 183.
- ⁶² *Ю. Теодоров*. Въспоминания по въстанията в Търновския санджак през 1876 г. и по съдението на българските въстаници в Търново. Русе, 1897, стр. 45.
- ⁶³ *С. Франгов*. Белочерковската чета в Дряновския манастир през 1876 г. Търново, 1896, стр. 30—31.
- ⁶⁴ Там же, стр. 34; *Д. Страшимиров*. Указ. соч., т. III, стр. 307—312.
- ⁶⁵ *А. Бурмов*. Към историята на руско-българските връзки през 1876 г. «Известия на Института за българска история», 1951, № 1—2, стр. 90—91.
- ⁶⁶ *А. Бояджиев*. Указ. соч., стр. 72—77; *Н. Обрегенов*. Указ. соч., стр. 267—268; *Б. Недков*. Турски документи за Ботевата чета. В кн.: «Христо Ботев. Сборник по случай сто години от рождението му». София, 1949, стр. 679, 723—724.
- ⁶⁷ *А. Бурмов*. Христо Ботев през погледа на съвременниците си. София, 1945, стр. 230.
- ⁶⁸ *Б. Недков*. Указ. соч., стр. 683.
- ⁶⁹ *П. Делмирадев*. По стъпките на Ботевата чета; *Д. Иванов*. Как е загинал Ботев. В кн.: «Христо Ботев. Сборник по случай сто години от рождението му»; *А. Бурмов*. Христо Ботев през погледа на съвременниците си.
- ⁷⁰ Так мы понимаем слово «рентнер», которое встречается в воспоминаниях Теодорова (*Ю. Теодоров*. Указ. соч., стр. 53).
- ⁷¹ *Б. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 144.
- ⁷² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 366—367.

РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ

В период обострения русско-турецких отношений в связи с вопросом о «ключях от никогда не запиравшейся церковной двери» разразился черногорско-турецкий конфликт. Его исходные моменты связаны с теми переменами во внутреннем строе Черногории, которые произошли со смертью Петра II, последнего повелителя этой страны, соединявшего в своих руках и светскую и духовную власть. Преемником его должен был быть племянник Петра II Данило, воспитывавшийся для занятия архиерейского поста. В момент смерти Петра Данило находился в Вене, откуда он должен был ехать в Россию учиться и где он получил письмо от русского посла Мейендорфа, подтверждавшее права Данилы на владычество в Черногории. Это письмо¹ было направлено против брата покойного Петра — Петра Петровича, стремившегося взять княжескую власть в свои руки. Не имея никакого желания надевать монашескую рясу, Данило с согласия России 8 сентября 1852 г.² добился провозглашения себя князем.

Такая секуляризация верховной власти не встретила одобрения в Турции, всегда претендовавшей на господство в Черногории. Турция сочла момент удобным для выступления и решила осуществить его в форме военного вмешательства. Но не успел покоритель Боснии и Герцеговины, один из лучших турецких генералов, Омер-паша³, двинуть свои войска, как черногорцы в ночь на 12 (24) ноября 1852 г. захватили расположенное на берегу Скадрского озера турецкое укрепление Жабляк. Повод для этого набега дали турки же, благодаря интригам и подкупу которых от Черногории отложился округ (нахия) Пишери, а отдавать его без борьбы черногорцы не собирались. Сконцентрировав силы, они препятствовали движению турок в сторону Жабляка; несмотря на призывы турок, ал-

банцы не выступили против Черногории. Это позволило черногорцам одержать в первых числа декабря новые успехи у Гаскова. 14 числа того же месяца Турция объявила блокаду Черногории и сообщила об этом послам представленных при ней держав⁴. Вскоре черногорские отряды потерпели поражение у Жабляка и, предварительно разрушив Жабляк, были вынуждены очистить его. Тем временем положение Черногории становилось все более угрожающим: к берегам Албании направился турецкий флот. Омер-паша во главе своих войск приближался к границе, скадрский папа был готов ударить с другой стороны. Бедная военными ресурсами страна была вынуждена переплавить на пули типографские шрифты, использовать церковные книги на производство патронов⁵. И независимо от военных приготовлений в Вену и Петербург ездил дядя князя Даниила с просьбой о вмешательстве.

Конфликт, естественно, уже привлек к себе внимание России и Австрии. Первая в самом начале военных действий рекомендовала черногорскому князю «прекратить всякое наступательное движение против войск султана и возвратиться в свои горы, где и защищаться в случае нападения»⁶. Одновременно посол в Константинополе сделал представление о несправедливости и несвоевременности объявления войны не подчиненному Порте народу. Австрия, после 1848 г. опасавшаяся повторения восстаний в своих пределах, привела в военную готовность войска, расположенные в Далмации, двинула часть флота для воспрепятствования появлению турецких судов у своих берегов, концентрировала и усиливала свои войска в Хорватии⁷. Все эти приготовления имели целью помешать расширению антитурецкого движения не только в славянских провинциях Австрии, но и пресечь возможность каких-либо поползновений этого рода со стороны Сербии. Надо сказать, что опасения подобного рода были и в Турции.

14(26) января поверенный в делах в Константинополе Озеров сообщал о приведении на военное положение редифов, прибытии военного снаряжения в Адрианополь. «Это боязнь восстания христианских народов заставила принять такие угрожающие меры. В то же время папы получают неограниченную власть и поддерживаются повсюду регулярными войсками и бандами башибузуков, уже давно жаждущими крови и резни»⁸.

Как показывает депеша консула в Белграде Туманского от 27 января, эти опасения имели некоторые основания. По крайней мере в Сербии «белградская публика и народ обещают помочь своим братьям. Что же касается сербского правительства, не разделяя общего энтузиазма, оно сохраняет спокойное отношение, не высказываясь ни за, ни против в этом вопросе, который может быть решен лишь благоприятно сложившимися для той или другой из борющихся сторон обстоятельствами»⁹. Австрийское правительство в январе 1853 г. отправило полковника Стратимировича в Боснию, Сербию и другие соседние области, чтобы ознакомиться с на-

строепиями. В подробном отчете о поездке Стратимирович успокаивал австрийское правительство и указывал на отсутствие вождей в Боснии, отрицал наличие у босняков связей со славянами в пределах Австро-Венгрии, утверждал, что революционной пропаганды в этих областях не ведется¹⁰.

Столкновение в Черногории вызвало интерес и в отдаленных странах. Лондонская «Таймс» 14 января 1853 г. (нов. ст.) поместила статью, где говорилось, что европейские государства не могут спокойно глядеть на происходящие события. Английская газета рекомендовала вмешаться великим державам¹¹.

Тем временем военные действия продолжались¹², но не прекращались и усилия дипломатии. 19 (31) января 1853 г. из Петербурга был отправлен со специальной миссией в Черногорию Егор Петрович Ковалевский. Выбор пал на него не случайно. Ковалевский (1811—1868) — горный инженер по образованию и первым годам своей службы — вскоре перешел в Министерство иностранных дел и в 1838 г. был командирован по просьбе Петра II в Черногорию для геологоразведочных работ. Попутно он организовал там небольшое производство пороха. В 1839 г. Ковалевский был послан в Бухару. В 1847 г. ездил в Египет для разведки золота и совершил экспедицию в глубь Африки. Об этом, как и о своей черногорской поездке, он опубликовал интересные записки. В 1850 г. сопровождал русскую миссию в Пекин и участвовал в заключении Кульджинского договора, открывшего торговый путь в Западный Китай. В следующем году он вновь побывал в Черногории¹³. Человек, прекрасно знавший местную обстановку, свободно объяснявшийся по-сербски, находчивый и решительный, европейски образованный, обладавший хорошими техническими знаниями, — это был лучший из возможных представителей России в Черногории.

В данной Ковалевскому инструкции так формулировалась его задача: «... Успокоить, насколько возможно, умы, советовать сдержанность и осторожность и помешать жестокостям в бесполезных репрессиях, делающим борьбу лишь кровопролитнее, а умиротворение труднее». Эти общие задачи должны были быть конкретизированы в Вене и окончательно уточнены в Дубровнике. На случай, если бы призывы к умиротворению были безрезультатны и наступление Омер-паши продолжалось, Ковалевскому поручалось совместно с командованием австрийских войск принять нужные меры¹⁴, а независимо от того войти и в личные переговоры с Омер-пашой¹⁵.

По приезде в Вену Ковалевский помимо встреч с министром иностранных дел графом Буолем и австрийским генералитетом получил аудиенцию у Франца-Иосифа, на которой исходатайствовал для Черногории шесть пушек (сверх шести, уже отправленных австрийцами ранее) и получил заверения относительно сочувствия бедственному положению этой страны¹⁶.

Пока Ковалевский был в Вене, австрийское правительство от-

правило своих представителей — Калика и Иовановича — к Омер-паше. Они 6 (18) февраля заявили ему то же, что Франц-Иосиф говорил Ковалевскому: австрийские войска вторгнутся в пределы Турции, если турки нарушат австрийскую границу или сделают попытку использовать Клек и Суторину¹⁷ для военных целей. К этим предупреждениям было прибавлено требование об удалении из турецких войск всех венгерских и польских эмигрантов. Омер-паша заявил об отсутствии намерений двигаться в сторону Австрии и выразил согласие фиксировать положение Клека и Суторины, а из эмигрантов хотел оставить при себе лишь одного врача¹⁸.

Независимо от миссии Калика и Иовановича, Австрия концентрировала войска на границе Боснии и направила в Константинополь графа Лейнингена с ультиматумом об отзывании турецких войск из Черногории и теми требованиями, какие были уже предъявлены Омер-паше. Эти осложнения в русско-черногорско-австрийских отношениях с Турцией возникли в то самое время, когда готовилось разрешение гораздо более крупных и существенных международно-политических вопросов.

22 января (3 февраля) происходил известный разговор Николая I с лордом Г. Сеймуром, разговор, которым Николай I пытался вовлечь Англию в раздел имущества «умирающего больного»¹⁹. Попутно был затронут и черногорский вопрос как иллюстрация положения христиан в Турции. Хорошо известна безрезультатность этих переговоров. Слишком большую определенность в постановке вопросов во время этой беседы вскоре пришлось маскировать Нессельроде в своих комментариях к этим беседам. Неизбежность происшедшей неудачи понимал Нессельроде, говоря в письме к послу в Англии Брунову о перспективе разгрома русской торговли и приморских городов соединенным флотом Турции, Англии и Франции. Тем не менее 29 января (10 февраля) 1853 г. в Константинополь был отправлен со специальной миссией князь А. С. Меншиков, но результатом его миссии, как известно, было дальнейшее обострение восточного кризиса²⁰. Недаром одна из его инструкций, начинавшаяся уверенностью в удачном выполнении миссии, заканчивалась наставлениями на случай разрыва отношений. Но независимо от последствий переговоров Меншикова вопрос о Черногории должен был решаться в направлении умиротворения. Правда, русская дипломатия не обольщалась в этом отношении надеждами на успех переговоров Меншикова, так как было ясно, что австрийские меры будут быстрее и эффективнее. Русский посол в Вене об этом писал: «Князь Меншиков также будет очень твердо говорить в Константинополе по поводу Черногории, но решительный удар будет нанесен графом Лейнингеном, который там уже находится, в то время как Меншиков прибудет туда не ранее чем через две недели»²¹.

Действительно, хотя первые шаги Лейнингена были не легки, однако вскоре морские державы дали совет Порте уступить. Было

слишком существенно разорвать то сближение, какое намечалось между Россией и Австрией на почве черногорского вопроса. Турецким правительством были даны Омер-паше распоряжения о выводе войск из Черногории. Оставалось улаживать только детали в вопросе о восстановлении status quo. К этому и перешел Ковалевский.

Грахово — территория, представлявшая предмет спора между Черногорией и Турцией, — было очищено войсками Омер-паши, а последнему были возвращены захваченные у турок орудия. Приходилось спешить с восстановлением мирных отношений, в частности, потому, что неудачу своей попытки покорить Черногорию турки вымещали на пленных, ставя их в условия, при которых в течение недели в скадрской тюрьме из четырех человек умерло трое. 16 (28) февраля 1853 г. между Омер-пашой, с одной стороны, Ковалевским и австрийским полковником Зайтсеком²², с другой, было подписано в Подгорице соглашение. Оно предусматривало взаимный возврат пленных; Черногория должна была вернуть взятые в боях у турок орудия и захваченный скот; договорились также о соблюдении порядка в пограничных районах во время полевых работ²³. Вскоре турки прекратили и блокаду побережья, примыкающего к Черногории²⁴.

Итоги этого непродолжительного, но острого столкновения Черногории с Турцией Ковалевский оценивал так: «Если война Турции с Черногорией имела несчастные последствия для последней, особенно тем, что возбудила поплеменную вражду внутри ее, как неизбежное последствие подкупа и прокламаций Омер-паши и измены некоторых племен, — то она была гораздо пагубнее для войск турецких»²⁵.

Но и Черногория потребовала известных восстановительных расходов. В донесении от 12 (24) марта 1853 г. Ковалевский сообщал, что хлебом черногорцы снабжены достаточно, так как он был пожертвован австрийским правительством и жителями Триеста, но на постройку уничтоженных жилищ, церквей и т. д. Ковалевский решил выдать 5600 гульденов из средств, ассигнованных царским правительством на военные нужды Черногории²⁶. Несколько позже Ковалевский вынужден был увеличить эту сумму вдвое — до 11 600 гульденов²⁷.

Не лишено интереса то обстоятельство, что деньги эти хранились у австрийского генерал-губернатора Далмации генерала Л. Мамулы, которому Ковалевский и поручил передать эту сумму поверенному князя Данилы. Этот факт, равно как приводившееся выше указание на снабжение Черногории пушками из Австрии, свидетельствует о том единодушии, какое имело место между Россией и Австрией по вопросу о ликвидации черногорско-турецкого конфликта. В данный момент, когда надежда на мирный исход восточного кризиса еще не была потеряна, когда вопрос о расстановке сил в эвентуальном столкновении представлял так много неясностей, что Нессельроде готов был рассчитывать на Англию как на будущее-

го союзника²⁸, Россия не имела интереса к расширению турецко-черногорской борьбы. Помочь решению крупных проблем мировой политики Черногория не могла, а углубление этого частного конфликта грозило осложнениями, в данный момент нежелательными.

В этой связи понятно, почему не имели успеха те дальнейшие представления, какие были сделаны Ковалевским относительно черногорских дел. В донесении от 5 (17) июня он представлял довольно подробный и интересный анализ положения страны, усматривая существенную причину постоянных черногорско-турецких столкновений в неясности ее пограничной черты и недостаточной государственной консолидации, чему способствовало отсутствие точной границы. «Несколько отдельных племен, не признающих над собою ни власти турок, ни зависимости от Черногории и управляемых своими воеводами и сердарями (местными старшинами. — С. Н.) со времени падения Сербского царства, как, например, васоевичи, журжевы, ступы и др., дополняют беспорядок, существующий на границах Черногории и Турции». Эти бесконечные пограничные распри создают «постоянное осадное положение» страны, которая подчас лишается даже необходимейших средств существования и не имеет выхода для сбыта своих продуктов. Ковалевский предлагал территориальный обмен, который открыл бы Черногории выход к морю через порт Антивари. Но совершенно понятно, что этот вопрос в условиях общего кризиса не мог стать предметом дискуссии.

Не мог найти разрешения и другой вопрос, поднятый Ковалевским в той же депеше, — вопрос о признании Турцией независимости Черногории. Прошло еще двадцать пять лет, прежде чем оба эти вопроса нашли свое решение в Сан-Стефанском договоре, а затем в Берлинском трактате, и именно такое, какое намечал Ковалевский. Только один вопрос из поднятых Ковалевским в этой связи оказался быстро разрешенным. Это вопрос о расширении контингента черногорцев, обучавшихся в русских военных и духовных школах. Вопрос этот был тесно связан с современной политической ситуацией, и министерство иностранных дел уже в июле 1853 г. извещало посла в Вене Мейендорфа о мерах, принятых им по этому вопросу²⁹.

К моменту ликвидации черногорско-турецкого конфликта восточный кризис был в полном разгаре. В день подписания указанного выше соглашения между Омер-пашой, Ковалевским и Зайтсеком — 16 (28) февраля — князь Меншиков прибыл в Константинополь. Два с половиной месяца длились переговоры русского посла, но вряд ли они могли изменить направление дела, исход которого был предрешен позицией заинтересованных держав.

6 (18) мая 1853 г. произошел разрыв русско-турецких переговоров. Правительство Николая I уже ставило на очередь осуществление тех планов, какие предварительно намечались им еще в пе-

риод переговоров. Мысль о десанте в Константинополе, выдвинутая Николаем I в январе 1853 г.³⁰, была вскоре оставлена. Появилась идея активной наступательной войны — десант в Варне и Бургасе и наступление через Дунайскую Болгарию и Балканы к Константинополю³¹. Но под влиянием И. Ф. Паскевича, «отца-командира», как звал его Николай I, появился новый план, разделявший всю совокупность мероприятий на три «эпохи». Отправной точкой в формулировании Николаем этого плана была всеподданнейшая записка Паскевича от 24 марта 1853 г.³² В ней Паскевич выражал сомнения в выполнимости наступательного плана борьбы, считая, что план потребует гораздо больше затрат и живой силы, чем это предусмотрено даже в том случае, если турецкие войска Боснии и Далмации будут отвлечены австрийцами. Вместо того он предлагал занять княжества Молдавию и Валахию и объявить, что они не будут очищены до тех пор, пока Турция не удовлетворит требований России. Это будет выгодно, так как войска будут содержаться княжествами, а фураж вообще не будет стоить ничего. Молдаво-валахское войско следует увеличить вдвое, до 20 тыс., сделав его ядром для дальнейших формирований. В то же время «можно воспользоваться оставшимся влиянием нашим на христианские племена в Турции, на болгар и даже сербов. Вопрос о святых местах для них — дело священное. Они сами будут переходить к нам за Дунай. Им недостает оружия и пороху; дать им то и другое, сделав предварительно запас до 30 тыс. рублей в Измаиле».

В дополнениях к этой записке он говорит о важности иметь агентов в Болгарии, «которые бы поддерживали привязанность к нам», и думает, что они появятся при первом поощрении. «Предлагаемая мера, когда бы то угодно было вашему императорскому величеству, могла сделаться началом распада Турецкой империи». Помимо материальных преимуществ способ этот «достигает цели» без объявления войны и, следовательно, дает возможность иностранным державам видеть в том только простое возмездие за неисполнение Турцией трактатов», а главное, «дает нам на будущее время такое орудие, которое в случае нужды без войны может повести в три, четыре года к верному завоеванию Европейской Турции»³³.

Проект при всей его политической нелепости понравился Николаю. Последний в это время был вполне уверен в поддержке Австрии, тем более Пруссии, а русские дипломаты полагали, что английский посол в Турции Каннынг ведет в Константинополе личную политику, а не политику кабинета; Бруннов в своих депешах вуалировал в прекрасных французских фразах неблагоприятные для России заявления английских государственных деятелей, иные же, как Титов, посланник в Константинополе, решительно отвергали возможность создания антирусской коалиции западных держав, полагая, что она рассеется при слове Николая о нежелании увеличивать свои владения «территориальными останками» Турции³⁴.

Если последняя мысль была свидетельством известных сомнений относительно возможности раздела Турции без участия европейских держав, позиция которых в этом вопросе была ясна, — сомнений, которые разделял и Николай, говоря о «неопределительности цели действий»³⁵, — то, зайдя так далеко в своем давлении на Порту, Николай был вынужден что-то предпринять. Это «что-то» он и формулировал в своей майской записке. План, начертанный там, распадался на три этапа («эпохи»). Первый из них состоял в занятии княжеств, производимом после того, когда выяснится нежелание Турции идти на уступки. «В этом положении... будем мы ждать, какое впечатление занятие сие произведет на турок» (подчеркнуто в кодлиннике. — С. Н.). На втором этапе предусматривались занятия Австрией Сербии и Герцеговины, блокада Россией Босфора и ее угроза признать независимость Сербии и княжеств. Задачи третьего этапа, как они сформулированы Николаем, еще раз свидетельствуют о той растерянности, которая отразилась в словах о «неопределительности цели действия»: «Ежели и угроза не подействует, тогда наступит время угрозу исполнить и признании независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий бог определить может, что за сим последует. Но приступать к дальнейшим действиям я и тогда не намерен»³⁶.

В этом плане сквозит надежда на то, что положение Турции настолько плохо и она так слаба, лишена средств и сил для борьбы, что легко падет даже от малого усилия. Что тут имело место такое убеждение, видно и из других высказываний Николая. Он писал Францу-Иосифу 20 июня (2 июля) 1853 г.: «Я не могу больше удерживать в мире болгарский, греческий и другие народы, раздраженные и нетерпеливые. Возможно, если не наверное, что они все восстанут... Результатом этого будет разрушение Оттоманской империи в Европе, без какого-либо содействия нашего оружия»³⁷. Русская дипломатия и Николай I совсем не учли тех сигналов, какие поступали из Константинополя. Еще 24 апреля (6 мая) Меншиков уведомлял об организации Оттоманского банка: «Компания, которая только что образовалась под руководством (patronage) несколько богатых армянских семей, подданных Порты, но которая в еще большей части есть английское предприятие, чем национальное, начнет свои операции с 1 июня и будет действовать пятнадцать лет»³⁸. Капитал компании определялся в 100 млн. пиастров, из которых 30 давало государство, а остальные получались от продажи акций. Ближайшей задачей банка был переход на полноценную монету, но совершенно очевидно, что этим дело не могло ограничиться. То обстоятельство, что устав *Banque Ottomane* подчеркивал, что в числе других отделений банка будет открыто также лондонское отделение «для нужд внешних сношений» (*pour la nécessité de ses relations extérieures*)³⁹, подтверждало вполне сообщение Меншикова. Источник финансирования военных расходов Турции был найден. Еще менее учитывалась реальная политиче-

ская обстановка. Цитированное дружеское письмо к Францу-Иосифу содержало предложение поддержать программу расчленения Турции на ряд независимых от Порты государств, находящихся под совместным протекторатом России и Австрии, и образования интернационализованной зоны свободного города (*ville libre*) в Константинополе под гарантией всех держав. Сообщение Мейендорфа, что такие планы не встретят сочувствия Австрии, так как она «ничего не выиграет от падения Оттоманской империи»⁴⁰, не оказывали никакого действия. Тем более не могли сочувствовать этим планам Англия и Франция.

21 июня (3 июля) 1853 г. планы Николая I начали реализовываться: русские войска перешли Прут и вступили в княжества.

В подписанной Николаем 30 мая инструкции на имя князя М. Д. Горчакова, командующего оккупационной армией, определялись его отношения к строю и управлению княжествами: «Во время оккупации ничто не должно быть изменено во внутренней организации княжеств и в формах их управления. Но органический устав с изменениями, какие были введены Балто-лиманской конвенцией, должен остаться в силе, и князья Гика и Стирбей, которые не переставали до сих пор заявлять о своей преданности и добрых намерениях, должны быть удержаны на своих постах со всеми атрибутами власти, какая была им доверена при их избрании в 1849 г., по крайней мере до тех пор, пока они не дадут явных доказательств измены». Следует заверить, говорилось далее в инструкции, что будущее княжеств и их господарей в их собственных руках. Армия княжеств остается под командой господарей и выполняет свои обычные функции. Никаких повинностей не следует налагать на население, исключая военного постоя. В конце инструкции сообщала секретные сведения о революционных настроениях в княжествах. «Они имеются главным образом среди молодых бояр, воспитанных во Франции и Англии, что дает зародыш вредному настроению (*le mauvais esprit*), поддерживаемому к тому же подстрекательствами некоторых иностранных консулов, и в частности покровительством оттоманского правительства, в своем ослеплении доверяющего этим личностям, которые в его глазах заслуживают это, так как выказывают себя врагами России и нашего протектората». Так как господа не раз заявляли о революционных настроениях в княжествах, то при наличии новых сообщений о проявлении революционных настроений Горчаков должен был войти в сношения с князьями и при действительном наличии преступления наказать по всей строгости закона. Независимо же от этого учредить за кем следует строгий полицейский надзор⁴¹.

В румынской буржуазной исторической литературе отмечается наличие этих, нежелательных с точки зрения русского министерства иностранных дел, элементов, при этом утверждается, что иные из них не только намеревались сражаться в рядах войск морских держав, но бежали даже в турецкий лагерь⁴². Однако Горчаков

в одной из своих депеш отмечает незначительность и политическое бессилие этих элементов⁴³. Больше того, с молдаво-валахскими властями и чиновниками установились столь дружественные отношения, что Горчаков ходатайствовал о наградах особенно полезным лицам. Так же довольны были русские власти и поведением господарей.

В секретной инструкции от 10 (22) июля консулу в Бухаресте Халчинскому было сказано: «До сих пор мы имеем основания быть довольными господарями и их готовностью делать распоряжения для снабжения нашей армии, какие мы просим»⁴⁴. Министерство рекомендовало сохранить такие дружеские отношения и дальше, достигая этого путем предоставления им свободы внутреннего управления, суда — всего, что составляет их прерогативу согласно действующему законодательству. Однако уже и в это время министерство иностранных дел понимало, что этим добрым отношениям может настать конец, и учитывало формальную зависимость господарей от Порты.

Определяющими моментами здесь были, с одной стороны, неизбежное вмешательство русских властей в действия местной администрации, с другой — и это главное — изменение их положений в связи с началом русско-турецкой войны. Это вмешательство оправдывалось русскими военными деятелями. Вот что говорит о нем в своих записках дежурный генерал при Горчакове Н. И. Ушаков: «Вмешательство это было неизбежно и основывалось на том, что господа, управляя вверенными им областями под турецким владычеством, умели всегда приобретать неограниченную власть над народом, ко вреду сего последнего, и ворочали делами по своему произволу... Поэтому, с одной стороны, опека наша не могла им нравиться, а с другой — все военные требования наши встречали большею частию не только разные замедления, но иногда даже и скрытные противодействия, если исполнение не согласовалось с личными выгодами господарей и степенью прежней их власти»⁴⁵.

Но главное было не в этом. Посредничество держав, выработавших на конференциях в Вене компромиссные предложения, было Россией отклонено. Турецкий ультиматум от 27 сентября 1853 г. об очищении княжеств не произвел ожидаемого действия. 21 октября Николай опубликовал манифест о войне. Вполне естественно, что и положение в княжествах должно было радикально измениться. Действительно, после объявления войны господа заявили о желании отказаться от своих постов и удалиться в частную жизнь⁴⁶. Правда, валахский князь Стирбей имел намерение сохранить свой пост независимо от отставки, какую ему дали бы из Константинополя, но этому воспротивилась Россия, не желавшая утвердить «сохранение им поста и признание его авторитета его подчиненными»⁴⁷. «Кн. Стирбей и кн. Гика выехали в Вену без всяких неприязненных к нам отношений, по крайней мере наружных»⁴⁸. Эта оговорка чрезвычайно существенна. Уже находясь в

Вене, Стирбей и Гика совместно с эксгосподарями Бибеско и Стурдзой предлагали Австрии после поражения России принять княжество под свое покровительство. Это предложение вызвало интерес, и для проверки расположения бояр к такой комбинации в Бухарест был командирован майор Тома. Никаких реальных последствий поездки не принесла, но самый факт тем не менее интересен⁴⁹. Да и в самих княжествах уже осенью 1853 г. стал проявляться «дурной дух», с которым Николай рекомендовал бороться «строгими примерами»⁵⁰.

Возглавлять молдаво-валахскую администрацию в должности генерального комиссара был назначен генерал-адъютант Будберг. При нем был создан правительственный совет, произведены были известные перемены в личном составе управления, чины которого назначались комиссаром. Ему же были подчинены русские консулы. Перестроенная молдаво-валахская администрация должна была служить целям войны.

С момента вступления в княжества внимание России было привлечено расположенными на другом берегу Дуная болгарскими землями. Чтобы были ясны надежды, возлагавшиеся на возможность восстания в Болгарии, следует иметь в виду обстановку, которая там сложилась к рассматриваемому моменту. Турецкий гнет в Болгарии не мог остановить развития страны. Среди выраставшей болгарской буржуазии и ремесленных цехов — еснафов — находили живой отклик события в других Балканских странах — сербское восстание, борьба греков за независимость. Возникали различные попытки то мирной взаимопомощи (такие цели ставило себе сливенское «братство», организованное Селиминским в 1825 г., члены которого «показали исключительный успех в торговом отношении и в общественной деятельности»)⁵¹, то повстанческой борьбы. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. известна не встретившая поддержки русских военных властей попытка поднять восстание, предпринятая Георгием Мамарчевым, командиром болгарского добровольческого отряда. В 1835 г. началась подготовка восстания в Тырнове. Но восстание было ликвидировано в самом зародыше⁵². В 1841 г. произошло восстание, охватившее сербские и болгарские районы близ Ниша, Пирота, Лесковца. Это восстание привлекло внимание держав, и один из исследователей — французский ученый Бланки, объехавший разгромленные турками районы восстания, — оставил много интересных сведений в написанной в результате этой поездки книге⁵³. И, наконец, совсем уже перед восточным кризисом разразилось в 1850 г. восстание в Видине. Причинами его были все те же притеснения турок, непосильные налоги, вымогательские способы их собирания. Плохо организованные части повстанцев, не имевших достаточно количества оружия, были разгромлены турками. Террор, царствовавший в Болгарии после подавления этой попытки повстанческой борьбы, не ослаблял недовольства населения и его стремления

избавиться от чуждого гнета. Вот что писал русский консул в Белграде послу в Константинополе в январе 1852 г.: «Ежедневно группами болгары приходят к сербской границе. Но князь Карагеоргиевич из угодничества к султану отказывается их принимать, и они возвращаются обратно. Очевидно, эти люди, не имея возможности выносить свои бедствия далее, будут вынуждены в некий день прибегнуть к чему-то отчаянному»⁵⁴.

Вся эта история болгарских восстаний, в связи с чисто военными интересами России, заставляла внимательно прислушиваться ко всему, что происходило по ту сторону Дуная.

Возможность активного сочувствия русским планам и помощи их действиям учитывали не только на левом берегу реки, ее хорошо сознавали в английском посольстве в Константинополе. «Английский вице-консул в Варне г. Neel возвратился из Тырнова,— писал 9 (21) июля 1853 г. Горчаков Нессельроде,— где он провел три недели. В течение этого времени он старался возбудить умы жителей против России. Он старался уверить христиан, что для разрешения (conclusion) современных дел на Востоке при помощи вмешательства Англии оттоманское правительство предоставит им привилегии. Он призывал к подаче прошения Порте, чтобы выразить их признательность султану за благожелательную заботливость об их благе, прошения, которое г. Neel предлагал им составить. Но его настояния (insinuations) не имели никакого успеха»⁵⁵. В другом документе читаем: «Английский консул в Тырнове при проезде через Руцук призвал к себе учителей христианских школ, приказал им внушать народу особенную преданность Англии, на что они отозвались, что народ, издревле признательный к благодеяниям России, не может изменить постоянной привязанности своей к ней тем более, что от Англии он никогда не видел никакой для себя пользы»⁵⁶. Антирусская пропаганда велась англичанами и в других городах, в частности в Систове⁵⁷.

В сентябре 1853 г., накануне начала войны, в руководящих военных кругах России вновь усилились разговоры о необходимости использования подвластных Турции народов для борьбы против нее. Паскевич в записке от 11 сентября предлагал использовать войска княжеств в качестве основы для формирования ополчений из среды христианских народов Турции. «Чем сильнее возбужден будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для собственного их сохранения»,— рассуждал фельдмаршал. «Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан, в их неверном, при ожесточении турок, положении и при опасности, угрожающей христианству, присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов или греков; объявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно».

Вера «отца-командира» в выгоды кунктаторской тактики и «оборонительного положения» была так велика, что за три дня до турецкого ультиматума об очищении княжеств, 24 сентября, он писал Николаю: «Никто ныне в Европе войны не хочет, а наше положение делается между тем день ото дня лучше». И дальше: «Даже Англия, вероятно, скоро должна стараться о мире». Зачем сражаться с турками, терять людей, чтобы все же не получить выгод, так как Европа не даст воспользоваться плодами завоеваний? Ведь у России «есть... более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена в Турции». «Веру сию, — продолжал он убеждать подавителя революции и противника восстаний угнетенных против «законных государей», — нельзя, мне кажется, смешивать со средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против своего государя, но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи; ибо христианин в Турции не есть только подданный султана; он, по закону безответная жертва фанатизма или прихоти каждого визиря, паши и даже какого-нибудь аяна, т. е. городничего»⁵⁸. Однако шагов к исполнению советов Паскевича не принималось.

В сентябре 1853 г. в Браилов прибыла депутация «запорожцев-некрасовцев». Она была направлена в Бухарест к Горчакову. Инициатива посылки этих представителей, по сведениям Горчакова, шла от некоего Радовича, авантюриста, жившего шпионской работой на два фронта — и для русских и для турок. Депутация привезла прошение, где жаловалась на попытку турок призвать их на военную службу, от чего они отказались и просили разрешения «жертвовать всем и кровь свою проливать за его императорское величество и за веру христианскую». Горчаков, приняв их, заявил, что войны с Турцией нет, а если начнется, — пусть покажут себя на деле, и в дальнейшие переговоры не входил. Тактика Горчакова нашла полное одобрение Николая, написавшего на тексте депеши: «Прекрасно выполнено» (*parfaitement agé*). Позже выяснилось, что делегация была действительно шпионской, а один из участников ее — Герасимов — оказался дезертиром Иваном Ивановым⁵⁹.

Но наряду с такими посетителями были и действительные представители народа. В Видинском пашалыке после подавления восстания 1850 г. скрытое волнение продолжалось. Оно обострилось под влиянием слухов о черногорском движении и сведений о напряженности русско-турецких отношений. Еще на 28 мая (9 июня) 1853 г., как сообщал консул в Бухаресте Халчинский, намечалось начало нового восстания, но оно было отложено под давлением Сербии, сообщившей, что с ее стороны не только не будет помощи, но что она откажет в приюте участникам восстания

в случае его неудачи. Тогда были начаты переговоры с Валахией. Но и здесь был получен такой же ответ. Князь Стирбей заявил, что по существующим правилам доступ на валахскую территорию разрешается лишь при наличии турецкого паспорта⁶⁰. Все это вынуждало вопрос о восстании снять. Решили действовать иначе. 23 сентября Горчаков сообщил о прибытии трех болгар — Живка Георгиевича, попа Панту Ивановича и Петра Стояновича — с полномочиями от 37 приходов с целью просить помощи войскам. Они пришли, преодолевая различные препятствия, чинившиеся не только турками, в то время уже запретившими выдачу болгарам паспортов в Сербию и Болгарию⁶¹, но и валахскими властями. Депутаты эти явились из Видинского района, бывшего ареной восстания и последовавшего затем погрома. В показаниях, какие они дали о состоянии страны, мы находим длинный перечень всевозможных насилий, чинившихся турками над болгарским населением. «В Видинской епархии, — показали депутаты, — в село Вартоп приехал один из земских полицейских чиновников, кои назначены преследовать и ловить разбойников, расположился квартировать у местного жителя. А как сему последнему нужно было ехать, то он и просил его перейти на другую квартиру, а за это и более за то, что он спрятал молодую жену свою, чиновник рассердился и убил его». «В Берковиче турки убили одного богатого человека по имени Никола, а несколько времени спустя отравили сына его кофеем и зарезали жену сего последнего».

Кроме значительного количества фактов подобного рода прибывшие сообщили о той широкой антирусской агитации, которая велась католическими и англиканскими миссионерами. Они «уверяют народ, чтобы он не ожидал никакой помощи от России, а с другой подстрекают турок против болгар с тою целью, чтобы народ искал защиты и покровительства их». Вызывали горькие жалобы и общие условия жизни райи. Помимо сбора прежних тяжелых налогов в связи с подготовкой войны турками была введена трудовая повинность⁶².

Это было началом системы салахорства. Молодых людей в возрасте 20—30 лет (их и называли салахорами), связанных по 10—12 человек, угоняли в Варну, Шумен (Шумла) и другие крепости, где они под начальством английских и польских инженеров должны были рыть окопы и строить укрепления⁶³. Однако тяжелые условия и царивший в болгарских областях турецкий террор не остановили болгар перед попыткой связаться с русскими. Но помощи они не получили. Горчаков заявил, что войны с Турцией еще нет, а потому оказать помощь он не может⁶⁴.

Через короткий срок пришло новое прошение. Оно исходило от группы болгар, выселившихся после войны 1828—1829 гг. из Турции, постоянно живших в г. Браилове и в значительной части состоявшей из торговцев. В числе 41 подписавшего прошение мы встречаем уже известного нам Селиминского, Е. Георгиева и ряд

других лиц. Наличие в составе подписавшихся значительного количества выходцев из Сливена наводит на мысль о связи этой группы с тем братством, которое там создал в свое время Селиминский. Не подкрепляет ли характеристика, данная указанной группе Горчаковым, это предположение: «Они основали нечто вроде масонской ложи, которая занимается проектами будущего Болгарии, не придерживаясь мыслей о восстании против Турции»⁶⁵. Участие Георгиева в подаче заявлений устанавливает связь данной группы с эпитронией, т.е. с тем болгарским комитетом, какой был создан бухарестскими болгарскими купцами и главной задачей которого была посылка молодых болгар в Россию для получения образования⁶⁶.

В этом прошении, помеченном 17 августа 1853 г., болгары жаловались, что султанские обещания предоставить права нетурецкому населению вместо пользы приводят к усилению своеволия турок. Как пример такого своеволия указывается безнаказанное убийство в 1852 г. в Татарпазарджикском округе (казе) 106 болгар. Далее прошение подробно излагает вред налогового переобременения, и в частности скованность торговли не только внешними, но и внутренними пошлинами. Тяжесть налогов усиливается откупной системой их собирания: откупщики имеют полную возможность притеснять народ.

Прошение останавливается на тяжести трудовой повинности, введенной на время войны, и на невозможности развития школьного дела — отмечается желательность общественных сборов для устройства школ, создания типографий, хотя бы под контролем турецких властей. Просители высказывают неудовольствие и положением церковных дел в Болгарии, отмечая уничтожение болгарской патриархии и передачу церковного управления и руководящих духовных постов в руки греков. Обращаясь к Николаю I, прошение так формулирует свои стремления: желательно, «подобно единоверным братьям нашим сербам и молдо-валахам, если не в полной мере, то хоть частично, чтобы мы имели свое народное управление. Мы не стремимся отделиться от султана, не будем ему противиться, а так как мы видим, что его добрые распоряжения не осуществляются (не хватают место) за отсутствием тех, кто бы приводил их в действие, мы хотим под его надзором иметь представителей от народа, которые бы радели о нас и заботились о наших нуждах»⁶⁷.

Прошение произвело впечатление на Николая I. «C'est affreux à lire» (Это ужасно читать), — писал он и велел опубликовать о получении этого прошения⁶⁸.

Первый выстрел на Дунае раздался 3 октября 1853 г. Затем турки начали переправу у Калафата. 23 октября произошел бой у Ольтеницы, произведший самое тяжелое впечатление в русской армии. «Ужасный день», — отметил в своем дневнике генерал Коцебу. Стало ясно, что Турция не развалилась от присутствия рус-

ских войск в княжествах, но что действия турок часто были гораздо удачнее робкой стратегии растерявшегося Горчакова. О войне следовало уже думать серьезно. Но так как планы войны определяли советы Паскевича и трехэтапный план Николая, вполне понятно новое оживление интереса к инсurreкционным проблемам, какое появляется в конце 1853 г., а с другой стороны — к вопросу о возможности формирования боевых сил из балканских народов.

Еще в самом конце сентября Горчаков касался вопроса о восстаниях подвластных Турции народов. «Замечательно,— говорит Зайончковский,— что император Николай, читавший письмо князя Горчакова некоторое время спустя после приведенных выше записок князя Варшавского, сделал на нем пометки, которые уже не отвергали предлагаемых средств»⁶⁹.

22 октября 1853 г. Николай писал Паскевичу: «Ежели до весны турки не образумятся, тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств Сербии и Булгарии»,— а в начале ноября, говоря о плане войны оборонительной в Европе и наступательной в Азии, он предвидел, что перемены в «упорстве турок» может не произойти, и тогда, весной 1854 г., предстоит переправа через Дунай. После переправы войска приступят к осаде Видина. «Расположение сербов к нам дает мне надежду, что наше появление в сем крае их побудит приняться за оружие и стать рядом с нами, чем можно действия наши облегчить... Вероятно, за сербами поднимутся болгары и тем положение турок еще более затруднится». В августе должен быть взят Видин, к этому же времени турки потеряют Карс, Ардаган и Баязет — это будет началом нового периода войны. «Полагаю, что ему предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единоверным народам к восстанию объявлением, что мы идем вперед для избавления их от турецкого ига. Вероятно, сие последует через год, т. е. в ноябре 1854 года, в ту эпоху года, где уже военным действиям в тех краях природа препятствует. Разрешенное формирование волонтерных рот будет тогда служить основанием или корнем новых ополчений в Сербии и Булгарии, на что употребится зима».

Итак, 1854 год назначался для организации в разных формах участия балканских народов в войне. «Начало 1855 года укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы христианского населения Турции, и останутся ли тогда Англия и Франция нам враждебны. Мы не иначе должны двинуться вперед, как *ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперед; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в резерве*»⁷⁰.

Наконец, 21 ноября (3 декабря) Николай так говорил о ближайшей практической задаче: «Важно нам знать покуда, в какой степени считать можем на содействие задунайских христиан; признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов, и до этого

удостоверения не очень расположен итти далеко за Дунай»⁷¹. На очередь был поставлен вопрос об этом «удостоверении».

Для выяснения положения о возможных перспективах инсurreкции на правобережье Дуная Нессельроде запросил Горчакова, в частности о возможностях поддержки такого восстания. 4 (16) ноября 1853 г. тот сообщил, что при оборонительном положении наших войск, без перехода на правый берег Дуная, «невозможно оказать какую-либо помощь нашим единоверцам», а они «возможно не поднимут восстания, исключая, быть может, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьезного»⁷². Тем не менее было признано целесообразным перевести советника посольства Фонтана из Вены в Бухарест для сбора нужной информации. «Командировка полковника Ковалевского в Черногорию, статского советника Базили в Грецию — писал Горчаков, — нас снабдят другими данными. Следует надеяться, что объединенные со сведениями и подробностями, каких мы ждем с вашей стороны, мы установим размер и значимость содействия, на какое мы можем рассчитывать со стороны христианских народов, полагающих теперь — и не без основания, — что их судьба и будущее зависят от успехов нашего оружия против общего врага»⁷³.

Нессельроде, очевидно, не удовлетворенный скептическими рассуждениями Горчакова, направил ему депешу, разъяснявшую мотивы перемещения Фонтана. Говоря о стараниях представителей западных держав добиться политических прав для немусульманского населения Турции вместо религиозных привилегий, о каких заботится Россия, депеша говорит: «Мы будем очень серьезно относиться к достигающим до нас пожеланиям, строго различая их отношения к турецкому правительству от возможных революционных попыток других стран. Однако мы не хотим еще ничего ускорять, ни ободрять совместное с нашими военными действиями вооруженное восстание, прежде чем мы не соберем новости и наиболее положительную информацию о действительном положении дел и (расположении) умов в различных провинциях Румелии, и до тех пор, пока наступление весны не сделает наши движения более свободными и более решительными на обоих берегах Дуная»⁷⁴. Депеша заканчивалась просьбой к Горчакову сообщить свое мнение по этим вопросам.

Как понятен указанный выше интерес к многократно восстававшей Болгарии, так понятны и надежды, которые возлагались на Черногорию, куда в последних числах ноября 1853 г. был вновь командирован Е. П. Ковалевский. Официальной целью его поездки были раздача денежной помощи пострадавшим от неурожая жителям нахий (округов) Белопавлицкой и Пешивацкой и передача церквам Черногории предметов культа. Подлинная же цель этой поездки вскрывается инструкцией, которая была вручена Ковалевскому. В ней говорилось, что из разных мест — из Болгарии,

Румелии — идут сведения об ужасах, творимых турками над христианским населением; население на той грани отчаяния, когда в любой момент оно может принять крайнее решение; вне зависимости от мирных переговоров с Турцией следует готовиться к новой кампании, к наступлению; естественно ожидать, что угнетенные народы Балкан не останутся равнодушны к этому. «Было бы поспешно сейчас предсказывать конечные последствия движения, которое будет производиться только силой, без всякого подстрекательства с нашей стороны», но так как Россия, продолжала инструкцию, имеет в виду не предавать их мщению фанатизма при заключении мира, то сочтено «полезным отныне собирать обстоятельные сведения о положении дел у народов, о которых идет речь, о средствах действия, какими они могут располагать в различных местностях, о планах, какие у них могли сложиться, и о надеждах относительно их будущего политического существования». Во всех этих областях должны быть люди, знающие местность, вождей движения, потребность в денежной помощи и т. д. «В этом общем плане необходимо должна найти свое место и Черногория, хотя, пользуясь фактически свободой, защищаемой с такой храбростью, эта страна находится в положении, отличном от других областей, населенных христианами, подчиненными оттоманскому господству. Но так как эта независимость никогда до сих пор не была признана Портой, позиция Черногории не менее непрочно и подчинена опасностям того рода, какие снова начинаются и какие без вмешательства России и Австрии имели бы фатальные последствия для ее существования». Поэтому инструкция делала вывод, что Черногория может освободиться от вечной турецкой угрозы и занять известное место в политической системе Европы лишь при наличии успеха в антитурецкой борьбе. Но вся военно-политическая обстановка и недостаточность военных сил России в княжествах диктовали на ближайшее время тактику выжидания. «При этом положении дел не может быть ничего более противоречащего их интересам, как легкомысленные и плохо согласованные попытки восстания, которые не дадут ничего, кроме усиления бдительности оттоманских властей, навлекут на восставших бедствия жестоких репрессий, сопровождаемые принятием мер надзора и строгости. А эти последние поставят под угрозу успех, какой может иметь освободительный план в удобный момент, — когда христианские армии найдут опору в русских войсках, перешедших Дунай»⁷⁵. Давая такие поручения, правительство делало Ковалевского эмиссаром не только в Черногории, но и в примыкающих областях — в Боснии и Герцеговине. Восстание готовить, но не начинать — такова была задача.

Надо сказать, что среди русских дипломатов в самом начале осуществления этого плана раздавались скептические голоса. Едва ли не самым влиятельным среди них был голос посла в Австрии — Мейендорфа. В осторожных, но в то же время ясных вы-

ражениях он говорил о невозможности снабжения повстанцев оружием, о тех затруднениях, какие создадутся здесь австрийским противодействием: «Мы ничего не сделали не только для того, чтобы обеспечить себе возможное содействие этих воинственных народов (*gases*), но мы даже оставили их в состоянии военной неготовности (*dénuement*), которая препятствует им сопротивляться турецкому гнету (*l'oppression*). Эпирские греки, Черногория и Сербия одновременно просят у нас оружия, которые мы совершенно не можем отправить по назначению без ведома Австрии и без ее согласия. Князь Горчаков писал мне, чтобы узнать, возможно ли нам купить в Австрии конгревовы ракеты. Я ответил отрицательно, убедившись в этом при конфиденциальной встрече с генералом Гесс, о которой я очень старался. Австрия не хочет подвергаться упрекам в нарушении своего нейтралитета»⁷⁶. Однако указания на обреченность попыток организации восстания не остановили повстанцев.

В конце 1853 г. Ковалевский начал свою деятельность. В декабре он побывал в Черногории, Герцеговине, совещался с князем Данилой, герцеговинскими и боснийскими вождями. В результате этих поездок и совещания 12 (24) января 1854 г. Ковалевский отправил подробное донесение Нессельроде; оно было прочтено Николаем, а копии с него отосланы военному министру Долгорукову, Горчакову и Паскевичу. В этом донесении Ковалевский подробно описывал состояние Боснии — ее разорение, притеснения турок, он отмечал, что состояние Герцеговины несколько лучше, поскольку там сохранились известные запасы оружия и имеются преданные России и пользующиеся уважением народа сердари. Однако этого оружия было мало, да и значительное количество магометан и католиков среди населения Герцеговины не давало оснований рассчитывать на самостоятельную активность обеих этих областей. Поэтому Ковалевский считал, что первой задачей при начале восстания должна быть изоляция Боснии и Герцеговины от Турции при помощи движения сербов и черногорцев на Лим. Одновременность такого движения сможет увеличить ряды повстанцев почти на 7 тыс. Но сама Черногория не сможет выставить для борьбы вне собственных границ больше 5—6 тыс. человек, так как соседняя Албания весьма враждебно настроена по отношению к черногорцам. Для возможной борьбы на этом фронте останется около 10 тыс. человек. Эти небольшие силы смогут начать восстание, если Босния и Герцеговина будут отрезаны от Турции, но наличие в городах Ниш и Лесковац турецких войск (12—15 тыс.), которые обрушатся на повстанцев, делает возможность инсurreкции тогда, когда русские перейдут Дунай у Видина и русский отряд численностью тысяч в 8 будет направлен к Нишу. Это необходимо тем более, что не исключена возможность англо-французского десанта в Скаде (Скутари).

Изложив этот план действий⁷⁷, Ковалевский специально оста-

навливается на подготовленности к участию в нем Черногории и сопредельных областей. Приведенные выше сведения Мейендорфа оказались верными. Хотя Черногория лучше была снабжена оружием, чем Босния и Герцеговина, но и тут имелись свои трудности. Пороховой завод, устроенный Ковалевским в 1838 г., давал плохой порох; обращаться с несколькими наличными орудиями никто не умел. Хотя Ковалевский и оптимистически оценивал возможность участия черногорцев в восстании, но и он считал необходимым довооружить их. А те попытки, какие делались, например попытка триестинского купца Квекича купить 3 тыс. ружей на Корфу, вызывали сомнения в успехе. Проекты же самого Ковалевского доставляли оружие из Суторины или Сербии были, конечно, фантастическими. Мы ниже остановимся на позиции Сербии в этом вопросе, но и сам Ковалевский видел, что «сербское правительство решительно отдаляется от дела славян». Наряду с указанными мерами Ковалевский считал необходимой присылку в Черногорию русских офицеров для налаживания порохового завода и инструктажа черногорцев, а также возвращение на родину тех двух черногорцев, которые обучались в России артиллерийскому делу⁷⁸.

Донесение Ковалевского было одобрено Николаем. Стремление к организации общего восстания, о чем хлопотал Ковалевский, и было целью русского правительства. Последнее учло и пожелания своего эmissара. Правительство пришло к выводу, что пора переходить от слов к делу, и перевело Ковалевскому на покупку оружия 60 тыс. руб. (серебром), не считая денег, непосредственно выданных князю. Был также обещано прислать двух офицеров — инженера и артиллериста, а также двух черногорцев-артиллеристов. Однако сомнения в возможности осуществления изложенного выше плана действий, где на долю Сербии выпадала определенная роль, были и у Нессельроде. «Последние наши известия из Белграда, — писал он Ковалевскому, — еще не вселяют в нас пылкой веры в намерения князя Карагеоргиевича соединить дело Сербии с общим делом прочих славянских племен Румелии»⁷⁹.

Сомнения эти были вполне основательны. Отсутствие поддержки со стороны соседних балканских народов, позиция Австрии, непрерывно угрожавшей репрессиями в случае вспышки восстания, постоянное приглушение самим же Ковалевским создаваемого возбуждения — все это вело к возникновению крайне тяжелой и путаной обстановки. В апреле (24 апреля — 6 мая) 1854 г. Ковалевский в письме директору Азиатского департамента Н. И. Любимову жаловался на невыносимость своего положения: «По своему обыкновению я отдал бы им себя безусловно и всего делу, но какая возможность действовать? Вы дайте инструкции начинать. Из Вены я получил, чтобы не двигаться с места под ответственностью. Конечно, и вы, и в Вене совершенно правы, но за что же я отвечаю? Спрашиваю я тысячу раз, — ответа нет... нельзя же бросать человека между двух огней. А тут еще обещают австрий-

цы окружить нас, ничего не пропускать и выморить голодною смертью. Как видите, придумано очень хитро, а главное человеколюбиво»⁸⁰. Беспольному метанию Ковалевского был положен конец летом 1854 г., когда отношения с Австрией стали еще более острыми и закончились предъявлением 4 (16) июля требования о выводе русских войск из княжеств. Тогда же Ковалевский был отозван из Черногории.

Переходя к рассмотрению позиции Сербии, следует вернуться несколько назад. Отношения России и Сербии не были дружелюбны. Еще в апреле 1853 г. Нессельроде писал Меншикову в Константинополь о жалобах Порте сербского князя Александра на русское давление. Эту «отвратительную неблагодарность» канцлер объясняет вредным влиянием руководителя иностранной политики Сербии Гарашанина, связи которого с Парижем он совершенно справедливо отмечал⁸¹.

Для устранения этого влияния Меншиков должен был потребовать устранения «интриганов». Под давлением Меншикова в Константинополе и русского генерального консула Туманского в Белграде Гарашанин ушел в отставку. Но желательного Николаю I результата не получилось. Внешнее давление сплотило князя с его министрами. Споры по внутренним вопросам отступали на задний план. Место трений заняло «опште помирење». В доме князя был собран совет, на котором действия русских агентов рассматривались как вмешательство в дела Сербии, а князь давал обязательства защищать права страны. Россия заняла выжидательную позицию. «Laissez faire, — писал Николай, — et nous verrons jusqu'au la folie les aller» (Предоставьте им действовать и посмотрим, до какого безумия они дойдут)⁸².

Иного решения пока не могло быть; влияние Гарашанина не было умалено лишением официального поста: начальником дипломатической канцелярии оставался помощник Гарашанина — Маринович. Ставить открыто вопрос о высылке Гарашанина из Сербии было невозможно, но давать под сурдинку такие советы русские агенты имели возможность. И именно так поступил советник русского посольства в Вене Фонтон⁸³ в разговоре с приехавшим в Вену сербским сенатором Янковичем.

Но влияние Гарашанина в Сербии сказывалось даже в периоды его отсутствия. 1853 год он провел за границей, но не переставал писать на родину, постоянно касаясь в своих письмах вопросов внешней политики вообще и отношений с Россией в частности. Гарашанин был один из ярких представителей великосербского национализма и еще в 1844 г. набросал широкую программу сербской политики. Эта программа преследовала цели объединения вокруг Сербии всех сербских земель и готова была принять для этого помощь России, но с тем, чтобы последняя вполне приняла сербские цели и условия⁸⁴. Те же мысли при-

существовали и в советах, которые он давал сербским государственным деятелям в рассматриваемое время.

Неудачные попытки русской дипломатии воздействовать на Сербию привлекли внимание Австрии. Бывший австрийский консул в Белграде Мейергофер был послан для ознакомления с положением дел в Сербию и Боснию. Он поделился с русским представителем в Белграде соображениями об общности русских и австрийских интересов в Сербии. Через некоторое время он писал в Вену о желательности примирения Сербии и России и возможности австрийского посредничества. Как указывал еще Н. А. Попов⁸⁵, оно имело место, но в свете наших материалов оно рисуется по-новому. Уже 22 мая (3 июня) Фонтон спрашивал Франца-Иосифа о возможности австрийского вмешательства *à main armée* (вооруженной силой). Его собеседник ответил, что Австрия «не потерпит на своих границах взрыва волнений, которые приведут к анархии и, может быть, к созданию демократии», и что в случае нужды собрать нужные силы будет нетрудно⁸⁶. В то же самое время Мейергофер в своих донесениях из Белграда настраивал австрийское правительство как против представителя франкофильской партии в правительстве Мариновича, так и русофила Вучича. Отсутствие же в Сербии сколько-нибудь влиятельной группировки, ориентирующейся на Австрию, заставляло бояться наличных партий сильнее, чем они того заслуживали.

1 (13) июля 1853 г. Фонтон сообщал о решении Австрии выставить наблюдательный корпус на сербской границе численностью в 25 тыс. человек с главной квартирой в Петроварадине. Через 11 дней об этом была поставлена в известность и Сербия, которой сообщили, что цель наблюдательного корпуса — предупреждение волнений, и что призвать корпус к действию могут как сербский князь, так и турецкий паша. О том же обстоятельстве, что инструкция командиру корпуса предусматривала переход границы и без зова — при признаках волнений, сербскому правительству не сообщили. Последнее принимало свои меры. Сербия не хотела быть орудием ни русской, ни австрийской политики. Вопрос для нее заключался в том, чтобы не быть раздавленной борющимися державами и обеспечить свое государственное существование. Не удивительно, что Сербия решила принять некоторые меры на случай необходимой обороны от Австрии. Сербия отправила Австрии ноту, где благодарила за заботливость, но отмечала, что ни отношения с Россией, ни другие какие-либо обстоятельства не позволяют ожидать волнений. Сербия просила дать указания войскам, чтобы переход границы имел место лишь по призыву сербского правительства⁸⁷.

Помимо дипломатических шагов были предприняты и меры военной подготовки. Еще в начале мая для реорганизации войска из Швейцарии был вызван военный инструктор Орелли⁸⁸.

После же австрийского сообщения сербское правительство начало готовиться к вооруженному отпору. Для крошечной Сербии ее мероприятия были грандиозны. Военный бюджет страны возрос в 1853 г. почти на 80%: со 105,4 тыс. до 185,3 тыс. талеров⁸⁹. Но на наблюдателя-европейца все это производило мало впечатления. В июле Мейергофер писал, что сербская артиллерия состоит из 8 пушек, что в военной школе учится 30 человек, а сельскохозяйственная школа в Топчидере хотя и устроена на военный лад, но никакой опасности не представляет. Невысоко оценивал он и качества Орелли⁹⁰. В этот момент (июль 1853 г.) Нессельроде распорядился командировать в Сербию Фонтон, чтобы предупредить князя и сербские власти о возможных последствиях кризиса; в частности, Фонтон должен был указать на опасность революционной пропаганды, разливающейся по Европе и нашедшей свое местное выражение в эпирском восстании, о котором мы скажем ниже.

Чтобы обезопасить Сербию от этих влияний, Фонтон должен был требовать удаления опасных лиц, занимавших военные и гражданские посты, и рекомендовать князю и правительству действовать в интересах лишь сербского народа. При первом же свидании с руководителями сербского правительства Фонтон призывал к корректности и указывал, что Россия не допустит причинения ущерба Сербии. Одновременно с переговорами в правительственных сферах Фонтон занимался агитацией, не скрывая «от сербов надежды, которые возбуждены были в нем самом поднявшимся восточным вопросом», а «в Тополе у гроба Кара Георгия с жаром говорил собравшемуся народу о подвигах его первого вожди»⁹¹.

Делая это, он не упускал случая выяснить военные ресурсы Сербии. Из последующей переписки мы знаем, что в процессе переговоров князь возбудил вопрос о снабжении Сербии оружием и, в частности, об отпуске 10 тыс. рублей. Но из-за нежелания Австрии посредничать в этом деле и невозможности переправить оружие иным путем вопрос был отложен до того момента, пока Сербия не окажется под реальной угрозой⁹².

Одновременно с Фонтоном действовал русский посол в Вене Мейендорф. Он имел переговоры с находившимся в это время за границей Гарашаниным и в этих переговорах старался внушить ему мысль о нецелесообразности вооружения и большей разумности использовать деньги на другие полезные народу и стране дела. Он указывал, что Сербия не должна раздражать ни Австрию, ни Турцию, а поддерживать с ними дружеские отношения, — в этом залог мирного существования Сербии⁹³.

Смысл этих противоречивых уговоров был ясен. Россия хотела, чтобы Сербия спокойно дожидалась развития событий. Спокойствие в данный момент было важно, чтобы помешать Сербии сделать преждевременный шаг, который поставил бы и ее и рус-

ские интересы на Балканах в трудное положение. Вот почему вопрос о позиции Сербии теперь привлек внимание еще одной заинтересованной державы.

В начале октября Турция передала сербскому правительству запрос по этому поводу и требовала противодействовать России в случае ее попыток проникнуть на территорию княжества. Через несколько дней Турции был послан ответ, по совету русского представителя, содержащий в себе указание на соблюдение Сербией полного нейтралитета. Сербия заявляла о нежелании превратить княжество в арену борьбы враждебных армий и угрожала в случае вступления турецких войск призвать русские⁹⁴.

Еще сказывавшееся русское влияние, попытки нового консула Мухина организовать русофильскую партию заставили Турцию возбудить вопрос об отозвании Мухина. Мотивировано это было тем, что Сербия — вассальная провинция, имеющая лишь внутреннюю автономию. Сербия, боясь какого-либо конфликта, со своей стороны поддержала турецкое требование. Решено было спустить флаг на консульстве, закрыть его, а Мухина уже в качестве частного лица переместить в Землин (Земун)⁹⁵. Это было концом дипломатической стадии русско-сербских отношений. Теперь наступила полоса, когда отношения с Сербией мало чем отличались и по форме и по задачам от отношений с Черногорией.

В новой инструкции Мухину от 21 ноября (3 декабря) 1853 г. Нессельроде писал о необходимости поддерживать отношения с князем, убеждая последнего и его советников не слушать советов англо-французских консулов об участии в планах Порты. Независимо от переговоров с сербским правительством новая инструкция предлагала следить за могущим разразиться в Сербии и Боснии народным движением. Желательно, чтобы подобное движение имело шансы на успех и было выгодно для хода русско-турецкой войны. Вопрос об этом восстании — «это главная задача наблюдательного поста, на котором вы сейчас находитесь»⁹⁶. Обязанность Мухина собирать агентурные сведения, соединить в своих руках все нити восстания вызвала противодействие турок, которые стремились запретить ему ездить в Белград. Но запретить было нельзя: Мухин ездил с австрийской визой. Тогда Турция решила применить другое средство для борьбы с русским влиянием: выпустить фирман, который подтверждал бы права Сербии. Вопрос о том, как следует Сербии отнестись к этому фирману, вызвал оживленную переписку между Петербургом и русскими дипломатическими агентами. Мухин в донесении от 14 (26) января 1854 г. сообщал Нессельроде о своих разговорах с князем, которого он убеждал отвергнуть фирман. Это было важно потому, что принятие фирмана означало признание благодарений Турции и сводило бы на нет роль России в качестве га-

ранта сербской государственности и самого существования Сербии. Последняя понимала мотивы русской настойчивости, и правительство ее, само испытывавшее колебания, нащупывало почву. От имени сербского правительства Симиц запрашивал указаний Горчакова, в то же время явно намекая на намерение принять фирман⁹⁷.

Но вполне отчетливо сербская точка зрения была сформулирована в письме князя Александра к Горчакову. Князь писал, что принятие фирмана не изменит юридической стороны дела. Отношения России и Турции относительно Сербии оформлены договорами между ними. Никакой односторонний акт Турции не может изменить положение. Учитывая же положение Сербии в создавшейся обстановке целесообразно с точки зрения ее интересов фирман принять. «Отказ (в приеме фирмана. — С. Н.) опасен и непростителен как с точки зрения законности, так и выгод»⁹⁸.

21 января (2 февраля) 1854 г. состоялось торжественное чтение фирмана, чего так не хотела Россия и к чему очень стремилась Австрия. Недаром, когда сербский представитель Янкович беседовал в Вене с Буолем, последний советовал принять фирман и добавил: «Если вы нарушите отношение ваше к Порте, знайте, что войска наши готовы принудить вас к миру... Мы с Россией в дружбе, но не потерпим, чтобы Сербия сделалась русскою провинциею»⁹⁹.

Это свое намерение Австрия обнаруживала на деле. Концентрация австрийских войск на сербской границе шла своим чередом. 16 января 1854 г. было приказано пододвинуть войска к Землину. А вскоре после переезда начальника сербско-банатского армейского корпуса Каронини в главную квартиру, в Землин, корпус был еще усилен. Был передвинут к границе ряд других воинских частей. Все эти приготовления не могли не оказать своего действия на Сербию. Она, с одной стороны, продолжала вооружаться, с другой — ей приходилось решать вопрос о своей ориентации. Этот вопрос обсуждался в совете княжества и свою самую отчетливую формулировку нашел в записке Мариновича — начальника сербской дипломатической канцелярии. В записке Маринович взвешивает соотношение сил и шансы Сербии при сложившейся ситуации. Прекрасно понимая стремление России перевести в нужный момент сербский нейтралитет в вооруженное вмешательство на ее стороне, Маринович считает, что это привело бы Сербию к риску потерять то международное признание, которое получил факт самостоятельного решения Сербии сохранять нейтралитет, риску тем более существенному, что Сербия — вассал Порты. Но это не единственный мотив. Оценивая возможный исход войны, автор записки считает невероятной победу России над ее противниками; диктовать свою волю Европе Николаю I не удастся: или противники так ослабят друг

друга, что станет неизбежным заключение мира, или Россия добровольно примет в той или иной форме венскую ноту, или, наконец, будет вынуждена к этому ходом событий. Во всех этих случаях Сербия не выиграет, в двух последних — проиграет. «Я твердо остаюсь при мнении, — пишет Маринович, — что нам не должно выступать из нейтральности, пока не изменятся виды настоящей политики; а потому я бы не обещал русским ни волонтеров, ни какого другого участия, потому что это нас поведет шаг за шагом далеко. Я бы им искренне объяснил, что мы не можем их пустить в нашу землю и что мы принуждены тому воспротивиться, чтобы не компрометировать себя перед Портою и Австрией ни письменно, ни на деле; а во всем другом я бы продолжал с ними лучшие сношения, но не можем принести на жертву все наше существование из малой выгоды, которая для них из того может произойти»¹⁰⁰. Понятно разочарование Николая. «Эта бумага, — писал он по поводу записки Мариновича, — ясно доказывает, что от сербов никакой помощи не будет; это предвидено, и на это мы и не рассчитываем, но быть может, что народ не пожелает следовать сему направлению и свергнет князя»¹⁰¹.

Решение сербского правительства вполне понятно: такие выводы диктовала весьма реальная угроза военной оккупации как со стороны Австрии, так и со стороны Турции, которая, в связи с движением русских войск в Валахии в феврале 1854 г. предупредила Сербию о неизбежном введении в страну своих войск, если угроза со стороны России станет еще непосредственной, а уверенности в сербском противодействии русским попыткам у Порты не будет¹⁰².

Однако надежда отвлечь часть сил с Дунайского фронта не оставляла русское правительство. Оно делало попытки сформировать из сербов партизанские отряды, считая, что это наиболее удобный путь, не являющийся нарушением сербского нейтралитета, поскольку правительство Сербии не будет к этому иметь никакого касательства.

Находившийся на русской службе племянник князя Александра Карагеоргиевича был послан в Сербию с целью убедить своего дядю теснее соединиться с Россией. Он должен был указать князю, что ориентация на морские державы даст возможность сохранить права, гарантированные русско-турецкими договорами; если же Сербия выступит на стороне России во главе восстания других славянских провинций, она обезопасит свою территорию от вторжения, получит помощь русской армии и откроет путь к дальнейшему расширению своих прав¹⁰³.

Аналогичные по форме, но противоположные по содержанию обещания и угрозы слышались от представителей Англии и Франции. Австрия же в феврале 1854 г. прямо заявила, что «не потерпит никакого выступления (*mouvement*) на своей границе

и в своем соседстве». Итог этих противоположных внушений подвел посланный весной 1854 г. в Сербию и Черногорию русский генерал, грек по происхождению, Салос. Ему поручалось выяснить возможность выступления этих народов. В Белграде Салосу удалось заручиться заверением митрополита, что сербы двинутся при первом сигнале. Однако в Белграде он узнал о решении русского командования покинуть правый берег Дуная и сообщил об этом митрополиту, который, услышав новость, выпроводил его с проклятиями.

Пока шли подготовка к восстанию в Черногории, так неудачно закончившаяся, и обработка Сербии, произошло одно из желанных Николаем I восстаний, правда, не общее восстание, а частичное. Мы имеем в виду восстание в Эпире. Еще в декабре 1853 г. с главнокомандующим князем Горчаковым повел переговоры бухарестский адвокат Мано, представитель подпольной греческой организации, до того побывавший у русского посла в Вене. Он сообщил о наличии в Греции тайного общества, возглавляемого генералом Кицо Цавеласом, адъютантом короля Оттона, Хаджи Петро и ярым противником Оттона известным поэтом Панайотом Суцо. Это общество образовало свое агентство — эфорию — в Дунайских княжествах, в которое входили Мано и князь Мурузи. Подписанная руководителями общества инструкция уполномочивала эфорию на сбор денег и вступление в переговоры с русскими, чтобы заручиться их помощью в намеченном предприятии. Общество ставило целью организовать «вторжение свободной Греции в Фессалию, Эпир и Македонию», чтобы добиться путем восстания присоединения населенных греками провинций к королевству. Предполагалось, что из Греции двинется экспедиция в составе трех корпусов под верховным командованием Цавеласа и оккупирует греческие области. Наличие силы экспедиции насчитывали 9 тыс. человек¹⁰⁴.

Сообщение это заинтересовало и испугало Горчакова. С одной стороны, Мано, участник восстания 1821 г., был человеком с испорченной репутацией, с другой — вопрос был достаточно важен, чтобы им заинтересоваться. Горчаков направился в Яссы, где жил Мурузи, но узнал мало нового. По-видимому, Мурузи держался уклончиво и осторожно, боясь скомпрометировать себя. Он заявил Горчакову, что знает столько же, сколько и тот, признался, что к Мано имеет мало доверия. Но подписи руководителей восстания на инструкции он признал подлинными и выразил уверенность о наличии в Греции многочисленной партии, готовой поднять оружие. В заключение он предлагал поручить ему точнее выяснить обстановку в Афинах, командировав его туда. Этому предложению Горчаков не принял и решил вообще воздержаться от отправки агента в Грецию. Он боялся, что самый факт отправки эmissара будет свидетельствовать о поддержке инсurreкции, что поддержка в данный момент приведет только

к оккупации Греции турецкими или англо-французскими войсками; Горчаков сомневался, действительно ли организация имеет тот характер, о каком говорит ее представитель, а главное, боялся без ведома своего правительства на что-нибудь решиться, так как решать что-либо было непривычно для Горчакова. Николай I одобрил кунктаторство главнокомандующего, разделяя его сомнения относительно характера организации и считая неприемлемым подобное предприятие в княжествах. Но главное было не в этом. В стремлении к активному выступлению за освобождение подвластных Турции греков Николай усмотрел крамолу, революцию. Его испугал переход повстанцами греческой границы, его привело в смущение то, что подготовка этого движения шла без согласия и ведома короля. «В глазах государя,— писал Нессельроде Горчакову,— предприятие этого рода — демонстрация против Турции в пользу ее христианских подданных,— если бы оно было осуществлено, имело бы характер открытого возмущения против греческого монарха и гражданской войны в недрах королевства. Поэтому оно не может получить одобрения нашего августейшего повелителя и тем менее какой-либо поддержки с нашей стороны»¹⁰⁵. Все же для выяснения дела решено было послать в Грецию специального человека, поручив ему на месте собрать все необходимые сведения.

Интересно, что столь легитимистская позиция была занята Николаем I, несмотря на те авансы, какие делал греческий посол в Лондоне русскому послу Бруннову еще в сентябре 1853 г. В беседе с последним греческий посол говорил о возрождении старой гетерии, о наличии стремлений к низвержению баварской династии и о возведении на королевский греческий трон старшего сына великой княгини Марии Николаевны¹⁰⁶.

Не теряли надежды на более благосклонное отношение России к их попытке освобождения и греки. В конце декабря Мурузи, при первом свидании ссылавшийся на неосведомленность, представил Горчакову обширную записку, где излагал историческое развитие освободительного движения среди греков. Он говорил о положительной роли фанариотов, доказывал, что восстание 1821 г. было чуждо коммунистических идей, рассказывал о постоянном стремлении греков к освобождению подвластных туркам греческих земель и о широком повстанческом движении, которое охватит страну, как только в нее вступят греческие отряды. Из Афин распорядительная комиссия благодарила Горчакова за обещание денежной помощи и обсуждала его соображения о возможности закупки оружия, хотя в депеше, посланной Нессельроде, Горчаков заявил, что никаких обещаний он не давал.

Тем временем распорядительная комиссия начала действовать. Первый небольшой отряд был послан в Эпир, но встреченный турками был принужден дать бой. 21 января (2 февраля) 1854 г. в афинской газете «Век» была опубликована прокламация эпи-

ротов с призывом к восстанию, сопровождавшаяся таким редакционным комментарием: «С нами бог, братья!.. Время идет. Час борьбы настал. Недовершенное дело 1821 г. завершается, и каждый ответствен перед всемогущим богом и родиной за клятву, уже произнесенную в Эпире нашими братьями, первыми восставшими за греческую империю и против врагов веры и родины»¹⁰⁷.

Вся эта подготовка не могла остаться незамеченной представителями держав в Греции. Английский посол Уайс протестовал против передвижки военных частей и пропаганды тайного общества, он угрожал; греческое правительство в ответ заверяло в своем нейтралитете, Франция убеждала в необходимости сохранять нейтралитет, указывая, что цель России — Константинополь и что Россия представляет собой угрозу независимости Греции. В Париже даже воспользовались услугами польского издательства, чтобы напечатать сборник материалов, доказывающих русские претензии на Константинополь и весь Ближний Восток¹⁰⁸. Англия в свою очередь напечатала в Афинах переписку лорда Сеймура и Клареддона, где встречались заявления Николая, что он не допустит расширения Греции. Однако момент был не таков, чтобы эта брошюра привлекла внимание, но совсем не потому, что тому способствовали русские деньги, как думал Бамберг¹⁰⁹. Греки учитывали, что могут встретить впоследствии сопротивление России, но они понимали, что Европа, а не одна Россия будут решать вопрос.

Представлялось русско-турецкое столкновение удобным моментом для достижения давних стремлений к национальному единству. Грекам были ясны и мотивы противодействия со стороны западных держав. «Морские и торговые державы Запада, — писала греческая газета «Восточный наблюдатель», — заинтересованы в существовании на Востоке большого варварского государства без промышленности, системы управления, чтобы иметь возможность продавать ему свои товары, не боясь конкуренции тарифов, иметь возможность эксплуатировать его и направлять к своей выгоде»¹¹⁰.

Шла запись добровольцев, офицеры бросали службу и становились во главе партизанских отрядов, освобожденные из-под ареста дезертиры немедленно толпой ушли в Эпир. Восстание началось 15 (27) января 1854 г. Провинция Радовисти в Эпире провозгласила свою независимость. Ее примеру последовали провинции Цумереа, Ламарис, Арта, Аграфы. Начались бои. После удачных для греков стычек 18 и 19 января турки отступили в Арту, которая была блокирована. Силы повстанцев, по их подсчетам, составляли 8 тыс. человек. Они надеялись на дальнейший рост движения и понимали, что в этом залог успеха. Распорядительная комиссия всемерно старалась добыть деньги и просила у Горчакова 100 тыс. дукатов. «Мы должны купить помощь албан-

цев и направить их против турок... Нам необходимо оружие, и оно может быть куплено только за границей», — писал П. Суцо своему родственнику К. Суцо, который должен был вступить в Вене в переговоры с Мейендорфом. Представители тайного общества обращались и непосредственно к Горчакову. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, руководители восстания весьма надеялись на помощь России. В письмах, которыми они обменивались со своими представителями в Бухаресте, выражается уверенность в том, что Россия окажет денежную помощь, даются указания, кому ее адресовать, указывается греческий купец в Лондоне, который будет непосредственным агентом по закупке оружия. Было, по-видимому, что-то в тоне Горчакова, что понималось представителями греческого национального движения как ободрение, внушавшее надежду на желательный для них исход переговоров, — только так можно понять те благодарности по адресу командующего русской армией, которые расточаются в письмах греческих деятелей. Но если раньше и были даны Горчаковым какие-либо неопределенные обещания, теперь он был вынужден вполне решительно заявить, что Николай I не дал своего согласия на поддержку греческого движения. Однако, сообщая о решении русского правительства, Горчаков не считал нужным окончательно разочаровывать греков; он внушал им мысль, что «невозможно теперь предсказать точку зрения, с какой их усилия будут рассматриваться позднее». В то же время он старался внушить руководителям русской внешней политики мысль о целесообразности поддержки восстания. «Эта диверсия могла бы нам быть очень полезна», — писал он Нессельроде, прося его разрешения «ободрить гетерию от имени нашего кабинета и ей послать, пусть лично, от меня, 40 тыс. дукатов, которые ей очень нужны, чтобы покрыть необходимейшие расходы по этому предприятию»¹¹¹. Но в кругах русских дипломатов эта мысль не встречала поддержки, а Мейендорф писал в Петербург о необходимости задержать начавшееся движение. «Если я не ошибаюсь, — писал он Нессельроде, — для нас существенно предупредить этих храбрых эпиротов, чтобы они не бросились очертя голову в предприятие, важность и трудность которого не взвесили достаточно вожди... Если движение будет раздавлено в самом начале, то оно, вместо того чтобы увеличить нашу моральную силу в Европейской Турции, ослабит ее. Если оно удержится теперь и распространится позже, державы узнают, что турецкие христиане нуждаются в иностранном покровительстве»¹¹².

Еще более резко Мейендорф ставил вопрос в другой депеше: «Это движение представляется мне преждевременным и я сомневаюсь, что средства, какими располагают повстанцы, находятся в соответствии с препятствиями, которые они встретят... Если попытка будет задавлена турецкими силами... хорошо, если будут знать, что мы не поддерживали эту попытку»¹¹³.

Не прекращалось возбуждение и в Афинах. В семинарии один из учащихся сбросил с себя подрясник, сбрил бороду и призывами к оружию увлек за собой своих товарищей, обязавших ректора стать во главе их отряда. Правительство короля Оттона не имело сил и желания препятствовать патриотической акции. Оно стояло перед альтернативой: вызвать внутреннее возмущение в случае попытки препятствовать движению или предоставить событиям свободно развиваться. Избрали последнее.

Но на Николая I не повлияло ни это спокойное отношение греческого правительства, ни заявления распорядительной комиссии, что она ждет решения «великого покровителя эллинов» о дальнейшей судьбе жаждущих освобождения Фессалии, Эпира и Македонии, ни просьбы о присылке специального лица, чтобы руководить восстанием. На депеше Горчакова от 8 (20) февраля, где он советовал поддержать гетеристов, Николай написал: «В том, что решено, менять нечего», — а по поводу записки гетеристов, где излагались мысли относительно освободительной борьбы, отмечал, что эти соображения далеки от действительного положения вещей.

Пока повстанцы прилагали героические усилия в неравной борьбе с силами огромной армии Омер-паши, пока руководители русской армии и внешней политики взвешивали шансы на успех восстания, в дипломатическую игру вступили представители Англии и Франции. Греческому послу в Лондоне Трикупису в феврале 1854 г. было заявлено, что следует выбирать между расположением этих стран и блокадой Афин, так как правительства их не допустят восстания в Турции и поддержки его греческим правительством. Аналогичные указания были сделаны Францией и в порядке общедипломатическом и в личном письме Наполеона III королю Оттону. Австрийский император Франц-Иосиф в разговоре с русским послом Мейендорфом 9 (21) февраля заявил, что «восстание христианских народностей Турции не может быть согласовано с поддержанием status quo, которое одно только и в состоянии гарантировать интересы Австрии»¹¹⁴.

21 марта 1854 г. Турция разорвала отношения с Грецией. 15 апреля н. с. Англия и Франция объявили официально о посылке союзных отрядов в Пирей. Эти шаги морских держав были тем более уверенными, что Венский протокол 30 марта (11 апреля) показал полное согласие Австрии и Пруссии с ними. Единая позиция западноевропейских держав, требовавших целостности Османской империи, вывода русских войск из княжеств, оставляла Россию изолированной.

Все это ощущали повстанцы, на которых давление турок становилось сильнее, хотя и силы восставших росли. В марте 1854 г. гетеристы сообщали Горчакову о крупных турецких силах, двинутых в Эпир, и просили произвести диверсию на Дунае

для отвлечения внимания турок на основной театр войны. Эта просьба пришла уже после перехода русской армией Дуная и занятия Тульчи и Матчина. Было признано поэтому, что просимая гетеристами диверсия уже произведена. Может быть, более активные действия русской армии могли бы принести пользу греческому движению, так как первые французские части высадились в Пирее лишь в мае, а англичане прибыли после них, но таких действий не было. Это объяснялось отчасти политическими соображениями — позиция Австрии в это время была угрожающей, и русский посол в Вене Мейендорф писал: «Помощь восстанию не стоит войны с Австрией»¹¹⁵, — а отчасти широко известной неспособностью командования и технической слабостью армии, повлекшими неудачу всей Дунайской кампании.

Восстание в Эпире было подавлено, и Россия не могла бы оказать необходимой помощи, если бы и попыталась сделать это. «Греческое движение, — писал в апреле Горчакову Мейендорф, — не делает таких успехов, какие были объявлены... В настоящее время речь идет только о том, чтобы не позволить раздавить этих несчастных, и для того им нужно послать денег и оружия, но все придет слишком поздно, так как движение было преждевременным»¹¹⁶.

Неудача русской политики на Балканах показала глубочайшее заблуждение Николая I относительно позиции Австрии и ее вероятной роли в развитии событий; она свидетельствовала о крахе того плана войны, какой был намечен Николаем и его советниками.

Николаевское правительство смотрело на балканские народы лишь как на средство осуществления своих военно-политических планов и не учитывало собственных интересов этих народов. Оно переоценивало слабость Турции и готовность славян в любой момент подняться по мановению руки «покровители православия» на Востоке.

Провал расчетов на общее восстание в Турции, расчетов, ведущих к медлительности военных мероприятий, не мог не отразиться на дальнейшем течении войны. Вся ее вторая половина предвещала крах кампании. Николаевское правительство, не будучи способно осуществить свой агрессивный план, оказалось вынужденным вести пассивную защиту. Ею и была борьба за Севастополь. Севастопольская оборона показала героизм сражавшегося русского народа, но не могла спасти уже потерпевший неудачу режим.

- 1 См.: *П. Ровинский*. Черногория в прошлом и настоящем, т. III. Петроград, 1915, стр. 18—19.
- 2 Даты, где это специально не оговорено, приведены по старому стилю; двойная датировка заимствована из дипломатических документов.
- 3 Омер-паша ранее был австрийским офицером. В 1828 г. дезертировал, поступил на турецкую службу и принял мусульманство.
- 4 *G. Frilley, J. Wlahowit*. Le Montenegro contemporain. Paris, 1876, p. 64.
- 5 *П. А. Лавров*. Петр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность. М., 1887, стр. 57.
- 6 Архив внешней политики России (далее — АВПР). Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., л. 6.
- 7 *A. Beer*. Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag, 1883, S. 435—436.
- 8 АВПР, Канцелярия (далее — К.), Constantinople, 1853 г., лл. 49—50.
- 9 АВПР, К., Belgrade, 1853 г., л. 3.
- 10 *В. Ђорђевић*. Црна Гора и Аустрија 1814—1894. Београд, 1924, стр. 71—74.
- 11 *В. Ђорђевић*. Лука Вукаловић и херцеговачки устанци од 1852—1862 године. Београд, 1923, стр. 19.
- 12 Обзор военных действий см.: *R. Derba*. Zur Geschichte der Ereignisse in Bosnien und Montenegro. 1853. «Mitteilungen des K. K. Kriegsarchivs», Bd. 1. Wien, 1887.
- 13 Позже (1856—1861) Ковалевский был директором Азиатского департамента, а с 1861 г. — сенатором. Собрание сочинений Ковалевского содержит важнейшие его работы, выходявшие отдельными изданиями. О его поездках см.: *В. А. Вальская*. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956.
- 14 АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., лл. 6—13.
- 15 Там же, л. 14.
- 16 Там же, лл. 21—22.
- 17 Клек и Суторина — земельные участки, уступленные Турции Рагузанской республикой, стремившейся отгородиться турецкими владениями от нападений Венеции, владевшей Катарро (Котор) и Спалато (Сплит). Наполеоном они были включены в состав иллирийских провинций. В 1814 г. Австрия передала их Турции. Австрия претендовала на создание особого status'a для этих территорий.
- 18 *A. Beer*. Указ. соч., стр. 439—440.
- 19 *А. Зайончковский*. Восточная война 1853—1856 гг., т. I. СПб., 1908, стр. 389.
- 20 О ней см.: *Е. В. Тарле*. Крымская война, т. 1. М., 1941, гл. 2.
- 21 *P. Meyendorf*. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien, Bd. III. Berlin, 1923, S. 10—11. Приведенные факты ясно говорят, насколько неправ Бапст, утверждающий, что «императору Николаю очень не нравились действия Австрии; он полагался на черногорское восстание, и подавление его, возможно неразумное, турками должно было доставить мотив для оправдания русского военного вторжения в Османскую империю» (*E. Bapst*. Les origines de la guerre de Crimée. Paris, 1912, p. 335).
- 22 Зайтсек был преподавателем военных наук у кобургских принцев. За неудаchi при подавлении революции в Венгрии назначен комендантом Катарро.
- 23 АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., л. 34.
- 24 АВПР, К., Constantinople, 1853 г., л. 125.
- 25 АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., лл. 31, 32. В своей депеше от 5 (17) июня 1853 г. Ковалевский возбуждал вопрос о разрешении переселиться в Россию боснякам и герцеговинцам — участникам борьбы с турками на стороне Черногории. После обещания, данного Омер-пашой о непреследовании их, человек 60 возвратились домой, но там они были схвачены и казнены турками. Прочие воздержались от возвращения. Положение их было тяжелое. Расселить боснийских крестьян

- ян в имеющей мало удобной земли стране было трудно. Временный выход из положения был найден Ковалевским, убедившим князя поселить их на своих землях. Тем не менее они оказывались бременем для страны. Ссылаясь на пример Австрии, принявшей в 1851 г. участников боснийского восстания, Ковалевский предлагал разрешить их переселение в Россию, обещав переселенцев известной суммой денег (там же, лл. 68—69). Однако эта мысль не нашла отклика у заинтересованных: желающих переселиться не нашлось (*В. Боршевский*. Указ. соч., стр. 86).
- ²⁶ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., л. 42.
- ²⁷ Там же, л. 69.
- ²⁸ *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. I. СПб., 1908, стр. 365.
- ²⁹ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 1, 1853 г., лл. 78—79.
- ³⁰ *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. I, стр. 582.
- ³¹ Там же, стр. 597—598.
- ³² Опубликована дважды: «Русская старина», 1876, август; *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. I.
- ³³ «Русская старина», 1876, август, стр. 687.
- ³⁴ *А. Зайончковский*. Указ. соч., т. II, ч. 1. СПб., 1908, стр. 27.
- ³⁵ Записка Николая I от 16—17 мая 1853 г. опубликована дважды: «Русская старина», 1876, август; *А. Зайончковский*. Указ. соч. Приложения т. II. Ср. также: *Е. В. Тарле*. Указ. соч., стр. 221, 283.
- ³⁶ *А. Зайончковский*. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 27.
- ³⁷ *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. II, стр. 243.
- ³⁸ АВПР, К., Constantinople, 1853 г., л. 109.
- ³⁹ «Journal de Constantinople», 4 V 1853.
- ⁴⁰ *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. II, стр. 45.
- ⁴¹ АВПР, К., Bucarest, 1853, д. 133, лл. 201—207.
- ⁴² *N. Jorga*. Geschichte der Rumänen und ihre Kultur. Hermanstadt Sibiu, 1929, S. 313. Тот же автор говорит, что благодаря австрийским интригам они не имели возможности участвовать в войне. Но эта фраза имеет в виду иной, более поздний момент.
- ⁴³ См. депешу от 14 (26) декабря 1853 г. (АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, л. 98).
- ⁴⁴ АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, л. 213.
- ⁴⁵ *Н. Ушаков*. Записки очевидца о войне России противу Турции и западных держав (1853—1855). В сб.: «Девятнадцатый век». М., 1872, кн. 2, стр. 043.
- ⁴⁶ Депеша Нессельроде Бруннову 29 октября 1853 года (АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, лл. 238—240).
- ⁴⁷ Mémoire pour servir d'instruction au commissaire général des Principautés (АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, лл. 222—231).
- ⁴⁸ *Н. Ушаков*. Указ. соч., стр. 043.
- ⁴⁹ *С. Палаузов*. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПб., 1859, стр. 255.
- ⁵⁰ *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. II, стр. 143.
- ⁵¹ «Библиотека д-р Ив. Селиминский», кн. I. София, 1904, стр. 13.
- ⁵² *В. Д. Конобеев*. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. «Ученые записки Института славяноведения», т. XX. М., 1960.
- ⁵³ *А. Blanqui*. Voyage en Bulgarie pendant l'année 1841. Paris.
- ⁵⁴ *В. Тодоров-Хиндалов*. Възстания и народни движения в предосвободителна България според новооткрити турски официални документи. София, 1929, стр. 70.
- ⁵⁵ АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, л. 8.
- ⁵⁶ Там же, лл. 157—158.
- ⁵⁷ Там же, л. 142.
- ⁵⁸ Записки Паскевича опубликованы дважды: «Русская старина», 1876, август; *А. Зайончковский*. Указ. соч., Приложения, т. II.
- ⁵⁹ АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, лл. 22, 96.

- ⁶⁰ Там же, лл. 113—114.
- ⁶¹ АВПР, К., Vienne, 1853 г., д. 147, л. 29.
- ⁶² АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, лл. 38—43.
- ⁶³ *Н. Станев*. България под иго. София, 1928, стр. 304.
- ⁶⁴ АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, л. 37.
- ⁶⁵ Там же, л. 39.
- ⁶⁶ О нем см.: *М. Димитров*. Комитетът на старите — Добродетелната дружина. В кн.: «България 1000 години»; *Ц. Кристанов, И. Пенаков, С. Маслев*. Д-р Иван Селимински. София, 1962, стр. 196—209.
- ⁶⁷ АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, лл. 67—71.
- ⁶⁸ О других проявлениях болгарского национального движения этого времени см.: *В. Д. Конобеев*. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1853—1854 гг. «Ученые записки Института славяноведения», т. XXIX. М., 1965.
- ⁶⁹ *А. Зайончковский*. Указ. соч., т. II, ч. 1, стр. 159. (Зайончковский имеет в виду изложенные выше записки Паскевича).
- ⁷⁰ Там же, Приложения, т. II, стр. 276. Подчеркнуто в подлиннике.
- ⁷¹ Там же, стр. 281.
- ⁷² АВПР, К., Bucarest, 1853 г., д. 133, л. 76.
- ⁷³ Там же, лл. 244—245.
- ⁷⁴ Там же, д. 176, лл. 98—99.
- ⁷⁵ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 2, 1853 г., лл. 3—10.
- ⁷⁶ *P. Meyendorff*. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Bd. III, S. 101.
- ⁷⁷ Фантастичность этого плана видна из сообщения адъютанта правителя Черногории Вуковича о наличии в Черногории лишь 5 тыс. ружей. Хотя, по его словам, страна всегда готова к выступлению, но бесплодность и обреченность борьбы при отсутствии вооружения ясны (АВПР, К., Vienne, 1853 г., д. 147, л. 323).
- ⁷⁸ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол., оп. 45, д. 2, 1853 г., лл. 16—21.
- ⁷⁹ Там же, л. 36.
- ⁸⁰ «Русская старина», 1902, март.
- ⁸¹ АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, лл. 86—88; *С. Јовановић*. Уставобранители и њихова влада. Белград, 1912, стр. 160.
- ⁸² АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, лл. 312—315, 317—318.
- ⁸³ Там же, лл. 356—360.
- ⁸⁴ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу», т. II. Белград, 1931, стр. 352—367.
- ⁸⁵ *Н. Попов*. Россия и Сербия, ч. 2. М., 1869, стр. 351.
- ⁸⁶ АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, л. 38.
- ⁸⁷ *Д. Странжаковић*. Влада уставобранитеља. Београд, 1932, стр. 243.
- ⁸⁸ АВПР, К., Vienne, 1853 г., д. 145, л. 356.
- ⁸⁹ *С. Јовановић*. Указ. соч., стр. 105.
- ⁹⁰ АВПР, К., Vienne, 1853 г., д. 146, лл. 274—279.
- ⁹¹ *Н. Попов*. Указ. соч., стр. 352.
- ⁹² АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, лл. 133—135; Vienne, 1853 г., д. 147, л. 160.
- ⁹³ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу», т. I, стр. 125—126, 149.
- ⁹⁴ АВПР, К., Vienne, 1853 г., д. 147, лл. 130—133.
- ⁹⁵ АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, лл. 27—29, 37, 43, 44, 136.
- ⁹⁶ АВПР, К., Belgrade, 1853 г., д. 184, лл. 137—142.
- ⁹⁷ АВПР, К., Bucarest, 1854 г., д. 176, лл. 8—9.
- ⁹⁸ Там же, л. 10—15.
- ⁹⁹ АВПР, К., Belgrade, 1854 г., д. 184, л. 39.
- ¹⁰⁰ АВПР, К., Belgrade, 1854 г., V. A2, д. 237, л. 74. Приведено у *Н. Попова* (указ. соч., т. II, стр. 360—364).
- ¹⁰¹ *Н. Попов*. Указ. соч., т. II, стр. 360.

- ¹⁰² АВПР, К., Belgrade, 1854 г., д. 184, лл. 59—60.
- ¹⁰³ Там же, д. 185, л. 89.
- ¹⁰⁴ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 21, 1853 г., лл. 2—13.
- ¹⁰⁵ Там же, л. 78.
- ¹⁰⁶ АВПР, К., Londres, 1853 г., д. 75; 30 сентября — 12 октября 1853 г., д. 267.
- ¹⁰⁷ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 21, 1853 г., л. 40.
- ¹⁰⁸ *E. Driault, M. Lhéritier. Histoire diplomatique de la Grece, t. II. Paris, 1925, p. 384.*
- ¹⁰⁹ *F. Bamberg. Geschichte der Orientalischen Angelegenheiten im Zeitraume des Pariser und Berliner Friedens. Berlin, 1892, S. 101.*
- ¹¹⁰ *E. Driault, M. Lhéritier. Указ. соч., стр. 386.*
- ¹¹¹ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 21, 1853 г., лл. 44—45.
- ¹¹² *P. Meyendorf. Указ. соч., стр. 125.*
- ¹¹³ АВПР, Азиатский департ., I отд., полит. стол, оп. 45, д. 21, 1853 г., лл. 53—55.
- ¹¹⁴ «Русская старина», 1888, сентябрь, стр. 565.
- ¹¹⁵ *P. Meyendorf. Указ. соч., стр. 138.*
- ¹¹⁶ Там же, стр. 150.

РОССИЯ И СЛАВЯНЕ В 60-е ГОДЫ XIX В.

Неоднократно и справедливо в литературе отмечалось, что поражение России в Крымской войне оказало значительное влияние на русскую внешнюю политику. Слова известной ноты Горчакова, провозглашавшей примат внутренней политики над внешней, первоочередность «внутреннего переустройства страны» отражали ту важную переориентацию, значение которой дает себя чувствовать в позиции и тактике России последующего времени. Нет нужды в очерке, посвященном внешней политике, останавливаться сколько-нибудь подробно на характеристике внутреннего положения страны во второй половине 50-х годов и в последующие десятилетия. Ограничусь указанием, что в ряде документов министерства иностранных дел отмечается финансовая слабость страны, недостаточное развитие железнодорожной сети. Первое из этих обстоятельств подрывало военную мощь России и вызывало необходимость, как говорил военный министр Д. А. Милютин, «всеми мерами отдалять эпоху нашего вмешательства в европейскую войну»¹. Если к уже отмеченному прибавить тот ряд реформ, который был связан с осознанием в правящих кругах «замедления» внутреннего развития России в предшествующее время, — реформы крестьянскую, судебную, военные и др., — не вызовут удивления задачи, которые ставило себе руководство русской внешней политикой. Горчаков их формулировал так: «1) избежать для России всякого участия во внешних осложнениях, которые отвлекли бы часть ее сил от ее собственного внутреннего развития; 2) следить по мере возможности за тем, чтобы в это время в Европе не произошли изменения территориального порядка и в отношении

политического равновесия и влияния, которые могли бы нанести серьезный ущерб нашим интересам или нашему политическому положению»².

Было бы невозможно не учитывать и особенностей международно-политического положения России, остававшейся фактически на всем протяжении 60-х годов в изоляции. И это лишь подчеркивалось и историей франко-русских переговоров и отношений 50-х годов и обстоятельствами несостоявшегося союза России и Франции, и расстановкой сил в период восстания 1863 г. в Польше, и позицией России в период подъема прусской активности в 60-е годы XIX в.

Отсутствие союзной страны, на твердую поддержку которой могла бы рассчитывать русская дипломатия, сковывала ее активность. А неимение союзника объяснялось различием существенных интересов России и других стран при совпадении в отдельных случаях их конъюнктурных стремлений и тактических задач. Последнее было отчетливо продемонстрировано в период Шлезвиг-Гольштинского кризиса и австро-прусской войны. Вот почему Россия и не искала союзов. «Всякие союзы,— писал Горчаков,— могут только вовлечь ее (Россию.— С. Н.) в сферу действий, где она будет орудием скрытых притязаний, ничего общего не имеющих с ее национальной политикой»³.

При всем первенствующем внимании к внутренним задачам Россия имела вполне ясные, не раз на протяжении последующих лет проявлявшиеся внешнеполитические интересы.

Несмотря на поражение в Крымской войне, основным для внешней политики России был ближневосточный вопрос. Это определялось не только и не столько традиционностью такого направления русской активности, но всей совокупностью экономических и политических интересов страны, которые были связаны, по словам Горчакова, «с ... положением в бассейне Черного моря и с политическим равновесием на Востоке». Первоочередной задачей русского правительства здесь была задача добиться отмены ограничительных условий Парижского мира. Договор 1856 г., писал Горчаков 9 августа 1866 г. Будбергу, «задевает нас прежде всего в двух пунктах — уступка части Бессарабии и ограничение наших морских сил на Черном море, т. е. ограничение абсолютных суверенных прав. Мы относимся поэтому благоприятно лишь к тем государствам, которые ищут согласия с нами на условиях оказания нам поддержки в деле отмены этих двух статей». Особое значение придавалось черноморскому вопросу. «Мы не питаем,— говорил Горчаков,— никаких завоевательных замыслов против Оттоманской империи, мы не хотим никакой ее части, пока она держится». Россия не ищет расширения своей территории за счет Турции, но она хочет, чтобы «Константинополь не перешел от турок в другие руки, а в случае, если бы Оттоманская империя исчезла, стал бы вольным городом. Но мы всегда будем стремиться к отмене статьи,

ограничивающей осуществление верховных прав императора. Мы используем любую возможность для ее упразднения, и держава, которая поддержит нас в этом деле восстановления, может быть уверена в самых активных наших симпатиях»⁴.

Общеизвестно, что до начала 70-х годов такой державы не оказывалось, а основная задача русской дипломатии оставалась нерешенной. Попытка сближения с Францией в конце 50-х годов не привела к существенным последствиям, хотя и дала некоторые положительные результаты в плане русской политики⁵. Французское вмешательство в польский вопрос прервало начавшееся сближение⁶. Отношения с Францией в 60-е годы не улучшились. Русская дипломатия не видела во Франции добросовестного партнера, на которого можно было бы положиться. И если русская сторона считала, что согласие с Францией «должно быть установлено на Востоке», то Франция добивалась только русской благожелательности к своим планам на Западе. Но русские дипломаты хорошо разбирались в этой игре. «Всякий раз,— писал Горчаков Будбергу 28 ноября 1866 г.,— когда французское правительство нуждается в том, чтобы хитростью снискать нашу благожелательность к соображениям своей европейской политики, она ослепляет наши глаза миражем согласия в делах Востока, чтобы употребить затем во зло откровенные излияния, вызванные этим согласием, и скомпрометировать нас перед Англией и Турцией»⁷.

Вряд ли нужно доказывать постоянную враждебность Англии к России и столь же постоянные их противоречия и на Ближнем и на Среднем Востоке, где как раз в эти десятилетия Россия проявляла возрастающую активность. И общее согласие в принципах поддержания мира и равновесия в Европе, а на Востоке *status quo*, наличие чего отмечал Горчаков⁸, на деле проявлялось как противоречие и как английская поддержка Франции, чья позиция была неприемлемой для царского правительства.

Что касается Австро-Венгрии, то эта участница антирусской коалиции времени Крымской войны, хотя и делала в 60-е годы некоторые попытки сближения с Россией, не представлялась приемлемым союзником: «...Политика этой державы настолько зависит от настоящих ее затруднений, внутренних и внешних, что никак нельзя полагаться на нее»,— формулировал общий свой вывод Горчаков в докладе Александру II (3 сентября 1865 г.).

Дружба Пруссии была весьма относительна. Достаточно разъярена игра Бисмарка в связи с польским восстанием. «Альвенслебенская конвенция,— говорит автор нового исследования международных отношений, связанных с событиями 1863 г.,— заключенная как будто бы с целью содействовать царю в скорейшем подавлении польского восстания, скрывала за собой обширные завоевательные замыслы Бисмарка...»⁹ Рекламируя сомнительную услугу, оказанную России, Бисмарк добивался благосклонности России в борьбе с Австрией. Но когда Пруссия, вынашивавшая

планы войны с Францией, поставила в ноябре 1866 г. вопрос в более острой форме, Россия не пошла навстречу желаниям Бисмарка. Отмечая отсутствие между Россией и Пруссией союза при наличии «согласия», Горчаков полагал, что «подобного рода союз был бы скорее к выгоде Пруссии, чем в непосредственных интересах России»¹⁰. Позиция России в связи с вопросом о Шлезвиге и Гольштинии и в связи с австро-прусской войной достаточно раскрыта¹¹; мы ее здесь не касаемся.

И, наконец, Турция. Известно, что она уже давно была противником России, но задачи, стоявшие перед последней в борьбе с Турцией, не были всегда одними и теми же. Постоянство этого направления русской внешней политики вовсе не связано с тождественностью целей ее в разное время. В данную пору Россия не ставила и не могла ставить завоевательных целей, задачи разрушения Турции. Она стремилась восстановить свои позиции на Черном море и укрепить пошатнувшийся в результате поражения в Крымской войне престиж на Востоке. Вот почему политика России относительно Турции носила особый характер. О нем мы скажем ниже. Основное население Европейской Турции, а именно она, а не Азиатская часть страны прежде всего привлекала внимание России, составляли славяне. Вот почему мы теперь и перейдем к тому, как русское правительство относилось к славянскому вопросу.

Отмечая во всеподданнейшем отчете по министерству иностранных дел за 1866 г. новую обстановку, сложившуюся в результате Крымской войны, Горчаков указывал на изменившееся не в пользу России европейское равновесие и создавшееся для нее непереносимое положение. Оно не в интересах ни Турции, ни Европы, так как политика сохранения (*la politique conservatrice*) Турции, практиковавшаяся до сих пор на Востоке, более невозможна. Но Европа хочет не столько сохранить Оттоманскую империю, сколько отеснить Россию от всякого активного участия в делах Востока. Поэтому Россия, естественно, должна стремиться к изменению системы союзов и отношений в Европе и к облегчению развития национальностей в Турции. Политикой России во всех направлениях была «политика успокоения» (*une politique d'apaisement*). С одной стороны, христианам рекомендовали терпение, выжидание и развитие их сил и ресурсов, с другой — Турции рекомендовали удовлетворение справедливых требований христиан. Но в ходе развития событий такая политика становилась все более трудной. Причины этого Горчаков видит в войне в Германии, поисках Италией союзников, соседящих с Адриатикой, французских интригах, деятельности польских эмигрантов, находившихся на французской службе, которые пытались придать славянскому движению враждебный России характер. Все это вместе с войной в Италии, Шлезвиг-Гольштинским вопросом, освобождением Венеции и экономическим проникновением Франции и Англии в Турцию изменило

обстановку. В то же время христиане (т. е. славяне), подвластные Турции, заявляли, что терпение их кончается и наступает время решительных действий. В отличие от славян русская дипломатия полагала, что их доверие к собственным силам и презрение к туркам были преувеличенными. Она учитывала в позиции турецких славян наличие очевидной задней мысли, расчета на то, что раз начнется борьба, Россия не сможет не принять в ней участие. И делала из этого вывод, что «всякое усилие остановить движение было бы бесполезно и мы были бы лишены симпатий восточных христиан»¹², если бы пошли против их стремлений.

В то же время Россию беспокоила Австрия. Ослабленная в связи с усилением и возрастанием роли Пруссии, вытесненная из Германии и Италии, она стала проявлять больше интереса к Востоку. «Мы имеем против себя злую волю Австрии, которая так отягчает наши военные и политические отношения...»¹³ — замечал Горчаков.

Учитывая изменения на Западе и новые тенденции на Востоке, Россия изменила средства своей политики, хотя и не строила иллюзий относительно больших ее успехов. Такая скромная оценка перспектив определялась пониманием тяжелого военно-морского положения в результате договора 1856 г., а также трудностями соперничества с западными державами, представители которых приходят в Турцию со своими товарами, со своей промышленностью, с активностью и предприимчивостью, опирающейся на могущество эскадр, всегда готовых к действию. Положение осложнилось наличием в Европейской Турции множества национальностей, находящихся на разных уровнях развития, что угрожало внутренней анархией. «Если одни за нас, другие будут против нас. Турки, сосредоточившиеся в Азии, возможно, окажутся для нас соседом более опасным»¹⁴. Нельзя не обратить внимание на эти слова. В них отчетливо звучит мысль о несвоевременности разрушения Турции, о нежелательности в данной ситуации решения восточного вопроса.

Какой же выход из положения?

«Если за неимением перевеса в действительной силе мы можем располагать реальной моральной силой, это то, что вытекает из традиционных связей, созданных симпатиями (единства.— С. Н.) веры и расы, воспоминанием об оказанных услугах, многочисленными доказательствами горячей дружбы и незаинтересованности, сердечного расположения, постоянной верности, которая основывается не только на изменчивых расчетах политики, но на национальных чувствах. Эту силу мы должны сохранить». Основываясь на том, что внутренние реформы позволят России со временем увеличить свою мощь, Горчаков полагает, что тогда «она окажется равно готовой к борьбе политической, культурной (de la civilisation) или к покровительственной миссии, которую история определила ей на Востоке»¹⁵.

Какова же была практическая программа Горчакова — Александра II? Она сформулирована так:

«1. Взять на себя моральное руководство этим движением, чтобы помешать ему сбиться с дороги и чтобы оно не перешло в руки менее бескорыстные, чем наши.

2. Предупредить, если это возможно, или по меньшей мере ограничить общее насильственное столкновение (*collision violente*), которое может вызвать прискорбное кровопролитие, опасность пробуждения религиозного фанатизма и в заключение европейскую войну (*conflagration*).

3. На такой случай достигнуть согласия между кабинетами относительно определенных принципов, чтобы или коллективным посредничеством достигнуть умиротворения, или ограничить борьбу, если она неизбежна, и помешать Европе ее подавить.

4. Использовать в этих целях справедливое (*juste*) влияние, принадлежащее России в силу ее традиций, географического положения и ее законных интересов таким образом, чтобы исполнить нашу историческую миссию на Востоке, укрепить наши связи сочувствия с христианами, оградить их и наши интересы против опасных решений, но не допускать нашего втягивания в ослабления, опасные для успехов нашей внутренней работы, и не подвергать себя опасности возродить против нас враждебные союзы, теперь разбитые и ослабленные»¹⁶.

Эти четыре пункта раскрывают с замечательной ясностью связь славянской (она же восточная) политики России как с системой европейских международных отношений, так и с задачами внутренних реформ. Не будучи в состоянии активно вмешаться в обостряющуюся борьбу на Востоке, русское правительство не могло в то же время отказаться от поддержки и сохранения своих связей с соплеменниками, так как с ними было связано влияние России и ее значение на Востоке.

Что русское правительство действовало именно в указанном направлении, видно из тех реальных шагов и той политической линии, какие осуществлялись в это время. Вполне соответствующей указанным задачам была русская политика в черногорском вопросе конца 50-х годов. Попыткой — однако малоудачной — удержать в своих руках моральное руководство характеризуется русская позиция в болгарской церковной борьбе. Но особенно ярко обрисовалось применение указанной политики Горчакова во взаимоотношениях с Сербией и в истории Балканского союза.

Уже в самом начале 60-х годов в связи с намерениями князя Михаила изменить конституцию, что было первым шагом к осуществлению сербской великодержавной политики объединения южных славян вокруг Сербии, обнаружилась большая близость между позициями главы сербского правительства и Горчакова. И в то же время — отчетливое различие целей, ставившихся тем и другим. Если первый шел по пути осуществления желаний серб-

ской буржуазии, еще в 1844 г. формулированных И. Гарашанином, второй действовал в направлении, принципиальные основы которого формулированы в приведенных выше четырех пунктах.

Что касается Сербии, то русская политика охотно признавала за нею роль ядра, вокруг которого будет происходить группировка христианских народов, или точки опоры, «когда они решат стряхнуть оттоманское господство»¹⁷. Россия была заинтересована в создании крупного государства на Балканском полуострове, которое сложилось бы при эффективной русской поддержке и, находясь в естественном постоянном конфликте с Турцией, было бы заинтересовано в столь же постоянном контакте с Россией¹⁸. Этот интерес России объяснялся тем, что, с одной стороны, создание такого государства явилось бы важным шагом в процессе расчленения Оттоманской империи и высвобождения народов Балканского полуострова от тяготеющей над ними зависимости; с другой стороны, такое государство могло представлять известную опору для реализации дальнейших планов русской политики.

Заявления Горчакова не были просто словами. Они реализовались в последующих событиях 1862—1867 гг. Имеются в виду франко-русские переговоры в связи с конференцией в Канлидже, русская помощь в развитии военных сил княжества, дипломатическая поддержка Балканскому союзу¹⁹.

Однако различие стремлений России и Сербии сказалось в трезвой оценке русской дипломатией и возможностей Балканского союза²⁰, а прежде всего самой Сербии, и международно-политической обстановки, в которой могло бы состояться выступление этой группировки Балканских стран. Эта оценка отмечала как военную слабость союза, так и политическую нетвердость его руководства. Первое обстоятельство побуждало сдерживать запальчивость князя Михаила. Второе же дало себя знать под влиянием внешнеполитических событий. Зальцбургское свидание Франца-Иосифа и Наполеона III в августе 1867 г. отчетливо показало отрицательное отношение Франции и Австро-Венгрии к планам Балканского союза. Оно обострило противоречия в сербских политических кругах и привело к усилению проавстрийских элементов.

В связи с этим и русские отношения с Сербией охладели, так как Сербия, обнаружившая тяготение к Австро-Венгрии, уже не могла служить точкой опоры русской политики на Балканах. Вот почему в последующее время Сербия уже не является политическим центром тяжести русских действий на Балканах. Да и как могло быть иначе? Ведь смысл разговоров в Зальцбурге заключался в подтверждении принципа целостности Турции, а задачи Балканского союза были как раз обратные.

Подводя итоги политических событий 1868 г., Горчаков формулировал такое важное положение: «В момент, когда в Европе сохраняется мир и когда ни Россия, ни христианское население

Турции не готовы к решительной борьбе, всякое движение на Востоке будет несвоевременным и опасным»²¹.

Период 1866—1867 гг. в связи с поддержкой Сербии Россией представлял пору возрастания влияния последней и в среде австрийских славян, а также время горячего обсуждения в их среде различных политических планов. Одним из них — не в первый раз — был австрославистский. В плане южнославянских отношений он признавался опасным как сербскими деятелями, так и русскими дипломатами. На хорватское национальное движение смотрели только с точки зрения возрастания роли Сербии в качестве притягательного центра для всех южных славян. Австрославистские тенденции считались нежелательными в силу того, что их реализация, по мнению русских дипломатов, привела бы только к укреплению Дунайской монархии, а это вовсе было не в интересах русской политики. Противно интересам последней было и возникшее в результате событий 60-х годов устремление Австро-Венгрии на Балканы, так как оно, естественно, вело бы к возбуждению восточного вопроса в более широкой форме. Такая позиция России проявилась не раз. Русское правительство было против компенсации Австрии в Боснии и Герцеговине за потерю Венеции. Естественным результатом этого явилось бы обсуждение вопроса о компенсации России, а в условиях современной обстановки положение последней было неблагоприятно для получения желаемого, ибо Россия добивалась прежде всего отмены ограничительных постановлений Парижского мира. И в 1867—1868 гг. Россию весьма тревожила эта перспектива, так как остаться равнодушной зрительницей событий она не могла бы, а вступать в конфликт в невыгодных условиях не считала возможным. Естественно поэтому, что отношение к австрославистским поползновениям хорватов переносилось на аналогичные планы других австрийских славян.

В этом отношении весьма показательна неудача попытки известного хорватского национального деятеля епископа И. Штросмайера заручиться русской поддержкой хорватскому движению ценой обязательства стать русским политическим агентом. Русский посол в Вене Новиков, отмечая глубокие симпатии русского правительства к славянам, указал на трудности, создаваемые для России этнической ее близостью к славянам и симпатиями к ним. Он пишет, что «не следует славянам проявлять неблагодарность, требуя от нас слишком много сразу либо пытаясь революционными действиями навязать нам свою волю».

Новиков далее отмечал в своем донесении близость позиции чехов и южных славян по отношению к Австрии и Германии, но указывал, что особенности географического положения чехов делают их консервативными, а близость австрийских южных славян к Сербии вызывает у них желание освободиться от власти последней²².

В связи со сказанным понятно, что выступления чешских политических лидеров (Ригер и др.) в начале 70-х годов, в которых поднималась идея австрославистского федерализма, были расценены как антирусские. И комментарии самого Ригера, что так перестроенная Австрия не смогла бы вести самостоятельной политики, примыкая то к России, то к Германии²³, не помогли улучшить отношение к этой программе со стороны русских дипломатов.

Нельзя не отметить, что оживление русской активности в связи с ожидавшимся выступлением Балканского союза, с одной стороны, и дуалистическая перестройка Австрийской империи, с другой, возбуждали недовольство своим положением и надежды на русскую помощь не только у южных, но и у других славян, в частности чехов и словаков. Общеизвестно, как они проявились в 1867 г. в связи с Этнографической выставкой в Москве. Но русское правительство не поощряло каких-либо конкретных расчетов на его помощь, хотя и следило внимательно за внутренним положением в Австрии. Оно отмечало возрастание роли Венгрии в связи с введением дуализма, усиление польских элементов в Галиции, недовольство в Чехии и попытки подавить чешское национальное движение. Горчаков подчеркивал враждебные действия Австрии против России, которая субсидировала антирусскую кампанию газет, и в тоже время сама Россия ничего не делала против Австрии. И Этнографическая выставка, указывал он, и манифестации в пользу русских в Галиции, и литературная пропаганда среди чехов — все это результат спонтанных национальных чувств, а не русских правительственных происков²⁴. Это и естественно. Совсем не эти земли и не эти народы представляли основной для России интерес.

Во всем этом нельзя не отметить еще одного оттенка русской политики в отношении австрийских славян. Он проявился особенно отчетливо в период австро-прусской войны. Известно, что она возбудила в народах Австрии надежды, в действительности не оправдавшиеся. Венгры в лице генерала Клапка искали в Бисмарке союзника и предлагали создать мадьярские легионы²⁵. Прусская прокламация к чехам, не привлекая внимания последних, вызвала сочувственные отклики в польской среде, что не укрылось от наблюдательного взгляда русских дипломатов.

Александр II с негодованием говорил о прокламации к чехам, обвиняя Бисмарка в пособничестве революции²⁶. Поддерживавший царем монархический принцип был направлен в значительной мере против автономизма и федерализма, так как царское правительство опасалось влияния его прежде всего в Польше. Надо сказать, что в случае с воззванием к чехам речь шла о мероприятии Бисмарка, преследовавшем лишь обеспечение прусской армии. Русская дипломатия преувеличила значение этого факта, приписав немцам более серьезные намерения.

Но, так или иначе, важно иметь в виду, что вопрос об автономном устройстве вызывал неодинаковое отношение России тогда, когда он касался Турции, и тогда, когда он относился к Австрии.

Говоря о славянской политике России, нельзя не сказать, хотя бы совсем коротко, и о польском вопросе. В представлениях русских правящих кругов он всего менее был международно-политическим вопросом. Известно, как была воспринята Александром II попытка Наполеона III сделать польскую проблему предметом обсуждения на Штуттгартском свидании в 1857 г. Переговоры оборвались. «Со мною посмели заговорить о Польше», — с возмущением говорил Александр II²⁷.

Выступая в пользу сохранения условий разделов, нахождения частей разорванной Польши в руках захвативших их стран, Россия не стремилась расширять свои польские владения. Много раз на протяжении рассматриваемых лет поднимался вопрос о Галиции как о возможной компенсации России за помощь. Вопрос этот обсуждался во время франко-русских переговоров в связи с проектом франко-русского союза 1859 г. Он поднимался Пруссией в 60-х годах. Однако эта комбинация оставляла русские правящие круги равнодушными²⁸. Русский посол в Вене Штакельберг, по-видимому, выразил общее мнение официальных кругов по этому вопросу, когда писал о двух его сторонах. Штакельберг, с одной стороны, отмечал выгоду, которую дало бы обладание Галицией с точки зрения облегчения ассимиляции, «тогда как сейчас нашему делу противостоит автономное развитие, осуществляемое во Львове и в других центрах соседней империи», да и граница по Карпатам была бы в стратегическом отношении гораздо более выгодной. Однако отрицательные последствия овладения Галицией были бы значительнее. России в этом случае угрожала бы опасность «остаться одной перед лицом всей Европы, которая не раз пыталась лишь робко протестовать, когда имела дело с тремя державами, и которая почувствует себя более смелой перед одной изолированной державой»²⁹. В этом суждении умудренного опытом дипломата все примечательно: и отрицательное отношение к автономии в Австро-Венгрии, и нежелание сделать польский вопрос предметом двухсторонней тяжбы между Россией и Европой.

Сохранение status quo, рассмотрение польского вопроса в пределах границ русского государства как внутреннего вопроса — вот основные позиции царского правительства.

Подведем итоги сказанному.

Единой линии славянской политики в 60-х годах XIX в. Россия не имела. Главным ее направлением была политика относительно балканских славян. Она определялась условиями, в которых находилась Россия в результате Крымской войны, и новыми задачами, вызванными ограничительными статьями Парижского мира.

Поощряя освободительные стремления южных славян, Россия хотела не допустить решительного взрыва, который мог бы поставить вопрос: быть или не быть Турции, так как русское правительство трезво оценивало слабость славян и свою неготовность встретиться с новыми осложнениями. Так как расчленение Австро-Венгрии не входило в русские намерения, а внутренняя ее перестройка от России не зависела, позиция относительно австрийских славян определялась в первую очередь балканскими интересами России, во вторую — принципами сохранения монархических государств.

Польский вопрос рассматривался как внутренний. Какие-либо изменения в ситуации, созданной разделами, признавались нежелательными.

-
- ¹ Цит. по: *Л. И. Нарочницкая. Россия и войны Пруссии в 60-е годы XIX в. за объединение Германии «сверху».* М., 1960, стр. 78.
- ² Там же, стр. 78—79.
- ³ *Л. М. Шнеерсон. Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962, стр. 316.*
- ⁴ *Л. И. Нарочницкая. Указ. соч., стр. 142—143.*
- ⁵ *С. А. Никитин. Русская дипломатия и национальное движение южных славян в 50—70-е годы XIX в. См. ниже.*
- ⁶ «Красный архив», т. 93. М., 1939, стр. 109.
- ⁷ *Л. И. Нарочницкая. Указ. соч., стр. 150—151.*
- ⁸ «Красный архив», т. 93, стр. 109.
- ⁹ *В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия.* Л., 1957, стр. 319.
- ¹⁰ *Л. И. Нарочницкая. Указ. соч., стр. 155.*
- ¹¹ См. указанные работы Л. И. Нарочницкой и Л. М. Шнеерсона.
- ¹² Архив внешней политики России (далее — АВПР). Отчет за 1866 г., оп. 475, д. 54, лл. 93 об.—94.
- ¹³ Там же, л. 95 об.
- ¹⁴ Там же, л. 98.
- ¹⁵ Там же, лл. 99—100.
- ¹⁶ Там же, лл. 100 об.—101 об.
- ¹⁷ АВПР, ф. Посольство в Париже, д. 396, л. 13.
- ¹⁸ АВПР, Всеподданнейший отчет за 1866 г., лл. 88 об.—89.
- ¹⁹ «Европейская дипломатия в Сербии в начале 60-х годов XIX в.». «Вопросы истории», 1962, № 9.
- ²⁰ О нем см.: *Г. Јакшић и В. Вучковић. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Први балкански савез. Београд, 1963.*
- ²¹ АВПР, Отчет по МИД за 1868 г., д. 51, л. 19 об.
- ²² *В. И. Фрейдзон. Две беседы Иосипа Штротсмайера (к хорватско-русским отношениям в 1868—1870 гг.) (Рукопись).*
- ²³ АВПР, ф. Канцелярия (далее — К.), 1871 г., д. 121, лл. 286—287; *A. Srb. Politické dějiny naroda českého 1881—1895, sv. 1. Praha, 1897.*
- ²⁴ АВПР, Отчет за 1868 г., д. 51, лл. 38 об., 49.
- ²⁵ *L. Legr. Histoire de l'Autriche-Hongrie. Paris, 1895, p. 563—564.*
- ²⁶ *Л. И. Нарочницкая. Указ. соч., стр. 130.*
- ²⁷ *С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1911, стр. 226.*
- ²⁸ *Л. М. Шнеерсон. Указ. соч., стр. 260.*
- ²⁹ Там же, стр. 158.

РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В 50—70-е ГОДЫ XIX В.

Автор не предполагает рассказать о всех фактах национально-освободительной борьбы южных славян и об отношении к этим проявлениям национального движения русского правительства и русских дипломатов. Ниже дается позитивное изложение этого вопроса на основе не только опубликованных материалов, но и неопубликованных документов советских архивов; излагаются общие тенденции и задачи русской политики на Балканском полуострове и выясняется, как они соотносились с национально-освободительным движением, которое рассматривается только в основных его проявлениях.

Крымская война внесла существенные изменения как в соотношение сил в Европе, так и в положение России. Расстановка сил европейских государств, установившаяся после Венского конгресса, коренным образом изменилась. После Парижского мира возросло значение Франции, а так как связь России с Австрией была нарушена и Россия оказалась в изоляции, было естественным наметившееся еще на Парижском конгрессе сближение России с Францией, диктовавшееся интересами обеих сторон. Изоляция России, естественно, ослабляла ее значение в решении вопросов европейской политики. И знаменитые слова депеши князя А. М. Горчакова: «Россия не дуется, а сосредоточивается» («La Russie ne boude pas. La Russie se recueille»), подчеркивавшие воздержание от активного вмешательства в европейские дела, и сделанное в той же депеше заявление об отказе от поддержки принципов Священного союза и переходе к реальной политике были неизбежным результатом изменения соотношения сил, произошедшего в Европе.

Крымская война лишила Россию прежнего исключительного влияния на Балканском полуострове, она ослабила ее позиции на Черном море, отодвинула от Дуная. Все это не могло не побуждать к изменению характера русской балканской политики.

В то же время русская дипломатия учитывала и то новое, что проявилось во взаимоотношениях между европейскими странами и Балканским полуостровом: «Тесные коммерческие сношения связали Восток с Европою. Расстроены турецкие финансы попали на откуп европейским банкирам». В результате экономических связей и роста образования распространилось западное влияние среди христианских народов Турции. Один из русских дипломатов отмечал рост национального движения среди народов Балканского полуострова и указывал на такую перемену в русской политике: «Исключительное поддерживание принципов православия оказывается недостаточным. Вопросы национальные играют ныне и на Востоке слишком значительную роль, чтобы мы могли оставаться им чуждыми. Ныне уже не обуславливается, как прежде, национальность вероисповеданием»¹. Для русской политики после Крымской войны характерны поиски контакта с державами, стремление придерживаться решений Парижского договора и требовать того же от других, усиление интереса к национально-освободительной борьбе на Балканском полуострове и готовность оказывать ей содействие в меру возможностей, определявшихся интересами России и международной обстановкой, одновременно усиливая здесь свое влияние. Русская дипломатия, увеличивая консульскую сеть, стала уделять большое внимание общественным каналам для усиления русского влияния. Изменение обстановки, задач и методов русской политики на Балканах проявилось и в тех требованиях, какие предъявлялись русским правительством к своим агентам. Так, инструкция консулу в Сараеве требовала от него точных сведений о Боснии и Герцеговине, «которые поставят императорское правительство в возможность распространить и в этом крае на наших единоверцев свое благодетельное участие и облегчить для них борьбу с мусульманским фанатизмом и с происками римско-католической пропаганды»². Действительно, в рассматриваемый период известны помимо поддержки тех или иных крупных проявлений освободительной борьбы многочисленные факты спасения отдельных деятелей национального движения и в Боснии, и в Болгарии, и Герцеговине от турецкого суда и расправы.

Крымская война, таким образом, вызвала изменение в международной обстановке и повела к изменению методов русской политики на Балканах.

В то же время Россия не отказалась от участия в делах Европы. Встречающееся в литературе мнение, что, потерпев поражение на Западе, Россия устремляется на Восток³, не соответствует действительности. Русская активность второй половины 50-х го-

дов XIX в., хотя и связана с Крымской войной в том отношении, что последняя показала необходимость укрепления позиций России, началась значительно ранее и до ситуации, возникшей в период Крымской войны. В частности, это касается продвижения в Средней Азии. Русская внешняя политика стала более осторожной, что хорошо сформулировано в частном письме посланника в Константинополе А. П. Бутенева применительно к русским действиям на Балканском полуострове. Его формулировка была признана и Горчаковым, и Александром II точным выражением и их взглядов. «В моем длительном опыте в Турции,— писал Бутенев,— я всегда думал, что для избежания риска отступления следует продвигаться вперед лишь на верное... Не следует рисковать скомпрометировать цель или ослабить действенность нашего влияния»⁴.

Такими стремлениями проникнута, в частности, вся политика сближения с Францией, так осторожно и удачно проведенная Горчаковым.

Период франко-русского сближения был началом нового этапа политики России на Балканском полуострове. Для первых лет после Крымской войны характерно, с одной стороны, стремление к совместным действиям с Францией, чтобы ослабить позицию Австрии, Англии и Турции, с другой — всегда присутствовавшее у русской дипломатии понимание невозможности действительного союза с империей Наполеона III, так как цели последней и России не были тождественны. Все это отчетливо проявилось в переговорах по черногорскому вопросу в годы, непосредственно следующие за заключением Парижского мирного договора.

Французский историк Шарль Ру впервые подробно изложил дипломатическую историю вопроса, но изобразил правительство Наполеона III естественным защитником национальных интересов Черногории⁵. Такая трактовка содержится и в книгах В. Поповича и В. Чоровича⁶. Пересмотрел этот вопрос, советский историк Р. И. Рыжова⁷ показывает действительный ход событий. Рыжова правильно поняла основные черты балканской политики России этой поры. Она их видит в том, чтобы «добиться отмены Парижского трактата, особенно его статей о нейтрализации Черного моря, и вернуть утерянные позиции на Балканском полуострове»⁸. Это облегчалось в какой-то степени тем, что внутреннее положение Турции не улучшилось во второй половине XIX в. Вместо одностороннего, а потому более слабого русского протектората над христианским населением Турции Парижский договор установил опеку держав над последней (ст. 7), что, как известно, повело за собою неоднократное вмешательство в турецкие дела. В то же время рост освободительной борьбы подвластных Турции народов не прекращался. Характерно, что Ф. Энгельс писал в 1858 г.: «...христианское население Европейской Турции как греческое,

так и славянское более, чем когда-либо, стремится сбросить с себя турецкое иго и более, чем когда-либо, видит в России своего единственного защитника»⁹. Посмотрим, в какой степени Россия выполняла эту роль.

Упорно борювшаяся за независимость Черногория остро ощущала недостаток пригодных для хлебопашества земель. Зная о том, что в процессе переговоров в Париже турецкий уполномоченный назвал Черногорию провинцией Турции, а русский представитель, чтобы не осложнять положение Черногории, которой политически изолированная Россия не могла оказать эффективной поддержки, заявил, что связи между двумя странами лишены политического содержания, князь Данило обратился к великим державам, прося признать независимость Черногории, прирезки земли со стороны Герцеговины и Албании, а также передачи морского порта¹⁰. Франция увидела в обращении князя Данилы удобный повод продемонстрировать свое влияние. Однако свою поддержку в территориальном вопросе Наполеон III обусловил признанием Черногорией верховной власти султана. Шарль Ру объясняет французскую позицию замыслом сохранить фактическую независимость Черногории ценой формальной уступки¹¹. Вероятнее, однако, что реализация такого условия ослабила бы позиции княжества.

Русская дипломатия не бездействовала. Русский консул в Дубровнике (Рагузе) П. Н. Стремоухов убеждал черногорского князя не отречься от независимости, а русскому посланнику в Константинополе было предложено настаивать на формальном признании независимости Черногории и Турцией и державами. За Черногорию началась борьба. Александр II обусловил выплату традиционной субсидии отказом от переговоров о признании сюзеренитета султана. Но подстрекаемый французскими агентами князь Данило заявил, что русскую субсидию нельзя сравнить с выгодами, какие получит его страна за счет Турции при помощи западных держав. А когда Черногории понадобился хлеб и он был предложен русским правительством, французский консул в Цетинье Геккар (M. Нескварт) закупил его в Турции. Русский народ в Вене Будберг писал: «Наши отношения со славянскими народами, право же, важнее наших отношений с европейскими державами и стоят того, чтобы о них серьезно заботились»¹². Но международно-политическое положение побуждало Россию поддерживать хорошие отношения с Францией. К тому же в среде французских дипломатов по черногорскому вопросу не было полного единства взглядов. Французский представитель в Петербурге Морни убеждал министра иностранных дел Франции Валуевского в нецелесообразности при наличии добрых отношений с Россией вмешиваться во второстепенный с точки зрения французских интересов вопрос, который может испортить отношения с Петербургом¹³. Соображения Морни побудили Валуевского дать

России успокоительные разъяснения. Пошла навстречу России Франция и в вопросе о конференции в Париже, где она предлагала рассмотреть черногорский вопрос и участвовать в которой Россия отказалась. Однако полного единства в позиции России и Франции все же не было: совет, данный Валуевским Даниелем, — договариваться в Константинополе при поддержке Франции и России — не был согласован с последней. И хотя русскому посланнику Бутеневу было затем дано указание действовать вместе с Тувенелем в Константинополе, однако только в том случае, если признание турецкого сюзеренитета не будет обязательным условием переговоров.

На свидании в Штутгарте в сентябре 1857 г. за обещание нейтралитета во франко-австрийской войне Франция решила занять более приемлемую для России позицию. Валуевский отклонил англо-австрийское предложение решения черногорского вопроса о разграничении с одновременным признанием сюзеренитета Порты.

Отвергая требование признания Черногорией турецкого сюзеренитета, Россия имела в виду давнюю фактическую независимость княжества, которое она хотела бы видеть и формально независимым. Россия желала бы, как свидетельствует записка о Черногории Е. П. Ковалевского, видеть территорию ее более широкой и обеспечивающей экономическое благосостояние населения, она признавала важность предоставления княжеству выхода в море, но осуществление таких пожеланий Россия связывала с сохранением независимости Черногории и рассматривала принятие этих условий как признание независимости. Однако русское правительство не видело реальных возможностей для реализации своих пожеланий¹⁴. Компрометировать же позицию Черногории, важный центр национального движения, имеющий влияние в соседних землях, поддержкой политики, которая не встречала сочувствия у населения княжества¹⁵ и не могла быть популярной и в прилегающих областях, Россия не могла. Позиция русской дипломатии была гораздо более реальной и прозорливой, чем расчеты князя Данилы. Национальные интересы Черногории не могли быть осуществлены путем опасных по своим последствиям дипломатических комбинаций.

В итоге двухлетней борьбы состоялось разграничение черногорских и турецких владений. К Черногории были прирезаны некоторые земли со стороны Герцеговины и Албании; выхода к морю она не получила, но было снято и требование признания турецкого сюзеренитета. Так позиция России, которую вынуждена была из-за своих европейских расчетов поддержать Франция, оказала огромное влияние на исход событий. Благодаря России Черногория сохранила независимость, и разграничение фактически «означало моральное признание Турции и Черногории воюющими сторонами, независимыми друг от друга»¹⁶.

Вслед за решением черногорского вопроса начались острые столкновения между христианами и мусульманами в Сербии. В связи с этим в апреле 1858 г. Горчаков предложил созвать конференцию держав для обсуждения вопроса о положении христиан в Турции. Он указывал, что обещания, данные в хатти-хумайуне в 1856 г., не выполняются и этот акт остается мертвой буквой.

Хотя Наполеон III на словах был согласен на образование единого государства из Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины («принцип национальностей»), главным в его дипломатической деятельности было стремление к господствующей роли Франции в европейской, в том числе балканской, политике, а вовсе не забота о судьбах южных славян¹⁷. Вот почему предложение Горчакова было потоплено в массе казуистических вопросов и рассуждений. Через несколько месяцев русское правительство вновь подняло тот же вопрос, но и на этот раз его предложение не получило поддержки.

В середине 1860 г. Горчаков вновь говорил о том, что «продолжительная беспечность Европы может сделаться преступлением против общего мира»¹⁸. Циркуляр русским представителям в странах Балканского полуострова был опубликован в «Journal de Saint-Petersbourg», что, однако, не способствовало ускорению решения вопроса. «Его позиция, — писал французский посланник в Петербурге Монтебелло, характеризуя политику Горчакова, — не плохая. Он спас кредит России в глазах (auprès) христианского населения, требующего выполнения обязательств. Если Европа мало делает для него, Россия хочет многого»¹⁹. Однако и на этот раз русская попытка поставить общий вопрос о положении южных славян в Турции, вполне деловая и корректная, так как речь шла об обсуждении его державами, окончилась неудачно. Франция уклонялась, Англия была против обсуждения.

В сентябре 1860 г. к власти в Сербии пришел новый князь — Михаил Обренович. Он вступил на престол с ясной политической программой. Она заключалась в том, чтобы создать большое южнославянское государство путем освобождения от турецкой власти и объединения вокруг Сербии подвластных Османской империи югославянских земель.

Сербия, завоевавшая в двух восстаниях свободу от турецких помещиков и существенные правовые основы независимости (наследственный князь и внутренняя автономия), оставалась в вассальной зависимости от султана, которому платила дань. На сербской территории сохранялись турецкие крепости с гарнизонами в них, а вокруг крепостей продолжало жить турецкое население, не подчинявшееся сербской юрисдикции. Государственное устройство Сербии регулировалось октрозированной султаном конституцией 1838 г., которая утвердила в качестве высшего органа власти наряду с князем Совет из несменяемых без санкции Порты чле-

нов. Все налоги и законы могли устанавливаться только с санкции Совета, а изменения в конституционном устройстве требовали согласия турецкого правительства.

Крымская война внесла существенные изменения в положение Сербии. Поражение России в этой войне позволило державам заменить исторически сложившееся в результате поддержки Россией освободительной борьбы сербского народа русское покровительство Сербии коллективной защитой стран — участниц Парижского мирного договора: России, Франции, Англии, Австрии, Пруссии, Сардинии.

После вступления на престол Михаил пытался достигнуть соглашения с Турцией об изменении конституции, но успеха не имел. Тогда он отправил со специальной миссией в Россию министра финансов И. Мариновича, который поставил тот же вопрос в Петербурге. Признавая несовершенство сербской конституции, Горчаков советовал избрать для реформы иное время, но не отказывался конфиденциально обсудить предполагавшиеся изменения. При этом Горчаков подчеркивал, что сербская конституция всегда позволяла отклонять всякие попытки нарушить автономию княжества, он указывал на ее значение как средства охраны сербской самостоятельности²⁰.

По мнению Горчакова, Сербии предстояло сыграть особую роль на Балканах. Обладая известной военной организацией и упорядоченной администрацией, «Сербия, — говорил он, — станет силою вещей ядром, вокруг которого будет происходить группировка, или точкой опоры для христианских народов, когда они решат стряхнуть оттоманское господство»²¹.

Нельзя не отметить близкого совпадения стремлений князя Михаила и главы русской внешней политики. Но следует иметь в виду, что природа этих стремлений не была одинаковой. Если Михаил являлся выразителем интересов сербской буржуазии, которая еще в 1844 г. пером И. Гарашанина формулировала свои объединительные, в существе своем великодержавные претензии, то иной была позиция Горчакова. России, потерявшей свой прежний авторитет в результате разгрома феодально-отсталой армии Николая I, едва начавшей восстанавливать свои позиции в системе международных отношений путем ловкой дипломатической игры конца 50-х годов, было важно оказать содействие Сербии. Россия была заинтересована в создании крупного славянского государства на Балканском полуострове, которое сложилось бы при эффективной русской поддержке и которое, естественно, находясь в постоянном конфликте с Турцией, было бы заинтересовано и далее в контакте с Россией. Такое государство могло бы обеспечить необходимую русской внешней политике опору в реализации ее дальнейших планов, с одной стороны, а с другой — само образование такого государства было бы важным шагом на пути реализации задачи расчленения Оттоманской империи и выс-

вобождения народов Балканского полуострова из-под турецкой зависимости. Единственно, чего боялся Горчаков в условиях 1860 г., так это частичных восстаний славян, которые, не давая никакого выигрыша, вели бы только к напрасной трате сил и завершались бы подавлением таких преждевременных вспышек.

Свои достаточно ясные обещания поддержки русское правительство дополнило согласием предоставить Сербии заем. Это было доказательством большого расположения России к Сербскому княжеству, так как финансовое положение первой после недавней войны, в условиях осуществления широких социальных и государственных реформ, вовсе не было легким. Так как переговоры Мариновича в Париже и Лондоне дали менее ободряющие результаты, контакт Белграда и Петербурга был основной опорой для Сербии в развитии последовавших событий.

На Преображенской скупщине в Крагуеваце в августе 1861 г. князь Михаил провел ряд законов, способствовавших укреплению княжеской власти²², а также закон о создании регулярных военных сил. Хотя Англия и Австрия протестовали против этих решений, международная ситуация (восстание в Герцеговине, итальянские дела, предстоявшая мексиканская экспедиция)²³ побуждала их этот вопрос не обострять. Никто не сделал каких-либо шагов, чтобы помешать осуществлению планов сербского правительства.

Возникшее уличное столкновение в Белграде между сербами и турками повлекло бомбардировку незащищенного Белграда из турецкой цитадели, протесты представителей держав, а затем и конференцию держав в Канлидже близ Константинополя.

В свете данных советских архивов совершенно ясна огромная роль, которую в период этих событий сыграла русская дипломатия. Русский посланник в Берлине А. Ф. Будберг был отправлен в Париж для переговоров с французским правительством. Данная ему инструкция подчеркивала, что Россия в условиях осуществления реформ еще ряд лет будет стремиться к сохранению мира, будет уклоняться от дополнительных жертв ради внешнеполитических целей. В документе излагался взгляд Горчакова на Сербию как на ядро, вокруг которого будут группироваться славянские элементы обреченной на распадение Турции. Это и объясняет помощь России в развитии военных сил княжества и всего, что «сможет укрепить силу и стабильность установлений Сербии»²⁴. Несмотря на то что позиции Франции и России во многом не совпадали, Будбергу удалось договориться с французским министром иностранных дел о соглашении и подписать протокол о взаимной поддержке на конференции по вопросу о турецких крепостях и турецком населении в Сербии²⁵.

Конференция в Канлидже окончилась компромиссным решением: некоторые крепости были уничтожены, белградская сохранена, но приняты были меры против повторения опасных инци-

дентов; было решено, что турецкое население покинет Сербию. Князь Михаил был вынужден принять решения конференции, но русское правительство прекрасно понимало, что княжество будет продолжать действовать в прежнем направлении²⁶.

Замыслы сербских буржуазных деятелей связаны с попыткой подготовки совместных действий южных славян против Турции. Создавая сербскую армию, Михаил хотел привлечь к борьбе и своих соседей — босняков, болгар²⁷. Бомбардировка Белграда вызвала сочувствие к Сербии на Военной Границе, в Воеводине, Хорватии. С 1861 г. Г. С. Раковский начал формировать болгарский легион в Белграде. Русская дипломатия не была в восторге от этого предприятия. Оно было чревато опасностью местных восстаний, чего так боялись в Петербурге.

Хотя, как мы говорили выше, русская дипломатия после Крымской войны изменила отношение к церковным делам, она не переставала интересоваться ими, особенно когда церковная борьба по существу своему представляла форму национального движения. Представляет интерес вопрос об отношении России к греко-болгарской церковной борьбе. Здесь не место излагать происхождение и причины этой борьбы, поскольку это не раз делалось в литературе²⁸, но необходимо отметить позицию, занятую русской дипломатией.

В ряде словесных и письменных заявлений представителей русского правительства — от Александра II до русских представителей в Константинополе — всегда звучал один и тот же мотив, одно и то же стремление. Еще за два года до того обострения церковной распри, какое последовало в 1860 г., Александр II сказал уезжавшему в Константинополь в качестве настоятеля посольской церкви архимандриту Петру: «Наше положение весьма трудное и щекотливое. Надобно... почтительно обходиться с греками и покровительствовать славян[ам]». Александр II расценивал позицию греческого духовенства, препятствовавшего болгарам создать национальную иерархию, стремившегося отеснить болгар от церковных должностей, как неправильную. Но он считался с известным падением русского политического влияния после Крымской войны, со сложностями церковных отношений на Балканах. Не один раз он повторил во время беседы свою генеральную директиву: «Мне нужно единство церкви»²⁹. Исходя из этого положения, Горчаков указывал посланнику в Константинополе А. П. Бутеневу на необходимость стараться примирить болгар и греков на основе взаимных уступок. Бутенев неоднократно предлагал патриарху конкретные меры для установления мира между греческим духовенством и болгарскими, но его попытки не дали существенного результата.

В процессе дальнейшего развития болгарского церковного вопроса русская дипломатия оказывала решительное противо-

действие иноверной пропаганде, что особенно ярко проявилось в борьбе с попыткой учреждения унии в Кукуше и быстрой ликвидации униатского движения. Этим был предотвращен возможный внутренний разлад в Болгарии, так как в условиях турецкого ига различие церковной принадлежности вело к различной политической ориентации. Гораздо более сложным делом оказалось посредничество между константинопольской и болгарской церквями.

В 1860 г. произошел разрыв греческой патриархии и болгарской церкви, которая начиная с этого момента противопоставляет себя патриархии, что, однако, не помешало России поддерживать болгарских церковных деятелей. В частности, Лобанов-Ростовский хлопотал о том, чтобы патриарх не применял строгих мер против Иллариона Макариопольского и др., он поддерживал их материально³⁰.

Чем же объяснялась эта позиция России, которая хотя и была явно благосклонной к болгарам, но не вполне удовлетворяла их, особенно сторонников полного разрыва с патриархией. В литературе имеется попытка объяснить это греческим влиянием на русских дипломатов и на синод, неосведомленностью обер-прокуроров (которые были генералами), недостаточно сведущих в канонической и политической стороне вопроса³¹. Бесспорно, что в среде русских дипломатов были лица греческого происхождения (Аргиропуло, Кумани), что обер-прокуроры синода были более государственными деятелями, чем церковными лицами, — это связано с самым смыслом существования синода. Но русская дипломатия испытывала непосредственные влияния также и со стороны болгар, представителей умеренного буржуазного лагеря, как тех, кто был связан с русским посольством по службе (Н. Геров, Бурмов-Стоянов и др.), так и руководителей болгарского церковного движения (Илларион). Наконец, в формировании мнений синода, а по многим вопросам и позиции дипломатии большую роль играли мысли и внушения видных и влиятельных иерархов, например митрополита Филарета, которого в канонической неосведомленности подозревать нет основания³².

В основе русской политики лежали две идеи. Одна касалась церковно-канонической стороны вопроса. Без согласия патриархии явочным порядком болгары не могли создать канонически законную национальную церковь. Чтобы предупредить раскол, каким явилось бы самочинное отделение болгарской церкви от греческой патриархии, Россия стремилась к примирению, к приглашению борющихся сторон. В то же время считали, что раскол был бы опасен (в этом убеждал Кукушский опыт) и с точки зрения усиления иностранных, западных, в частности католических, влияний. Второе соображение касалось политической стороны вопроса. Церковное разъединение и существование двух церквей, неизбежно враждебных друг другу, подрывало, по мнению

русского правительства, то церковно-идейное единство, которое было важным с точки зрения противодействия мусульманскому владычеству. В церковном единстве видели способ консолидации всех сил христианских народов против турецкого господства.

Последнее, однако, не мешало русской дипломатии видеть, что церковный вопрос прежде всего национальный. Она была достаточно гибкой, чтобы учитывать меняющуюся обстановку.

Поэтому, после того как митрополит Филарет высказал мысль о желательности и возможности церковной автономии Болгарии, Лобанов-Ростовский пытался убедить патриарха в целесообразности такой меры. Достигнуть этого не удалось.

Национально-политический характер греко-болгарской борьбы прекрасно понимало и русское духовенство, которое в лице митрополита Филарета признало справедливым требование национального языка в церкви и национального освобождения болгарского народа³³.

Наиболее продолжительной по сравнению с другими русскими дипломатами была деятельность Игнатьева по разрешению греко-болгарского спора. Игнатьев смотрел несколько своеобразно на этот вопрос. Он считал: «Ошибка с самого начала заключалась в том, что посредством разрешения вопроса церковного думали разрешить вопрос национальностей, тогда как следовало поступать совсем иначе»³⁴. По его мнению, следовало стремиться к объединению болгарского народа с сербским. Но в его практической деятельности этот взгляд не проявлялся. Опубликованные донесения Игнатьева³⁵ отчетливо характеризуют ту же в целом примирительную линию русской дипломатии, какой она держалась и в предшествовавшее время.

Игнатьев мотивировал это так: «Чтобы достигнуть результатов, сообразных с нашими интересами, в основание деятельности нашей в настоящее время кроме поддержания православия мы должны непременно принять поддержание принципа народностей и в особенности того чувства ненависти к одряхлевшему турецкому владычеству, на котором единственно примирятся все разнородные элементы пестрой империи»³⁶. Однако и Игнатьев оказался не в силах преодолеть остроту и напряженность национального греко-болгарского столкновения. Более того, обнаружилось недостаточное понимание русской дипломатией глубины национального конфликта, что проявилось в неудаче тактики примирения.

Обострение национально-освободительной борьбы в Турции, которое обозначилось с началом восстания на острове Крит, назревавший подъем освободительной борьбы южных славян побудили турецкое правительство активно вмешаться в греко-болгарский спор. Стремясь внести разъединение в среду балканских народов, так как проблема греко-болгарского национально-церковного разграничения возбудила претензии и сербов на некоторые

македонские епархии, Порта выступила со своим проектом урегулирования конфликта. Расчет турецких министров оказался верен; турецкий проект обострил отношения; патриархия признала этническое определение церковных границ еретическим делом.

С этим мнением патриархии повели полемику болгарские архиереи. Обострение отношений побудило Игнатьева переменить позицию, и он поддержал болгарскую сторону в ее настоящих скорейшего решения вопроса путем, хотя и неканоническим, но верным. Фирман 26 февраля 1870 г. определял организацию и территориальный состав автономного болгарского экзархата. Русская дипломатия надеялась, что фирман сможет стать основой последующего соглашения³⁷. Однако фирман лишь обострил отношения. Созванный патриархией в 1872 г. собор провозгласил болгарскую церковь схизматической и довел церковный раскол до конца. Добиться примирения сторон русской дипломатии не удалось, тем более что английская дипломатия поддерживала наиболее крайних греческих националистов, а австрийская — болгарских³⁸.

1866 год был беспокойным в Европе. После нескольких месяцев напряжения в мае началась австро-прусская война. В том же месяце на острове Крит произошли выступления против турок. В августе началось восстание, а в сентябре была провозглашена независимость и присоединение к Греции.

Занятость Австрии немецкими делами представлялась сербскому князю Михаилу и его советникам удобной для активизации своей политики. С одной стороны, сербское правительство поднимало вопрос о ликвидации еще оставшихся турецких крепостей на территории Сербии, с другой — возникли планы более широкие. Мысль, что Сербия должна явиться центром объединения южных славян, жила и была постепенно реализуема. Развернули пропаганду восстания не только в турецких, но и в австрийских землях, населенных югославянами. В середине 1866 г. сербское правительство решило готовиться к войне с Турцией³⁹. В 1866 г. Сербия заключила военный союз с Черногорией, в начале следующего года было подготовлено соглашение с болгарской буржуазной эмигрантской организацией в Румынии, в августе того же года был заключен союз с Грецией, а в январе 1868 г. соглашение с Румынией. Еще существует мнение, опирающееся на фальсифицированные документы⁴⁰, что движение в славянских странах Балканского полуострова было вызвано Россией и ее агентами⁴¹; в действительности же инициатива возбуждения движения принадлежала Сербии⁴². Это инициатива учитывала наличие национально-освободительного движения в соседних областях и получила там поддержку. Что касается России, то первоначально в среде русских дипломатов не было единства взглядов. Н. П. Игнатьев и директор Азиатского департамента П. Н. Стрелюхов относились сочувственно к сербским планам. Игнатьев оказал поддержку начавшемуся движению

в среде южных славян, давал советы сербскому правительству по вопросам военной подготовки⁴³.

Между тем Горчаков пытался найти общий язык с Францией и совместно добиться реформ в Турции. 18 (30) августа 1866 г. он разговаривал с французским послом Талейраном, предлагая, действуя совместно с Англией, добиться от Турции уважения к обещаниям, данным ею державам, и осуществить реформы, предоставляющие внутреннюю административную автономию ее подданным.

В то же время Игнатьеву было дано распоряжение советовать Порте умеренность. Для укрепления эффекта его советов русский военный корабль был послан в воды Крита. Вторично предложение такого рода было сделано Будбергом Друэн де Люису 22.VIII—4.IX.

Тем временем на свадьбу наследника в октябре 1866 г. в Петербург прибыл сербский представитель И. Маринович, начавший переговоры о положении на Балканском полуострове и планах Сербии. Он говорил, что основное желание Сербии заключается в том, чтобы Россия добилась невмешательства держав в события на полуострове. При этом условии, полагал сербский представитель, события смогут принять желательный для Сербии оборот. Всеподданнейший отчет по министерству иностранных дел так определял задачи русской политики на протяжении десятилетия 1856—1866 гг.: «1) путем комбинаций нашей общей политики привести к изменению в системе союзов и равновесия европейских сил, которые были направлены к нашему ущербу договором 1856 г.; 2) ускорить развитие христианского населения в Турции, вступление которого в политическую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия»⁴⁴. Потому царская Россия, чтобы достигнуть большего развития национальных ресурсов южных славян, удерживала их от преждевременных и изолированных действий. Намерения Сербии в целом шли в желательном для России направлении. Естественно, что переговоры завершились обещанием моральной поддержки со стороны России и заявлением готовности оказать просимую дипломатическую поддержку⁴⁵.

Уже 16 (28) ноября 1866 г. Горчаков в депеше русскому послу в Париже Будбергу излагал необходимость передачи Крита Греции, а в крайнем случае предоставления ему автономии. Предвидя возможность широкого восстания христиан Турции, он полагал, что ни одна из держав не поддержит Турцию и лучшая позиция, какую они могут избрать, — полное невмешательство как доказательство бескорыстия⁴⁶.

Франция связывала ответ на эти предложения с решением вопроса о размене услугами: поддержка русских предложений на Востоке в обмен за русскую поддержку на Западе. В процессе переговоров Россия заявила, что не стремится к приобретению каких-либо турецких территорий; ее интерес, естественно, заключался в уничтожении ограничительных условий Парижского мира. Франция же ждала русской поддержки при ее столкновении с Пруссией.

Причина последующего расхождения России и Франции заключалась отчасти в этом вопросе, отчасти в различии планов по отношению к Турции. В то время как Россия понимала реформы в Турции как автономию ее христианских подданных, т. е. укрепление центробежных тенденций, Франция хотела общих реформ Турции, укрепления финансов османского государства, чтобы затем взять его под свою опеку⁴⁷. Русское министерство иностранных дел с беспокойством отмечало, что французские капиталы и предпринимательские компании забирают в свои руки государственные финансы и экономику страны, что усиливается католическая пропаганда и что к этим враждебным интересам русского государства действиям Франции добавляются аналогичные меры Англии.

12 (24) февраля 1867 г. французское министерство иностранных дел послало своим представителям в Петербурге и Вене составленный в смысле указанных стремлений проект⁴⁸. Он не мог способствовать успеху переговоров: «Я занимаюсь только христианами», — сказал Горчаков.

То обстоятельство, что Франция к переговорам по данному вопросу хотела привлечь и Австрию, свидетельствовало о сдержанности, с какой она шла навстречу России.

В конце концов удалось достигнуть соглашения о вручении Турции коллективной ноты, переданной в апреле 1867 г. послами России, Франции, Пруссии, Италии с рекомендацией плебисцита на Крите. Нота была Турцией отклонена, но, с точки зрения Горчакова, важным было само заявление держав о том, что Турция не может более рассчитывать ни на их материальную, ни на нравственную помощь с целью выйти из затруднений, созданных ее упрямством⁴⁹.

Но надо сказать, что, ведя все указанные переговоры, оказывая поддержку южным славянам, русское правительство вовсе не предполагало очертя голову ринуться в водоворот восточного вопроса. «Напрасно Вы думаете, — писал 9 февраля 1867 г. директор Азиатского департамента Стремоухов Игнатьеву, — что у нас не оценивают всей важности настоящего кризиса и не желают из него извлечь всего возможного для христиан и России; Вы не забудьте, что у нас министр финансов Рейтерн, который грозит банкротством и который не допускает даже возможности каких-либо военных действий; следовательно, приходится только маневрировать с помощью сил нравственных»⁵⁰. Россия не была способна в силу своего внутреннего, военного, транспортного и т. д., в том числе финансового, состояния на какие-либо активные действия. Особенно препятствовало этому отсутствие военного флота на Черном море. Не будучи в состоянии выступить сама, Россия не стремилась и к столкновению балканских народов с Турцией, так как оно могло на каком-то этапе потребовать вооруженной поддержки с ее стороны. Она хотела взять в свои руки моральное руководство движением, чтобы оно не попало в руки ей нежелательные, по возмож-

ности предупредить развитие острой коллизии и использовать для этой цели поддержку держав. К тому же русская дипломатия трезво оценивала политическое положение и взаимоотношения балканских государств. Возбуждала сомнение крепость связей Греции и Сербии, вызывало опасение отсутствие между ними полного соглашения по всем вопросам. Не только степень готовности, но и сама решимость южных славян и греков к серьезной и упорной борьбе с Турцией не производила на русскую дипломатию серьезного впечатления. Была неясна позиция Сербии; опасались, что она удовлетворится получением городов и прекратит свою алармистскую кампанию.

Поставленный Сербией вопрос об освобождении крепостей, расположенных на ее территории, от турецких гарнизонов был поддержан Россией⁵¹. Но общая европейская ситуация, в том числе и положение на Балканском полуострове, способствовала тому, что вопрос этот остался вопросом сербско-турецких отношений, не превратившись в международный, каким он был в 1862 г.

Тем временем обещание русского правительства оказать помощь Сербии побудило сербского князя просить о помощи военной. Она была оказана и в форме консультации военных специалистов, и в форме обучения сербского войска, и в разработке военных планов⁵². Однако не столько слабая военная подготовка сербских войск, о которой сообщали в Петербург русские офицеры, была причиной того, что созданный военно-политический инструмент — Балканский союз — остался без употребления. И внутри Сербии и вне ее складывались условия, неблагоприятные выступлению. В руководящих верхах княжества шла борьба между сторонниками различной внешнеполитической ориентации. Зальцбургское свидание Франца-Иосифа и Наполеона III в августе 1867 г. выяснило действительную позицию Франции в делах Балканского полуострова.

Позиция Австро-Венгрии, не желавшей распада Порты, оказалась Франции ближе, чем стремление России к освобождению христиан из-под турецкой власти. На этом и сошлись монархи в Зальцбурге, заняв тем самым враждебную позицию по отношению к Балканскому союзу. Под влиянием этого обострились расхождения в правящих сербских верхах, Гарашанин, который был идейным руководителем антитурецкой политики Балканского союза, в ноябре 1867 г. был уволен в отставку. Увольнение состоялось вопреки протесту России, которая понимала, что уход Гарашанина из министерства приведет к усилению австрофильской группировки в правительстве. Вот почему, получив сообщение об увольнении Гарашанина, Александр II приказал приостановить выдачу субсидии Сербии и отозвал оттуда русских офицеров.

Оценка перспектив Балканского союза русскими дипломатами оказалась правильной. Больше того, что было сделано, Россия сделать не могла: «Объявить одни войны Турции мы не хотим и не мо-

жем... объявить ей войну вместе с нами не хочет Европа. Следовательно, остается наше нравственное содействие, старание к недопущению вредного постороннего вмешательства»⁵³. Сербия, которую провозглашали «Пьемонтом южных славян», явно переставала быть им. Это проявилось в скором распаде Балканского союза, из которого первую вышла Черногория, затем Греция. Передовые болгарские круги поняли, что освобождение может быть завоевано только собственными усилиями, и стали создавать центр освободительной борьбы — Болгарский центральный революционный комитет. Эта новая расстановка сил не могла не отразиться и на отношении русской дипломатии к делам Балканского полуострова.

Нельзя не отметить еще одной характерной черты, проявившейся в эти годы. Хотя русская дипломатия поддерживала Сербию, она не лишала своей поддержки и другие балканские народы. Помимо поддержки и помощи восстанию на Крите, необходимо указать на новые черты, проявляющиеся в это время в связях России с Болгарией. После совещания, созванного Добродетельной дружиной весной 1867 г., эта организация болгарской буржуазии обратилась к русскому правительству с просьбой о снабжении ее оружием. Обращение встретило в России сочувственный отклик, и на военных складах в Николаеве была подготовлена к отправке большая партия ружей (46,5 тыс.) и патронов к ним.

Поражение четы Ф. Тотю и обнаружившаяся слабая военная подготовленность Сербии побудили русские правящие круги в полном соответствии с указанными выше целями русской политики в последний момент отказаться от переправки оружия⁵⁴. Не прислушалось также правительство к тем голосам из славянофильских кругов, которые советовали ему заняться организацией военных сил болгар, послав для руководства ими русского генерала⁵⁵. Все это вполне укладывается в общее русло русской политики.

Хотя надежды России, связывавшиеся дважды в 60-е годы с Сербией и ее ролью ядра, объединяющего подвластных Турции христиан, не оправдались, некоторые русские представители на Балканах продолжали думать о Сербии как естественном центре организации борьбы против турецкого гнета. Франко-прусская война 1870 г. вновь возбудил воспоминания о 1866 г., и, хотя теперь положение расценивали как более сложное и трудное, чем четырьмя годами ранее, все же некоторые русские дипломаты полагали возможным возобновление славянской борьбы. В своих письмах Игнатьеву консул в Рагузе А. С. Ионин не раз высказывал мысль о возможности подъема национального движения сербов княжества и хорватов Австро-Венгрии, но при условии, «если Россия явит себя... силою, предназначенною на Востоке так же все радикально переделать, как переделывается все у немцев. Но в таком случае надобно решиться действовать не только против Турции, но и против Австрии. Мыслимо ли это у нас?»⁵⁶

Это было так же невозможно в 1870 г., как и в 1866 г. Если в отношении сухопутной армии Россия за эти годы сделала известные шаги вперед, то военного флота на Черном море по-прежнему не было, а без него никакие активные действия на Балканском полуострове не были возможны. Поэтому русское правительство вовсе не думало о тех военных шагах, о которых рассуждал Ионин в своих посланиях Игнатьеву, а в первую очередь стремилось к уничтожению ограничений, установленных договором 1856 г.

Здесь нет надобности говорить о русской декларации и последовавших событиях⁵⁷. Они важны в том отношении, что тяжкие условия Парижского договора ушли в прошлое. И хотя руководители русской политики понимали, что вопрос решен пока лишь на бумаге, все же это улучшало позицию России, хотя бы в чисто дипломатическом смысле. Для того чтобы реально использовать создавшееся положение, предпринято ничего не было. За декларацией не последовало такого военно-морского строительства, которое развязывало бы России руки. Более того: «Главное военно-морское командование считало, что поскольку Россия не является морской державой, то черноморский флот для нее — большая роскошь, которую можно себе позволить лишь при явном избытке средств. Поэтому оборону Черноморского побережья было решено строить на основе сухопутных средств, а военно-морской флот собирались использовать в береговой обороне, и то весьма ограниченно»⁵⁸. О наступательной роли флота не думали вовсе. Все это отчетливо сказывалось в ходе последующих событий, разыгравшихся в иной международной обстановке.

Вслед за отменой ограничений, наложенных на Россию Парижским договором, она в результате переговоров и соглашений с Германией и Австро-Венгрией добилась, с одной стороны, безопасности своей западной границы, с другой — признания принципа невмешательства в балканские дела, если бы там оказался нарушенным *status quo*, и взаимного обязательства «сговариваться» друг с другом по международно-политическим вопросам⁵⁹. Нет никаких оснований преувеличивать положительное значение Соглашения трех императоров, в значительной мере объективно направленного против Франции и служившего поэтому австро-германским интересам. Да и в лице Австро-Венгрии Россия договаривалась не столько с союзником, сколько с соперником, за поведение которого было трудно поручиться. Все же эта комбинация выводила Россию из изоляции. Достоинства и недостатки этой дипломатической комбинации проявились в период восточного кризиса.

С самого начала восстания в Боснии и Герцеговине Андраши заявил Порте, что рассматривает его как внутреннее дело Турции и не намерен вмешиваться. Но в силу ряда причин удержаться на этой позиции Австро-Венгрия не могла. Русское правительство стремилось помочь восставшим славянам. Оно полагало, что достигнуть этого можно путем соглашения, прежде всего с Австри-

ей, как наиболее заинтересованной в силу географических и этнических причин державой⁶⁰. Очень ценилась возможная поддержка умиротворительных попыток со стороны Англии⁶¹. Но, как видно из переговоров русского посла Е. П. Новикова в Вене, первоначальное отношение австрийской дипломатии к какой-либо помощи славянам было отрицательным. На предложение Горчакова о демарше трех держав Андраши отвечал согласием, если в то же время будет заявлено повстанцам, что они не получат от держав никакой помощи, а Сербии и Черногории будет сделано предупреждение, чтобы те не поддерживали инсургентов⁶².

В конце июля 1875 г. России удалось договориться в Вене о выступлении *à trois* «не коллективном, но однообразном» перед Портой и повстанцами. Хотя это выступление, поддержанное Францией, Италией и Англией, было безуспешно⁶³, оно говорило о некотором достижении русской дипломатии, которой удалось добиться общего выступления держав. В то же время оно не свидетельствовало о сближении позиций России и Австро-Венгрии. В разговорах с Новиковым в связи с миссией консулов в восставших провинциях Андраши сказал: «Когда повстанцы будут убеждены в бесплодности употребления оружия, они, вероятно, прибегнут к нашим консулам, которые станут тогда настоящими умиротворителями. До тех пор все демарши будут преждевременны»⁶⁴. Андраши, это очевидно из приведенных слов, всего более устраивал бы разгром восстания турками. Между тем позиция русской дипломатии была иная. В случае, если бы христиане оказались побежденными или подверглись бы репрессиям со стороны турок, «князь Горчаков не считал бы возможным придерживаться принципа невмешательства»⁶⁵. Стало бы неизбежным вмешательство для предотвращения кровопролития, и Россия, как говорил Горчаков, не была бы последней в исполнении этого долга гуманности. Русская дипломатия предвидела при этом возможность расширения кризиса. Сдерживая от выступления Сербию⁶⁶, русское правительство в то же время стремилось убедить Австро-Венгрию в необходимости реформ, которые обеспечили бы восставшим провинциям автономию (по типу Румынии), близкую к независимости. Таким образом, хотя Горчаков и говорил о вмешательстве, он его рассматривал как крайнюю меру и вовсе его не хотел⁶⁷. Известно, что в итоге Андраши признал необходимость давления на Турцию с целью осуществления реформ. Но, связывая стремившегося действовать в системе Соглашения трех императоров русского канцлера, Андраши постарался ограничить его предложения, уничтожить опасность возникновения в соседстве с Австро-Венгрией нового славянского государства, которое могло бы установить связи с Сербией и Черногорией и оказаться опасным дуалистической империи. Из этих стремлений родилась нота Андраши, которая русским правительством вовсе не рассматривалась как действенное средство разрешения кризиса. На-

оборот, опасались, что она ничего не даст⁶⁸. Позиция Андраши возбуждала у некоторых русских дипломатов предположения, что он исходит более из желания Австро-Венгрии в удобный момент захватить Боснию и Герцеговину, чем из стремления достигнуть действительного умиротворения провинций. Горчаков не согласился с этими опасениями⁶⁹, по-видимому доверяя заявлениям Андраши, не раз отрицавшего такие намерения⁷⁰.

Европейский демарш окончился неудачей: повстанцы Боснии и Герцеговины прекрасно поняли, что этот документ был результатом дипломатической игры и поисков путей подчинения их туркам, а вовсе не вел к благоприятному для них решению вопроса⁷¹.

В начале 1876 г. Горчакову стало ясно, что Сербию, Черногорию, а может быть и не только их, не удастся удержать от вмешательства в борьбу. Задача, по его мнению, заключалась в том, чтобы удержать от такого вмешательства Австрию и позаботиться, чтобы события не привели к общей европейской войне⁷². Что слова Горчакова соответствовали действительным стремлениям русского правительства, видно из организованного Россией демарша держав в целях предупреждения нападения Турции на Черногорию⁷³.

Задача, какую ставил себе в этот период Горчаков, сводилась к умиротворению восставших Боснии и Герцеговины, средство к чему он видел в удовлетворении требований повстанцев. Русская дипломатия, стремясь подготовить независимое развитие славянских народов, подчеркивала, что восточный вопрос является вопросом европейским, который и решаться должен соглашением держав. Она не претендовала диктовать свою волю при решении его, а хотела действовать в согласии с другими государствами, прежде всего с теми, которые считались ее союзниками.

Однако переговоры в Берлине, хотя Александр II и Горчаков надеялись на них добиться согласия Андраши на автономию Боснии и Герцеговины⁷⁴, вновь обнаружили существенные расхождения в стремлениях сторон. Австро-Венгрия явно хотела теперь присоединить часть Боснии⁷⁵. В силу указанного меморандум, выработанный в Берлине, оказался документом малосодержательным, а отказ Англии присоединиться к демаршу сделал его бесполезным.

Тем временем на Балканском полуострове произошли крупные события (Апрельское восстание в Болгарии, начавшаяся сербско-черногорская война против Турции), вызвавшие широкое общественное движение сочувствия и поддержки борьбы южных славян в России⁷⁶.

Русские дипломаты понимали, что «принятые в Берлине полумеры не давали более шансов на практический выход из положения». В то время как Россия стремилась обеспечить подвластным Турции южным славянам — жителям Боснии, Герцеговины, Бол-

гари — широкую автономию, Австро-Венгрия хотела прекращения борьбы и проведения мелких реформ, которые могли лишь затушевать вопиющие дефекты устройства Оттоманской империи. Русские дипломаты, сдерживая выступление Сербии и Черногории против Турции, обсуждали с Андраши вопрос о провозглашении принципа полного невмешательства, но в понимании его расходились. Горчаков хотел, чтобы этот принцип был провозглашен, а Андраши настаивал на том, чтобы он остался тайной⁷⁷, очевидно, для того, чтобы в удобный момент отказаться от соблюдения этого принципа. Русские вели эти переговоры с целью, с одной стороны, поддержать согласие с державами, хотя бы и ценою тяжелых уступок, с тем чтобы сохранить европейский мир и избежать изоляции, с другой — провозглашением невмешательства оказать реальную помощь борющимся и готовившимся вступить в борьбу Сербии и Черногории.

Россия по-прежнему стремилась всячески избежать войны, так как выигрыш, который она хотела бы получить от войны, являлся проблематичным, а трудностей она сулила много и на фронте, и внутри страны. Нельзя забывать, говоря о русской политике, не только общественное движение сочувствия славянам, толкавшее правительство в сторону активных действий, но и те проявления революционного брожения и крестьянского недовольства, которые имели место именно в годы восточного кризиса и которые отчасти заставляли стремиться к войне, отчасти опасаться ее. Не следует упускать из виду и неблагоприятное положение государственных финансов.

Достигнутое в этих сложных международных и внутренних условиях Рейхштадтское соглашение, по-видимому, в силу острых противоречий между сторонами не было доведено до заключения формального акта, а осталось в частных записях. Может быть, историкам дипломатии следовало бы отказаться от названия Рейхштадтское соглашение, а говорить только о Рейхштадтских переговорах. Это точнее отображало бы существо дела.

После Рейхштадта Александр II, по словам Милютин, хотя и надеялся на сохранение мира, но не смотрел уже спокойно на будущее⁷⁸. Действительно, было все более трудно согласовать стремление русского правительства к высвобождению южных славян из-под турецкой власти и превращению балканской территории Турции в отдельные более или менее самостоятельные государства и провинции с явным намерением Австро-Венгрии не допустить реформ и автономии провинций. Интересен факт прямого обмана России, на который пошел Андраши. В Рейхштадте он обещал представить подробную карту с указанием желательных ему приобретений в «турецкой Хорватии», но не дал ее. А затем стал по этому вопросу выражаться все более неопределенно, явно прикрывая этим австрийские аппетиты на большую часть Боснии и даже Герцеговину⁷⁹.

В силу этих обстоятельств, достигнув сомнительного сговора с Австро-Венгрией, русская дипломатия продолжала усиленно искать мирного разрешения вопроса. Выдвинутая вскоре английским кабинетом программа умиротворения исходила из намерения одновременно с предоставлением административной автономии славянским областям Турции (Боснии, Герцеговине и Болгарии) утвердить английское господство в проливах. Русское же предложение укрепить автономию областей путем временной оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, а Болгарии Россией было использовано Англией для обвинения России в желании захватить турецкие земли и в конечном счете Константинополь.

Все эти переговоры, не приведшие ни к каким результатам, показывали ясно вырисовывавшуюся даже в глазах столь уповавшего на Андраши Горчакова изоляцию России, а вместе с тем неизбежность войны⁸⁰. Но военные круги России противились ускорению ее в условиях, «когда море во власти наших противников и когда мы не знаем еще намерений Австрии»⁸¹.

Вряд ли есть необходимость разбирать последовавшую попытку Горчакова заручиться поддержкой Германии. Ответ Бисмарка на вопрос Александра II о позиции Германии в случае войны ясно показывал опасность столкновения с Австро-Венгрией, что повлекло бы за собой войну с обоими германскими государствами. Следовало обеспечить австрийский нейтралитет. Начались переговоры в Вене, не сулившие особого выигрыша из-за возраставших австрийских претензий и усиливавшихся опасений Горчакова, что вслед за Австро-Венгрией «другие державы также захотят, быть может, присоединить клочок оттоманского государства»⁸². Он пытался ограничить эти претензии, чтобы они не ущемляли еще более интересы России как государства, бравшего на себя тяжесть войны. Переговоры завершились заключением Будапештской конвенции⁸³. Она признавала право Австро-Венгрии в удобный момент оккупировать Боснию и Герцеговину и считала, что «Болгария, Албания и остальная Румелия могли бы стать независимыми государствами».

Будапештская конвенция представляется значительной в двух отношениях. Она являлась шагом к войне, в то же время она означала, что роль России в решении вопросов, относящихся к Боснии и Герцеговине, минимальна. Это увеличивало интерес России к судьбе Болгарии.

Русское правительство уже вело мобилизационные приготовления, было решено формировать болгарское ополчение, обсуждалась организация гражданской части действующей армии, но это не означало отказа от попыток урегулировать вопрос дипломатическим путем. Успех русского выступления в защиту Сербии позволил поставить вопрос о международной конференции для урегулирования восточного вопроса.

С осени 1876 г. Россия усиленно готовилась к Константино-

польской конференции. Русский вице-консул в Пловдиве А. Н. Церетелев совместно с американским консулом в Константинополе Ю. Скайлером разрабатывали проект устройства Болгарии⁸⁴. Россия была готова и теперь на самые существенные уступки. Помимо проекта Церетелева — Скайлера Игнатъев подготовил проект-минимум. Если бы оба они были отвергнуты, ему поручалось все же не отклонять сразу английского проекта Солсбери. Все это имело один смысл, выраженный в депеше Горчакова Игнатъеву: «Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально, и в особенности тягостной своим влиянием на наше финансовое положение. Если можно избегнуть этого, сохраняя незатронутыми честь и достоинство императора, я аплодировал бы этому с восторгом, и наша страна была бы в выигрыше»⁸⁵.

Русская дипломатия сделала огромные усилия, чтобы договориться с Англией. На открывшейся в декабре 1876 г. в Константинополе конференции, казалось, должно было быть найдено приемлемое решение. Но английское правительство, обманув Россию, поддержало Турцию в ее позиции, враждебной реформам. Политика поддержки status quo, направленная против интересов угнетенного славянского населения Турции, окончательно возобладала, и для России, стремившейся сохранить традиционное влияние и свой престиж на Балканах, по мнению правящих кругов, не оставалось другого выхода, кроме войны.

Политика европейских держав, которая вовсе не имела в виду интересов южных славян, а преследовала задачу столкнуть Россию с Турцией, ослабить первую, пришла к желанному итогу. Русская политика поддержки освободительной борьбы славян и сохранения мира потерпела неудачу. Ее стремления привлечь державы к совместной акции для улучшения положения славянского населения Балканского полуострова показали невозможность объединенных действий. Как и 20 лет назад, Россия фактически осталась изолированной, хотя формально имела союзников. Ей предстояло одной вынести тяжелую борьбу, подорвавшую финансы империи.

На Берлинском конгрессе европейские державы поступили именно так, как и предвидел Д. А. Милютин: «В случае успеха ей не дадут воспользоваться плодами»⁸⁶.

Не останавливаясь на истории войны, следует сделать замечание о ее результатах. Русское правительство, одержав победу над противником, осталось верным своим обещаниям и никаких захватов на территории Балканского полуострова не совершило. Главное его стремление действительно заключалось в обеспечении независимости и территориального роста Сербии и Черногории, а также в создании сильной, большой Болгарии, так как эти страны рассматривались как будущие союзники. А противодействие Австро-Венгрии и Англии исходило из желания у одной захватить

Боснию и Герцеговину и ослабить русские позиции на Балканах (возражение против возврата Бессарабии⁸⁷), а у второй — не только ослабить Россию и тем улучшить свои позиции в Средней Азии, но и укрепить свой контроль над Турцией.

Русская политика, исходившая из охарактеризованных выше целей, объективно сыграла прогрессивную и освободительную роль. Она привела к освобождению южных славян и других балканских народов от национального угнетения и открывала дорогу социально-экономическому прогрессу.

Двадцать лет русской политики на Балканском полуострове, политики поддержки национально-освободительных стремлений южнославянской буржуазии со стороны царской России, привели в конечном счете к несомненному успеху. Русская политика преследовала свои собственные цели. Цели дворянско-буржуазной Российской империи не были тождественны задачам южнославянского национально-освободительного движения. Русская политика рассматривала славянские народы Балканского полуострова и их освободительную борьбу как союзную силу, могущую создать более благоприятную для русских интересов ситуацию. Ослабленная после Крымской войны, стремившаяся к уничтожению ограничений, наложенных Парижским договором, Россия видела главную свою задачу в освобождении от этих сковывавших ее решений.

Западные государства продолжали подозревать Россию в тайных захватнических планах и в рассматриваемый период, хотя таких расчетов у русского правительства не было и быть уже не могло (мы не касаемся здесь других противоречий и конфликтов — в Средней Азии и пр.). Это вело к изоляции России, в условиях которой близость с южными славянами — важнейшей, хотя все еще угнетенной, и растущей силой на Балканском полуострове (главном направлении русской внешней политики) — приобретала особое значение. В среде южных славян Россия могла ориентироваться только на буржуазные слои, особенно умеренные, ибо они были наиболее близки дворянской царской дипломатии. Правда, некоторые русские дипломаты (Н. П. Игнатьев) предпочли бы связь с более радикальными элементами, склонными к решительной борьбе против Турции, но такая политическая линия не получала одобрения со стороны консервативных правительственных кругов. Вот почему мы видим, что Россия, в значительной мере еще дворянская, поддерживает стремления сербских, болгарских, боснийских буржуазных кругов, а иногда, как в Боснии, готова поддержать и крестьянские требования. Это и создавало почву для ответного тяготения к России со стороны южных славян. В то же время политика сохранения феодальной Порты, проводившаяся западными державами и объяснявшаяся их экономическими и политическими интересами, шла вразрез с интересами южных

славян, социально-экономическое и культурное развитие которых властно требовало национального освобождения, а с ним и уничтожения феодальных отношений.

- ¹ Архив внешней политики России (далее — АВПР), Гл. архив V A2, 1867 г., д. 534, л. 22.
- ² Там же, 1857 г., д. 525, л. 93 об.
- ³ A. Lobanov-Rostovsky. Russia and Europe 1825—1878. Ann Arbor, Mich., 1954, p. 248.
- ⁴ АВПР, ф. Канцелярия (далее — К.), Константинополь, 1858 г., д. 45, л. 449.
- ⁵ F. Charles-Roux. Alexandre II, Gortchakoff et Napoléon III. Paris, 1913.
- ⁶ В. Поповић. Политика Француске и Аустрије на Балкану у време Наполеона III. Београд, 1925; В. Боровић. Лука Вукаловић и херцеговачки устанци од 1852—1862 године. Београд, 1923, стр. 50.
- ⁷ Р. И. Рыжова. Из истории русско-черногорских отношений. Дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории. «Исторические записки». М., 1958, т. 63.
- ⁸ Там же, стр. 126.
- ⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 637.
- ¹⁰ В. Борђевић. Црна Гора и Аустрија 1814—1894. Београд, 1924, стр. 100; Бр. Павићевић. План књаза Данила за регулисање односа са Портом 1856 године. «Историски записи», 1960, књ. XVII, св. 1.
- ¹¹ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 189.
- ¹² Р. И. Рыжова. Указ. соч., стр. 132.
- ¹³ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 190.
- ¹⁴ АВПР, К., Константинополь, 1858 г., д. 48, лл. 357—360.
- ¹⁵ В. Павићевић. Указ. соч., стр. 60.
- ¹⁶ Р. И. Рыжова. Указ. соч., стр. 155.
- ¹⁷ W. G. East. The Union of Moldavia and Wallachia. Cambridge, 1935, p. 194—195.
- ¹⁸ «Москва», 4.III 1867.
- ¹⁹ F. Charles-Roux. Указ. соч., стр. 292.
- ²⁰ См. наше предисловие к публикации: «Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX в. «Вопросы истории», 1962, № 9, стр. 76 (далее — «Публикация...»).
- ²¹ АВПР, ф. Посольство в Париже, д. 396, л. 13.
- ²² С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1923, стр. 102, 124—126, 167—169.
- ²³ А. Дебидур. Дипломатическая история Европы, т. II. М., 1947, гл. VI—VII.
- ²⁴ АВПР, К., 1862 г., д. 42, л. 116.
- ²⁵ «Публикация...», док. 8 (стр. 88); док. 11 (стр. 92); Љ. Алексић. Став Француске према Србији за време друге владе кнеза Милоша и Михаила (1858—1868). Београд, 1957, стр. 58.
- ²⁶ [J. Ристић] Бомбардање Београда (1862 год). Београд, 1872, стр. 89; «Публикация...», стр. 100.
- ²⁷ М. Екмећић. Pokušaji organizovanja ustanka u Bosni 1860—1862 godine. «Godišnjak Istoriskog društva Bosne i Hercegovine», god. IX, 1957. Сарајево, 1958; Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 280—284.
- ²⁸ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-е годы XIX в. «Славянский сборник». М., 1947; П. Ников. Възраждане на българския народ, църковно-национални борби и постижения. София, 1929; Д. Косев. Указ. соч., и др.

- 29 *Н. И. Петров*. Начало греко-болгарской распри и возрождения болгарской народности. Киев, 1886, стр. 43.
- 30 АВПР, ф. Гл. архив V A2, 1861 г., д. 528, лл. 40—44, 45—63.
- 31 *Кирил*, патриарх български. Граф Н. П. Игнатиев и българският църковен въпрос. София, 1959, стр. 26.
- 32 «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам православной церкви на Востоке». СПб., 1886.
- 33 «Собрание мнений и отзывов Филарета...», стр. 361—363, 221.
- 34 АВПР, ф. Гл. архив V A2, 1867 г., д. 534, л. 23 об.
- 35 *Кирил*, патриарх български. Указ. соч.
- 36 АВПР, ф. Гл. архив V A2, 1867 г., д. 534, л. 24 об.
- 37 *Кирил*, патриарх български. Указ. соч., стр. 297.
- 38 *Он же*. Екзарх Антим. София, 1956, стр. 436—448.
- 39 «Записи Еврема Грујића», кн. III. Београд, 1922, стр. 105.
- 40 Фальсификация раскрыта нами. См.: *С. А. Никитин*. Славянские комитеты в России. М., 1960, стр. 132—145.
- 41 *А. Дебидур*. Указ. соч., т. II, стр. 305—307.
- 42 *С. Јовановић*. Указ. соч., стр. 210—211; *Ј. Риствић*. Спољашњи одношаји Србије новијега времена, књ. II. Београд, 1887, стр. 493.
- 43 «Воспоминания Милютина», кн. XVII. Государственная библиотека им. Ленина, отдел рукописей, ф. 169, п. 16, № 1, л. 41.
- 44 АВПР, Всеподданнейший отчет за 1866 г., лл. 88 об.—89.
- 45 Там же, л. 110 об.
- 46 *С. С. Тагищев*. Император Александр II, т. II. СПб., 1914, стр. 60.
- 47 *Ј. Риствић*. Спољашњи одношаји Србије новијега времена, књ. II, стр. 533.
- 48 *F. Charles-Roux*. Указ. соч., стр. 415.
- 49 *С. С. Тагищев*. Указ. соч., стр. 61.
- 50 ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 631, л. 33 об.
- 51 *Ј. Риствић*. Спољашњи одношаји Србије новијега времена. књ. II, стр. 395 и др.
- 52 *С. А. Никитин*. Дипломатические отношения России с южными славянами..., стр. 285—286.
- 53 ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 631, л. 38 об.
- 54 Там же, д. 970, лл. 1—9 об.
- 55 Там же, д. 957; *С. А. Никитин*. Славянские комитеты..., стр. 152—153.
- 56 Там же, д. 3047, л. 37 об.
- 57 *K. Rheindorf*. Die Schwarze-Meer-(Pontus-) Frage vom Pariser Frieden von 1856 bis zum Abschluß der Londoner Konferenz von 1871. Berlin, 1925.
- 58 *Н. И. Беляев*. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, стр. 56.
- 59 «Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917 гг.», М., 1952, стр. 124—128; «История дипломатии», т. II. М., 1945, стр. 10—15.
- 60 «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I. М., 1961, док. 6, стр. 34—38.
- 61 «Дневник Д. А. Милютина», т. I. М., 1947, стр. 216.
- 62 АВПР, К., 1875, д. 112, лл. 456 об., 461—462; *G. H. Rupp*. A wavering Friendship: Russia and Austria 1876—1878. Cambridge, 1941, p. 85—86.
- 63 *В. Чубрилович*. Босански устанак 1875—1878. Београд, 1930, стр. 91—95.
- 64 АВПР, К., 1875, д. 112, лл. 627—635.
- 65 «Освобождение Болгарии от турецкого ига», док. 16, стр. 63.
- 66 Там же, док. 47, стр. 119—122.
- 67 «Дневник Д. А. Милютина», т. I, стр. 225.
- 68 АВПР, К., 1875 г., д. 114, лл. 173—180 об.
- 69 *С. С. Тагищев*. Указ. соч., стр. 275—276.
- 70 *М. Екмеџић*. Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960, стр. 175.
- 71 *S. Goriaïnov*. La question d'Orient à la veille du traité de Berlin. Paris, 1948, p. 62; указанные работы Чубриловича и Экмечича.
- 72 «Дневник Д. А. Милютина», т. II. М., 1949, стр. 24.
- 73 *С. С. Тагищев*. Указ. соч., стр. 280; «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 25.

- ⁷⁴ «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 40, 41.
- ⁷⁵ Возможно, что на позицию Австрии оказывала воздействие явно анти-русская и в то же время антиславянская позиция Англии, так как английское правительство требовало разоружения повстанцев Боснии и Герцеговины (АВПР, К., 1876 г., д. 126, лл. 331—333 об.; д. 78, л. 51).
- ⁷⁶ С. А. Никитин. Славянские комитеты.; он же. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. В сб.: «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии». М., 1957; И. В. Козьменко. Русское общество и Апрельское болгарское восстание 1876 г. «Вопросы истории», 1947, № 5; А. Бурмов. Към историята на руско-българските връзки през 1876 г. «Известия на Института за българска история», т. 1—2. София, 1951; Х. Христов. Руската общественост и българското национално-освободително движение в навечерието на руско-турската война от 1877—1878 гг. В сб.: «Освобождението на България от турско иго». София, 1958.
- ⁷⁷ АВПР, К., 1876, д. 129, лл. 146 и об.
- ⁷⁸ «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 53.
- ⁷⁹ АВПР, К. 1876 г., д. 129, лл. 208—208 об.
- ⁸⁰ «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 74, 76.
- ⁸¹ Там же, стр. 77.
- ⁸² АВПР, К., 1876 г., д. 129, лл. 210 и об.
- ⁸³ «Сборник договоров России с другими государствами...», стр. 149—155.
- ⁸⁴ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, док. 344, стр. 487—502; И. Панайотов. Към дипломатическата история на Цариградската конференция. «Известия на Института за българска история», т. 6. София, 1956.
- ⁸⁵ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, док. 352, стр. 511.
- ⁸⁶ «Дневник Д. А. Милютина», т. II, стр. 130.
- ⁸⁷ Там же, стр. 260.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ
В 60-е ГОДЫ XIX В.
В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Русская периодическая печать в 60-е годы XIX в., как и ранее, проявляла большой интерес к событиям на Балканском полуострове, обсуждая и толкуя их с тех позиций, какие определились в этом отношении у отдельных течений и группировок общественно-политической мысли. Не входя в подробности, так как это потребовало бы специального рассмотрения, отметим, что как раз в 60-е годы панславизм, сформулированный в виде целостной программы славянофилами, оказал известное влияние на другие течения общественной мысли. В несколько иной форме он был присущ изданиям М. Н. Каткова, находил отклик в изданиях А. А. Краевского и в некоторых других либеральных газетах.

Панславистским органам противостоял революционно-демократический лагерь, олицетворяемый Н. Г. Чернышевским с его «Современником», «Русским словом», которые вели постоянную войну со славянофильским панславизмом и другими подобными воззрениями. А. И. Герцен в «Колоколе» многократно обрушивался на славянофилов и, хотя признавал, что «славянский мир идет к федеральному союзу», считал, что Российская империя должна в нем «распуститься», так как освобождение славян может произойти не с помощью ее, а вопреки ей¹. Бакунин на протяжении 60-х годов сначала стремился к идеалу «древней славянской свободы» и, отрицая какую-либо форму русской гегемонии, мечтал о создании союза славян². Затем он пересмотрел свои позиции и стал выступать против «разъединения русского и славянского движения от европейского движения». Бакунин утверждал, что «...в целой Европе, не исключая и нашей России, два лагеря, два отечества: один называется революцией, другой — контрреволю-

цию»³. Таким образом, все виднейшие революционные деятели отвергали панславистские стремления И. С. Аксакова и других представителей этих течений, хотя, как будет показано ниже, проявляли интерес к развитию славян и заботу об их действительном освобождении.

Вслед за окончанием Крымской войны в Болгарии возобновилась начавшаяся ранее борьба с греками по церковному вопросу.

Болгарское церковное движение было направлено против греческой иерархии, стремившейся денационализировать болгар. Одним из средств борьбы было изгнание славянского языка из церковной практики. Болгары выдвигали требование создания болгарской иерархии, так как большая часть руководящих церковных постов греческой Константинопольской патриархией замещалась греками. Политический смысл этих домогательств объяснялся особыми правами представителя единоверцев, какими в Турции обладал всякий глава церковной общины, признанной особой церковно-политической единицей (милет).

Движение стимулировалось огромными поборами, производившимися греческими архиереями с населения, поборами, которые слагались из разных видов «владышщины» и, кроме того, из обложения для покрытия долга патриархии. Движение нередко направлялось против отдельных представителей греческой иерархии в силу постоянной компрометации греческого духовенства перед паствой разными злоупотреблениями, симонией и самым неприкрытым распутством. Болгары видели в церковной борьбе не осуществление религиозной задачи очищения церкви, а национальную борьбу — борьбу за одну из основ национального бытия болгарского народа. Существо вопроса, таким образом, было национально-политическим, хотя по форме было церковным.

Исконным направлением русской политики на Востоке было сохранение православия, содействие православной церкви. Русская церковь и Россия были влиятельны на Востоке. Даже ущербленная после Парижского мира в своих восточных планах Россия была крупнейшим фактором на Балканах. Она не могла не привлекать к себе внимания церковных кругов Болгарии. А для них было характерно, что это были не духовные круги, а светские. Движение создавалось и направлялось не клиром, а паствой. Болгарские старшины — представители торговой буржуазии, вожаки ремесленных еснафов (цехов), болгарские чиновники турецкой службы и немногочисленные представители болгарской интеллигенции — вот основные деятели и двигатели церковной борьбы. Болгарские архиереи — Илларион и Авксентий, связавшие свою судьбу с этим движением на протяжении длинного ряда лет, в решительные моменты представляются скорее ведомыми, чем вождями. Они больше представители, вдохновляемые и подталкиваемые своим светским окружением, чем руководители. Все это про-

явилось в первых же шагах церковно-национального движения после окончания Восточной войны.

В первой половине 1856 г. группа константинопольских болгар подала заместителю великого визиря Кабразлы-паше петицию, адресованную султану, где, ссылаясь на хатти-хумайюн, просила предоставления права выбирать верховного церковного начальника, а также начальника гражданского, который бы представлял султану достойных кандидатов в правители, судьи и пр.⁴

Болгарская община в Константинополе выдвигалась все более в качестве главы национального церковного движения. В декабре того же года она отправила во все города и общины Болгарии письма, в которых говорилось о том, чтобы везде составлялись аналогичные петиции к султану о реализации народных прав на основе хатта и выбирались делегаты для поднесения петиции султану. В итоге из ряда пунктов поступили заявления, съехалось около 20 представителей из провинции, а вместе с константинопольскими уполномоченными собралось до 60 человек, сдавших свой прошения Порте. Это были первые шаги вновь возрождавшегося и усиливающегося течения в поисках церковно-национальной свободы.

Желания болгар не встретили поддержки русской дипломатии, стремившейся к сохранению церковного единства на Балканах как средству объединения всех угнетенных народов Турции и искавшей компромисса между болгарами и греками. Тем не менее в апреле 1860 г. отделение болгарской церкви от Константинопольской патриархии стало фактом, хотя и самочинно осуществленным. И это обстоятельство повело к обострению и углублению борьбы, затянувшейся еще на целое десятилетие и завершившейся окончательным разрывом споривших сторон.

Греко-болгарская борьба нашла отклик в русской печати. Во втором томе «Русской беседы» за 1858 г. появилась статья учившегося в Москве болгарина Хр. Даскалова «Возрождение болгар или реакция в Европейской Турции»⁵. Статья говорила об угнетенном положении славян западных — от немцев, южных — от греков. Из греков себя не запятнали греки сирийские да греки свободной Эллады, зато прославились вероломством фанариоты. Это потомки византийцев, константинопольские греки, которые до греческого восстания делились на светских и духовных. Но сейчас первых осталось мало, ибо они ушли в Грецию или слились с духовенством. «Настоящий фанариот должен быть духовное лицо, которое некоторое время воспитывается в известных правилах и, по мере его усердия к выгодам ислама, постепенно возвышается по ступеням иерархической и светской лестницы»⁶. Фанариот должен быть лицемером, беспощаден к славянам, он должен быть другом турок.

Прослеживая историю Болгарии, автор говорит о роли греков в XVI—XVIII вв., эллинизации болгар, уничтожении фанариота-

ми болгарской Охридской патриархии. С этого времени начинается усиленное огречивание и притеснение болгар: вводят греческий язык в богослужение, обирают церкви под предлогом спасения ценностей от турок, уничтожают болгарские рукописи. Несмотря на свое высокое церковное положение, фанариоты не заботились о поддержании православия. «...Патриархат Константинопольский с своими сателлитами есть привилегированное сословие, извне носящее личину христианина, но втайне преданное делу ислама»⁷. Сравнивая греков и турок, Даскалов утверждает: «Болгарам не столь тягостно иго турецкое, ибо турки — народ ленивый, беспечный, фаталистический, ныне слишком слабый, всегда *in statu quo*, малочисленный, не имеющий с славянами ничего общего, временный гость и господин их земли. Болгаре с турками всегда могут сладить... Болгаре *томятся под игом фанариотских архипастырей*, которого, кажется, никто и не подозревает»⁸.

Эти общие положения автор иллюстрирует данными о возрождении болгар («реакция»), о развитии национальной школы и борьбе по этому поводу с греческими архиереями.

Почти одновременно в «Русском вестнике», издававшемся М. Н. Катковым, появилась статья «Турецкие дела» за подписью «Д.», представлявшая первую из серии обзорных статей о положении на Балканах. В ней говорилось о тяжелом положении Турции, в которой, если она не начнет политики сближения со своими подданными, разразится широкое восстание славян. Автор утверждал, что внутреннее положение на Балканах никогда не достигало такого обострения, как теперь: «...никогда варварское обхождение турецких чиновников и злоупотребления иерархических фанариотских властей не были столь явны»⁹. Хатти-хумайюн ничего не дал народу, а кое-где оказался источником несчастий, позволив ввести новые налоги. Христиане должны содержать многочисленное духовенство, которое обложило их поборами, превосходящими турецкие. Все это вызывает недовольство. Босняки и герцеговинцы с оружием ведут борьбу против турок, болгары решили свергнуть фанариотское иго. «Доказано, — говорит автор, — что несчастия православных христиан в Европейской Турции происходят преимущественно от фанариотских митрополитов и архиереев, как светских представителей народа». Фанариоты во всех отношениях чужды и враждебны славянам. «Турок, убивая физически христианина и грабя его, не препятствует развитию духовной его жизни; фанариот же, вместе с грабежом, давит его нравственную, духовную деятельность, препятствует его развитию, то силою анафемы, то мечом, и попирает его священнейшее достояние — язык и народность»¹⁰.

Статьи эти возбудили крайнее беспокойство и недовольство в правительственных сферах. Из цензурного комитета последовали запросы, основанием к которым было отношение обер-прокурора синода гр. Толстого, увидевшего в статье «плод внушений заграничной пропаганды».

Катков по получении запроса просил у Погодина фактических данных¹¹. Катков отклонил требование напечатать синодальный ответ, а в своем ответе доказывал, что статья «Д.» не содержит богословских рассуждений, а поэтому и не нарушает правил духовной цензуры, и опровергал подозрения в происках заграничной пропаганды¹².

От «Русской беседы» объяснение писал Хомяков. Он определял конфликт как результат «разноплеменности народа — славянского и высшего духовенства, греко-фанариотского»¹³, отмечал угрозу разрыва между народом и духовенством, отрицал влияние на греко-болгарскую борьбу иноверной пропаганды и заканчивал ответ указанием на запрещение в Австрии печатать жалобы славян на греческое духовенство. «Такое действие Австрии служит нам назидательным уроком. То, о чем она старается, не может быть полезным для России; то, чему ее учат духовные ее наставники, иезуиты, не может иметь других целей, кроме целей, губительных для веры православной»¹⁴.

Помимо письменных объяснений Хомяков ездил в Петербург для личных переговоров с гр. Толстым, встречался со служившим в синоде Т. Филипповым. Выяснилось, что русские синодальные круги испугались осложнения отношений с патриархией; оправдывая принятые меры, они ссылались на вероятный гнев патриарха. Но в результате переговоров у Хомякова создалось иное представление. «Сердится наша иерархия, — писал он, — и особенно наш граф А. П. Толстой, которого греки кругом обошли»¹⁵. Ober-прокурор поручил Т. Филиппову написать статью с возражениями, которая была направлена против «Д.» (очевидно, переговоры Хомякова смягчили Толстого, и статья Даскалова привлекала к себе в дальнейшем гораздо меньше начальственного внимания). Статья Филиппова была помещена сначала в «Московских ведомостях», а затем издана отдельной брошюрой¹⁶ без указания имени автора.

Т. Филиппов считал оценки пороков духовенства, сделанные «Д.», преувеличенными. О делах церкви, — утверждал он, — «Д.» говорит с легкостью человека, чуждого пониманию церковных дел. В опровержение обвинений против греческого духовенства Филиппов утверждал, что болгары-архиереи имеются, но их мало, так как у болгар нет подготовленных людей. А греки чрезвычайно даровиты и превосходят другие народы Востока. Это он доказывал ссылкой на Иоанна Златоуста, Василия Великого и др. Болгары в стремлении получить национальную иерархию поступают неправильно, подавая в патриархию не прошения, а «наглые пасквили» и обращаясь в то же время к Турции. Самую мысль о болгарской церковной автокефалии он считал «неслыханной» по дерзости в силу невежества болгар. Отношения духовенства и папствы действительно неудовлетворительны. «Но чтобы об этом думать, необходимо сперва, чтобы прекратилось турецкое угнетение; а до тех пор никакие пастыри не могут существенно исправить де-

ла, будь они не только болгаре родом, но притом люди совершенно праведные»¹⁷. В конце бросалась фраза, адресованная «Д.», о болгарях, которых Запад «приманкою даров своих» обратил в свое орудие. В особой заметке указывалось, что продолжение статей «Д.» таково же, как их начало, а потому не заслуживает особого опровержения. Мельком упоминался Даскалов, обвинявшийся в пользовании нечестивым сочинением Фармакиди, обличенным Маврокардато, а в сноске делалось замечание: «Говорят, что г. Д. и г. Даскалов есть одно лицо. Верить можно: очень схожи»¹⁸.

Надо сказать, что отождествление авторов статей в «Русской беседе» и в «Русском вестнике» делалось современниками¹⁹, делалось и в литературе²⁰. Однако это два разных лица. За подписью «Д.» скрывался хорошо знавший Болгарию и болгарские дела А. В. Рачинский²¹.

Помимо появления ответа Т. Филиппова результатом опубликования рассмотренных статей было высочайшее повеление, чтобы все статьи о делах православия на Востоке и о греческом духовенстве печатались только с разрешения духовной цензуры. Из-за этого постановления продолжение статьи Даскалова не появилось. И это нарушило все расчеты редакции «Русской беседы». Как видно из письма Хомякова к Аксакову, первый интересовался возможностью ответить Филиппову, а в качестве автора ответа думал о Даскалове как о лице, знающем вопрос. Еще более был огорчен Аксаков, сообщавший князю Черкасскому о своих планах. «Я с своей стороны обрадовался было этому случаю, как началу разрыва с Синодом и вообще с иерархией, как протесту против официального православия, как возможности отделить в религиозном отношении наше знамя от правительственного и проч. и проч.»²²

Единственное возражение против статьи Т. Филиппова появилось в Праге в виде анонимной брошюры «Русское слово в пользу болгар по поводу ответа „Русскому вестнику“ (1860)». Автора этой брошюры, не упоминаемой в указателях заграничной печати²³, нам установить не удалось. То обстоятельство, что сведений о ней не сохранилось ни в славянофильском, ни в катковском кругу, свидетельствует, что редакции «Русской беседы» и «Русского вестника» не имели отношения к появлению брошюры. Автор ее, признавая право болгар на национальную иерархию, опровергал утверждение Филиппова о невозможности найти болгар для замещения высших церковных постов: «...вероятно, нашлись бы люди и между болгарями, способные занять епископские кафедры в своем отечестве. Есть между ними и такие, которые получили духовное образование в российских духовных академиях»²⁴.

Интересно в излагаемом вопросе то обстоятельство, что два журнала почти одновременно подняли болгарский вопрос, один в статье болгарина, другой — русского, и что смысл этих статей был один и тот же. Невольно возникает предположение, что такое

совпадение не было случайностью, тем более, что в 1858 г. в Болгарии не произошло в области церковных отношений какого-либо выдающегося события и, очевидно, побудительную причину к появлению данных статей следует искать не в болгарской, а в русской жизни. Мы думаем, что толчком для поднятия болгарского вопроса в печати можно считать образование Славянского комитета, где вопрос о положении болгар и церковные болгарские дела привлекали в это время много внимания. С комитетом были связаны обе редакции. Но попытка привлечь внимание общества к болгарской национальной борьбе наткнулась на противодействие правительства.

Почти два года болгарский вопрос не обсуждался на страницах русской печати. Однако события, разыгравшиеся в последующие годы, особенно разрыв болгар с греческой патриархией в апреле 1860 г., вновь привлек внимание печати к развитию борьбы. Инициатива шла от сына болгарина из Габрова, осевшего в России, видного одесского купца Н. Х. Палаузова — С. Н. Палаузова, начавшего печатать статьи в «Северной пчеле». В них он давал характеристику положения болгарской церкви, обличал фанариотов, опровергал статью Т. Филиппова и отмечал «Бестолковость казенных трудов, как, например, автора *Ответа Русскому вестнику по болгарским делам* (СПб., 1858), где не знаешь, чему удивляться, грубому ли невежеству в столь важном предмете, о котором автор с такою самонадеянностью выступил перед публикой, или же его тупому идиотизму»²⁵.

Но на пятой статье синод прекратил печатание. Обиженный автор сообщал об этом профессору В. И. Григоровичу: «Не знаю, известно ли Вам положение этого вопроса? Все болгары протестуют против власти местных митрополитов, отказываются повиноваться им и даже отказываются от патриарха. На все это наш св. синод, или, вернее, обер-прокурор, смотрит так узко, с таким лицепритием и пристрастием к греч[ескому] духовенству, что не знаешь, чему удивляться, его ли невежеству или упорству. Я взялся доказать причины фактически, и мои статьи подверглись интердикту... Знаете ли, что пишет об[ер]-прокурор в циркуляре своим в духовную цензуру: „Хоть болгаре и справедливы в своих требованиях иметь свое народное духовенство, не следует однако ж допускать статей, в которых они явно вооружаются против греч[еской] церкви“. После этого помолчим до поры до времени»²⁶.

Ограничение касалось определенной трактовки вопроса, а не его самого. Сам же вопрос о греко-болгарских отношениях привлекает все больше внимания и с этого времени не сходит со страниц печати. Его касается А. Гильфердинг в статье «Взгляд константинопольского грека на болгарские и критские дела». Автор говорит в ней о появившейся в Константинополе греческой брошюре «Голос справедливого», которая нападала на болгар как на варваров, а язык их считала смесью албанского, куцо-влахского и цыган-

ского. Гильфердинг указывает, что брошюра является соединением слепого невежества с враждой к возрождающемуся болгарскому народу. «Мы желали бы, — пишет Гильфердинг, — чтоб автор — имени и настоящего вероисповедания которого мы не знаем — снял личину и прямо объявил себя мусльманином; в таком случае мы не имели бы права негодовать против мнений, им выражаемых»²⁷. На греках лежит обязанность ответить на эту брошюру, так как иначе болгары сочтут ее голосом греческого народа, и между теми и другими усилится вражда. Вскоре тот же журнал поместил политический обзор, где турки характеризовались как враги болгар, а далее говорилось: «Но кроме турок у болгарских христиан есть еще другие враги, и странно для нас звучат эти слова: этими врагами их являются христианские православные пастыри»²⁸. Они смотрят на паству с точки зрения своих экономических интересов, этим объясняется и греко-болгарская борьба. «Константинопольский патриархат, может быть, не более турок расположен в пользу требований болгар; причина понятна: с национальной иерархией у болгар он теряет значительную долю своих доходов и греки-фанариоты лишаются возможности получать выгодные места»²⁹.

Постепенно печать приобретает все большую свободу говорить о болгаро-греческих отношениях. Какими мотивами руководствовался теперь синод, расширяя возможности обсуждения этой темы, нам неизвестно. Возможно, бессмысленность дальнейшей поддержки греков в условиях совершившегося разрыва.

К запретной ранее теме возвращается катковская печать. «Современная летопись», обсуждая появление турецкого фирмана о греко-болгарских делах³⁰, находила, что фирман не дает успокоительного ответа, так как не устанавливает пределы чисто болгарских епархий. Уступки, даваемые им, несущественны. Болгарскому вопросу предстоит преодолеть еще много препятствий. Хотя болгары считают, что им легче ужиться с турками, чем с греками, это не потому, что им хорошо под турецкой властью. Только исполнение фирмана могло бы облегчить положение народа. «Восточный вопрос мог бы подвигаться к своему решению правильным путем — путем самобытного развития разных областей турецкой империи»³¹. Через некоторое время журнал снова вернулся к рассмотрению фирмана. Указывая, что фирман дает доступ болгарам к высшим церковным должностям, а в то же время школы передает в ведение духовенства, он говорил, что в Болгарии «...школы вызваны национальным движением; это — центры болгарской народности, рассадники патриотизма, главные орудия в борьбе болгарской народности с угнетающей ее народностью греческою. И эти-то самые школы, предмет ненависти для греков, отдаются в руки духовной иерархии, которая почти вся еще состоит из греков»³². Насколько это опасно, видно из последних событий в Кукуше, где вновь созданная школа распалась в резуль-

тате ссылки учителя Миладинова. «Чем пугать греков унией и вместе с тем сеять раздор между своими, не лучше ли соединить все усилия для достижения цели ближайшим и притом безукоризненным путем. В Белграде уже выходит одна болгарская газета „Дунайский лебедь“. Белград, а не Константинополь должен сделаться центральным пунктом болгарского движения. Лишь тогда болгары будут приготовлены ко всякой случайности и будут в состоянии воспользоваться ею, а без благоприятной для них случайности дело не обойдется при теперешнем положении венгерского и турецкого вопросов». Катковский журнал от церковной борьбы переходил к советам о повстанческой борьбе. «Дунайский лебедь» был органом Г. С. Раковского, виднейшего болгарского деятеля партизанского движения, реорганизатора его и в то же время публициста, поэта. Указание на данное издание, особенно в сочетании с надеждой «на благоприятную случайность», не оставляет никаких сомнений в отношении катковского журнала. Это вполне соответствует стремлению катковского панславистского кружка к скорейшему распаду Турции в результате борьбы подвластных ей христиан. Но не следует думать, что указание на Раковского являлось в какой-то мере солидаризацией с ним и направлением его деятельности. «Дунайский лебедь» был назван только потому, что название этой газеты прекрасно передавало мысль, которую «Современная летопись» не хотела высказать прямо.

Не только общая печать, но и специальная церковная в это время заговорила о греко-болгарских делах. В «Трудах Киевской духовной академии» появились две статьи духовного писателя, профессора Киевской духовной академии В. Ф. Певницкого. В первой — «Священники в Болгарии» — автор обращал внимание на тяжелое положение низшего болгарского духовенства, его недостаточную образованность и намекал на влияние унией³³. Вторую статью — «Западный взгляд на болгарский вопрос» — он специально посвятил униатскому вопросу. Она была написана по поводу статьи Ленормана во французской газете «L'ami de la religion», где автор упрекал Россию за стремление получить в лице болгар «четыре миллиона рекрут» и этим объяснял русские связи с Болгарией. Для противодействия России Ленорман ратовал за распространение католичества и даже грекам советовал принять его. Певницкий отвергал упреки в захватнических стремлениях России. Он объяснял ее позицию сочувствием к родственному народу и сожалел, что «люди, проповедующие славянские симпатии, свое действие ограничивают кругом литературы и устными толками и не имеют никакого влияния на восточные дела. Люди с влиянием не разделяют этих славянских симпатий, по крайней мере не хотят жертвовать им своим чувством законности; их заботы сосредоточены на поддержании власти патриарха...»³⁴ Недостаток внимания к болгарам и их нуждам Певницкий считал причиной

поддержки, оказанной Константинопольской патриархии Россией. В официальном издании трудно было выразиться определеннее. Певницкий разделял сочувствие русской печати к болгарам и, хотя неявно, выступал против греческого духовенства.

Несколько отчетливее выражал свои мнения журнал «Христианское чтение». Давая очерки положения греко-болгарского вопроса, он связывал его с восточным вопросом вообще, подобно «Современной летописи» указывал на желательность связи болгар с сербами и призывал к невмешательству держав³⁵.

Вновь к греко-болгарской борьбе печать вернулась в 1866—1867 гг., когда борьба опять обострилась. Новый собор при патриархе в апреле 1866 г. отверг болгарские требования. В связи с этим Н. Попов в специальной статье «Распря между болгарами и греками» характеризовал ее так: «Церковная распря между болгарами и греками есть только один из видов той вековой борьбы, которую ведут панэллинисты против возрождения славян на Балканском полуострове». Иерархическое господство позволяет задерживать развитие болгар. «Принимать болгар и греков за две партии, действующие равно ошибочно, и ограничиваться равнодушными советами препирающимся, чтоб они избегали крайностей, значило бы воспротивиться против себя обе стороны, что и было причиной той перемены болгарских чувств к нам, которой не хочет верить *Русский инвалид*».

Брошюра Т. Филиппова против «Русского вестника» стала ненавистой болгарам и не возбудила благодарности греков. Н. Попов защищает передачу вопроса на решение турецкого правительства и предлагает не забывать, что оставить решение спора в руках патриархии — значит призвать в судьи ответчика. Болгары прислушиваются к голосу русского общественного мнения. «Само собой разумеется, что они не могут сомневаться в сочувствии к их справедливому делу со стороны русского общества, которое вместе с тем знает, что решением церковной распри их с греками далеко не исчерпывается собственно болгарский вопрос. Пытаясь освободиться от нравственного и умственного господства греков, болгары с еще более радостным чувством приветствовали бы свое освобождение от восточного управления, от мусульманских насилий, от материального гнета и разорения, которым подвергают их беспрестанно турецкие власти».

В конце статьи Н. Попов делал легкий выпад в сторону «Русского инвалида» по поводу его заявления о характере русской политики в этом вопросе. «И если *Русский инвалид* уверяет, что русская политика в описанном нами вопросе всегда была согласна с достоинством России, то мы не можем не порадоваться такому заявлению, будучи уверены, что достоинство политики измеряется силой ее национального характера, а на Балканском полуострове национальными интересами для нас могут быть только интересы славянские»³⁶.

В 1867 г. журнал в статье Р. Жинзифова разбирал брошюру Т. Бурмова «Братское объяснение болгарина к его братьям болгарам». Он приводил из нее отрывки, свидетельствовавшие о стравливании болгар и греков турками, о запугивании их Россией, и по этому поводу заявлял: «Разве дурно было бы для этих изнеможенных и униженных райев, если б они считались гражданами великой славянской империи. Но ведь они лишатся своего болгарского языка. Разве это опаснее для развития болгар, чем насильное навязывание им турецкого, греческого или какого-либо иного неславянского языка? Нынешний русский язык есть древнеболгарский, с незначительным изменением. Русский легче понимает древнеболгарский язык, нежели болгарин. Современный болгарский язык образуется при помощи русского, и болгарин, хорошо понимающий болгарский литературный язык, понимает и литературный язык русских. Можно ли сказать, что болгары потеряют свой язык, если они сблизят его с древним письменным и богатым языком?»³⁷

Трактовка греко-болгарского вопроса всегда сочеталась в катковской печати с основным интересом этого лагеря к решению восточного вопроса в духе панславизма. Для нее характерно понимание греко-болгарского конфликта как национально-политического, а не церковного. Позже в катковском лагере стали пробиваться и другие тенденции. В 1864 г. в «Московских ведомостях» появилась статья В. Неклюдова, где в связи с вопросом о румынских «посвященных монастырях» автор выступал в защиту фанариотов (об этой статье подробно сказано ниже). Это было выступление гораздо более грекофильское, чем официальные синодальные заявления. Правда, и в это время газета публиковала статьи, защищавшие болгарское дело. В качестве примера можно назвать большую статью Н. Попова «Болгарский вопрос», в которой автор критиковал представление о болгарских претензиях как неканонических. Отмечая плохое знакомство русских с болгарскими делами, Попов показывал, что призывы к умеренности, шедшие из России, казались болгарам продиктованными намерением сохранить господство греков над ними и приводили к охлаждению болгаро-русских отношений³⁸.

С первых своих номеров «День» Аксакова уделял большое внимание греко-болгарской борьбе. Газета излагала сообщение «Цареградского вестника» об отношениях болгар к униатам, цитировала призыв «Вестника» избивать «народных обольстителей» — униатское духовенство. Она заявила, что понимает раздражение болгар, хотя советовала найти иные средства помимо грубой силы³⁹. Вслед за тем появилась статья Жинзифова, представлявшая отклик на статью Аксакова, где последний писал, что славяне всюду, исключая Россию, угнетены немцами и турками. «Это сущая правда, — соглашался Жинзифов и спрашивал, — но что же скажете относительно греков? Ужели потому,

что они православные, не следует и называть их притеснителями, такими же, как немцы и турки?» Вопрос вынуждал редакцию к ответу, и она отвечала: «Без всякого сомнения, греки теперь для болгар хуже турок, но самую силу свою греки почерпают от турецкого ига. Не будь турок в Европе, греки не осмелились бы и не могли бы угнетать болгар духовно, лишать их народного богослужения, препятствовать просвещению болгарского народа и т. д.»⁴⁰. Этот ответ очень важен. В нем редакция солидаризируется с точкой зрения Даскалова — Жинзифова, с точкой зрения болгар, в свое время отвергнутой синодом.

Развивая свою мысль далее, Жинзифов переходит к вопросу о русско-болгарских отношениях, говорит о дружбе болгар с русскими и о недостаточном знакомстве русских с болгарами, которых они путают даже с греками. В этом большое затруднение для русско-болгарского сближения. «Легко ли нам это ваше русское невежество? Как вы думаете?» — заканчивает автор статью.

И на этот вопрос редакция оказалась вынужденной ответить. Она согласилась со справедливостью упрека, но объясняла, что славяне знают Россию, а русские их — нет, потому что славяне нуждаются в русских, а не наоборот. Но далее Аксаков говорит об обязанностях России в отношении «страждущих младших братьев», выясняет отношение разных общественных слоев, рассказывает о Славянском комитете. Заканчивает статью он указанием на задачу России — быть миротворцем между болгарами и греками.

Вскоре некто из болгар, укрывшийся за инициалами «К. С.», возбудил вопрос о созыве церковного собора. Болгары, писал он, не могут его созвать за отсутствием своей иерархии, греки не согласятся, так как болгарские требования справедливы, значит инициатива должна идти от России. Если болгары обратились к Турции, то только потому, что не знали о намерениях России. Редакционное замечание находило требование созыва собора справедливым, хотя и выражало сомнение, что соборное решение будет принято турками и греками. «Решение собора все же сохранит духовный авторитет соборного решения даже и тогда, когда бы в приведении его в исполнение и встретились какие-нибудь внешние случайные препятствия в турецкой или европейской политике»⁴¹.

Мысль о соборе была подхвачена другим автором, который говорил, что подобная практика уже была, но собиравшиеся соборы были греческими, а нужно созвать собор с обязательным участием болгар, а затем сербов, румын, восточных патриархов и особенно русских. «Только представителям русской церкви и возможно беспристрастно, без увлечения духом партии, и свободно — не стесняясь независимыми от церкви влияниями — обсудить положение дел болгарских и всей греческой церкви»⁴². Автор подчеркивал необходимость участия в соборе не только

духовенства, но и мирян, а русским предлагал роль примирителя.

В статье мельком была брошена фраза о недопустимом молчании по греко-болгарскому вопросу духовной русской литературы. Этот упрек вновь повторяется в заметке о заслугах болгар для русского просвещения⁴³.

В конце года в редакцию обратился болгарин — учащийся из Киева с сообщением о неуступчивости греков, ведущей к принятию унии (Тырновский округ). «Народ желает совершенно отдельного, независимого духовенства, а его угощают разными ничтожными уступками и смешанным синодом...»⁴⁴

Ряд статей и корреспонденций посвящен деятельности униатов и католиков; они отмечают активность иезуитов Гагарина и Мартынова, посылавших агентов на Восток и даже лично отправившихся туда⁴⁵.

Примирительные попытки привели в 1862 г. к образованию греко-болгарской смешанной комиссии, ведшей бесконечные дебаты о составе и структуре синода и пр. Письмо в редакцию из Константинополя (автор — болгарин; предположительно Бурмов или Каракановский) отмечает медленность хода дел. «Эллинизм на первом плане в глазах греческой патриархии, на втором плане материальные выгоды, а интересы веры и православия едва ли не на самом последнем плане. Вот источник упорств и жесточения»⁴⁶.

Болгарин Х. в специальной статье о создании в Греции комиссии по эллинизации Балканского полуострова говорит о натиске греков на болгарскую культуру и враждебных действиях против учителей и священников. «Мы не желаем, — заканчивалась статья, — ни малейшего успеха греческим замыслам, которые не ведут ни к чему доброму, разве только к тому, что они могут помешать успешному ходу образования и развития болгар и способны до огромного размера развить ненависть и международную вражду болгар и греков, уже давным давно отмеченную кровавым пером на страницах болгарской истории!..» Редакция, как и раньше, солидаризировалась с автором. «Этот враг опаснее турок... Несчастливая Болгария! Удивительная судьба славянских племен: постоянно „ненавидимые и гонимые в мире“... Но ни унывать, ни уступать не надо, а бороться и несокрушимо верить в неперемненное будущее торжество „ненавидимых и гонимых“ истины ради»⁴⁷.

Болгарин Т. Минков в статье «Константинопольский патриарх и лондонский парламент» вскрыл национально-освободительный смысл церковной борьбы. «Но кто же, спрашиваем, ставит нам этих бессовестных пастырей, — кто спокойно и хладнокровно смотрит, как нас мучат и утесняют, и не оказывает при этом ни малейшего облегчения? Мы обвиняем духовенство, потому что не можем прямо напасть на систему турецкого деспотизма». Епископы — рабы султана, добывающие места покупкой,

получающие инструкции о действии рука об руку с пашами. «Мы ненавидим поэтому епископов своих не за то одно, что они у нас гости чужие и вовсе непрошеные, но и за то, что они служат той несчастной системе,— и если мы еще терпим их у себя, то лишь очень хорошо зная, что епископы *не могут* быть другими, пока останутся без перемены системы их поставления и правила их действий»⁴⁸.

В течение всего времени своего существования «День» непрерывно и систематически вел одну и ту же линию защиты и отстаивания болгарских требований. Выше мы отмечали национальность авторов, писавших по болгарскому вопросу. Легко видеть, что за одним-двумя исключениями все основные авторы — болгары. «День», таким образом, стал органом выражения болгарских интересов в церковном вопросе. То, что он защищал действительно болгарские позиции, легко показать. Все напечатанные в нем статьи говорили о справедливости болгарских притязаний на самостоятельную иерархию, указывали на притеснения греков, отмечали службу греческих архиереев туркам, их корыстность и симонию, утверждали, что фанариот хуже турка, с чем соглашалась редакция. По сравнению со статьей Даскалова статьи «Дня» отличались большей умеренностью тона, но по существу вопроса содержание их тождественно. В то же время статьи славянофильского журнала были чрезвычайно близки голосу зарубежных болгар по тем же вопросам.

Болгарская литература установила, что с начала церковной борьбы сложились две партии: «архиерейско-грекоманская», она же хорбаджийская, и «народная»⁴⁹. Народная партия, действовавшая во имя церковной независимости, включала в свой состав людей разных политических направлений — и более радикальных и более умеренных; церковной борьбе сочувствовали и содействовали все: от Раковского и Миладиновых до Бурмова и Балабанова. Журналы и газеты работали в пользу создания самостоятельной болгарской церкви. То, что они писали, было очень близко к известным нам заявлениям «Дня». В статье «Болгары и высшее греческое духовенство», исходившей от константинопольских болгар и напечатанной в константинопольском журнале «Български книжици», читаем ряд обвинений против греческого духовенства: «Они явно превратили святое епископское звание и высокое пастырское служение в феодальный институт (на спагилик и тимар) и вместо примера просвещения (светлина и соль) стали камнем преткновения (сбълазнителен камък)...» Они покупают епископство за деньги и также продают священническое звание. Видя в своем служении лишь источник доходов, они нисколько не заботятся о пастве. Они не учат народ, так как сами не образованы и не знают болгарского языка⁵⁰. Авторы ряда статей упрекают фанариотов в том, что они используют христову веру как средство для удовлетворения самых низких страстей⁵¹,

называют фанариотство заразой, развратом, злодеянием, рожденным древним языческим миром, и т. д.⁵²

В том же духе выступал по церковному вопросу Раковский в своем «Дунайском лебедь». В ряде номеров он печатал статью о независимом болгарском духовенстве и народной церкви в Константинополе. Были напечатаны и другие статьи, говорившие о злоупотреблениях греческой иерархии и правах болгар⁵³.

Разница между тем, что писали болгарские журналы на Балканах, и тем, что писали болгары в «Дне» заключалась в том, что связанные русской цензурой и указаниями редакции, помнившей историю Даскалова, болгары облекали свои выпады против высшего духовенства в более умеренные формы. В русском журнале болгары, окончательно связавшие свою судьбу с Россией или скомпрометированные перед турецкими властями настолько, что должны были оставить мысль о возвращении на родину, не боялись прямо говорить о связи церковной борьбы с общенациональной борьбой за политическое освобождение и независимость. Они не только в положительной и спокойной форме излагали свои взгляды, но вступали в полемику с русскими грекофилами, как это делали их сородичи за границей в отношении болгарских грекоманов. Так, болгарин, подписавший свои статьи буквой Х., выступил (как всегда в согласии с редакцией) против статьи Неклюдова в «Московских ведомостях». Он упрекал сотрудника катковской газеты, что тот смотрит на болгарский церковный вопрос глазами фанариота, «... мы же, скажем прямо, смотрим на это дело глазами болгарина, уже вдоволь настрадавшегося от гнета фанариотского ига — сверх ига турецкого»⁵⁴. Защищая греков, Неклюдов утверждал, что патриархия печатает славянские книги. Х. возражал на это, замечая, что бывал во многих местах Болгарии, видел русские книги, а печатавшихся в Константинополе — нигде.

Одно из требований Неклюдова, заключавшееся в том, чтобы русские издания не печатали статей против фанариотов, вызвало резкую отповедь редактора: «Кроме *Московских ведомостей*, может быть *Вести* и некоторых официальных, конечно, ни одно периодическое издание не закроет столбцов для защиты прав болгарской народности против фанариотов, разве только фанариоты, друзья г. Неклюдова, примут особенные меры?» «Видно много воды утекло с той поры (имеются в виду статьи в «Русском вестнике» 1858 г. — С. Н.), и та же самая редакция, едва ли не первая, обличившая козни фанариотов, нынче принимает их под свою защиту! Но то были грехи молодости. К тому же *honores mutant mores!*»

«День» рассматривал греко-болгарский вопрос как составной элемент национально-освободительной борьбы, как важнейшее условие освобождения болгар. Объединив по этому вопросу болгар, находившихся в России, главным образом в Москве, редак-

ция «Дня» сделала свою газету органом защиты болгарского дела в России, и это было единственное русское издание, последовательно и непрерывно освещавшее все перипетии борьбы. «День», с одной стороны, сумел в этом вопросе стать центром объединения славян, в данном случае болгар, и тем осуществить свою основную задачу, с другой — оказался проводником болгарских идей в русском обществе и содействовал привлечению внимания к болгарским делам.

Надо сказать, что остальная русская печать мало интересовалась церковным вопросом в Болгарии. Если во внешнеполитических обзорах журналов он упоминался, то лишь в порядке чисто фактической справки. Тем интереснее роль, сыгранная «Днем». Газеты в самый острый период борьбы 1858—1860 гг. не имели возможности говорить об этом вопросе по цензурным причинам. Позже упоминания о греко-болгарской распри эпизодически встречаются, но не вырастают во что-либо похожее на кампанию проболгарской пропаганды, которую вел «День». Иногда греко-болгарский вопрос затрагивался в передовых статьях. Так, в «Голосе» в 1865 г. появилась статья о положении болгар. Она трактует его с позиции нерешительного панславизма, который характерен для «Голоса» этой поры. Поэтому и в данной статье речь идет о призвании России, осуществлению которого противодействовали державы. Описательная часть, касающаяся положения болгар, рассказывает о зависимости их от фанариотов, денежных поборках греческого духовенства, содействии турок последнему и т. п.⁵⁵ Другая статья говорит о тяжелом положении болгар, находящихся под двойным гнетом. Довольно ярко представлена деятельность фанариотов и одного из худших среди них — экзарха Тырновского Иллариона, прославившегося истреблением болгарских рукописей, «чтобы реакционерам не на что было опереться». Статья эта интересна тем, что написана на основе статьи Даскалова, в которой было рассказано о сожжении Илларионом болгарских рукописей. Об этом говорит и одна терминологическая особенность. Для авторов конца 50-х годов (Даскалов, Рачинский) характерно употребление термина «реакция» в значении «возрождение», т. е. реакция на греко-турецкие утеснения. Затем это словоупотребление исчезает, и в 1865 г., когда появилась статья «Голоса», это был уже анахронизм. Тем явственнее он показывает нам источник вдохновения автора и говорит об определенном воздействии славянофильской печати на общество.

Статья «Голоса» отмечает, что католики содействуют национальному возрождению болгар, и, указывая, что болгары возлагают надежды на Россию, ставит вопрос: поддерживать ли болгар? «Нам кажется, — отвечает автор, — что в нашем сочувствии к болгарам не может быть ничего для них вредного. Хотя мечтательность сама по себе и непрактична, однако она может поддер-

жать в народе силу духа и нравственную упругость до той поры, когда мечтам, может быть, и удастся стать на твердую почву. Мало ли что может случиться с Турцией и кто знает, какую роль русский народ, устроив свои домашние дела, должен будет играть на юго-востоке Европы?»

Характерна в этом частном вопросе, как и в общей оценке перспектив восточной проблемы и роли в ней России, близость «Голоса» к позиции изданий Каткова и отличие от «Дня». «Голос» решает болгарский вопрос как вопрос русской политики, а не как задачу национального возрождения Болгарии. Сам по себе болгарский вопрос для Краевского не существует.

Либеральные «Русские ведомости», правда, по частному вопросу (о католической пропаганде в Болгарии) заговорили в тонах, недалеких от «Московских ведомостей» и совсем близких к «Голосу»⁵⁶. И они интересовались болгарскими церковными делами в плане возможности осуществления русских внешнеполитических целей.

Другой крупный вопрос, занимавший в то время русскую, а также и болгарскую печать,— это вопрос о болгарских колониях в России и переселении сюда болгар. После Крымской войны в результате усилившихся турецких преследований поднялась волна переселенцев-болгар в Россию. Отец Христо Ботева Ботю Петков писал 11 марта 1861 г. Н. Герову, чтобы тот выдал билеты переселенцам. «Через некоторое время увидите, что и я буду у Вас просить билет в Россию — так мне уже опостылел свет»⁵⁷. Эмиграционное движение усиливали притеснения черкесов и татар, переселившихся из России в Болгарию.

«Многие сотни, а может быть и тысячи, ныне вытесняемые ногайцами и крымскими татарами, собираются перейти через нашу границу, и их будут селить в южной России — отчасти и в Крыму,— писала гр. Блудова М. П. Погодину в 1860 г.— Правительство много желает способствовать к сему, и меры принимаются хорошие, но вы знаете, как недостаточны казенные суммы в этих случаях. Добровольные приношения в пользу переселенцев, а может быть и покупки для них земель, чтобы побольше этого родственного элемента перевезти в Крым вместо татар и немцев,— будет тоже христианам помощь, и такая... (слово не разобрано.— С. Н.) уже прямо будет в пользу России, ибо болгаре и сербы в скором времени обрусуют»⁵⁸.

Однако идея переселения не встречала сочувствия среди болгар, равно как и многих русских. В частности, русские консулы Шишкин и Хитрово в своих письмах Герову ясно показали отрицательное отношение к этому⁵⁹, а они были знакомы с положением дела.

Искренний славянофил, по складу своему человек прямой, А. В. Рачинский, наблюдавший переселение в Бессарабии, писал Погодину: «...если взять во внимание притеснения, бывшие пере-

селенцам в колониях и вопиющую несправедливость к волонтерам при отправлении их на родину..., мудроно ожидать большого сочувствия к России от жителей Бабадагского и Силистрийского (округов)...»⁶⁰

Притеснения, чинимые царским правительством болгарским переселенцам, вызывали протест со стороны болгарских эмигрантов в Дунайских княжествах. Так, известный бухарестский богач Христо Георгиев не раз писал о том Герову, называл «этот поступок со стороны России в отношении нашего бедного народа убийством...»⁶¹. Но, как показал М. Димитров, Георгиев и другие деятели бухарестского комитета «старых» не отличались последовательностью. Например, они конфисковали брошюру Раковского, когда тот выступил против русской политики.

Раковский в своей газете «Дунайский лебедь» опубликовал ряд статей, где говорил о трудном положении переселенцев, притеснениях румын и стремлении последних румынизировать болгар⁶². Он обратился к русскому консулу в Видине, прося разъяснений относительно переселения болгар, но не получил их. В 1861 г. Раковский совершил поездку в Россию, агитировал переселенцев против переселения, а потом подал специальный доклад Горчакову⁶³, который остался без последствий. Тогда он выпустил брошюру «Переселение в Россию или убийственная для болгар русская политика», где подвергал меры русского правительства резкой критике⁶⁴.

В русской печати вопрос о переселении впервые затронул «Русский вестник», выразив в статье Щербаня взгляд, близкий к официальному пониманию вопроса⁶⁵.

Статьи «Русского вестника» нашли отклик в «Отечественных записках». Они поместили воспоминания офицера генерального штаба о подобном же переселении после русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Статья заканчивалась перечнем земель в Крыму, обследованных в свое время автором, и описанием природных условий Крыма. Самым существенным в ней является указание на бюрократическое отношение к переселенцам русских властей. Когда Дибич распорядился отправить в Россию желающих, набралось 80 тыс. семейств, которым пришлось иметь дело с гр. Воронцовым и его администрацией, которые «...ледяным приемом и бюрократическими формами совершенно оттолкнули непривыкших к тому иностранцев». «Одна треть болгар, если не половина 80-тысячного скрипучего и бляющего обоза, вернула назад на тощих клячах и ослах, не перешагнув даже границы...»⁶⁶ Остальные нашли временное пристанище заботами Инзова. Однако холода 1830/31 г. и неустройство побудили вернуться обратно еще часть болгар. Автор явно предупреждал о тяжелых последствиях для болгар от переселения и отнюдь не солидаризировался с затеянным правительством мероприятием.

Революционные демократы и либералы сошлись в отрицательной оценке начатого правительством и поддержанного катковским лагерем переселения⁶⁷. Иную позицию занял «День». Небольшая заметка Жинзифова сообщала о выходе брошюры Раковского, которую считала написанной под «чужим» влиянием, и осуждала ее как могущую посеять недружелюбие между болгарами и русскими. «Славяне только при обоюдном их сочувствии, при содействии старших и могущественных своих братьев русских могут достигнуть свободы и самобытного развития и преуспения»⁶⁸.

Вскоре «День» вернулся к этой теме, напечатав статью очевидца переселения. Он говорил о переселении болгар из районов Бессарабии, отошедших к Молдавии. Здесь молдавское правительство сначала сохранило льготы, данные болгарам Россией, но через три года их нарушило и стало брать болгар в солдаты. Тогда среди болгар проявилась тяга к выселению в Россию. Для переселения были отведены земли близ Мелитополя и Бердянска, но молдавское правительство, чтобы удержать выселяющихся, стало конфисковывать у них недвижимое имущество, требовать вперед за три года подати и т. д. Переселение имело благоприятные последствия для задунайских болгар, так как турки, видя уход болгар из Молдавии, стали мягче относиться к ним. Само переселение совершалось без всякого нажима со стороны русского правительства⁶⁹. В следующем году «День» напечатал заметку «очевидца» о выселении болгар из Крыма в Турцию, где говорил о тяжелых условиях возвращения болгар назад в Турцию и трудных условиях жизни там⁷⁰.

В данном вопросе «День» пошел вместе с «Русским вестником» и даже дальше его. В своей защите правительственной меры опубликованием последней заметки он перешел грань разумного усердия и высказал то, что хотел бы скрыть. Он подтвердил, что переселение было организовано плохо, что для переселенцев не были подобраны места, равноценные тем, какие они покидали. И если бы все было так хорошо, как это изображалось раньше, то не пришлось бы помещать сообщение о тяжести обратного пути в Турцию и ужасах жизни там. Став в данном вопросе на правительственную точку зрения, «День» не сумел ее защитить, а свою репутацию испортил и вызвал протест болгар. Л. Каравелов напечатал статью, посвященную положению болгар в Крыму, где резко отзывался о «Дне»⁷¹. Так, вместо того чтобы опровергнуть упреки Раковского и примирить болгар с фактом переселения, Аксаков способствовал усилению их раздражения.

При значительном внимании к церковным и политическим делам русская печать обнаруживала полное забвение экономических тем. Только раз, в беллетристическом очерке М. А. Хитрово о прилепской ярмарке, встретилось указание на проникновение русских изделий в Турцию. Автор увидел в руках местных тор-

говцев тульские кувшины для умывания, кастрюли, подсвечники. «Но зачем же все это перепродается через двадцать рук и не было бы выгоднее нашим торговцам прямо производить эту торговлю?»⁷² И в другом месте, говоря о ярмарке, он замечал: «Глядя на эту разноплеменную толпу торговцев, съехавшихся со всего света, грустно мне было не встретить здесь ни одного русского купца, не найти ни одной русской лавки, тогда как нашим купцам было бы так легко торговать здесь благодаря сходству языков и единству веры с большинством здешнего народонаселения»⁷³. Причина этого коренилась в отсутствии сколько-нибудь значительных экономических связей России с Балканскими странами.

11 декабря 1858 г. Свято-Андреевская скупщина низложила князя Александра Карагеоргиевича и возвратила на престол Милоша Обреновича. Она выработала новый закон о правах и функциях скупщины. Проект, составленный скупщиной, предусматривал ежегодный созыв ее по норме — один депутат от каждых 500 человек; без согласия скупщины не могло происходить изменение основных законов, она могла изменить любой закон, изданный между сессиями, она утверждала государственный бюджет⁷⁴. Правда, проект этот осуществлен не был, но деятельность Свято-Андреевской скупщины вызвала надежды у русских славянофилов на то, что «Сербия вступила на путь самостоятельного развития», что кончилась пора бюрократии, начинается время расцвета «мирного, свободного скупщинского элемента»⁷⁵, действующего в согласии с «последним юнаком Сербии» — Милошем. Момент представлялся настолько важным, что славянофилы считали нужным оказать свое слово и подать совет сербам.

Это осуществилось в виде коллективного обращения славянофилов к сербам. «Сербов вчера кончил, — извещал А. С. Хомяков И. С. Аксакова, — надеюсь, что вы все будете довольны и подпишете охотно. За одного подписчика даже ручаюсь — за Константина Серг[еевича]. Впрочем, и за всех почти ручаюсь: думаю, что согласитесь все, но буду просить строгого суда. Дело общее и серьезное»⁷⁶. Чтение послания происходило у Хомякова, где помимо славянофилов был Погодин, который что-то оспаривал, с чем-то не соглашался и «до ночи то подписывал, то нет»⁷⁷. Готовый текст был послан Гильфердингу для перевода, в чем ему помогал молодой серб Янкович (бывший секретарь народной скупщины), ставший и первым критиком его. По крайней мере Гильфердинг сообщал Хомякову: «Янкович хочет представить вам несколько замечаний касательно письма; вообще оно ему, по-видимому, весьма понравилось, но он желал бы, чтобы Вы там кое-что прибавили или убавили, для лучшего действия письма в Сербии»⁷⁸. Были ли сделаны эти изменения, в чем состояли несогласия Янковича, — нам неизвестно.

Послание печаталось в Лейпциге на русском и сербском языках; было решено не выпускать его в России раньше, чем оно не появится в Сербии, «иначе оно получит характер литературный, а не серьезно-общительный»⁷⁹. Наблюдая за печатанием, И. С. Аксаков извещал из-за границы Блудову о близком появлении этого документа и характеризовал его так: «*Политического тут ничего нет. Цель послания передать заблаговременно сербам нашу горькую опытность, чтобы они не впали в наши ошибки, — оно не назначается собственно для продажи, но назначается для чтения сербам, которым и будет доставлено с честною явностью... Оно имеет характер совершенно духовного послания*»⁸⁰.

«Послание к сербам» указывало на величайшую опасность для человека и народа от гордости, которая может быть трех видов: духовная, умственная и гордость внешних успехов, — но во всех видах может вести к полному падению человека или гибели народа. Образцом духовной гордости являются греки, готовые поработать другие народы. Умственная гордость захватила западные народы. Гордость вещественной силы появилась в России и повела к наказанию: Россия не смогла освободить восточных братьев в Крымскую войну — «нечистым рукам не предоставил бог совершить такое чистое дело»⁸¹. Но неудача образумила Россию. Указывая на опасность гордости, «Послание» призывало сербов дорожить православием как самым главным благом и высшим общественным началом. Так как понятия о гражданском быте соответствуют религиозным понятиям, то только православные имеют правильное понимание гражданских отношений, покоряя свою свободу решению соборной совести. А отсюда следует, что иноверец не должен быть ни судьей, ни законодателем, ни правителем, более того, «не должен быть полноправным гражданином». Приводя примеры заблуждений и извращений в России в отношении заимствований с Запада, «Послание» взывало: «Учитесь у западных народов,... но не подражайте им»⁸². Не нужно давать иноземные названия отношениям, явлениям жизни, учреждениям, так как это поведет к изменению самих отношений. Не нужно перенимать иноземный костюм, так как чужая одежда заставляет презирать свою.

Следует сохранять простоту нравов как залог общественного здоровья и презирать роскошь. Почти в духе Прудона Хомяков писал: «Роскошь частного человека есть всегда похищение и ущерб для общества» — и поучал: богатый должен из излишков помогать бедным, чтобы не было в стране нужды и лишений. Нужно поддерживать чистоту нравов и быть строгими в суде общественного мнения, но милосердными в суде законном. «Устройте уголовные законы так, чтобы у вас не было палача. Именем этого ремесла бесчестятся закон и общество...»⁸³ В суде должна господствовать совесть. Лучшая форма судебного решения — третейский суд, над ним должен стоять общинный, а споры меж-

ду членами разных общин следует решать посторонним лицам. Общественные дела надо решать единогласным приговором общинного схода и больше всего заботиться о правде. Следует повиноваться власти, но охранять свободу слова и печати. В заключительной части этого нравоучения сербскому народу говорилось о необходимости уважения к духовенству, заботы об образовании и поощрении науки.

«Остальное, что справедливо и вам полезно, скажет вам собственный ваш ум; мы же сочли своим долгом сказать вам то, что узнали из опыта, и предостеречь вас от ошибок, в которые легко может впасть народ, входя в неизведанную им область умственных сношений с другими европейскими народами»⁸⁴.

Какой же отклик получило «Послание»? К моменту его выхода из печати И. С. Аксаков был в Белграде, имел возможность познакомиться с настроениями сербов. Он предвидел полную неудачу замысла. «Я в большом затруднении относительно известной вам рукописи, писанной Хомяковым, — сообщал он родным в Москву 20 июля 1860 г., — ...настоящая минута такова, что слово наше канет в воду не будучи замеченным. Мы воображали себе, что после последней скупщины Сербия вступила на путь самостоятельного развития, а потому и нуждается в совете. Увы, вышло не так. *Мирный*, свободный скупщинский элемент, по невежественности русской дипломатии или ее агентов, признан за элемент революционный и потому подвергся гонению и стеснению, а этим самым дано место интригам и тайным ковам! Люди скупщины, люди народной партии, люди, европейски образованные, но в то же время горячо сочувствующие России, Москве, Русской беседе и проч., удалены от правления, и дано место «швабам». Скупщина изъявила одно решительное желание: свободу слова... А теперь установлена цензура. Разумеется, всякое стеснение народного славянского элемента, стеснение свободы слова и проч. входит в виды австрийской и французской политики; но наша политика есть единственная, которая не в противоречии с свободой народности сербской, с народными требованиями и стремлениями»⁸⁵. Опасения И. С. Аксакова оправдались. Консул в Белграде А. Г. Влангали 2(14) марта 1861 г. сообщил, что послал ему письмо в связи со смертью К. Аксакова, где писал уже относительно «Послания»: «Я не боялся в нем выразить мои мысли относительно изданной Вами брошюры и, узнав, что Вы готовите новое издание, не лишним считаю Вам сообщить, что появление ее не произвело того полезного действия, какое Вы ожидали»⁸⁶. Он рассказывал далее, что профессор лицея Даничич раскритиковал «Послание» на лекциях: «В критике своей он нападает на то, что Вы не так толкуете православие. Проповедуете братскую любовь и вместе с тем советуете изгонять всех единородцев, принадлежащих другой религии и, пожалуй, не родившихся в Сербии. Относительно религии я сам нахожу, что выражен-

ное Вами мнение в настоящее время слишком резко». М. Ф. Раевский в письме к И. С. Аксакову сообщал, что послание принято сербами и хорватами «не так, как мы ожидали»⁸⁷.

Выразительнее приведенных сообщений письмо серба Нишича из Белграда, написанное под свежим впечатлением — 2 декабря 1860 г. Говоря об уважении к братским побуждениям, вызвавшим появление этого документа, он указывает, что под хорошей внешностью скрыты политическая и религиозная нетерпимость. Автор отмечает бестактность «Послания», затронувшего самые нежные чувства князя Михаила, жена которого венгерка и католичка; в Сербии до миллиона католиков, все хорваты и краинцы исключаются из политической и славянской близости. Результатом будет только ослабление народной партии. «Авторы этой брошюры (книжице) совсем не знают сербов и не поняли их практической мудрости и необходимости, какая заставляет их быть терпимыми в величайшей мере. Г. Влангали был сам в состоянии оценить как здесь принято «Послание». Предупредите, если это возможно, чтобы оно не дошло до Хорватии и Славонии, потому что там произведет великое огорчение, которое может отразиться и на нас в княжестве»⁸⁸. В заключение автор советует: если московские сочинители не могут помочь, то не портили бы отношений в такой серьезный момент.

Насколько «Послание» задело и раздражило сербов, видно из того, что белградский профессор П. Сречкович, учившийся в свое время в России, близкий к русским славянофильским кругам, позже, в 1869 г., писал И. С. Аксакову, что если они все еще стоят на позиции «Послания к сербам», то идут по неверному пути, и рекомендовал изменить их мнение⁸⁹.

Полный провал славянофильской нравоучительной затеи был несомненным. Он вызвал протесты и возражения не только со стороны сербов, но и русских. В «Современнике» появилась статья Чернышевского «Самозванные старейшины». В ней он упрекал славянофилов в бестактности. «Говорить дикие пошлости в своем домашнем русском кругу, — это бы еще ничего: русские знают, что думать о г. Погодине и его товарищах; но что, если сербы, услышав от них такую фразу, почтут их за представителей русского образа мыслей? Ведь мы станем в глазах сербов страннее китайцев»⁹⁰.

Чернышевский спрашивал, прилично ли обращаться с нравоучениями к народам, возмущался предложением лишать иноверцев гражданских прав. «Рассуждениями о вреде пороков и достоинствах добродетелей, о хороших свойствах правды и о дурных качествах дьявола, отца лжи, наполнять политический памфлет могут только люди, до крайности скудные разумением обстоятельств и потребностей исторической жизни, да и всяким разумением чего бы то ни было. Для того, чтобы написать или подписать такую хрию, нужно стоять на той степени политиче-

ского образования, на какой стояли Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной и Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Приятно видеть, что и в таких людях существует склонность покалякать об общественных делах.

Но пусть бы они калякали между собою, в своем уголке, а не совались в наставники другим народам. Какое право имеют они срамить нас перед нашими славянскими братьями, выдавая себя перед ними за представителей русского народа?»⁹¹

Статья Чернышевского задела славянофилов за живое. 20 апреля 1862 г. Аксаков писал Погодину: «В последнем № Современника] есть разбор послания к сербам... Ругательство страшное, и русским читателям действительно многое должно показаться смешным и странным, потому что они не знают славян. Тут осмеемо наше притязание писать послания, учительствовать и проч. Между тем это послание на сербском языке имело огромный успех в Сербии»⁹².

Последние слова были ложью, сказанной, очевидно, от раздражения и досады. Данные, приведенные выше, не оставляют в этом сомнений. Интересно, что сербы отозвались на «Послание» и в русской печати. «Голос из Сербии» Ракича с удовлетворением отмечал, что сербы, прочтя в «Современнике» разбор «Послания», обрадовались, что дан соответствующий ответ на лицемерную заботу⁹³. Последний отголосок обмена мнениями о «Послании» встречаем в 1865 г. в ответе Пыпина на рецензию О. Миллера: «Не отвратительно ли читать уверения „к сербам из Москвы“ от защитников „народных начал“, где сербам по-прежнему рекомендуются те предрассудки, от которых старался избавиться их Обладович, где недостатки и печальные заблуждения прошедшего выставляются за священную добродетель...»⁹⁴

Если сравнить существо содержания «Послания» и заметку «Русского вестника», считавшего, что сербы возлагают свои надежды преимущественно на ту державу, к которой издавна питают религиозные и племенные сочувствия⁹⁵, легко заметить, что до существу интерес славянофилов и катковского журнала определялся одинаковыми побуждениями. Речь шла о чисто политическом интересе, особенно важном вскоре после Парижского мира, о возможности известного реванша России в виде увеличения своего политического престижа и укрепления связей на Балканах. Но журнал Каткова рассуждал об этом как о политическом вопросе. Славянофилы решили укрепить сербов в верности славянским «началам». Результат получился обратный. Абстрактно-мистическая фразеология, «хвастовство старшинством» (как характеризовал Чернышевский), чуждые и малопонятные для сербов, не знавших славянофильско-западнической борьбы «начал», рассуждения оказались чуждыми для сербов, а главное — все это шло совершенно вне плана развития сербской жизни и без связи с реальными интересами и стремлениями

сербов. Интересно, что, будучи в Белграде, Аксаков понял, насколько не нужны и чужды сербам мысли «Послания». Переговоры с Баном и другими показали ему подлинные интересы сербов. Тем не менее Аксаков убеждал Погодина в великом успехе «Послания». А Е. П. Ковалевскому, прося о разрешении на открытие «Дня», писал: «Вот и теперь, например, минута в Сербии очень важная. Князю Михаилу ужасно хочется дать Сербии какой-нибудь устав или конституцию. Для сочинения ее он вызывал в Белград многих юристов и докторов прав из славян австрийских. Я видел некоторых и убедился, что если им дать волю, то в Сербии произойдет нравственный разрыв между властью и народом и самой народности, началом славянским грозит важная опасность. Потребность законности и готовность самоотречения очень похвальны в князе Михаиле, но, к сожалению, тут применяется суетное желание поскорее попасть в государи *comme il faut* и Серию сделать страню, государством *comme il faut*, т. е. обзавестись аристократией, бюрократией, судейскими и полицейскими порядками и всякими модными болезнями, приличным людям и странам пожившим и знатным»⁹⁶.

Как показывает это письмо, урока из истории с «Посланием» Аксаков не извлек.

Насколько реальнее в данном вопросе оценивал положение круг Каткова, видно из направления дальнейших статей «Русского вестника». Он поместил письмо «Из Белграда» Миличевича, где было много похвал князю Милошу и где самое существенное было сформулировано в словах: «Мысль о совершенной независимости Сербии не изгладилась из его головы»⁹⁷. В ту пору, когда Аксаков задумывался о новом нравоучении сербам, «Современная летопись» интересовалась спором Сербии и Турции по вопросу об инвеституре и желании Турции вмешаться в сербские дела. «Последние слова сербского официального журнала заставляют предполагать, что есть серьезные опасения за спокойствие внутри Сербии; и что стране необходимо отделаться от постоянного гнета своих неопределенных отношений к Турции. Пока Порты будет вмешиваться во внутренние дела Сербии, она останется верна своей политике *divide et impera* и будет парализовать развитие сербского народа»⁹⁸.

Сочувствие журнала Каткова было всецело на стороне Сербии. И это определялось надеждой, что «сербы успеют так же, как успели Молдавия и Валахия, и что мало-помалу утвердится фактическая независимость разноплеменных частей, которые все еще носят название турецких провинций»⁹⁹. А это было бы шагом к осуществлению плана превращения Турции в номинальное государство, который лелеяла группа Каткова. Когда в Белграде открылась скупщина, она выразила князю Михаилу свое доверие. Проект всеобщего вооружения посредством учреждения народного ополчения встречался сочувствием. Ожидали, что князь

Михаил перейдет к активной военной политике. Он действовал осторожно, не участвуя в делах своих соседей — босняков и герцеговинцев. «Дружное действие этих племен может иметь самые полезные последствия для славянского дела в Турции. Этой части турецкой империи всего легче добыть себе самостоятельность. Сербия на одном фланге, Черная гора на другом, а в центре храброе и почти сплошное славянское население — все это такие условия успеха, которыми рано или поздно славяне могут воспользоваться. Здесь должно начаться освобождение турецких славян, и потому-то мы высказали мнение, что болгарам надобно держаться сербов... Сербы, конечно, понимают, какую важность имеет для них страна, лежащая между Дунаем и Балканскими горами. Они не могут смотреть равнодушно на болгар. Но, с другой стороны, и болгары ничего не в состоянии сделать без сербов»¹⁰⁰. Так журнал поддерживал и поощрял те планы, какие в это время зрели у сербов и их вождей — князя Михаила и Гарашанина¹⁰¹. Он признавал особую роль, которую суждено сыграть сербам: «Сербии предстоит играть в этом движении такую же роль, какую создал для себя Пьемонт в движении итальянском, с тем различием, что Пьемонт имел против себя одну Австрию, а в тылу у него была сильная союзница Франция, тогда как Сербия находится между двумя врагами, Австрией и Турцией, а союзницы ее далеки. Вот почему ей следует быть гораздо осторожнее. Пьемонт мог потерять наварское сражение и остаться Пьемонтом, Сербия не перенесет подобного разгрома. Она может принять участие в борьбе лишь тогда, когда большая часть шансов будет на ее стороне»¹⁰².

Военная подготовка, о которой говорят цитированные выше статьи, привлекла к себе внимание Турции, обострила отношения ее с Сербией и в конечном счете повлекла за собой бомбардировку Белграда. Цитируя по этому поводу газету «Ost und West», считавшую, что Сербия не может удовлетвориться частными уступками, и полагавшую, что факт бомбардировки есть нарушение Парижского трактата, «Современная летопись» говорила: «...Никак нельзя отрицать, что происшедшее экспромтом бомбардирование Белграда не должно остаться без последствий... Пусть турки, живущие теперь в Сербии, продолжают жить там, но пусть они будут подчинены общему сербскому закону»¹⁰³.

Пугая правительство призраком революции, взрывом народного движения на Балканах, «Летопись» старалась показать, что есть другие, мирные пути решения восточного вопроса. «Неужели эти страны должны ждать себе спасения от Кошута, а не от законных властей Европы?.. Дипломатия ничего не выиграет, а, напротив, много потеряет, если выпустит из своих рук восточный вопрос. Она не устранил потребностей христианского населения северной Турции и не подавит движения, происходящего теперь между славянами, живущими по бассейну нижнего Дуная».

Мощный взрыв народного восстания, которым пугал Катков, не произошел. Решение вопроса о бомбардировке и сербских требованиях перешло к дипломатам. В Константинополе была созвана конференция, о результатах которой «Современная летопись» писала еще до ее закрытия: «Конференции, которые идут теперь в Константинополе, не произведут существенной перемены в положении христианских народонаселений. Кажется, и нельзя и ожидать таких перемен, пока Турция считается необходимым элементом европейского равновесия»¹⁰⁴. Окончание константинопольской конференции вызвало такую реплику: «Что же касается до турецких славян, то дело их опять проиграно; но надобно ожидать, что турецкий вопрос тем не менее вступит теперь в новую фазу. В этом должны сознаться и наиболее заинтересованные защитники Турции»¹⁰⁵.

Колебания между ориентацией на восстание и дипломатию, в конечном счете предпочтение дипломатического разрешения вопроса, вновь запугивание восстанием — такова тактика катковского лагеря.

Чрезвычайно характерно, что в начале сербо-турецкого конфликта «День» не проронил ни слова. Он усиленно занимался черногорскими, герцеговинскими делами, о чем будет сказано ниже, интересовался теми областями Балкан и теми народами, которые или вели борьбу с Турцией, или стояли на грани выступления. Над Аксаковым как будто тяготели мрачные воспоминания, связанные с провалом славянофильских надежд на Сербию и неудачей «Послания». Только один раз «День» попрекнул сербов в недостатке внимания к боснякам, герцеговинцам, болгарам¹⁰⁶. Но уже изложенное свидетельствует, что Сербия не была так безнадежна в отношении эвентуальной борьбы с Турцией. Бомбардировка, обострившая отношения, сулила еще больше возможностей столкновения между Сербией и Турцией. Некоторыми из славянофилов эти возможности оценивались очень высоко и влекли их на арену могущих разыграться событий.

«Пишу вам, дорогой Иван Сергеевич, только несколько строк. Завтра отъезжаю в Новисад и оттуда поспешу в Сербию, где, говорят, должно возникнуть восстание 6 авг. в день Преображения. Великая минута для славян. Дай только им бог сразу блистательной победы, ибо первая неудача может дурно подействовать на болгар, босняков и герцеговинцев»¹⁰⁷. Так писал Аксакову Ламанский из Будима (Офен) 5 (17) августа 1862 г., отправляясь в Сербию. И только когда уже начались заседания константинопольской (канлиджской) конференции, Аксаков опубликовал большую статью о Сербии. В ней он сплетает две темы: Гарибальди и освобождение Италии, освобождение Сербии и Михаил. В первой части речь идет о популярности Гарибальди среди славян, особенно в Сербии, Черногории, Герцеговине, и грусти, какую вызовет весть о его ране и пленении. Вторая

часть, для нас особенно интересная, содержит рассуждение о Сербии. Оно представляет то самое нравоучение, какое собирался Аксаков прочесть сербам еще в то время, когда готовился издавать «День», и местами в тех же выражениях, какие встречаются в письме к Ковалевскому¹⁰⁸. Он начинается с указания, что Сербия стала центром надежд балканских народов; подними она знамя восстания — славяне Турции восстали бы как один. Что же князь Михаил, что его останавливает? «Дипломатия, собственная нерешительность, и — к несчастью — притязание на политическую мудрость, на политическое *comme il faut*, притязание быть правителем благоустроенного государства, когда он должен быть вождем — юнаком целого народа — юнаков!»¹⁰⁹. Вместо того чтобы думать об освобождении всего сербского племени, сербское правительство пожелало перенять внешние формы европейской государственности. Оно обзавелось бюрократией, разными судебными инстанциями, министерствами. «Все это, по нашему мнению, было преждевременно и во многом ослабляло Сербию». Даже в здоровое учреждение, каким являются скупщины, правительство стремится внедрить регламентацию. Ошибочна ставка князя на армию: «...спасет Сербию... не регулярная армия, плохо обученная, а народ, в котором всякий мужчина юнак и воин». Ошибка правительства — в переоценке значения правительственной механики, в утрате веры в народный энтузиазм, в силы народа. Правительство сделало ошибку, помешав народу захватить белградскую крепость после бомбардировки. Если бы крепость была в сербских руках, а турецкий гарнизон уничтожен, дипломатии было бы легче признать совершившийся факт. «Пусть же князь Михаил вспомнит своего недавно умершего доблестного отца, «старого Милоша», совершившего свой бессмертный подвиг вторичного освобождения Сербии — с средствами ничтожнейшими, нежели те, которыми теперь располагает его сын!..»

Статья эта, с одной стороны, является перепевом «Послания к сербам» и письма к Ковалевскому. С другой стороны (и это интереснее), она важна как новое свидетельство склонности Аксакова к повстанческой тактике в качестве средства решения восточного вопроса в отличие от надежд Каткова преимущественно на дипломатию. Чрезвычайно характерен упрек, что сербы оплошали и не захватили белградскую крепость. Простота, почти наивность, с какой Аксаков решает вопрос, не вдумываясь в возможности сербов и ресурсы турок, надежда поставить дипломатию перед совершившимся фактом, надежда на народ, который должен быть основной силой, уверенность (свидетельство плохого знания сербской жизни), что каждый серб — воин, хотя времена героической борьбы 1804—1805 гг. уже прошли, — все это отчетливо показывает, как прилагал Аксаков свои общие положения к конкретным частным вопросам, как выглядела его

тактика в действии. Легкомысленные рассуждения о народной борьбе, никак не подготовленной, отсутствие мысли о том, кто и как расплачивался бы при ее неудаче; безответственность, политический дилетантизм — все это характерно для суждений Аксакова о сербском вопросе. Сербию он рассматривает как центр борьбы всех балканских народов, ставит ее в особое положение, поскольку она обладает известной самостоятельностью, силой. В то же время в рассуждениях Аксакова о роли сербской армии и народа проскальзывают ноты, кое-чем напоминающие рассуждения сербских оmlадинцев. Реальной политике князя Михаила, который без особого ущерба для Сербии выигрывал исподволь уступки Турции, пугая ее угрозой восстания, политике, в которой утопизм военных планов всегда отступал назад перед возможными, пусть небольшими, выгодами, такой политике, всегда считавшейся с отношением соседей и международной ситуацией, Аксаков противопоставлял политику славянофильского утопизма — и противопоставлял без всякого успеха.

«Время», не выражая собственной программы в области сербо-турецких отношений, возлагало надежды на европейскую дипломатию. «Турки, — писал журнал, — потеряли совершенно все выгоды, какие давались им Парижским конгрессом. Теперь дело великих держав — рассмотреть и решить сообразно с последними опытами, какое же должны положение занимать в Европе турки»¹¹⁰. И в случае войны Сербии с Турцией журнал ожидал «драку по всей Турции»¹¹¹.

Вопрос о бомбардировке нашел отражение в словах «Современника», отмечавшего, что князь предпочел иметь синицу в руках «и все остальное по-старому: во всякую данную минуту турки могут опять доставить себе удовольствие побомбардировать Белград, дипломаты опять потолкуют, потолкуют и разойдутся»¹¹². Это было то же осуждение князя Михаила, но только совсем с других позиций. Аксакова интересовало решение восточного вопроса, «Современник» имел в виду освобождение Сербии¹¹³.

По окончании конфликта, связанного с бомбардировкой Белграда, интерес к Сербии затих.

Парижский мир не разрешил основных для Черногории вопросов, не установил ее границ, не расширил ее территории. С начала 1857 г. возникли турецко-черногорские столкновения, которые под давлением держав временно прекратились к концу 1858 г., но затем возобновились и тянулись до 1861 г., переплетаясь с борьбой герцеговинцев за независимость. В Герцеговине же самым крупным фактом было восстание, возглавленное Л. Вукаловичем. Во время этих событий черногорский князь Данило, правивший с 1852 г., был убит (1860). Князем стал его племянник Николай. Эти события, связанные с почти непрерывной борьбой против турок, привлекали внимание печати.

Столкновения черногорцев и турок «Русский вестник» считал похожими на аналогичную борьбу 1852 г. Но теперь она привлекает внимание на Западе. Французские газеты печатают статьи, утверждающие, что Черногория — не вассал Турции, статьи, вызывающие беспокойство Австрии. Журнал выражал надежду, что опытность, приобретенная Европой, поведет к иным последствиям, чем тогда, когда черногорско-турецкий конфликт стал прологом Крымской войны. Говоря о ходе столкновений, журнал отмечал, что инициатива их принадлежит туркам¹¹⁴. Сходным было мнение «Отечественных записок», указывавших, что признание инициативы нападения за турками есть общее убеждение. «Записки» объясняли это тревогой Турции в связи с волнениями в Герцеговине. Последние же связаны с тем, что турецкое правительство много обещает, но обещаний своих не выполняет¹¹⁵.

1859 год сосредоточил все внимание печати на франко-итало-австрийских отношениях. Черногория отошла на задний план. Только «Библиотека для чтения» подвела итог черногорско-турецкой борьбе в очень интересном очерке, излагавшем события вплоть до конвенции 1858 г. Написанный лицом, бывавшим в эти годы в Черногории, очерк носит яркий отпечаток знакомства с местными отношениями. Заканчивается он выражением несуществившейся надежды: «Договор о границах подписан в Константинополе. Черногория должна теперь покончить со своей героической эпохой и вступить в новый период мирного гражданского развития»¹¹⁶.

С 1859 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине. Это обратило внимание к положению на Балканах. Появилась книга А. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»¹⁷. В ней давалось подробное описание поездок автора. Работа содержала много интересного бытового, этнографического, исторического, статистического материала. Это была первая серьезная работа такого рода в русской литературе.

Книга была рецензирована «Современником», отметившим прекрасную осведомленность автора. Основное критическое замечание брошено вскользь по поводу передачи Гильфердингом разговора с босняком Мохаррем-бегом о подавлении Россией восстания 1848 г. и невозможности растолковать ему незаконность революционных восстаний. Этот разговор был использован автором, чтобы привести читателя к выводу о возможности предательства царским правительством восстания турецких христиан. «Мы согласны, что революционные предприятия, конечно, не законны, но отчего наш путешественник не остался так же последователен в разговоре, как его прямодушный собеседник, и не объяснил ему, что если бы и босняки вздумали сделать революцию, то она была бы совершенно незаконна... иначе босняки, которые в самом деле беспрестанно готовы восставать, будут сохранять ложную надежду на помощь единоверцев и тем только больше испортят свое дело»¹¹⁸.

Направляя свою критику против поддерживавшихся славянофилами надежд на русскую помощь, журнал продолжал: «Положение поистине трагическое: освобождение от турецкого ига необходимо босняку совершенно; это — главное условие, при котором возможно для него человеческое существование, — но для освобождения ему остается только один путь, путь незаконного восстания, которому, конечно, не будут сочувствовать просвещенные державы, а сам он, как свидетельствует г. Гильфердинг, не может выдержать борьбы без чужой помощи. В Боснии нет даже тех выгодных условий, которые помогли независимости сербского княжества. Откуда же явится помощь? Разве французский император, освободивший теперь Италию, возьмется за это дело, — больше никому»¹¹⁹.

В большом анонимном обзоре «Славянские земли — Турции и Австрии в 1859 г.» «Библиотека для чтения» сообщила ряд интересных сведений о положении на Балканах¹²⁰. Боснийское восстание возникло как протест против увеличения налогов и притеснений. За последнее время тяжелое положение босняков привлекло внимание частной русской благотворительности, но она направлена на поддержание церквей. Это не решает вопроса. «Всякий, принимающий истинное участие в наших единоверцах, должен от души пожелать им только терпения и силы к перенесению страданий, потому что явное со стороны их сопротивление и открытое восстание будет подавлено, поведет лишь к новым и более ужасным насилиям и, быть может, отдалит всякое вмешательство Европы. Бог даст, через год мы будем в состоянии дать более утешительный отчет о 1860 годе»¹²¹.

Если революционные и демократические круги мрачно смотрели на перспективы движения на Балканах, в среде славянофилов оно вызывало много надежд. В письме к Блудовой от 14 августа 1860 г. Хомяков обсуждал значение убийства князя Данила, который, пользуясь доверием босняков и черногорцев, мог возглавить движение. Но и после его гибели Хомяков продолжал видеть много возможностей для дальнейшего разветвления событий, в частности, ожидал обострения национальной борьбы на Балканах. «Я говорю, что эта смерть может быть важна в теперешнюю минуту. Действительно, кажется, развязка близка на Востоке: развязка в отношении Турции, т. е. новая, гораздо еще важнейшая завязка в отношении к общей истории... История идет крупною рысью, если не вскачь, а мы как будто в стороне от нее (в отношении к делам внешним)... главное, я чувствую, что это для нас лучше: мы не напутаем и себе не повредим, а действующие лица, Франция и Англия наделают ошибок, которые нам же в пользу пойдут»¹²².

Среди славянофилов надежды на обострение положения были, по-видимому, широко распространены. Экспансивный, жаждущий деятельности на пользу славян и победы их не в меньшей степени,

чем Ламанский, И. С. Аксаков собрался ехать на Балканы, чтобы принять непосредственное участие в борьбе герцеговинцев и босняков против турок. Об этом намерении он говорил с единственным знатоком дела в славянофильском кругу — Гильфердингом. Слухи о намерении Аксакова стали известны в кружке, где встретили противодействие. В письме из Петербурга Ю. Ф. Самарин, узнавший о плане Аксакова от Гильфердинга, связав его с проектом относительно создания повстанческой организации в Сербии и Хорватии ¹²³, был очень взволнован. В горячем письме он убеждал Аксакова воздержаться от этого бесполезного, по мнению Самарина, шага. «Неужели, вы задумали отдать себя на службу делу великому, святому, но далеко не созревшему к осуществлению и для нас все-таки чужому, несмотря на то, что оно нам близко и что все сочувствия наши на его стороне? Я буду говорить совершенно откровенно: мне кажется, что вы пускаетесь в путь не по призванию, не по чувству долга, а с отчаяния...»

«И что вы сделаете на другом поприще, куда вас тянет? Что вы принесете, кроме пары здоровых рук, в которых и без вас нет недостатка? Ни средств, ни подготовки вы не имеете никаких. За вами не пойдет никто, вас не поддержат. Бесполезное мученичество в чужом деле, вот все, что вы имеете перед собою» ¹²⁴.

Аксакова удержали от выполнения его планов. Как будто самым убедительным аргументом было отсутствие денег на реализацию плана Бана и переход всего дела на иные рельсы. Но сама попытка важна как свидетельство, что статьи Аксакова о восстании были не только выражением тактики в решении восточного вопроса, но представляли его действительное убеждение. Это объясняет многое в его позднейшей деятельности и вполне увязывается с его статьями о Сербии и Черногории, к которым мы и переходим.

В марте 1862 г. в связи с полученным письмом из Дубровника (очевидно, от Петковича), где шла речь о намерениях князя Николая задобрить Австрию, построить телеграф, улучшить законодательство, Аксаков писал в примечании: «Что за цивилизация в орлином гнезде, какова Черногория! Не время об ней думать. Дума и забота может быть одна, как бы освободиться от турок, от необходимости жить на таком утесе» ¹²⁵. Последующие корреспонденции сообщали о борьбе под Никшичем между турками и черногорцами. Они заканчивались пожеланием, чтобы князь Николай стал во главе черногорцев и доказал, что они готовы отстаивать независимость. Такое выступление могло привлечь внимание держав.

Известно, что в дальнейшем Черногория поддержала Л. Вукаловича, но последний оказался не в силах выдержать борьбу, подписал акт о покорности Турции. Вскоре была вынуждена и Черногория заключить невыгодный мир. Вот тогда в трех номерах «Дня» Аксаков подробно изложил свой взгляд на Черногорию, ее положение и задачи.

Он начинал с характеристики условий договора, из которых самым тяжелым было устройство военной дороги через Черногорию и возведение блокгаузов на ней с турецкими гарнизонами. Черногорцы не могут не негодовать на своих братьев, не оказавших помощи, на дипломатию, связавшую руки. Правда, русская дипломатия протестовала против условий мира, но сделала это слишком поздно. В статьях очень много воспоминаний о поездке автора в Черногорию. На этом материале она и построена. Опуская все фактические данные, остановимся на принципиальном содержании статей.

Черногория — не оседлое обиталище человеческого общества. Она — временный табор, боевой стан. «*Борьба с турками — вот чем обуславливается существование Черногории, вот причина и цель ее бытия, вот ее историческое призвание, вот ее дело и подвиг...*». Будут побеждены турки — черногорцы спустятся с гор; «Черногории не будет, и опять только одни орлы останутся хозяевами утесов». Четыре века сражается Черногория; она — «четырехвековой протест *всего* славянского племени против мусульманской тирании в христианской Европе». Отходя от анализа реальных отношений в сферу славянофильских абстракций, Аксаков продолжал: «Черногорцы имеют значение не сами по себе, а по своему отношению ко всему славянству, не как черногорцы, жители такой-то местности, во столько-то квадратных миль, — а как казаки, передовые люди, пионеры славянской свободы!». Никакая политическая форма не может иметь места в этой стране. «Черногория не есть, не может и не должна быть *политическим* телом. Черногория бессильна — как государство; Черногория неодолима — как боевой стан...» Особое значение он придает теократическому периоду черногорской истории, а провозглашение Данилы князем рассматривает как переворот. Сложилось государство, проведение его границ оформило его юридически. Стали усиливаться западные влияния. В Цетинье появился фрак и белые перчатки. Данило установил подати, поставил начальников в нахии, издал «Законник». Он не встретил протеста; *tacitus consensus* был дан народом. «Данило, так сказать, заразил черногорский народ *политическою похотью*». В страну проникли «ложь государственности, ложь внешней цивилизации». Черногория распалась на правительство и народ.

Что предстоит Черногории? Ей нужно добиться оружием или дипломатией выхода к морю и присоединения Герцеговины, создать новое государство и поставить политической задачей объединение всех сербских земель. Если это невозможно, — отбросить все претензии на цивилизацию и европеизм, возвратиться к старым формам быта военного стана. Но вряд ли это возможно. Раз нарушенная цельность не восстанавливается. «Пусть же дипломатия... создает ей средства существования и гражданского развития, укрепив за ней пристань у моря и землю Герцеговины — и во вся-

ком случае не дозволив туркам основаться укрепленными поселениями в единственном убежище славянской свободы!»¹²⁶.

Наговорив много традиционных славянофильских фраз, показав плохое знакомство с прошлым и настоящим Черногории¹²⁷, Аксаков: 1) вновь обнаружил обостренное внимание к проблеме инсurreкции, о чем уже была речь; 2) в конечном счете выступил в защиту требований, отвечавших интересам и нуждам черногорцев и совпадавших с их стремлением (выход к морю). Один раз вскользь коснулась этой темы «Современная летопись», говоря, что Черногории нужно расширение территории, но державы «неодинаково смотрят на дело»¹²⁸. Дальше этой незамысловатой справки журнал не пошел. «Время» отмечало коварство австрийской политики в отношении Л. Вукаловича¹²⁹, останавливалось на благоприятном исходе переговоров относительно блокаузов, а о дороге писало: «Что же касается до дороги, то это дело не дурное. Всякая дорога есть меч обоюдоострый; дорога облегчает движение обеих враждующих сторон, и впоследствии может пригодиться, как путь соединения других славянских племен с черногорским... Тогда окажется, что дорога совсем не лишнее дело»¹³⁰.

«Библиотека для чтения» в начале движения в Герцеговине предсказывала ему рост и расширение, но ограничивалась сообщением фактических данных¹³¹. «Отечественные записки» сочувствовали печальному исходу черногорской войны и приветствовали ответ Горчакова на ноту Росселя¹³². «Русское слово» отмечало действия Омер-паши против Черногории и враждебную позицию держав. «Коалиция англо-австрийско-турецкая начинает реакцию действиями против Монтенегро, которые предполагает продолжить в Сербии, Молдавии и Валахии. В этих странах есть следы пороха, к которым коалиция подносит зажигательные спички»¹³³.

Позднее журнал безнадежно замечал: «Турки, сербы и черногорцы продолжают убивать друг друга с различным успехом»¹³⁴.

В «Современнике» появилась чрезвычайно важная и интересная статья «Славянский юг», подписанная: Ж. Склав (Ж. Жуйович). Редакция представляла автора как серба, а содержание его очерка называла откровенным суждением человека о своих земляках и соплеменниках, чем солидаризировалась с ним.

Склав характеризовал готовность народов Балканского полуострова к восстанию. Болгары задавлены турецким ярмом. Только горожане примут участие в общем восстании. В старой Сербии народом овладел летаргический сон, «пропала его прежняя доблесть славянская». В Боснии купцы за своими интересами ничего не видят, а простой народ ненавидит их не менее турок.

«Современных или так называемых революционных идей в этой стране не водится»¹³⁵. Только герцеговинцы выделяются патриотизмом и приняли бы участие в общей борьбе за сербов. Черногорский народ, несмотря на свою свободу, «есть раб своего домаш-

него деспота, есть жертва, над которой слуги деспота и сам он делают все, что только угодно их грубым, диким, пошлым и необузданным желанием!»¹³⁶ Автор соглашается с Аксаковым, что Черногорию губит чиновничество; он осуждает гвардию-перяников, называя их преторианцами и извергами. Сербия в тяжелом финансовом состоянии. Князь более занят интригами и реформами, но это не на пользу народу, так как скупщина 1858 г. уничтожила цензуру, а теперь ее восстановила. «Не очевидно ли, что... (южный славянин. — С. И.) ни больше ни меньше, как глупый раб турецких и своих деспотов?... Он не чует в себе никакой силы, никакой воли, никакого создания; он раб и раб ленивый». Идеал его — прошлое. Если он освободится, то создаст себе новое ярмо. «...грустно, а надо сознаться, что приговор, давно произнесенный западом над славянами, т. е. что они ни к чему больше не способны, как к рабству, не совсем несправедлив». Славяне могли бы сконцентрироваться, но для этого нужно изгнать турок. Сами они этого не сделают никогда. «Южные славяне ждут такого дела единственно от России; они прямо говорят: «нас только Россия может спасти». Не очевидно ли, что, как мы сказали, собственных своих сил сами они не сознают, на себя не надеются, а ждут освобождения со стороны. — Как будто России и не о чем больше думать, как только о южных славянах?»¹³⁷

Несомненна разница между статьями «Современника» при Чернышевском, когда они звали балканские народы именно к самостоятельной борьбе, не ожидая свободы, как дара заморского благодетеля, и пессимистическими рассуждениями Склава, хотя и он не верит в реальность русской помощи, в области вопросов балканской политики, они отражают те идеологические сдвиги, какие имели место в это время в «Современнике» вообще¹³⁸.

Ранее всех привлек внимание вопрос об Ионических островах, где на протяжении 50-х годов шла борьба против английского господства, особенно усилившаяся начиная с 1858 г., когда в связи с недовольством ионийцев верховным комиссаром островов был назначен Гладстон. Англофильствовавший «Русский вестник» подчеркивал это как образец отношения к малым народам. «Что ионийцы недовольны своим положением, в этом ничего нет удивительного... Но что поистине удивительно, так это свершенная свобода, которую пользуется народонаселение для выражения своих требований, жалоб и надежд, и великий пример державы, которая, вместо того чтобы подавить эту свободу, избирает одного из своих государственных людей для исследования положения подвластной ей страны и ставит таким образом всю Европу свидетельницей и судьей этих отношений»¹³⁹. Следя за дальнейшими переговорами, указывая на предложение новой конституции островам, журнал считал ее выгодной, но предвидел возможность, что она все же бу-

дет отвергнута. «В известных фазах народной жизни более всего властвуют над умами те иррациональные чувствования, которые внушаются кровью и инстинктами, ускользающими от ясного сознания. Потребности политической национальности, стремление одноплеменных элементов слиться в одно политическое целое, не разбирая даже, какого свойства это целое, могут быть очень сильны, и тем сильнее, чем менее развиты в народе другие стремления и другие потребности»¹⁴⁰. Поэтому ионийцы не удовлетворятся никакой конституцией и будут искать соединения с Грецией.

В том, что движение ионийцев было движением национальным, соглашалась вся русская печать. «Библиотека для чтения» полагала, что если они жалуются на нарушение прав парламента, то более «чтоб иметь какую-нибудь причину жалоб на англичан», а не для защиты парламента¹⁴¹. «Современник» полагал, что недовольство островитян возникло не от жестокостей или притеснений англичан, а «единственно по чувству национальности»¹⁴².

Когда в 1862 г. политический вопрос осложнился переворотом в Греции, где был свергнут князь Оттон (баварский) и начались поиски нового кандидата на греческий трон, когда Англия стала обещать передачу Ионических островов Греции за избрание ее ставленника, когда некоторые возможные кандидаты отказались от конкуренции на греческий престол, печать стала внимательно следить за ходом дел. Газеты помещали подробные фактические сведения. Выделялись обстоятельные корреспонденции из Афин в «Голосе», подписанные буквой П. А редакция газеты советовала Греции по окончании «бескоролья» «устремить все внимание внутрь своих собственных пределов», заняться финансами, по забыть о Константинополе и Византии¹⁴³.

Печать согласно оценивала передачу Англией Ионических островов Греции. «Голос» считал, что в результате этого английского правительства расширило сферу своего влияния: «не Ионические острова уступило Греции, а Грецию присоединило к Ионическим островам»¹⁴⁴. Им вторили «Отечественные записки», говоря: «Если происходит какая-нибудь добровольная уступка, то это делается прежде всего ради выгод самого уступающего»¹⁴⁵.

Немногом бóльший интерес печати вызывали Дунайские княжества. Сначала в поле внимания находился вопрос о соединении княжеств. Положительному решению этого вопроса печать сочувствовала. «Отечественные записки» поместили большую (в 4-х книжках) статью С. Палаузова «Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении», в которой рассказывалась история княжеств с древнейших времен и до Парижской конференции 1858 г. Автор подчеркивал положительное отношение России к объединению, полагая, что оно соответствует желаниям населения¹⁴⁶. «Русский вестник» заявлял, что «друзья слияния княжеств не теряют надежды» на благополучный исход дела¹⁴⁷. Ту же позицию занимала «Библиотека для чте-

ния»¹⁴⁸. А «Современник» словами Чернышевского обобщил: «Россия сочувствовала желанию румынского (так!—С. Н.) племени соединиться в одно государство»¹⁴⁹. В отличие от прочей печати, которая ставила ударение на национальных моментах, Чернышевский объяснял стремление к слиянию иначе: «Если, например, Молдавия и Валахия очень сильно пожелали соединиться в одно государство, тут действовало очень простое обстоятельство чисто материального, если хотите, даже хозяйственного характера: жители Валахии подвергались грабительству турок, жители Молдавии также; каждая область в отдельности не чувствовала у себя силы помешать туркам грабить ее,— вот они и вздумали соединиться, в надежде, что соединившись будут иметь силу успешнее защищаться от грабежа. Национальность была тут лишь облегчающим обстоятельством, а не коренною причиною соединения»¹⁵⁰.

В некоторых изданиях («Отечественные записки», «Библиотека для чтения») были напечатаны статьи, дающие характеристику разных сторон жизни княжеств. Но интерес к делам княжеств скоро уменьшился. Русская печать вновь вернулась к румынским темам в 1864—1865 гг., когда возник вопрос о так называемых «посвященных монастырях». Сущность его заключалась в том, что князь Куза решил конфисковать имения, находившиеся в княжествах, но приписанные к различным греческим монастырям и составлявшие до $\frac{1}{5}$ всей территории Молдавии и Валахии. Они не подчинялись ни местным законам, ни местной церковной власти. Славянофильский «День» выступил в защиту мероприятий Кузы. Статья бывшего дипломата М. Волкова и редакционное примечание к ней подчеркивали незаконность образования монастырских имений. Редакционное примечание обрушивалось на «греков-фанариотов, ненавистных и славянам и румунам». «Сочувствие Англии и всей Европы фанариотским требованиям может для нас, русских, служить вернейшим доказательством их несогласия с интересами России. Наша искусная дипломатия, вероятно, не поддержит этих фанариотских интриг и защитит права Молдаво-Валахского княжества»¹⁵¹. Антифанариотская позиция «Дня» в болгарском вопросе оказала воздействие на отношение и к румынскому и греческому вопросам.

Некоторые из славянофилов, в частности Ламанский, взгляды «Дня» на монастырский вопрос считали ошибочными. Ламанский писал из Константинополя, где он в это время находился: «Монастырский вопрос только собственно здесь начал несколько заниматься. Знаете, вы увлекаетесь. Греки имеют действительно некоторые права... Нужно защищать болгар против греков в чем следует, но на греков мы, русские, должны глядеть своими собственными глазами»¹⁵².

Грекофильские «Московские ведомости» заняли позицию, противоположную аксаковской. «По вопросу о посвященных монастырях мы поддерживаем православную церковь против князя Кузы,

никак не становясь на сторону греков, против болгарских патриотов»¹⁵³.

В. Неклюдов в статье «Еще слово о посвященных монастырях» развил точку зрения газеты. Он отправлялся от статьи М. Волкова в «Дне» и оспаривал ее. «Я не знаю тут, — писал он, — ни болгар, ни сербов, ни эпиротов, ни фессалийцев; я знаю на Востоке лишь две народности — славянскую и греческую, которые исповедывают одну и ту же веру, веру кафолическую, православную... знаю, наконец, и то, что восточно-православное духовенство не утратило в этой борьбе ничего из священного наследия, завещанного ему на этой самой почве Востока, истерзанной в первые века христианства столькими богословскими спорами и расколами»¹⁵⁴.

Ввиду необходимости поддерживать единство «едва ли полезно... обращать внимание на язычный спор, раздувать племенной антагонизм». Сводя всю греко-болгарскую борьбу к вопросу о языке, т. е. стремясь уменьшить ее значение, Неклюдов затем обращается к характеристике фанариотов. Он отождествляет их с гетеристами и деятельностью фанариотов приписывает греческое восстание 1821 г. Обнаружив тем самым весьма свободное отношение к доводам противников и их терминологии (славянофильская печать употребляла термин фанариот как синонимическое обозначение греческого духовенства), Неклюдов вполне справедливо подмечал крайний славизм «Дня», отвергавшего юридические основы владения греческими монастырями не в силу их нелегальности, а в силу принадлежности грекам. «Другими словами, — иронизировал он, — произошел грабеж. Кого ограбили? N. N. Что ж! если его, то и поделом: он *ненавистен* своему соседу, он *злейший враг* ему...» Но эта ирония в то же время старалась заменить чисто политическую постановку вопроса в «Дне» постановкой собственно правовой. Этому специально посвящена вторая половина статьи. Неклюдов, помимо изложенных общих своих соображений, старается оспорить доводы сторонников конфискации. Он разбирает брошюру валахского архимандрита Агафона «*Étude sur les droits et obligations des monastères Roumains dédiés aux Saints Lieux*» и приходит к выводу о шаткости основ, на которые опираются суждения защитников мероприятий князя Кузы. «...Весь вопрос, — пишет он, — постоянно состоял и поныне состоит в том, что на столе лежат 2 500 000 руб. сер. готового, чистого, организованного ежегодного дохода, который и следовало бы перевести в свой карман...»¹⁵⁵

Со времени возбуждения церковного вопроса румынские дела стали все больше привлекать внимание печати. По поводу разгона бухарестского собрания и изменения конституции «Голос» отмечал наличие интереса в Европе к бухарестским событиям.

Газета оценивала события следующим образом: «Переворот направлен против такого элемента, который составлял действительное зло и действительную преграду для правильного полити-

ческого и экономического развития румынского народа. За что в особенности восстали румынские бояре на князя Кузу? За намерение его наделить крестьян землею!..»

Однако доброжелательное отношение к румынскому перевороту довольно скоро сменилось скептическим. «Дунайские княжества принадлежат к разряду тех политических амфибий, полугосударств, полупровинций, из которых никогда не выходило никакого толка», а реформы, задуманные и осуществленные опрометчиво, «вместо желанного благоустройства произвели совершенный сумбур...»¹⁵⁶

Еще суровее отнеслись к Кузе «Московские ведомости», признавшие в нем французского агента. «Политика князя Кузы, направленная против православия и враждебная России, вдвойне враждебна всем интересам и всем историческим воспоминаниям румынской народности, и не может рассчитывать на сочувствие или поддержку ни духовенства страны, ни бояр, ни поселян, отличающихся искреннею набожностью и преданностью православию»¹⁵⁷.

Тем с большим удовлетворением «Московские ведомости» встретили падение Кузы. «Переворот, который совершился на днях в Букареште, ни для кого не был неожиданностью. Князь Куза... пожал теперь только то, что сам посеял»¹⁵⁸.

Говоря об этой статье, нельзя обойти молчанием чрезвычайную близость ее отношения к перевороту с отношением русского правительства. В весьма секретной инструкции Игнатьеву от 14 февраля, т. е. за два дня до появления катковской статьи, Горчаков писал: «Переворот (La révolution) в Бухаресте не застал нас врасплох. Рано или поздно под давлением князя Кузы это должно было совершиться»¹⁵⁹.

«Голос» признавал переворот внезапным, но не неожиданным. Он никогда не сочувствовал Кузе, но считал возможным использовать его¹⁶⁰. «Русские ведомости» не выразили скольнибудь ясного мнения по этому вопросу¹⁶¹.

Однако то, что последовало за переворотом, гораздо более беспокоило «Московские ведомости», чем самый переворот. Через несколько часов после ареста Кузы князем был провозглашен Филипп Фландрский; он отказался от избрания. Начались, с одной стороны, поиски нового кандидата, с другой — в марте открылась конференция в Париже и завязалась борьба по вопросу о соединении княжеств¹⁶².

«Московские ведомости» первоначально отвергали возможность избрания иностранного, а не местного принца и отрицали разумность с точки зрения русских интересов созыва европейского конгресса. Когда спустя несколько дней были получены сведения о провозглашении князя Фландрского, газета признала это нарушением Парижского трактата и замечала: «Возбуждать восточный вопрос вовсе не в интересе России; Парижский трактат мы со-

блюдали и готовы соблюдать добросовестно, подчиняясь необходимости. Но никто не станет, конечно, ожидать от нас такого курьезного образа действий, чтобы мы явились защитниками трактата, против нас направленного, и уже не в силу обязательств, а по доброй воле продолжали воздерживаться от нашей традиционной политики на Востоке»¹⁶³.

Газета Каткова в дальнейшем не проявила ясности линии. Она сначала заявила удовольствие по поводу намерения Европы удовлетворить требования румын, но полагала, что нарушение Парижского трактата дает право России возбуждать вопросы, связанные с его пересмотром.

Газета заявляла, что Россия не против освобождения всех христиан Турции, и требовала прямого ответа Европы по этому вопросу. Обсуждая специально румынский вопрос, Катков утверждал, что переворот вызван Францией. «Московские ведомости» полагали, что «... соединение, а также совершенный выход Соединенных княжеств из-под верховной власти Турции должны неминуемо вести этот край к серьезным опасностям и бедствиям. Истинное благо населений требует мира и в то же время независимости от изменчивых комбинаций европейской политики. Все это наилучшим образом обеспечивается при номинальном подчинении княжеств Порте»¹⁶⁴.

И в этом пункте «Московские ведомости» говорили то же, что официальный «Русский инвалид», высказывавшийся против соединения княжеств: «Но опыт доказал в наше время..., что соединение княжеств само по себе не соответствует несколько действительным желаниям народонаселения, ибо оно не породило доселе ничего, кроме беспорядков, насилия и повсеместного разорения страны...»¹⁶⁵

Накануне открытия Парижской конференции «Московские ведомости» напомнили, что теперь Россия собралась с силами, что ей не приходится пасовать перед Францией или Англией, она не хочет разрешения восточного вопроса теперь же, хотя и может выступить, если окажется нужным.

«Пора России сбросить с себя личину смирения и явиться перед Европой, на Парижской конференции, тем, чем она всегда была и теперь есть, — великою европейскою державой, всегда готовою в случае необходимости взяться за привычный ей меч для ограждения своей чести и достоинства, своих интересов и своего законного влияния на юго-востоке Европы»¹⁶⁶.

Водворение Карла Гогенцоллерна в качестве князя Румынии привело Каткова к ряду правильных выводов. Он увидел в этом важную принципиальную перемену в положении на Балканах.

«По трактату эти княжества должны состоять под властью отдельных государей из туземцев: теперь в них пытается водворить свое импровизированное господство иностранный принц, член прусского королевского дома и поручик прусской службы,

имеющий в виду захватить в свои руки власть наследственную и тем окончательно оторвать от Турецкой империи эти области, которые в силу трактата должны были составлять нераздельную часть ее»¹⁶⁷.

Не возражая уже против объединения княжеств, поскольку это не противоречило русской программе на Востоке¹⁶⁸, Катков расценивал появление Карла в Бухаресте как осуществление плана, в котором сошлись Франция и Пруссия, а его самого признавал орудием прусско-французской политики на Востоке. Смысл этого вывода заключался в признании усиления не только французской активности на Балканах (это не было новостью), но и русской политики, что явилось и новым и существенным.

Рассматривая общую ситуацию на Балканах и изменения, произошедшие в ней после Крымской войны, «Московские ведомости» отмечали, что от Парижского трактата «*уцелели только условия, направленные против России*»¹⁶⁹. В связи с этим выводом Катков предлагал более решительные шаги: «Не время ли объявить, наконец, что мы берем назад подпись, приложенную нами к акту, который и на деле и по праву не имеет никакого международного значения».

Если «Московские ведомости» в своих призывах к активности имели в виду правительство, дипломатию и побуждали их принять меры к отмене стеснительного Парижского трактата, а в случае необходимости прибегнуть и к оружию, если в своих обращениях они шли в ногу или немного дальше правительства, то все же и в последнем случае двигались в его русле. «Голос» также имел в виду поднять русское влияние и престиж на Балканах. Но ставил вопрос и решал задачу он иначе.

«Россия имеет в Европе две великие задачи, — читаем здесь, — своим духом всеобщего равенства граждан перед государством, своим примером государственного выкупа земель для сельских рабочих служить к поправлению общественного строя в феодально- или фабрично-аристократической Европе. Это общее гуманитарное назначение России. Ближайшее политическое назначение ее — содействовать возрождению европейского юго-востока, Турции и Греции, на началах национальной свободы»¹⁷⁰.

Для этой последней цели годился Куза. Но раз его уже не существует, то следует стараться об избрании иностранного принца, однако из числа ближайших соседей.

«Наша политика, если она сознает свою великую *вторую* задачу в Европе... должна стремиться к соединению княжеской румынской шапки с одною из тех шапок, на которых мы видим греко-славянский крест — символ движения, символ эмансипации, символ самостоятельности греко-румыно-славянских племен Турции, которые будут тяготеть к нам, если мы всем полновесным влиянием своим будем содействовать их целям, их желаниям, их стремлениям к свободе»¹⁷¹.

Поэтому естественно требование «Голоса», чтобы Россия решительно высказалась в пользу объединения княжеств, так как слитые при том условии, какое газета высказывала выше, они получили бы большее политическое значение, стали бы крепки, а «от этого укрепления зависит наше, между прочим, влияние на Востоке»¹⁷². На Россию глядят сербы, черногорцы, болгары, глядят потому, что приближается решение восточного вопроса. Но в решении его выиграет тот, за кого будут румыны и задунайские народы. Вот почему для России, чье призвание — решение этого вопроса, симпатии их так важны.

Если позиция Каткова была весьма реалистической, газета Краевского, отправляясь от общих задач, упускала из виду реальное соотношение сил, действительные возможности русской дипломатии и отношения балканских народов.

Несколько иным тоном и лучшим пониманием действительности отличались политические обзоры другого издания Краевского — «Отечественных записок», составлявшиеся Альбертини. Журнал указывал, что «избрание иностранного принца соответствует желаниям румынов только в принципе», так как если они могут теперь надеяться на освобождение от турецкой зависимости, то им придется столкнуться со счетами и отношениями европейских держав. Пруссия рассчитывает, высказывал интересную догадку журнал, что Карл согласится на уступку части земель Австрии в компенсацию за Приэльбские княжества. Самый факт избрания Гогенцоллерна — нарушение международного права, так как он принадлежит к правящей в Пруссии династии, а сама Пруссия состоит в числе держав-покровительниц¹⁷³. Сильнее, чем какое-либо другое издание, «Отечественные записки» отмечали «особенное влияние Пруссии», которая сумела теперь противопоставить на Дунае свое влияние французскому, в результате чего княжества практически подпали под влияние Пруссии¹⁷⁴.

Однако были и другие голоса. Так, «Русские ведомости» видели в Карле французского ставленника, который из прусских поручиков «невидимою рукою» вознесен на княжеский престол¹⁷⁵.

Весной 1866 г. вспыхнуло восстание на Крите. Летом внимание Европы привлекла к себе австро-прусская война. Осенью в Греции началось движение в поддержку критян. Тем временем правительства Балканских стран вели переговоры о создании общего союза для действий против Турции. В 1866 г. был заключен военный союз Сербии и Черногории; Сербия начала переговоры с болгарскими, и в марте 1867 г. собрание болгарских эмигрантов в Бухаресте обсуждало условия союза и объединения в одно государство Болгарии и Сербии; в августе 1867 г. Сербия заключила союз с Грецией, а в начале 1868 г. — договор о дружбе с Румынией. На Балканском полуострове назревал кризис. Предстояла объединенная борьба всех балканских народов за свое

освобождение против Турции. Назревавший кризис не мог не привлечь внимания русского правительства и общества. В ноябре 1866 г. русское правительство предложило Франции совместное выступление в пользу присоединения Крита к Греции, а если бы такое решение показалось слишком радикальным, то создание для него автономии по образу Дунайских княжеств^{175а}. Начались длительные переговоры между Россией и прочими великими державами, затянувшиеся до 1869 г. и не приведшие ни к каким положительным результатам.

Русское правительство поддерживало мысль об образовании Балканского союза; оно содействовало созданию его дипломатическим путем, помогало и в других отношениях. В Сербию была командирована специальная комиссия под руководством профессора Академии генерального штаба Леера, наметившая ряд мероприятий для поднятия боеспособности сербской армии¹⁷⁶. Но особенно активно в это время действовал посланник в Константинополе гр. Игнатьев. «Он давал советы сербскому правительству относительно приготовлений к войне и даже поручил нашему (русскому.— С. Н.) военному агенту в Константинополе полковнику Франкини проектировать для сербов целый план кампании»¹⁷⁷. При всем том министерство иностранных дел постоянно сдерживало сербское правительство, препятствуя преждевременному вступлению в борьбу, что в значительной мере определялось и неподготовленностью Сербии в военном отношении и международно-политической обстановкой.

Русское правительство, поддерживая попытку создания Балканского союза, не предполагало принять непосредственное участие в борьбе, и дальше дипломатического содействия союзу планы его не простирались.

Критское восстание привлекало внимание русского общества и печати своим упорством, героизмом, с каким держались кандийцы, но привлекло его не сразу. «Наконец-то,— писал Аксаков,— решились у нас открыто, не прибегая ни к каким загадочным намекам, выразить если не прямое сочувствие нашим единоверцам в борьбе их с мусульманами, то, по крайней мере, сострадание им в постигших их бедствиях»¹⁷⁸. Он имел в виду опубликованное в газетах воззвание гр. Протасовой и гр. Блудовой о сборе пожертвований в пользу семейств критян. Аксаков сожалел, что Россия в деле помощи грекам дала опередить себя Англии и Америке, что сочувствие приходит слишком поздно, когда туркам удалось уже сломить их сопротивление. Аксаков был прав, что русское общество не сразу отозвалось на критские события, однако он ошибся в оценке положения: восстание еще не было задавлено. Но в дальнейшем русская печать уже непрерывно следила за Критом, а вместе с тем и за Балканами вообще.

«Москва» уже в первых статьях высказала свою заветную мысль — «желание видеть их (греков и славян.— С. Н.) свободны-

ми от иноземного ига» и призывало общество действовать независимо от правительства: «Общество в выражении своего сочувствия кандидатам не было обязано стесняться теми соображениями, которые могут не позволять правительству в данную минуту выказать это сочувствие...»¹⁷⁹ Газета отмечала один из наиболее трагических эпизодов восстания — взрыв Аркадийского монастыря, произведенный находившимися в монастыре, чтобы не попасть в руки турок¹⁸⁰. Она приветствовала предложение русского правительства о передаче Крита Греции¹⁸¹ и вполне разделяла позицию его в восточном вопросе¹⁸², как она была разъяснена опубликованными в конце февраля — начале марта русскими дипломатическими документами. Эту позицию Аксаков оценивал как «национальное направление» русской внешней политики. Однако в отдельных вопросах Аксаков опережал правительство. Так, в феврале 1867 г. «Москва» полагала, что «...Россия вправе возратить себе устье Дуная и не стесняться условием, определяющим цифру наших военных судов в Черном море»¹⁸³. Это было требование отмены Парижского мира.

Но в силу свойственного Аксакову понимания восточного вопроса, как славянского по преимуществу, вопрос о критском восстании и греческой стороне проблемы для него отходил на задний план: «Как ни велика наша симпатия к грекам, мы не можем и не должны приносить им в жертву ни наших братьев славян — болгар и сербов, ни интересов России»¹⁸⁴. Более того, Аксаков полагал, что западная политика постарается повернуть Грецию против России, для чего использует «великую идею» создания могущественной Греции — продолжательницы Византийской империи. «Ни Россия, ни славяне Балканского полуострова не могут желать этого восстановления»; поэтому в «великой идее» — зародыш будущего столкновения греков и славян, в силу чего Греция — удобный операционный базис против России и славянского мира.

«Москва» сосредоточивается на славянской стороне проблемы и интересуется главным образом южными славянами. В газете были напечатаны переводы весьма интересной статьи сербского публициста М. Бана о Балканском союзе. В статье раскрывалась политическая близость балканских государств, их общая заинтересованность в борьбе с Турцией. Статья Бана послужила отправной точкой для специальных размышлений Аксакова. Выражая полное одобрение созданию Балканского союза, славянофильский публицист возражал против своеобразной этнографической концепции сербских националистов. Они признавали на Балканах только три народности: греческую, сербскую и румынскую. Возражая против забвения болгар, Аксаков заявлял: «Мы, русские, забыть их не должны и не можем. Мы желаем союза болгар с сербами..., — но мы не можем требовать от болгар, чтобы они исчезли как болгары в племени сербском, если на то нет соизволения самих болгар... Пусть же сербы примут это к сведению и пусть болгары восполь-

зуются отсрочкой восточного вопроса для предъявления и своих прав на бытие»¹⁸⁵. Не должно быть поглощения одного народа другим, но совокупное их действие. «Народам, которым существование Турции служит только препоною для свободного развития и правильной жизни, надо безвозвратно убедиться в необходимости раздела Турции и вместе с тем согласиться не только в способах, но и в последствиях этого деления»¹⁸⁶.

Сочувствуя подготовке Балканского союза, Аксаков не мог не учитывать международно-политической обстановки. Он хорошо понимал, что Австрия в результате поражения в Германии «волей-неволей должна будет обратиться на Восток»¹⁸⁷, где и захочет проявить свое влияние. А так как славянского вопроса только в отношении к Турции не существует, а есть один славянский вопрос, общий для Турции и Австрии, он сплетает в один узел вопросы о существовании этих стран¹⁸⁸.

Несмотря на свои неудачи, Австрия не думает ограничиться пассивной обороной. «Она преисполнена вожделений»: хочет захватить Боснию и Герцеговину, Дунайские княжества и Сербию. Это значит, что она не останется только наблюдателем событий, могущих разыграться на полуострове¹⁸⁹. Совершающееся сближение и союз Австрии с венграми, поляками, немцами свидетельствует об опасности для славян. «Объединившаяся Германия собирается, покончив свое дело дома, усилить свое стремление на Восток и германизацию тех остальных славянских племен, которые еще торчат в латиногерманской Европе как заноза, как постороннее тело, не претворившееся в одну с нею органическую сущность»¹⁹⁰.

Франция не может простить России своего неудачного выступления в польском вопросе. Она действовала в Дунайских княжествах, свалила Кузу и посадила иностранного принца. В латинской расе княжеств Франция ищет опору, она хлопочет о создании государства, которое станет «поперек дороги в Царьград» между Россией и славянами и которое в то же время будет стремиться к дальнейшему усилению путем присоединения австрийских румын. Нельзя сбросить со счета и дальновидную Англию. Она уже давно ликвидировала свои несогласия с греками, поставила грекам короля и первая стала перевозить раненых инсургентов и их семьи с Крита. Не случайно, что года за три до критских событий в Англии появились книги, заявлявшие сочувствие сербам. Такое же отношение встречал сербский вопрос (Аксаков имеет в виду вопрос о турецких крепостях в Сербии) в английском парламенте. «Очевидно, что Англия заранее расставляет для себя точки опоры на Востоке»¹⁹¹.

Изложенное понимание расстановки сил вело «Москву» к признанию невозможности разрешения восточного вопроса силами самих балканских народов, без участия прочих европейских держав. «Славяне, греки, румыны и албанцы могут и должны рас-

считывать на свои собственные силы, но не следует им обманывать ни себя, ни своих друзей лестною, но несбыточною мечтой о том, что Европа останется безучастною зрительницею гибели Турции»¹⁹². Что следует делать России при такой перспективе? Ей нужно не допустить утраты инициативы, «овладеть инициативой разрешения восточного вопроса», т. е. стать во главе славянского и греческого движения на полуострове. «...Россия должна была бы тверже настаивать на освобождении Белграда от турецкого гарнизона и принять более деятельное участие в разрешении церковной греко-болгарской распри, — одним словом, стать во главе, а не в хвосте того движения, которое объемлет Восток»¹⁹³. Не следует пугаться изоляции от прочих великих держав: «Россия не одна: ее политика на Востоке будет поддержана не только самым искренним сочувствием, самым живым содействием русского народа, но и всеми нравственными и вещественными силами греко-славянского мира»¹⁹⁴.

Пусть не все здесь названо собственными именами, существо мыслей Аксакова нетрудно понять. Он советует русскому правительству активизировать деятельность Балканского союза, стать во главе его и идти к решению восточного вопроса, не останавливаясь перед возможностью войны¹⁹⁵.

Что это так, легко усмотреть, во-первых, из того внимания, какое уделила «Москва» Сербии. Известно, что активная роль в создании союза принадлежала Сербии, действовавшей с согласия русского правительства. Газета сообщала о военной подготовке Сербии в 1867 и 1868 гг. В одном из первых номеров она писала: «Сербия, эта единственная опора политических надежд в будущем у всех южных славян, занята теперь военными приготовлениями...»¹⁹⁶

«Москва» прислушивалась к голосам сербской печати о русской политике и других текущих вопросах, она не утратила надежды на Сербию и после убийства князя Михаила.

Однако болгарское дело ей было ближе. Мы видели, что Аксаков оборонял болгар от сербского шовинизма. Но это не все. Ни из одной области полуострова «Москва» не имела так много сообщений, как из Болгарии. Это объясняется не только прочностью болгарских связей у деятелей Славянского комитета, но и особыми надеждами на восстание болгар.

Когда в июле 1867 г. пришли сведения о действиях чет, что расценивалось как начало восстания, Аксаков приветствовал его специальной статьей. Он отдавал себе отчет в малой вероятности успеха движения, но славил его как признак возрождения болгарского народа. «Они *могут* жить, они *обязаны* жить; они и хотят жить, но эта жизнь, при настоящем положении дел на Востоке, добывается только вооруженною борьбой, открытым восстанием...»¹⁹⁷ Когда спустя год, в июне 1868 г., четы Хаджи Димитра и Стефана Караджи, перейдя Дунай, начали борьбу с

турками, Аксаков хотя и говорил о лучшей подготовленности нового восстания, но сожалел о его преждевременности и предсказывал, что оно не поведет ни к чему, кроме бесполезной траты сил и создания ложного положения для Сербии и Румынии¹⁹⁸. Надежда на восстание славян, помощь им со стороны России, решение восточного вопроса — все это осталось только бесплодной мечтой. При всей отвлеченности мышления Аксаков понимал, что изолированное болгарское движение не может явиться решением вопроса, тем более, что и желания активно помочь балканским народам в России не было. Позиция русского правительства, стремившегося к соглашению с державами и тормозившего начало восстания, ввиду явной военной неготовности Сербии исключала надежду на развертывание восстания.

Между тем были сторонники ускорения событий во что бы то ни стало. Они находились (и это очень характерно) не только среди офицеров (Н. Раевский), но и среди русских дипломатов на Балканах. Выше уже отмечено, что к числу таких относился Игнатъев, «который сам увлекался идеями панславизма и оказывал явное покровительство вожакам славянского движения... Игнатъев не скрывал от себя, что славянское восстание в Турции неизбежно вовлечет и нас в войну; он даже лелеял эту мысль и сообщил мне (Д. А. Милютину.— С. Н.) частным образом свои соображения по этому предмету»¹⁹⁹. В окружении Игнатъева были и другие защитники его точки зрения. К ним принадлежит М. А. Хитрово, старавшийся превратить Аксакова и его «Москву» в проводников игнатъевских взглядов.

«Мы должны прежде всего уразуметь, что главнейшие интересы внешней политики нашей сосредоточены на Востоке. На этот раз Министерство наше этого положительно не поняло и не оценило. Наши живейшие интересы на Востоке были принесены в жертву каким-то сомнительно полезным соображениям ввиду западных интересов наших, и был упущен быть может единственный случай...» Выдвигая на первый план значение восточных отношений, Хитрово продолжал: «Пора наконец уразуметь нам, что финансовые вопросы и экономические соображения не должны и не могут останавливать политической деятельности нашей на Востоке тогда, когда деятельность эта будет вызываема силою обстоятельств. Обстоятельств этих мы не можем создавать по нашему мановению; мы должны лишь уметь пользоваться тем, что готово... Вот об этом в журналах Ваших пишите, пишите и пишите, и тогда вы явитесь нам надежным подспорьем»²⁰⁰.

Должно признать, что при большой близости позиций рупором стремлений игнатъевского лагеря Аксаков не стал. Хотя он и пропагандировал борьбу южных славян с Турцией, хотя и выяснял вопрос о перспективах восстания в Болгарии, а в начале кризиса призывал к активности, но, как было показано выше, он не утратил понимания реальной обстановки и не стал на путь

безудержного авантюризма²⁰¹, куда толкал его константинопольский корреспондент²⁰².

И в этом случае позиция «Москвы» определялась не только пониманием событий, существовавшим в славянофильском кругу, но отчасти и внешними воздействиями. Опубликованные письма Ф. И. Тютчева не оставляют сомнений в том, что во всяком случае некоторые из статей И. С. Аксакова, трактовавшие конкретные внешнеполитические вопросы, были инспирированы министерством иностранных дел. Передовая статья в номере от 30 сентября 1867 г. рекомендовала русской дипломатии «отрясти прах с ног своих на пороге турецкого кабинета» и заявить, что Турция предоставляется ее собственной судьбе. В статье излагалась мысль русской декларации, переданной французскому кабинету 22 сентября. На следующий день она была изложена Тютчевым в письме к Аксакову с советом поддержать выступление русского правительства. Появившаяся статья была встречена «с большим сочувствием и признательностью» в Петербурге²⁰³, так как этой декларации придавалось значение сигнала к началу вооруженных действий на Балканском полуострове. И это обстоятельство делало Аксакова особенно восприимчивым к внушениям сверху: в планах правительства и надеждах славянофилов было много общего.

Как «Москва» в начале кризиса ожидала от русского правительства большей активности, так и «Московские ведомости» в начале событий заняли весьма решительную позицию. Они солидаризировались с гр. Игнатьевым, который, как известно, имел свою и отличавшуюся от горчаковской тактическую линию. «Дела наши на Востоке,— писала газета,— благодаря патриотизму и искусству нынешнего посланника нашего в Константинополе находятся теперь в положении очень благоприятном. Получаемые нами сведения из прочих мест свидетельствуют, что и второстепенные дипломатические агенты наши на Востоке хорошо понимают признаки времени и требования обстоятельств».

Газета критиковала правительство за умеренность его позиций и самоустранение от решения восточного вопроса. Критское дело может перейти в руки западных держав. Россия упустит время, между тем как ключ всемирно-исторического призвания России — на Востоке. Исходя из этих соображений Катков напал на новый морской бюджет, намечавший сокращение морских станций и сосредоточение флота в Балтийском море²⁰⁴. Он отстаивал мысль о важности для России Черного моря. Однако позже газета отказалась от своей оппозиционности и в дальнейшем в вопросе о характере русской политики на Балканах всегда стояла на официальной точке зрения невмешательства.

В начале 1867 г. газета заявляла: «Кризис на Востоке приближается... Россия вовсе устранила себя от... вмешательства, и никто не может сказать, чтоб она хотя издали угрожала теперь

Турции своим оружием»²⁰⁵. Подводя итог событиям 1867 г., Катков подчеркивал, что Россия заняла первое место в Европе, в ее руках были судьбы материка. «Но нельзя не признать также и того, что такому могущественному положению России способствовало запутанное положение европейских дел, которое, слава богу, не застигло ее врасплох. Она одна посреди этой сумятицы сохранила твердость, и благодаря ей, спокойствие Европы не было нарушено. Она еще раз блистательно доказала, что ее присутствие в европейской системе есть могущественный элемент мира и устойчивости вопреки тем наглым обвинениям, которые сыплются на нее тем упорнее и ожесточеннее, чем менее подают она повода к ним. В истинно-национальной политике России нет и не может быть никаких стремлений к захватам на европейской почве... Восточный вопрос, за который особенно возлагают на нее ответственность, не ею создан и не ею питается; не ею поддерживается то возмутительное положение, которое представляет собою турецкий восток, принятый в систему европейских государств;... и не Россия приводит эти населения (т. е. турецких христиан.— С. Н.) в отчаяние»²⁰⁶.

Ни интересы России, ни интересы турецких христиан не позволяют торопить событий. «Вся тайна успеха для русской политики заключается теперь более чем когда-либо в мудром самообладании». Что же касается самих народов Балканского полуострова, то в середине 1867 г., констатируя восстание в ряде областей Турции, газета находила международную ситуацию удобной для борьбы один на один с турками. Англия не решится выступить без союза с Францией. Австрия не может, а Пруссии и Италии выгодно обострение на Востоке. Но для успеха дела надо ловить минуту, которая может не повториться. А между тем Турция стремится разделить силы своих противников, она идет навстречу сербским пожеланиям в вопросе об очищении крепостей. Сербия может попасть в ловушку, она оторвется от единства балканских народов. Катков не хочет этого и выражает желание, чтоб «оправдались газетные известия, что в Крагуевце безостановочно льют пушки и закупают игольчатые ружья»²⁰⁷.

Воспользоваться удобным моментом и решить вопрос оружием народам Балкан необходимо потому, что надеяться они могут только на себя. «Россия, как государство, не может принять непосредственное участие в тамошних делах: ее вмешательство вызвало бы европейскую войну и, следовательно, не пособило бы, а повредило бы делу»²⁰⁸. Нет оснований рассчитывать на дипломатическую помощь держав: «Европейские державы напишут множество протоколов и, истощив все средства дипломатической проволочки, выпустят новое издание какой-нибудь хартии, которую турецкое правительство подпишет, не морщась, с твердою решимостью никогда ее не исполнить»²⁰⁹. Рассчитывать на какое-либо более благоприятное участие держав не приходится и в силу

противоречия их интересов с русскими. Единственное средство, могущее принести желанные плоды,— единство балканских народов. Их интересы совместимы. В мае 1867 г., т. е. до подписания сербо-греческого союзного договора, в условиях намеченного, но неподписанного сербо-болгарского соглашения, «Московские ведомости» обсуждали формы отношений между народами. «Вникая в положение дел,— говорилось в передовой статье,— нетрудно предусмотреть, что это единство должно состоять в однообразном устройстве военной силы и в военной конвенции, вроде той, которая заключена Пруссией с южногерманскими государствами. Более тесный союз встретил бы теперь непреодолимые трудности, а личное соединение было бы источником нескончаемых смут...»²¹⁰ Подобно Аксакову Катков высказывался против сербских шовинистических стремлений подчинить болгар. Чем независимее будут оба народа, тем крепче окажется их союз. Предупреждал он и греков против преувеличенных стремлений и посягательств на права славян. «Но хотя греки пылки, однако они гибки и умны. Они не упорствуют в заблуждениях и не замедлят признать, что первое условие общего освобождения состоит во взаимном уважении прав и независимости».

«Не подлежит сомнению, что соглашение между греками и славянами возможно. Греческое королевство могло бы вступить в военный союз славянских государств Балканского полуострова, и в совокупности они составили бы силу весьма уважительную в Европе, тем более что к ним, вероятно, примкнули бы и Румынские княжества». Учитывая стремления греков к овладению Константинополем, поскольку пробил час Турецкой империи, Катков не соглашается, чтоб Константинополь принадлежал какому-либо из государств Балканского полуострова. Он должен остаться общим нейтральным пунктом, местом пребывания военных сил всех членов военной конфедерации, местом нахождения патриарха.

Наблюдая за развитием кризиса, «Московские ведомости» подчеркивали в нем инициативную роль славян и желательное завершение его представляли как обеспечение самостоятельности славянского мира прежде всего, а затем и прочих народов полуострова²¹¹. Это объяснялось не только инициативной ролью Сербии или ее относительной силой, но и представлением, что сербам, более чем другим балканским народам, присуще «чувство государственного, сознания той необходимости, которая заключается для народа в крепкой национальной организации и твердой все собирающей под свою руку власти»²¹².

Вот почему гибель князя Михаила Катков признал событием роковым для Сербии и Востока. Однако вера в государственные устои сербства была у Каткова крепка и пересиливала высокую оценку роли Михаила. «Мы продолжаем верить, что зародыш государственной самобытности и национальной жизни, завязав-

шийся в части сербского племени, получит предназначенное ему историей развитие...»²¹³

Все это не значит, что газета не проявляла внимания к Греции или Криту. Им посвящено достаточное количество специальных статей, о них упоминают статьи на общевалканские темы. Но Катков рассматривал проблемы, связанные с ними, как часть общевалканского вопроса, удельный вес славянства в котором был значительно большим.

В критском вопросе газета отмечала значение русской материальной помощи повстанцам, но еще выше ценила помощь нравственную²¹⁴. Однако интерес к расстановке сил и международной ситуации в связи с событиями на Крите всегда брал верх в размышлениях газеты по этому вопросу. Так, в начале 1867 г. Катков писал: «Если восточный вопрос задерживается Францией и Австрией, то единственно с тем, чтобы выиграть время, и этим временем подготовиться к борьбе с Пруссией... Для Пруссии союз с Россией при этих обстоятельствах в высшей степени желателен, а также весьма желательно и то, чтобы восточный вопрос принимал все большие и большие размеры. Но как то, так и другое предписывается прусскими интересами лишь на время, именно до тех пор, пока Пруссии не удастся окончательно вытеснить Австрию из Германии, а как только была бы достигнута эта цель, интерес Пруссии состоял бы в том, чтобы предоставить Австрии фактическое господство на Балканском полуострове»²¹⁵.

Когда Франция обнаружила готовность сблизиться с Россией в восточном вопросе, Катков отмечал временный характер этого поворота, обусловленный возможностью столкновения с Пруссией из-за Люксембурга²¹⁶. «Россия не может надеяться,— писал он,— чтоб у нее когда-нибудь на Востоке были одинаковые с Францией интересы. Прежде всего, Франция вовсе и не имеет на Востоке, именно в европейской Турции, собственных интересов и симпатий, и тамошние дела суть для нее постороннее дело... Положение Франции в восточном вопросе может зависеть и зависит более или менее от политических комбинаций, чуждых ему...»²¹⁷

Скептицизм относительно участия держав в давлении на Турцию никогда не покидал Каткова. Когда в октябре 1867 г. состоялось подписание декларации четырех держав, адресованной Турции, где подписавшиеся правительства отрекались от солидарности с Портой и какой-либо ответственности за ее судьбу, он сначала увидел значение акта в этом отказе, но вскоре понял, что если присоединение Франции неискренне и она готова сблизиться с уклонившимися от подписания Англией и Австрией, то платоническое присоединение Пруссии и Италии ничего не значит²¹⁸.

Временами газета готова была советовать правительству сенаратный шаг: «объявить с своей стороны, что она (Россия. —

С. Н.) считает этот остров принадлежностью Греции», и потом предложить другим присоединиться к такому акту²¹⁹. Но на таких предложениях газета никогда особенно не настаивала. Это были не программные заявления, а практические предложения, принять или отвергнуть которые было делом осведомленных лучше Каткова правительственных кругов.

Твердо веровал Катков в правильность политики русского правительства. Для 1867—1868 гг. нам представляется бесспорной тесная связь «Московских ведомостей» и Горчакова, по-видимому, отсутствовавшая в 1866 г. В одном случае Катков сам указывает на нее, отмечая «обязательную благосклонность» министра, которой он обязан возможности опубликовать ноту четырех держав.

Нам представляется вероятным предположение, что в 1867 г. Каткову делались указания о желательном направлении его статей. Известно, что подобные факты имели место раньше и позже. Нас не смущает различие в тоне статей 1866 и 1867 гг. Первоначально, по-видимому, само правительство рассчитывало на более бурное и быстрое развитие событий. В 1866 г. оно дало распоряжение запретить все перемещения и отпуска для консульских чинов на Востоке²²⁰. Но затем обнаружилось, что подобные предположения оправдаться не могут. Нельзя не поставить в связь с таким колебанием и колебания Каткова. Если предположить, что непосредственным проводником вдохновения «Московских ведомостей»,шедшего из недр министерства иностранных дел, как это нередко случалось²²¹, был Ф. И. Тютчев, тогда легко понять известную близость тона «Московских ведомостей» и «Москвы».

Что же касается программной близости между Катковым и Горчаковым, то доказательств этого значительно больше. Когда были опубликованы русские документы о восточной политике (надо сказать, что мысль о значении и желательности такой публикации была высказана Катковым за несколько месяцев до того, 15 февраля 1867 г.), передовая «Московских ведомостей» с гордостью противопоставляла этот русский «Blue Book» другим подобным публикациям, а мысли опубликованных документов называла «блистательными характеристиками и доводами»²²². По поводу 50-летнего юбилея службы Горчакова газета писала, что он начал русскую национальную политику, и отделяла ее — эту официальную политику царского правительства — от всех других возможных концепций как наиболее правильную и соответствующую интересам России.

«Пример князя Горчакова лучше всего свидетельствует, что национальная политика не имеет ничего общего с так называемым *квасным* патриотизмом, который уживается со всяким уроном народных интересов и достоинства, как ханжество уживается с безверием, — что сила национальной политики заключа-

ется не в каких-либо вычурных доктринах народности, не в каких-либо сочиненных теориях, возводящих в мертвящий идеал *statu quo* народного быта или ищущих оригинальности в гримасах,— что сила ее заключается в живом деле, исполненном чувства народной чести и пользы»²²³. Дело это выполняется столь блистательно, что Горчаков «составит вечную славу нынешнего царствования».

Заявления Каткова о политике Горчакова имеют огромное принципиальное значение. Они свидетельствуют о едином как у публициста, так и у министра понимании задач национальной (с дворянско-буржуазных позиций) внешней политики России. Может показаться, что катковское заявление по поводу юбилея Горчакова не было выражением глубокого существа его взглядов на задачи России. Однако легко было бы привести и другие его заявления, опровергающие подобные сомнения. Национальных интересов России в ее внешней политике «Московские ведомости» касались не раз. В области европейской политики Катков признавал необходимым воздерживаться от участия в борьбе за Пруссию или Францию, руководиться собственными интересами и реагировать на столкновения держав лишь в случае, если будут затронуты эти интересы. Наиболее целесообразно с точки зрения интересов России стремиться к изоляции от борьбы других держав, «чтобы случайности этой борьбы не коснулись владений России». «Для себя же Россия желает только должного, т. е. отмены тех постановлений трактата 1856 г., которыми нарушены ее права и оскорблено ее достоинство»²²⁴. И в этом пункте мы видим полное совпадение основного устремления горчаковской политики с желаниями Каткова. То же можно сказать относительно горчаковского предложения о передаче Крита Греции.

Интересна, наконец, близость их в вопросе об ориентации политики России. Хотя польское восстание и повело к сближению России с Пруссией, последняя не стала исключительным объектом русской дружбы. Все переговоры по поводу критских дел Горчаков пытался проводить, опираясь на Францию, хотя непрочность ее поддержки была видна с самого начала. В одной из статей Каткова мы встречаем такие суждения: «Только крайнее ослепление или неразумие могли бы заставить ее (Россию. — С. Н.) искать тайны разрешения Восточного вопроса в исключительном союзе с Пруссией... только Франция могла бы быть естественною союзницею России, если бы между этими двумя нациями не было тьмы недоразумений, которые не позволяют думать о каком-либо сепаратном между ними союзе»²²⁵. Но политика Франции на Востоке, где она стремится опереться на Австрию, ее противодействие русским намерениям разрешить восточный вопрос, исходя из действительных потребностей «не только христианских, но и мусульманских населений»²²⁶, делают франко-русский союз невозможным.

Мы не думаем, что все указанные совпадения объясняются воздействием или прямыми указаниями министерства иностранных дел. Гораздо важнее то, что и Катков и Горчаков были представителями одного и того же класса. Единство социального лагеря в первую очередь определяло близость их точек зрения и лишь в отдельных вопросах могло дополняться непосредственными указаниями из Петербурга.

Не следует думать, что сочувствие Горчакову было уделом только «Московских ведомостей». Политика Горчакова встречала сочувствие и у других представителей той же классовой группы или близких к ней. Мы видели, что признание ее политической национальностью было общим взглядом Каткова и Аксакова. «Голос», постоянно колебавшийся между реакцией и либерализмом, но всегда отличавшийся налетом последнего, одобрял политику Горчакова — Александра II за ее мирное направление²²⁷.

Легко видеть, что прославление мирного характера русской политики было солидаризацией с общим направлением горчаковской внешнеполитической линии, провозглашенной русским министром иностранных дел в 1856 г. Примат внутреннеполитических задач, возведенный в циркуляре от 21 августа 1856 г., «Голосом» рассматривается как политика, наиболее соответствующая интересам страны, как политика национальная, осуществляемая «по собственному усмотрению и вопреки желаниям Запада»²²⁸. Ее дальнейшим развитием и завершением является политика России в отношении православного Востока. Ссылаясь на слова Николая в беседе с лордом Сеймуром, что Турция — большой человек, «Голос» полагал, что этот политический парадокс должен быть повторен, т. е. возведен до уровня политической истины²²⁹.

«Безвыходность положения высокой Порты есть прямое следствие самой неестественности ее исторического существования... Турции в сущности нет..., а есть только Балканский полуостров, населенный европейскими племенами, славянскими и греческим, полуостров, на который перебрались из Азии толпы другого, неевропейского народа, как живое отрицание европейской жизни»²³⁰. Турецкие земли должны быть предоставлены тем, кто ими владеет *de facto*, т. е. племенам, населяющим Балканы. Если бы Европа пошла на это, легко было бы избежать общего столкновения и разрешить восточный вопрос. Нет оснований опасаться русских претензий. Россия и без того достигла «геркулесовых столбов территориального расширения», она не стремится сейчас, как не стремилась раньше, к овладению проливами или другими землями²³¹. Это дает основание рассчитывать, что славяне, когда лучше узнают Россию, станут ее друзьями²³².

Наблюдая за событиями 1867 г., «Голос» колебался в оценке перспектив движения на Балканах. Временами он возлагал боль-

шие надежды на успех вооруженной борьбы и в связи с этим признавал большое значение Сербии. «Готовящиеся, по всей вероятности, к настоящей весне серьезные столкновения славян с турками выдвигают Сербию на первый план... на долю Сербии..., без сомнения, выпадет почин в решении восточного вопроса, если не в окончательной форме, то хотя приблизительно к той конечной форме, в какой возможно разрешение этого, более чем гордиева узла — этой, что называется, „мертвой петли“»²³³. Временами он не видел среди славян достаточного согласия, которое могло бы опрокинуть все препятствия²³⁴, и считал возможным дальнейшую затяжку восточного вопроса, превращение его в нескончаемый ряд смут. И этот исход и полное освобождение турецких христиан казались возможными²³⁵. То он вновь усматривал все признаки общего движения: «Сербия, празднующая теперь очищение своих крепостей от турецкого занятия, старается присоединить к себе Боснию и Герцеговину и заключить тесный союз с Черногориею. Положение острова Крита ни для кого не тайна; Фессалия и Эпир ждут только удобной минуты восстать с оружием; наконец, в самом Константинополе опасаются беспорядков и на почь прекращают сообщение с европейским предметом. Разве все это не знамения времени?»²³⁶.

В связи с этим не было ясности в мнениях газеты и относительно значений дипломатии. Временами она отводила ей крупную роль. Это особенно хорошо видно в статьях «Голоса», посвященных критскому восстанию. В связи с отправкой на Крит армии Омера-паши газета возлагала надежду, что Европа помешает резне критян и заявляла: «Если б мы не надеялись остановить кровопролитие на острове Крите, мы бы не стали помогать критянам деньгами, а откровенно сознавшись в своем бессилии, посоветовали бы критским инсургентам покориться их горькой участи — этого требовало человеколюбие и достоинство великой державы»²³⁷.

Но так как дипломатия была бездейтельна, это вызывало негодование: «Начинается замазыванье старых ран, фельдшерская пачкотня там, где нужны сильные лекарства и крутые меры»²³⁸.

Газета заявляла свое сочувствие критянам и доказывала законность их стремлений ссылкой на идею национальности²³⁹. Этим, как увидим, газета сближалась с либеральной печатью.

Однако в отличие от последней газета проявляла такой интерес к славянским странам Балкан и особенно Сербии, что это явно приближало ее к панславистскому лагерю. «Голос» утверждал: «Узел будущего независимого славянского государства на Востоке, очевидно, уже завязывается в Сербии, и если сербы пропустят удобную минуту — пусть пеняют на самих себя»²⁴⁰. Подчеркивая важность для сербов незамедлительного решения вопроса, тем самым подталкивая сербов к вступлению в борьбу, «Голос» обнадеживал южных славян русской поддержкой только

в случае их действительной борьбы: «Если когда-либо русская армия возьмет на себя роль освободительницы турецких христиан вообще, а в особенности славян, то только в том случае, если за нею будет стоять местное народонаселение, жаждущее освобождения. Мы даже надеемся, что до этого не дойдет. Россия может, мы в этом твердо убеждены, исполнить свой долг в отношении своих единоверцев на Востоке и не обнажая меча»²⁴¹.

Такие мотивы приближали «Голос» к позиции панславистов. И надо сказать, что события 1867 г. еще сильнее, чем раньше, наложили на данную газету такой отпечаток. Это в равной мере касается трактовки ею и восточного кризиса и славянских тем в связи со славянским съездом²⁴².

«Отечественные записки» были близки по своей позиции к «Голосу». Они признавали права балканских народов на независимость, право их на восстание, сигнал к которому дал Крит. Прогноз журнала был положителен для критян. Если Турции не будет оказана помощь какой-либо из держав, то военные силы султана будут недостаточны для подавления кандийского восстания, поддерживаемого Грецией. «Политическая хроника» довольно пессимистически оценивала позицию Сербии и Черногории, готовых перейти, если не перешедших, на сторону противников России. Она констатировала умаление русского влияния и надежды держав решать восточный вопрос «без участия России». Журнал с грустью признавал неподготовленность к войне России, которая так и осталась на уровне 1853 г., без железных дорог, связывающих Балтийское и Черное моря, с незащищенными берегами Черного моря и расстроенными финансами. «Наше положение вовсе не такого рода, чтобы возбуждать в нас воинственный пыл, и если суждено нам вскоре взяться за оружие, то мы сделаем это не по собственной охоте, а потому единственно, что настанет минута, когда дальнейшее воздержание от вмешательства в восточные дела равнялось бы для нас политическому самоубийству»²⁴³. Но восточный вопрос может возникнуть помимо России, а в ходе его она заинтересована более Европы. Сама же Россия желает только того, чтобы европейские державы не мешали турецким христианам самим покончить с мусульманскими угнетателями и добиться осуществления их желания создать балканскую федерацию.

Положение требует большей решительности от России. Если она прямо выскажется в пользу полной независимости греков и славян, то сразу возвратит себе прежнее положение на Востоке.

Сначала склонявшийся к позиции невмешательства, в дальнейшем журнал стал более решителен. «Наш ультиматум, — заявлял он, — изгнание турок с Балканского полуострова и предоставление его законным владельцам — южным славянам и грекам»²⁴⁴. Он советовал: «Более энергический образ действий нашего кабинета в восточном вопросе, может быть, был бы жела-

телен и во всяком случае не представляет для России никакой опасности»²⁴⁵.

Две наметившиеся идеи: важность восстания христиан и желательность его более широкого развития без давления и вмешательства держав, с одной стороны, и рекомендация большей активности русской дипломатии, энергичные действия которой необходимы, чтобы помешать отстранить Россию от решения восточного вопроса и изолировать ее от Востока, с другой, звучат в дальнейших обзорах журнала²⁴⁶. Он оптимистически расценивал отношения России с державами, отмечая тенденции к сближению Англии и Франции с Россией, и приходил к выводу: «Чем бы ни разрешился восточный кризис, можно уже ныне смело предсказать одно, а именно, что он решится в смысле вполне согласном с интересами и достоинством России. С каждым днем усиливается в русском обществе сознание неизбежности подобного исхода, и с каждым днем все слабее и слабее опасения за исход противоположный»²⁴⁷.

Несколько позже журнал выражал удовлетворение действиями русского правительства, осуществлявшего «принципы русской национальной политики». Повод для этого дали опубликованные документы относительно позиции России в восточном вопросе. «Отечественные записки» признали политику Горчакова последовательной и бескорыстной, но столкнувшейся с двуличной политикой Франции, которая то поддерживала Россию, когда ждала от нее содействия против Пруссии, то, когда увидела неудачу на этом пути, отшатнулась к Австрии.

«Оно (русское правительство. — С. Н.) предоставило Порту ее собственной участи, выговорив себе открыто полное право вступаться, если понадобится, за угнетаемых ею греков и славян, уже не принимая в расчет необходимости существования в Европе Оттоманской империи»²⁴⁸, — говорил журнал. Правительство ждет развязки, оставив за собой право вступить за греков и славян. И общество (а с ним, очевидно, и журнал), которое не было осведомлено до сих пор о подробностях переговоров и считало политику правительства уступчивой, возьмет назад свои обвинения и «с величайшим сочувствием приветствует подобную решимость правительства». «Отечественные записки», подобно рассмотренным ранее органам печати, шли в ногу с политикой правительства и охотно писали об этом: «России в настоящую минуту следует более, чем когда-либо, быть готовою ко всяким случайностям и помнить, что от решительного действия ее в минуту окончательного кризиса восточного вопроса зависит не только полное возвращение ее прежнего политического значения в Европе, но еще и судьбы всего славянского и православного мира»²⁴⁹.

Близкой к позициям изданий Краевского была одна из лучших провинциальных газет — «Одесский вестник»²⁵⁰. Для ее

программных выступлений характерно, что исходными мотивами и соображениями всегда были русские интересы. Вопрос о балканском союзе, балканской федерации часто поднимался газетой, но в трактовке его отсутствовали панславистские фразы. В интересном обзоре событий 1866 г. — «Панорама Европы в истекшем году» — давался анализ положения в Европе. Сущность международно-политического положения последнего времени газета видела в решении национального вопроса. Существо его она излагала следующим образом.

Франция и Италия стали законченными организмами. Франция обнаруживает стремление распространить свое влияние на Балканы. Объединилась Германия. Началось движение славян. События 1866 г. устранили порядок, созданный Венским конгрессом, потерял значение и Парижский договор в результате нарушения принципа целостности Турции (признание самостоятельности Дунайских княжеств и др.). Еще держатся ограничения России на Черном море. «При общем нарушении договоров, когда право сделалось мертвою буквою и все хватились за вооружения, можем ли мы равнодушно продолжать подчиняться условиям, от которых освободили себя наши бывшие антагонисты по восточному вопросу? Если романская группа создала себе упор в Средиземное море в двух полуостровах, и Франция объединила для своих целей Италию, — то можем ли мы отказаться от желания создать и для себя союзника в лице объединенной Греции и славянской федерации на юге с тем, чтобы занять твердую позицию на Востоке? Могущественные причины заставляют нас дорожить мореходством в Черном и Средиземном морях, которое неразрывно соединено с развитием торговли и благосостояния целой половины России (юга и востока)». Если романский элемент укрепится и на Балканах, а объединенная Германия, быстро развивая торговлю и создавая флот, попытается стеснить Россию на Балтийском море, обнаружится трудность положения России, которая не сможет удержать выгодную позицию и на юге и на севере. «Но как все данные говорят в пользу юга, то мы волей-неволей должны принять деятельное участие в борьбе элементов распадающейся турецкой империи»²⁵¹.

Ни одно из изданий той поры не формулировало так ясно связь балканского вопроса с непосредственными интересами России не только в политической, но и в экономической сфере. Оно и понятно. Где-где, а в Одессе чисто экономические мотивы балканской политики должны были пониматься отчетливее всего. Здесь это было в равной мере связано с интересами помещиков юга и выгодами хлеботорговцев. Проблема Балкан теснейшим образом увязывалась с интересами этих групп. Федеративное объединение славян и греков полуострова являлось предпосылкой укрепления русских позиций на Балканах. А укрепление ее «величавого и спокойного значения в европейском политическом

мире» должно вести к пересмотру трактата 1856 г. и отмене его ограничительных статей²⁵². В связи с этим газета ловит всякие признаки увеличения политического веса России на Востоке²⁵³. Будучи изданием, связанным с буржуазными кругами, «Одесский вестник» не тяготел к панславизму, который в это время был распространен преимущественно в некоторых дворянских кругах. В то же время, отчасти отражая интересы помещиков, а особенно специфической группы южных капиталистов — экспортеров хлеба, он гораздо резче, чем либерально-буржуазная печать, подчеркивает тесную связь России и Балкан, русские интересы и грядущую активность на полуострове.

Освещая болгарский церковный вопрос, газета не рекомендует болгарам бросаться в объятия унии. Им лучше подождать — «не всегда же Россия останется под влиянием ограничений, наложенных ей завистливою политикою Запада; пройдут годы, — у нее явятся железные дороги, изрезающие все обширное славянское поле, устроится военная сила на новых началах, явится грозный флот, улучшатся финансы, устроятся повсеместно мировые и гласные суды, под влиянием которых быстро разовьется кредит и производительность страны. И настанет, наконец, час, когда Россия протянет свою руку меньшим братьям своим и поможет им довершить национальные стремления...»²⁵⁴

Пока же это не осуществится события на Балканах идут своим чередом. Комментируя сообщение газеты «Avenir national» о разговоре князя Горчакова с каким-то французом, где Горчаков говорил о задаче России на Востоке — поддерживать мир, но обращать постоянное внимание на справедливые жалобы христиан, газета так сформулировала политическую линию России: «Политика России в этом вопросе — невмешательство, но соединенное с коллективным действием кабинетов пред Портою», чтобы добиться свободы и безопасности христиан²⁵⁵. Тем больший интерес приобретал вопрос о реальных силах и их соотношении на Балканах. И не удивительно поэтому, что газета стремится определить прочность и мощь Балканского союза. Первоначально она готова признать руководящей роль греков²⁵⁶, но затем оценила значение Сербии, с позицией которой связывает и перспективы борьбы. «Если бы Сербия выступила в кампанию, то восточный вопрос был бы положительно открыт, потому что при продолжающемся восстании кандиотов тогда пошли бы в дело славяне и эллины Фессалии, Эпира, Боснии, Герцеговины, Черногории, — и европейская дипломатия оказалась бы бессильною остановить это движение, тогда как армии Европы пока еще не готовы»²⁵⁷.

В связи с этим критский вопрос рассматривается как элемент общей картины. Если Турция начнет энергично действовать для подавления восстания, кровопролитие толкнет греков на борьбу, а одновременно с этим поднимутся и славяне²⁵⁸. Но Россия долж-

на воздерживаться от какого-либо выступления на Востоке, так как оно повело бы к появлению у Турции союзников и испортило бы все дело²⁵⁹.

Слухи о восстании в Болгарии порадовали газету («...в костер восточного вопроса подброшено нового пороху»), и она пожелала болгарам успеха²⁶⁰. Еще после зальцбургского свидания газета выражала надежду на оживление движения. «Сербия и Румыния готовятся вскоре выступить на позицию, и тогда результаты зальцбургского свидания станут нам яснее, чем в настоящую минуту»²⁶¹. Новый признак грядущего обострения «Одесский вестник» усмотрел в напумевшей истории убийства турками двух славян на австрийском пароходе «Германия», в связи с чем Сербия обратилась с нотой к турецкому правительству²⁶². И даже в самом конце года, когда крах надежд на выступление был ясен, «Одесский вестник» считал, что хотя сербский князь Михаил собрал достаточное количество оружия, но выступать против Турции он не хочет; «но если бы в Османской империи обнаружилось общее движение, то он, конечно, был бы вынужден твердо стать за интересы сербского народа на Востоке»²⁶³.

Напряженным ожиданием катаклизма на Балканах как фактора, ведущего к желательному разрешению вопроса — созданию греко-славянской федерации на Балканах, данная газета сближалась с изданиями панславистского лагеря, хотя и не провозглашала лозунга о едином славянском государстве, а желала лишь союза России с Грецией и славянской федерацией Балканского полуострова.

Буржуазно-либеральная печать обнаруживала гораздо меньше интереса к славянской стороне проблемы и значительно больше к греческой. «Вестник Европы» напечатал две большие статьи Э. К. Ватсона с анализом обстановки. Одна была специально посвящена «восстанию на острове Кандии», другая — «первому пятидесятилетию восточного вопроса».

Первая из них признавала греко-славянский вопрос хроническим делом Европы; опасностью для ее политического спокойствия. Она подробно излагала развитие критского движения, отмечала влияние его на другие области Балкан и приходила к выводу, что «последствием кандийского восстания, начавшегося в прошлом году, уже теперь является то, что восточный вопрос снова восстанет перед Европой со всеми своими опасностями и затруднениями. Кандийского восстания оказалось достаточным для того, чтобы снова подвергнуть опасности самое существование Турецкой империи, как будто обеспеченное трактатами 1856 года»²⁶⁴. Цитируя статьи иностранной прессы, Э. К. Ватсон отмечает несоответствие Парижского трактата новой ситуации и неизбежность близкого конца Турецкой империи. Автор явно переоценивал расположение Западной Европы к разрешению вопроса, когда ссылаясь на желание европейских держав непременно уладить поскорее

затруднения, возникшие на Балканском полуострове, хотя и оставлял известный простор для сомнений: «Теперь важен не столько вопрос: кто победит в настоящей борьбе, турки или кандийцы,— это все равно уже и потому, что для Турции было бы важнее одержать победу не над кандийцами, а, если только то возможно, над самими собою, над своим азиатским варварством,— но весь вопрос состоит теперь в том, одержит ли верх сама современная европейская дипломатия над своими преданиями и решится ли она освежить себя иными взглядами под влиянием впечатлений от последних событий?»²⁶⁵ Вторая статья еще сильнее подчеркивала сомнения. Излагая в двух номерах журнала историю восточного вопроса, Ватсон характеризует предшествующие попытки дипломатии в этой области как противоречивое стремление разрешить задачу создания политического тела с мусульманской головой и христианскими членами. Но теперь проицательные политики Западной Европы не преувеличивают способностей Турции к прогрессу и развитию. После многих трактатов, заключенных для охранения независимости Турции, потоков крови и чернил, пролитых для того же, даже преданные друзья Турции провозглашают полную ее неспособность к перерождению. Первое пятидесятилетие восточного вопроса привело к пересмотру взглядов, и прежние защитники Оттоманской Порты « совещаются о разделе наследства после „больного человека“ »²⁶⁶.

Свою действительную точку зрения журнал формулировал несколько позже. Он не отказывал в сочувствии народам Балкан. Он признавал, что Россия не может не интересоваться восточным вопросом. Велико русское царство, у него шесть морей, но все заперты. Усиление Пруссии грозит запереть и Балтийское море. Поэтому интерес к Черному морю естествен и неизбежен. «Россия тем более должна стремиться к отмене трактата, который не дозволяет ей иметь военного флота на Черном море. Она не может отказаться от оказания поддержки христианским народностям Турции, потому что эти народы и та группа государств, которой при естественном решении восточного вопроса достанутся ключи Черного моря,— природные союзники России, единственные ее союзники в будущем. Они ждут своей свободы от России, и Россия, под опасением потери этого драгоценного союза в будущем, под опасением лишиться всего своего политического призвания в Европе, должна принести им свободу»²⁶⁷. Однако не следует во имя указанных целей спешить или пугаться неудач во внешней политике, так как в стране совершается важная внутренняя работа, гораздо более важная, чем ее задачи вовне.

«Внутренние преобразования, попечение над развитием нашей жизни, слагающейся в более гуманные и свободные формы, для нас всего важнее, и дай бог, чтобы мы занимались ею более всего, занимались ею еще долго, без всякой помехи»²⁶⁸. Внутренние задачи — основное и главное. От них зависит решение и внешне-

политических задач, и до разрешения первых переходить ко вторым не следует. «...Спешить не позволяют ни военные, ни политические соображения. Наши союзники живут с нами и находятся в наших руках, это — время и внутренние улучшения»²⁶⁹.

Итак, Россия не должна вмешиваться в решение восточного вопроса. У нее есть свое, и более важное, дело.

Однако устранение России ничего не изменит на Востоке. Турция — это здание, в котором не осталось цемента и которое держится лишь «при помощи недоразумения». Ее поддерживает Европа, боящаяся раздела. Она налагает на балканские народы дополнительные путы, мешающие их росту. «Пора уже дать этим молодым организмам возможность окрепнуть и вступить на путь самостоятельного развития, которое должно подготовить их к предстоящей им будущности»²⁷⁰. Провозглашая принцип самостоятельного развития балканских народов, «Вестник Европы» обличал бессилие европейской дипломатии и непоследовательность русского правительства.

«Вестник Европы» был единственным в это время подцензурным журналом, который так прямо и четко заявил осуждение непоследовательности русской политики в критском вопросе и проводил идею самостоятельного развития народов Балканского полуострова. Даже среди других либеральных изданий он выделялся независимостью позиции. Но нельзя не отметить, что он признавал в принципе наличие русские интересов на Балканах. Журнал ограничивал сферу их проливами, а решение проблемы переносил в будущее.

Не меньшее внимание к восточному кризису вообще и критскому восстанию особенно проявили «Русские ведомости». «Все политические события, — заявляли они, — которыми так обильно наше время, бледнеют перед грозным кандийским восстанием»²⁷¹.

Газета пристально и сочувственно следила за его развитием. Она критически оценивала турецкие телеграммы с сообщениями (не соответствовавшими действительности) о разгроме критян и с удовлетворением отмечала несколькими месяцами позже, что «дело освобождения Кандии значительно подвинулось вперед. Надежды, которые оттоманское правительство возлагало на лучшего своего полководца Омера-пашу, рушились»²⁷². Иронизируя над напутствиями султанского звездочета, давшего счастливые предсказания перед поездкой султана в Европу, газета отмечала менее благоприятные земные предзнаменования о развитии восточного вопроса: началось восстание в Болгарии²⁷³. Однако в июне повстанцы на Крите потерпели поражение; газета следила за развитием вопроса об амнистии партизанам, но считала дарование последней мнимым, так как она не сопровождалась реформами и, следовательно, не вела к умиротворению²⁷⁴. Невозможность для турок договориться с критянами приводила газету к предположению, что «беспорядки, доселе ограничивающиеся

островом Кандией, могут перейти на материк юго-восточной Европы, проникнуть в славянские земли Турецкой империи и выдвинуть на сцену восточный вопрос со всеми его разветвлениями»²⁷⁵.

Так газета отмечала каждый поворот ситуации на истекавшем кровью острове. Она привлекала внимание к героям защиты, особенно восторгаясь мужеством аркадийских монахов: «Мужество и храбрость, не покидавшие иноков до последней минуты, не много найдут подобных себе примеров; образ старца Гавриила, настоятеля Аркадской обители, с крестом в руке и факелом в другой, после краткой молитвы положившего конец ее существованию, навсегда останется в истории подвигов за неприкосновенность святыни... Мужество, питаемое подобными примерами, не истощается скоро, и победы, подобные одержанной турками над Аркадским монастырем, не приближают их к покорению острова»²⁷⁶. Однако личных качеств бойцов газета не считала достаточным для успеха их борьбы и не раз во имя человеколюбия призывала европейские державы к вмешательству и обращению к турецкому правительству «с внушениями кротости для его будущих действий»²⁷⁷.

Газета в гораздо меньшей степени высказывала свои взгляды на перспективу восстания славян Балканского полуострова. Она касалась этой стороны дела в своих корреспонденциях, но проблема Балканского союза и роль славян в нем не являлись предметом специального интереса газеты, хотя некоторые статьи и касались вопроса о взаимосвязи событий на Балканах, замечая, например, по поводу согласия Турции на освобождение от своих гарнизонов сербских крепостей: «Да, кандiotы не малую сослужили службу для Сербии. Они вправе были бы сказать, что в лице сербского князя орденом Османье награждено отчасти и их мужество»²⁷⁸. Но эти слова лишь возвращали читателя к критским делам. В отдельных случаях газета констатировала обострение сербо-турецких отношений²⁷⁹ и дальше этого не шла. Лишь иногда корреспонденции сопровождалась краткими комментариями.

Следя за комбинацией международных сил, «Русские ведомости» выделяли поездку Александра II в Париж как событие, давшее повод к толкам об отмене условий Парижского мира²⁸⁰.

Другая газета либерального лагеря — «Санкт-Петербургские ведомости» проявляла значительный интерес к борьбе на Крите, но в меньшей мере, чем «Русские ведомости», питала надежды на успех восстания в силу безучастности Европы.

«Санкт-Петербургские ведомости» рассуждали о положении дел в Сербии, отправляясь от популярного в либеральных кругах принципа национальностей. Сербский вопрос, считали они, не может быть разрешен уступкой крепостей. «...Он предполагает более обширные последствия, распространяясь далеко за пределы нынешнего княжества, сливаясь со всем югославянским делом, в челе которого он стоит, и его торжество принесло бы с собою

торжество национального принципа на Востоке, т. е. разрушение австрийской и турецкой монархий»²⁸¹. Ощущение катастрофы, безвыходности положения Турции, звучащее в приведенных словах, нередко слышится на страницах данной газеты. «В Турции, — говорил один из фельетонов, — ...мосты, здания, города — все разваливается; целое государство окончательно ложится в постель, чтоб уж больше не вставать на ноги»²⁸². А это было признанием нежизнеспособности Турции, и с таким взглядом вполне гармонировало отрицание возможности для нее либеральных и широких реформ как выхода из кризиса²⁸³. Выход представлялся газете в форме создания национальных государств на Балканах, включая, кроме княжества, другие области, населенные сербами²⁸⁴.

Во взглядах «Биржевых ведомостей» много общего с «Петербургскими ведомостями». Констатируя неизбежное разложение Османской империи, составленной из не связанных между собой элементов, газета видела в борьбе критян один из признаков распада Турции. Но она более верила в возможность успеха борьбы христиан, чем «Петербургские ведомости». «Если турецкие христиане сами возьмутся за дело своего освобождения и во всех частях Османской империи восстанут против своих угнетателей, то они наверно достигнут того, в чем им отказывает теперь близорукая политика, т. е. свободы политической и религиозной, независимости от деспотического ига султана. Пора уж похоронить „больного человека“, точно так же, как пора положить конец светской власти „Non possumus“»²⁸⁵. Газета внимательно и сочувственно следила за ходом критского восстания; она отрицала «московские интриги» на Крите, отмечала лояльность русского правительства, удивлялась различному отношению держав к осуществлению принципа национальностей на Западе и Востоке. Разбирая соображения западной печати относительно источников средств критян, она характеризовала торговлю греков, рассказывала о греческих колониях в разных странах Европы и Азии, их коммерческих связях и т. п.²⁸⁶ Но она не обнаруживала особого интереса к вопросу о славянском движении на Балканах, хотя в то же время по поводу Славянского съезда заявила, что событие это имеет главным образом политический характер.

Но славянский аспект Балканской проблемы не привлекал внимания газеты, так как задачу решения славянского вопроса на Балканах газета возлагала на дипломатию, на стовор держав, на русско-французское сближение. Это, правда, не исключало, по мнению газеты, русского покровительства на Балканах, и само «примирительное разрешение восточного вопроса, — читаем мы здесь, — между Россией и Францией должно главным образом обуславливаться устройством судьбы православно-славянского населения Турции. Россия, при коллективном влиянии европейских кабинетов на Османскую империю, должна взять законную, вполне принадлежащую ей долю»²⁸⁷.

Гораздо в большей степени «Биржевые ведомости» интересовались вопросом об отмене условий Парижского мира и посвятили этому ряд статей. Они считали, что решение вопроса зависит в основном от позиций Франции, которая должна теперь понять, что она проиграла свою игру в княжествах, Франция должна стремиться ослабить немецкое влияние там, а для этого ей необходимо пойти навстречу русским пожеланиям. «Пересмотр Парижского трактата должен будет клониться к тому, чтобы отменкою в нем некоторых статей усилить вообще влияние нашей политики на Турцию, а обстоятельство это не может пройти бесследно и по отношению к Придунайским княжествам»²⁸⁸. Оценивая перспективы с точки зрения отношений других государств, газета полагала, что Англия не окажет сопротивления, поскольку главная линия соперничества России с ней проходит в Средней Азии, а не на Черном море²⁸⁹. «Для нас, — говорила газета, — прежде всего важно только то, чтобы на всякой пяди нашей земли и на всем пространстве наших морей мы были полными хозяевами, не состоящими под надзором Франции и Англии»²⁹⁰.

Между либеральными изданиями были, как это видно, известные различия, существовали оттенки в мнениях, но основная позиция их довольно однородна. Они лишены того славизма, какой характерен для панславистской печати, хотя они также признают наличие тяжелого, иные — безвыходного, кризиса в Турции. Разрешить последний им хотелось бы путем дипломатии, без столкновений европейских держав, хотя борьбу балканских народов они признавали неизбежной. Они сочувствовали ей и видели способ ее прекращения в создании национальных государств. Либералы отваживались на легкие выпады против отдельных сторон официальной политики правительства. Они намечали свои пожелания, но делали это мягко и выдвигаемых положений не обостряли, имея в виду русские интересы и единодушно подсказывая правительству мысль о необходимости пересмотра Парижского договора.

Среди русской подцензурной печати нашлось только одно издание, оставшееся в стороне от симпатий и интереса к борьбе народов Турции. Это был журнал «Дело», стоявший на левом фланге журналистики. В двух больших статьях Н. В. Шелгунова (под псевдонимом Н. Радюкин), написанных в связи с критским восстанием, автор расходится со всей русской печатью в оценке положения Турции. Если панслависты и либералы отправлялись в своих суждениях от признания наличия безвыходного кризиса Турции, единственное завершение которого — распад ее, Шелгунов утверждал: «Европейские публицисты относительно Турции ошибаются (автор раньше утверждал, что русские газеты повторяют суждения английской публицистики. — С. Н.) в том, что они принимают восходящее солнце за заходящее. И в самом деле турки народ молодой; до сих пор этот народ спал и теперь просыпается; а они уверяют, что он гниет»²⁹¹.

Статьи посвящены обоснованию приведенного положения. Автор отрицает наличие у турок религиозной нетерпимости и упрекает их в «противоположной ошибке — в излишней терпимости, в неумении ассимилировать побежденных»²⁹². Дело вовсе не в том, что Турция — мусульманская страна, а в том, что она малокультурна. Несчастье Турции в дурном внутреннем управлении, задерживающем процветание народа, в экономической отсталости. Христиане противятся стремлениям турецкого правительства к уравнию всех подданных и своими действиями показывают, что не могут существовать без опеки.

«Во всяком случае дурные учреждения страны не дают еще права произносить решительного смертного приговора над народом, имевшим несчастье находиться под влиянием этих учреждений. Лучшая и благородная миссия передовых наций состоит не в том, чтобы истреблять, а просвещать и совершенствовать отсталые страны. В этом задача нашего времени»²⁹³.

Так, из соображений возможного прогресса Турции радикальный журнал этой поры полагал возможным игнорировать наличие острого кризиса на Балканах. Враждебное отношение к панславистско-захватническим стремлениям вело журнал к несерьезному по своим обоснованиям отрицанию национально-освободительной борьбы балканских народов. Как увидим ниже, позиция «Дела» в отношении рассматриваемого нами вопроса совпадала с нигилистическими, но иначе аргументированными взглядами жевневского журнала «Современность».

Русская зарубежная революционная печать по понятным причинам не могла уделять большого внимания балканским событиям. Зарубежные издания не были информационными органами, а являлись орудием пропаганды. Они существовали для освещения внутренних вопросов, вопроса о революции, а не проблем внешней политики, и не судьбы балканских народов или перспективы России на Востоке представляли для них наибольшую важность и интерес. Однако пройти совсем мимо национально-освободительной борьбы на Балканах они также не могли.

В марте 1867 г. А. И. Герцен писал Н. П. Огареву о своем намерении «заявить сочувствие „Колокола“ к греческому делу»²⁹⁴. Он осуществил свое намерение не раз. В небольшой заметке «На площади св. Марка» он писал: «Мы вполне, безусловно, за греков, хотящих слиться с греками; за славян, стремящихся освободиться от чужого ярма»²⁹⁵.

Герцен осуждал общую политику русской дипломатии, подчеркивая важность внутреннего перерождения страны. Так, в «Первом предостережении» ренегату В. И. Кельсиеву он замечал: «Россия прежде должна дома очиститься и переделаться, а потом переделывать границы и мешаться в чужие дела»²⁹⁶. Герцен не одобрял русской политики в критском вопросе. «В Кандии тоже недурна *выставка* — крови и мученических тел. Помогли, нечего

сказать... Есть же такие тяжелые руки и дурные глаза, что все портят, все губят, к чему бы ни притрунулись»²⁹⁷. Отношение Герцена к критическому вопросу и роли в нем правительства имеет общее с позицией либерального «Вестника Европы». Но сходство относится только к решению данных конкретных вопросов. В понимании вопроса в целом Герцен стоял на старой позиции федерации: «Славянскому миру только и есть будущность, что в *федеральном союзничестве*»²⁹⁸.

Иную позицию занял начавший выходить в 1868 г. в Женеве журнал «Современность», издававшийся Л. Мечниковым — Н. Николадзе. Он, с одной стороны, напал на русское правительство за желание поглотить болгар, сербов с черногорцами и босняками²⁹⁹, с другой — отрицал серьезный характер событий на Балканах, раздуваемых русским правительством.

«Полтора гимназиста в Белграде сочинят какую-нибудь прокламацию к болгарам и объявят в пей о небывалом восстании на Балканах, — наше правительство зорко следит за всем этим, не упуская из виду ни одной мелочи и не жалея никаких расходов на это ни к чему не нужное шпионство»³⁰⁰. Но главное заключалось в принципиальной позиции «Современности». А она очень существенна. Отношение к восточному вопросу, сформулированное жевским журналом, оказалось, как будет видно позже, ранним выражением взглядов нового поколения русских революционеров. Позже положения, высказанные в 1868 г., были несколько развиты, но существо их не изменилось. «Современность» отрицала возможность решения восточного вопроса в плане национально-политическом. Существо его не национальное и не религиозное. И положение Турции не отличается от положения Европы, так как там и здесь есть только один требующий решения вопрос — социальный. Признавая полную зависимость христиан Турции от властей, признавая бесправие, грабеж народа чиновниками, продажность администрации, журнал считал их положение все же лучшим положения необеспеченных мусульман. «Самые несчастные, по общему признанию, сами магометане, в особенности немущие»³⁰¹. Свое соображение автор цитируемой статьи подтверждал указанием, что за них заступаться некому. Господство привилегированных имущих классов привело к жалкому состоянию земледелия и промышленности. «Освобождение христиан из-под турецкого ига не уничтожит господства этих классов: все дело ограничится тем, что после так называемого „освобождения“ мусульманский элемент обеспеченных классов значительно уменьшится, чтобы уступить свое место христианскому элементу. Но положение народа ничуть не изменится от того, что его будут эксплуатировать не турки, а единоплеменники, или единоверцы; после освобождения, как и до него, народу не будет житья от усиленных налогов, от поборов в пользу владельцев земли и ростовщиков, ссужающих земледельцев и рабочих орудиями и материалами труда»³⁰².

Признанием первенствующего значения за социальным вопросом «Современность» снимала все прочие и прежде всего национальный. Это свидетельствовало о плохом знакомстве с действительным положением на Балканах, что не удивительно при слабых связях группы «Современности» со славянами. Указанный взгляд характеризует поспешную прямолинейность авторов, скидывавших со счета такую важную проблему, как национальный вопрос. Известно, что Чернышевский в своих выступлениях никогда не ставил вопроса таким образом. Но существенно, что как раз в эти годы, отрекаясь от панславизма, Бакунин вместе с тем стал отрицать и значение национального момента, как он отрицал государственно-политический. В письме к редактору «Réveil» в октябре 1869 г. Бакунин заявлял свои антипанславистские взгляды³⁰³. Он говорил о важности союза с немецкой демократией и выступал против национализма. В «Письме к французцу по поводу современного кризиса» (сентябрь 1870 г.) он писал: «Я ненавижу со всей энергией моего сердца, так сказать, принцип национальностей и рас, который Наполеон III, Бисмарк и русский император выдвигают на первый план только для того (rien que), чтобы разрушить во имя его свободы всех народов»³⁰⁴. Несколькими позже в «Государственности и анархии» Бакунин заявлял: «Национальность не есть общечеловеческое начало, а есть исторический, местный факт... Всякий народ, точно так же, как и всякое лицо, есть поневоле то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собою. В этом заключается все так называемое национальное право»³⁰⁵. Отправляясь от признания национальности только «историческим, местным фактом», Бакунин призывал не стремиться к созданию славянских государств, а добиваться международной социальной революции³⁰⁶. Эти идеи перекликаются со взглядами «Современности».

Мы видели, что во всех остальных органах русской печати события на Балканском полуострове получили тот или иной отклик. Мы обнаружили, что широким и общим сочувствием пользовалась борьба критян. Помимо газетного истолкования она вызывала и иные проявления. Собирались пожертвования, устраивались благотворительные концерты, привлекавшие весьма разнообразную публику.

«Тут было и высшее общество, и мелкое купечество; разряженные дамы сидели рядом с бородатыми купчиками в длинных кафтанах; густые эполеты помещались в одном ряду с приказчиками из Ножевой линии; множество никогда, нигде не виданных лиц, в старомодных фраках, с орденами в петличках и на шее, и немалое число лиц духовного звания довершали картину». Так характеризовал наблюдатель слушателей одного из подобных концертов³⁰⁷. Собиравшиеся на них едва ли шли под влиянием отвлеченных рассуждений публицистов того или иного лагеря; это было проявление гуманного человеческого желания помочь отстаивав-

шим свою свободу и их притесняемым семьям. Так это и понималось греками, одна из газет которых «Клио» с особой признательностью отмечала русскую помощь³⁰⁸. А греческий король хотел даже выразить признательность русской печати пожалованием орденов ряду руководителей газет³⁰⁹.

Критяне привлекали своим героизмом и страданиями не только безымянных слушателей концертов или жертвователей, но и известных в том или ином отношении деятелей. Так, И. К. Айвазовский под влиянием газетных известий написал несколько картин, изображавших эпизоды борьбы кандиотов с турками на суше и на море, выставив их в Одессе, а плату за вход отдавал в пособие критянам³¹⁰. Никакого движения в помощь балканским славянам в рассматриваемый период не возникло. Только Славянские комитеты устанавливали связи, обсуждали возможности материальной помощи ожидавшемуся восстанию христиан на Балканах³¹¹. Да печать, как мы это видели, рассматривала разные аспекты проблемы. Славянский вопрос приобрел в России большую популярность в результате более близкого знакомства со славянами, которое принес Славянский съезд 1867 г. в Москве³¹².

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XVIII, стр. 300.

² Письмо М. А. Бакунина к неизвестному. «Былое», 1906, № 8, стр. 255—264.

³ «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». СПб., 1906, стр. 265.

⁴ П. Никол. Възраждане на българския народ. Църковно-национални борби и постижения. София, б. г., стр. 83.

⁵ Биографию Хр. Даскалова см.: Т. Н. Шишков. Доктор Христо Даскалов. «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. VIII. София, 1892.

⁶ «Русская беседа», 1858, т. II, кн. 10, стр. 4.

⁷ Там же, стр. 15.

⁸ Там же, стр. 21.

⁹ «Русский вестник», 1858, т. XIII, «Современная летопись», № 2, стр. 248.

¹⁰ Там же, стр. 249—250.

¹¹ Государственная библиотека СССР им. Ленина, Отдел рукописей (далее — ОР ГБЛ), ф. 231/II, п. 15, ед. 3.

¹² Н. А. Любимов. М. Н. Катков и его историческая заслуга. СПб., 1889, стр. 77—96.

¹³ А. С. Хомяков. О греко-болгарской распре. Полн. собр. соч., т. III. М., 1914, стр. 456.

¹⁴ Там же, стр. 458.

¹⁵ А. И. Кошелев. Мои воспоминания об А. С. Хомякове. «Русский архив», 1879, кн. 3, № 11, стр. 296.

¹⁶ «Московские ведомости», 5—14.VIII 1858 г. Отдельно: «Ответ „Русскому вестнику“ по болгарским делам». СПб., 1858.

¹⁷ «Московские ведомости», 9.VIII 1858.

¹⁸ «Московские ведомости», 14.VIII 1858.

¹⁹ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1900, стр. 371; Письмо Аксакова Черкасскому от 17.VII 1858 г. ОР ГБЛ, ф. 327/II, п. 4, ед. 17.

²⁰ Н. А. Любимов. Указ. соч., стр. 72.

- ²¹ См. его письмо, приведенное в кн.: Н. Попов. Из истории Славянского благотворительного комитета в Москве, вып. 1. М., 1871. Подлинник этого письма см.: ЦГАОР СССР, ф. 1750.
- ²² Письмо Хомякова Аксакову от 17 июля 1858 г. ОР ГБЛ, ф. 327/II, п. 4, ед. 17.
- ²³ «Русская подпольная и зарубежная печать». М., 1935.
- ²⁴ «Русское слово в пользу болгар по поводу ответа «Русскому вестнику», Прага, 1860, стр. 3.
- ²⁵ «Северная пчела», 1.VI 1860.
- ²⁶ ОР ГБЛ, ф. 86, п. 4, ед. 104. Письмо от 27.IX 1860 г.
- ²⁷ «Отечественные записки», 1860, т. СXXXI, № 7, стр. 12.
- ²⁸ «Отечественные записки», 1860, т. СXXXIII, № 11—12, «Политическое обозрение», стр. 71.
- ²⁹ Там же, стр. 72.
- ³⁰ Имеется в виду фирман, утвердивший уступки патриархии, принятые на соборе 1861 г. Он признал право болгар занимать епископские посты, право преподавания в училищах на болгарском языке и употребления его в церковной службе. См.: Н. Станев. България под иго. София, 1947, стр. 248—249.
- ³¹ «Современная летопись», 1861, № 21, стр. 17.
- ³² «Современная летопись», 1861, № 28, стр. 13.
- ³³ «Труды Киевской духовной академии», 1861, № 1, стр. 358—372.
- ³⁴ «Труды Киевской духовной академии», 1861, № 7, стр. 281.
- ³⁵ «Христианское чтение», 1861, № 11, стр. 361—362.
- ³⁶ «Современная летопись», 1866, № 28, стр. 1—4.
- ³⁷ «Современная летопись» 1867, № 39, стр. 11. Кроме того, греко-болгарский вопрос затрагивался в № 40 и 43 за 1866 г.
- ³⁸ «Московские ведомости», 7.VI и 14.VI 1866. Статья Попова была встречена сочувственным откликом «Русского инвалида», благодарившего автора за ценные сведения. «Инвалид» защищал официальную позицию, которую критиковал Попов, и утверждал, что она не имела в виду предпочтения одной из борющихся сторон («Русский инвалид», 16.VI 1866).
- ³⁹ «День», 21.X 1861 («Славянский отдел»), стр. 13.
- ⁴⁰ «День», 28.X 1861.
- ⁴¹ «День», 11.XI 1861.
- ⁴² А. Ц. Мысль о соборе по делу болгарскому. «День», 6.I 1862. Предполагаем, что автор — болгарин, хотя и называет себя русским. Так делал и Жинзифов. См.: «День», 10.IV 1863, «Славянское обозрение».
- ⁴³ «День», 13.I 1862.
- ⁴⁴ «День», 22.XII 1862.
- ⁴⁵ «День», 10.IV, 9.III 1863.
- ⁴⁶ «День», 15.IV 1863.
- ⁴⁷ «День», 28.IX 1863.
- ⁴⁸ «День», 9.XI 1863.
- ⁴⁹ М. Димитров. По-главни моменти из живота на Ботева. См.: Съчинения на Христо Ботев, т. 1. София, 1945, стр. 111; Н. Ников. Указ. соч.
- ⁵⁰ «Български книжици», кн. 7, ч. I, апрель. Цариград — Бейоглу, 1860, стр. 265—268.
- ⁵¹ Там же, в разных статьях.
- ⁵² «Правда-та на българе-те срещу лъжи-те на фанариоти-те», Там же, кн. 23; кн. 4, 5, 15 и др.
- ⁵³ С. С. Бобчев. Раковски като публицист. «Сборник на Българската академия на науките», кн. IX (6). София, 1918, стр. 30.
- ⁵⁴ «День», 11.IV 1864 («Еще слово о фанариотах в Болгарии»).
- ⁵⁵ «Голос», 24.IX 1865.
- ⁵⁶ «Русские ведомости», 20.X, 27.X 1866.
- ⁵⁷ «Из архивата на Найдено Герова», кн. I. София, 1911, док. 58.
- ⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 231/II, к. 5, ед. 22 (Письмо от 28 XII 1860).

Интересные данные об эмиграции крымских татар см. в статье:

Б. М. Вольфсон. Эмиграция крымских татар в 1860 г. «Исторические записки». М., 1940, т. IX.

⁵⁹ «Из архивата на Найден Геров», кн. II. София, 1914, стр. 665, 888.

⁶⁰ ОР ГБЛ, ф. 231/II, к. 27, ед. 61 (Письмо А. В. Рачинского Погодину от 22.XII 1856).

⁶¹ «Из архивата на Найден Геров», кн. I, док. 391, 392, 393, 399.

⁶² М. Димитров. Комитетът на «Старите» — Добродетелната дружина. «България 1000 години 927—1927», I, стр. 755.

⁶³ И. Д. Шишманов. Раковски като политик. «Сборник на Българската академия на науките», кн. IX (6). София, 1918, стр. 13; «Архив на Г. С. Раковски», т. 1. София, 1952, стр. 383—385.

⁶⁴ Г. Раковски. Преселение в Русия, или руска-та убийствена политика за българы-ты. Пловдив, 1885. Перепечатано: «Съчинения на Г. С. Раковски». София, 1922.

⁶⁵ «Русский вестник», 1860, т. XXX, кн. 11—12, «Современная летопись».

⁶⁶ М. Р-ий. Из воспоминания офицера генштаба о водворении выходцев Болгарии и Румелии в казенных и пустопорожных землях Таврического полуострова. «Отечественные записки», 1861, кн. 4 (СХХХV), стр. 479.

⁶⁷ Ср.: «Современник», 1861, т. LXXXV, № 1, стр. 33—34.

⁶⁸ Кроме Жинзифова в защиту переселения и против Раковского из среды русских болгар дважды выступил И. С. Иванов. В 1862 г. он напечатал в Одессе специальную брошюру, где обвинял молдавское правительство в утеснениях болгарских колонистов Бессарабии (И. С. Иванов. Заметки о переселении болгар из Молдавии в Новороссийский край. Одесса, 1862). Спустя два года он выступил против брошюры Раковского, См.: «Сборник статей И. С. Иванова о некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар». Кишинев, 1896, стр. 24.

⁶⁹ «День», 20.I и 27.I 1862 («Переселение болгар и малороссиян из Молдавии и Турции в Россию»).

⁷⁰ «День» 8.II 1863 («Выселение болгар из Крыма в Турцию»).

⁷¹ В письме к Погодину от 29.II 1864 г. Каравелов отрицал, что отзывался резко об Аксакове: «Если не считать таким отзывом прилагаемую здесь статью мою о „Дне“, которая была криком соболевшего (так! — С. И.) сердца, была сознание души, оплакивающей родину. Правда, в некоторых листах своей статьи я позволил себе выразиться слишком резко, но меня извиняет в этом положение моей родины и участь, постигшая моих соотечественников в Крыму» (ОР, ГБЛ, ф. 231/II, к. 14, ед. 76, л. 2).

⁷² М. Хитрово. Поездка на Прилепскую ярмарку и в монастыри св. Архангела и Тресковец. «Русский вестник», 1863, кн. 3, стр. 209.

⁷³ Там же, стр. 223.

⁷⁴ С. Товановић. Друга влада Милоша и Михаила (1858—1868). Београд, 1923, стр. 7.

⁷⁵ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. III, ч. 1. М., 1892, стр. 466.

⁷⁶ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 386.

⁷⁷ Там же, стр. 330.

⁷⁸ Государственный исторический музей (далее — ГИМ), ф. 178 (Хомяковых), № 33, л. 58, письмо от 7.III 1860.

⁷⁹ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 384 (Письмо к И. Аксакову).

⁸⁰ «Русский архив», 1915, вып. 6, кн. 2, стр. 132.

⁸¹ А. С. Хомяков. Полн. собр. соч., т. I. М., 1911, стр. 378.

⁸² Там же, стр. 389.

⁸³ Там же, стр. 400.

⁸⁴ Там же, стр. 404.

⁸⁵ «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах», т. III, ч. 1, стр. 466—467.

⁸⁶ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, архив Аксакова, № 101.

⁸⁷ Там же, № 287.

⁸⁸ Там же, № 64.

⁸⁹ Там же, № 339 (Письмо от 18.II 1869).

- ⁹⁰ «Современник», 1862, т. ХСIII, кн. 3—4, «Современное обозрение», стр. 49.
- ⁹¹ Там же, стр. 57.
- ⁹² ОР ГБЛ, ф. 231/II, к. 1, ед. 42.
- ⁹³ «Русское слово», 1864, № 5. Славянофильская программа получила в этой статье такую оценку: «Славянофилы не любили и не любят нас так, как мы думали, они любят нас страстно, безумно (и действительно безумно). И вследствие ложных начал, на которых они обещают свободу народам,— свободу вместе с угнетением, они скорее ненавидят, чем любят нас; потому что их приторное сентиментальничанье, их гнилой романтизм, да еще в политических вопросах, решительно ни на что не годен; их любовь требует от нас жертвы, жертвы огромной, от которой зависит самобытность нашей жизни... Они любят нас не как равных себе, но как нижних, которые посредством разного рода метаморфоз и под руководством славянофилов должны достигнуть совершенности и уподобиться своим старшим руководителям и братьям».
- ⁹⁴ «Современник», 1865, т. CVIII, кн. 6, стр. 156. Не столько на «Послание», как думал Лемке, сколько на события в Сербии, которые побудили к написанию «Послания», откликнулся «Колокол» статьёй «Сербы и черногорцы». В этой статье Герцен предупреждает против смещения России и ее правительства и советует «окончательно не надеяться на русское правительство», которое интересуется славянами и засылает своих агентов к ним тогда, когда хочет «оторвать какой-нибудь кусочек Турции или пугнуть Австрию» (А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIV, стр. 330—334). Заинтересовалось политикой правительства в Сербии берлинское «Свободное слово», отметившее боязнь царизма перед народом и постоянный страх анархии, что препятствует разрешению вопроса («Свободное слово», Берлин, 1862, т. 1, вып. 7—8, стр. 476—492).
- ⁹⁵ «Русский вестник», 1858, т. XVIII, кн. 2, стр. 448.
- ⁹⁶ Институт русской литературы (далее — ИРЛИ), ф. 30, оп. 2, № 19.
- ⁹⁷ «Русский вестник», 1859, т. XXI, кн. 2 («Современная летопись»), стр. 148.
- ⁹⁸ «Современная летопись», 1861, № 10, стр. 14.
- ⁹⁹ «Современная летопись», 1861, № 16, стр. 15.
- ¹⁰⁰ «Современная летопись», 1861, № 33, стр. 18.
- ¹⁰¹ С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила (1858—1868). Београд, 1932, стр. 89—93. Ср. Г. Јакшић и В. Вучковић. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила (Први балкански савез). Београд, 1963.
- ¹⁰² «Современная летопись», 1862, № 12, стр. 8.
- ¹⁰³ «Современная летопись», 1862, № 25, стр. 20.
- ¹⁰⁴ «Современная летопись», 1862, № 36, стр. 17.
- ¹⁰⁵ «Современная летопись», 1862, № 37, стр. 14.
- ¹⁰⁶ «День», 2.VI 1862.
- ¹⁰⁷ Архив Академии наук СССР, ф. 35, оп. 1, № 1727.
- ¹⁰⁸ С. А. Никитин. Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в. «Ученые записки Института славяноведения», 1952, т. VI, стр. 100.
- ¹⁰⁹ «День», 1.IX 1862.
- ¹¹⁰ «Время», 1862, № 6, стр. 12.
- ¹¹¹ «Время», 1862, № 8, стр. 27.
- ¹¹² «Современник», 1863, т. ХСIV, кн. 1—2, «Современное обозрение», стр. 330.
- ¹¹³ «Современник», 1865, № 5, стр. 161—162. В последующее время в «Дне» появился ряд корреспонденций из Белграда и Вены (15.IX, 20.X 1862, 29.V 1865) и несколько статей Грмаля, одна из которых была посвящена скупшине как «высшей юридической форме общинного быта сербского народа». Автор упрекал скупшину 1861 г. в ошибочном лишении действительных и бывших правительственных служащих права участия в скупшине, что устраняло из нее политических вождей (25.V 1864). Мысль о важности скупщины выражена в статье его «Мнимый заговор против князя Сербского» (15.VIII 1864).

- 114 «Русский вестник», 1858, т. XV, кн. 1, «Современная летопись», стр. 83—85.
- 115 «Отечественные записки», 1858, кн. 5, т. CXVIII, «Разные известия», стр. 53.
- 116 «Библиотека для чтения», 1859, № 3, т. 154, стр. 48 («Последняя борьба черногорцев с турками»). По сообщению редакции, очерк написан лицом, которое само находилось в близких отношениях со славянами и в настоящее время «может располагать многими любопытными сведениями и данными».
- 117 А. Гильфердинг. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859; «Записки императорского русского географического общества», кн. XIII. СПб., 1859.
- 118 «Современник», 1860, т. LXXX, № 3, стр. 125.
- 119 Там же, стр. 128.
- 120 «Библиотека для чтения», 1860, т. CLVIII.
- 121 Там же, стр. 26.
- 122 ГИМ, ф. 178 (Хомяковых), № 33, л. 197 об., 198.
- 123 С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960, стр. 147—152.
- 124 ОР ГБЛ, ф. 265, п. 140, ед. 1 (Письмо к Аксакову от 29.XI 1860).
- 125 «День», 17.III 1862.
- 126 «День», 13, 27.X; 3.XI 1862. Это требование становится программой «Дня» и защищается в дальнейших статьях (17.XI 1862), в статье К. «Morning Post и Черногория», в «Записках славянина-гарибальдийца» (2.II 1863).
- 127 Влангали писал Аксакову: «Страны Оттоманской империи, которые Вы посетили, не показались Вам во всей своей, так сказать, нагоде; со всеми отношениями к остальным окружающим землям...» (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, архив Аксакова, № 101).
- 128 «Современная летопись», 1861, № 41.
- 129 «Время», 1861, № 12, «Политическое обозрение», стр. 56.
- 130 «Время», 1863, № 1, «Современное обозрение», стр. 90.
- 131 «Библиотека для чтения», 1861, № 10, т. 167, стр. 22.
- 132 «Отечественные записки», 1862, т. CXLIV, № 10, «Современная хроника России», стр. 86.
- 133 «Русское слово», 1862, кн. 4, стр. 28 («Политика»).
- 134 «Русское слово», 1862, кн. 5, стр. 30 («Политика»).
- 135 «Современник», 1863, т. XCVI, № 6, «Современное обозрение», стр. 262, 264.
- 136 Там же, стр. 265.
- 137 Там же, стр. 273—274.
- 138 См.: Л. А. Плоткин. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых годов. М.—Л., 1945, гл. VIII.
- 139 «Русский вестник», 1858, т. XVIII, № XI, кн. 2, стр. 239.
- 140 «Русский вестник», 1859, т. XIX, № 2, кн. 1, стр. 273—274; см. также: «Современная летопись», 1861, № 13.
- 141 «Библиотека для чтения», 1859, т. CLV, кн. 6, стр. 12 («Ионические острова»).
- 142 «Современник», 1859, № 2, стр. 347 («Политика»).
- 143 «Голос», 5.IV 1863.
- 144 «Голос», 10.V 1864.
- 145 «Отечественные записки», 1864, т. CLII, № 1, стр. 103 («Политическая хроника Европы»).
- 146 «Отечественные записки», 1858, кн. 12, стр. 800.
- 147 «Русский вестник», 1857, т. XII, «Современная летопись», кн. 1, стр. 191; 1860, т. XXX, кн. 1—2, стр. 285.
- 148 «Библиотека для чтения», 1859, т. CLIV, № 4, «Хроника политических событий», стр. 11.

- 149 «Современник», 1859, № 2, «Политика», стр. 351.
- 150 «Современник», 1861, т. LXXXV, № 2, «Предисловие к нынешним австрийским делам», стр. 587.
- 151 «День», 6.I 1864 («О посвященных румынских монастырях»).
- 152 Архив АН СССР, ф. 35, оп. 1, № 1727, 11 (23).VIII 1864.
- 153 «Московские ведомости», 21.II 1864.
- 154 «Московские ведомости», 2.IV 1864.
- 155 «Московские ведомости», 3.IV 1864.
- 156 «Голос», 10.VIII 1865.
- 157 «Московские ведомости», 13.VI 1864; 19.XII 1865.
- 158 «Московские ведомости», 16.II 1866.
- 159 ЦГАОР СССР, ф. 828, оп. 1, д. 1437, л. 95.
- 160 «Голос», 15.II 1866.
- 161 «Русские ведомости», 24.II 1866.
- 162 *P. Henry*. L'abdication du prince Cuza et l'avènement de la dynastie de Hohenzollern au trône de Roumanie. Paris, 1930, p. 57.
- 163 «Московские ведомости», 23.II 1866.
- 164 «Московские ведомости», 5.III 1866.
- 165 «Русский инвалид», 1.IV 1866.
- 166 «Московские ведомости», 9.III 1866.
- 167 «Московские ведомости», 20.VII 1866.
- 168 «Московские ведомости», 4.XII 1866.
- 169 «Московские ведомости», 6.XII 1866.
- 170 «Голос», 15.II 1866.
- 171 Там же.
- 172 «Голос», 11.V 1866.
- 173 «Отечественные записки», 1866, т. CLXVI, № 6, «Политическая хроника», стр. 10—12.
- 174 «Отечественные записки», 1866, № 11, кн. 2, «Политическая хроника», стр. 98.
- 175 «Русские ведомости», 18.X, 14.V 1866.
- 175a *E. Driault et M. Lhéritier*. Histoire diplomatique de la Grèce, t. III. Paris, 1925, p. 198.
- 176 *С. Јовановић*. Друга влада Милоша и Михаила (1858—1868), гл. V. Београд, 1923; *С. А. Никитин*. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник». М., 1947, стр. 285—286; *Г. Јакшић и В. Вучковић*. Спољна политика Србије за владе кнеза Михаила. Београд, 1963.
- 177 ОР ГБЛ, ф. 169, п. 16, ед. 1. «Воспоминания», кн. XVII, л. 73.
- 178 «Москва», 4.I 1867.
- 179 Там же.
- 180 «Москва», 11.I 1867.
- 181 «Москва», 21.II 1867.
- 182 «Москва», 5.III 1867.
- 183 «Москва», 11.II 1867.
- 184 «Москва», 19.I 1867.
- 185 «Москва», 5.II 1867.
- 186 «Москва», 15.VIII 1868.
- 187 «Москва», 14.I 1867.
- 188 «Москва», 14.I, 5.III 1867.
- 189 «Москва», 19.I 1867.
- 190 «Москва», 28.III 1867.
- 191 «Москва», 19.I 1867.
- 192 «Москва», 15.VIII 1868.
- 193 «Москва», 19.I 1867.
- 194 «Москва», 21.II 1867.
- 195 Только одно издание говорило о необходимости войны в случае затруднений в разрешении восточного вопроса в желательном для России на-

правлении. Им был панславистский журнал «Всемирный труд», но и он определение момента начала войны предоставлял правительству. «Наши интересы на востоке слишком велики, и неуспех в деле угрожает столь великими утратами и бедствиями, что война должна быть поставлена на чисто народную почву и чтобы к участию в этом деле народ и общество были призваны своевременно, а не тогда уже, когда будет поздно» («Политические и общественные заметки», 1867, № VIII, стр. 345).

¹⁹⁶ «Москва», 8, 31.I; 2, 11.II 1867 и др.

¹⁹⁷ «Москва», 14.VII 1867.

¹⁹⁸ «Москва», 15.VIII 1868.

¹⁹⁹ ОР ГБЛ, ф. 169, п. 16, ед. 1, «Воспоминания», кн. XVII, 1867, стр. 73.

²⁰⁰ ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 657, от 26.V 1867.

²⁰¹ 30 сентября 1867 г. в передовой «Москвы» Аксаков писал по поводу положения на Крите, где на призыв Турции к покорности население ответило новым усилением борьбы, что дипломатические попытки разрешения вопроса показали свою несостоятельность. «Если нельзя принять мер решительных к изменению такого состояния дел... остается... одно: умыть руки и снять с русской дипломатии ответственность за всякие дальнейшие последствия турецкой политики».

Малосодержательные статьи «Современных известий» не раз выражали негодование по поводу утверждения западной печати о деятельности русской агентуры на Балканах. По вопросу об общем направлении русской политики газета рекомендовала правительству большую решительность и советовала меньше считаться со взглядами Европы: «Мы от всего отрекаемся, оправдываемся, становимся не на точку зрения своих выгод, но на точку зрения так называемой Европы, уверяем и доказываем, что нам очень дорог ее мир (как будто он нам нужен), спешим служить чужим пользам (как будто они суть и наши и общечеловеческие пользы)» («Современные известия», 27.II 1868). Газета была убеждена в возможности для балканских народов добиться свободы путем восстания и полагала неосуществимым разрешение вопроса дипломатическим путем.

«Если бы только дело дошло до действительной борьбы, и если бы только было между всеми дружное согласие: к чему тут союзники и покровители? Греция с юга, Сербия и Румыния с севера, Черногория с северо-запада; восстание в самой середине — разве можно тут устоять хотя с двадцатью Омер-пашами? Разумеется, требовалась бы более всего быстрота. А затем пускай начинает с возродившимися народностями войну, хочет Австрия, хочет Англия; наступать труднее, чем обороняться. А между тем... совершившийся факт, ведь это основание нынешнего международного права» («Современные известия» 17.XII 1868.). В связи с Парижской конференцией по поводу греческих дел газета, осуждая положение Греции, вынужденной подчиниться требованиям Турции, вновь заявляла, что ей может помочь только война, а не мир («Современные известия», 22.I 1869).

²⁰² После закрытия «Москвы» в качестве преемника ее выступили «Современные известия» Н. П. Гилдрова-Платонова. Это малопопулярное издание не сумело заменить газету Аксакова ни в отношении уровня своего издания, ни в смысле идеологической преемственности. Недаром опубликованная переписка Аксакова содержит свидетельства его неудовольствия по поводу промахов газеты.

²⁰³ К. Пигарев. Ф. И. Тютчев и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», т. 19-21. М., 1935, стр. 238—239.

²⁰⁴ «Московские ведомости», 21.X 1866.

²⁰⁵ «Московские ведомости», 15.II 1867.

²⁰⁶ «Московские ведомости», 31.XII 1867.

- 207 «Московские ведомости», 6.VII 1867.
- 208 Там же.
- 209 «Московские ведомости», 11.I 1867.
- 210 «Московские ведомости», 12.V 1867.
- 211 «Московские ведомости», 23.IX 1867.
- 212 «Московские ведомости», 1.VI 1868. «Современная летопись» формулировала почти ту же мысль: «Не подлежит сомнению, что улучшение участи славян, подвластных турецкому правительству, во многом зависит от сербского правительства и народа, который по своему положению должен быть главным деятелем в борьбе христиан с турками за веру и независимость» («Современная летопись», 1868, № 10; «Славянская хроника», стр. 8).
- 213 «Московские ведомости», 1.VI 1868.
- 214 «Московские ведомости», 17.I 1867.
- 215 «Московские ведомости», 19.I 1867.
- 216 «Московские ведомости», 20.IV 1867.
- 217 «Московские ведомости», 7.VII 1867.
- 218 «Московские ведомости», 21.X, 5.XI 1867.
- 219 «Московские ведомости», 30.III 1867.
- 220 «Переписка А. Н. Карцова». «Русский архив», 1913, кн. II, № 6.
- 221 «Русский архив», 1899, кн. 3, № 11, стр. 427 («Из писем Ф. И. Тютчева»); «Старина и новизна», кн. 21. Пг., 1916, стр. 199.
- 222 «Московские ведомости», 13.XII 1867.
- 223 «Московские ведомости», 18.VI 1867.
- 224 «Московские ведомости», 30.III 1867.
- 225 «Московские ведомости», 18.I 1868.
- 226 «Московские ведомости», 8.III 1868.
- 227 «Голос», 11.V 1867.
- 228 «Голос», 13.IV 1867.
- 229 «Голос», 9.II 1867.
- 230 «Голос», 18.II 1867.
- 231 «Голос», 30.III, 21.II 1867.
- 232 «Голос», 16.V 1867.
- 233 «Голос», 4.III 1867.
- 234 «Голос», 2.IV 1867.
- 235 «Голос», 8.II 1867.
- 236 «Голос», 13.IV 1867.
- 237 «Голос», 27.IV 1867.
- 238 «Голос», 12.V 1867.
- 239 «Голос», 31.I 1867.
- 240 «Голос», 25.II, 1, 2, 4.III, 1.VI 1867.
- 241 «Голос», 1.VI 1867.
- 242 С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., гл. II.
- 243 «Отечественные записки», 1867, кн. 1 (CLXX), стр. 17—18.
- 244 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXXIII, № 7, стр. 85 («Политическая хроника»).
- 245 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXII, № 5, стр. 72.
- 246 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXI, № 4; т. CLXXII, № 5.
- 247 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXI, № 3, стр. 64.
- 248 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXV, № 12, стр. 194.
- 249 «Отечественные записки», 1867, т. CLXXII, № 6, стр. 174.
- 250 Редактор газеты Н. Сокальский.
- 251 «Одесский вестник», 3.I 1867.
- 252 «Одесский вестник», 16.V 1867.
- 253 «Одесский вестник», 4.IV 1867.
- 254 «Одесский вестник», 10.I 1867.
- 255 «Одесский вестник», 7.II 1867.
- 256 «Одесский вестник», 5.I 1867.

- 257 «Одесский вестник», 12.I 1867.
 258 «Одесский вестник», 18.II 1867.
 259 «Одесский вестник», 14.I 1867.
 260 «Одесский вестник», 10.VI 1867.
 261 «Одесский вестник», 17.VIII 1867.
 262 «Одесский вестник», 28.X 1867.
 263 «Одесский вестник», 23.XII 1867.
 264 «Вестник Европы», 1867, т. I, кн. 3; «Историческая хроника», стр. 133.
 265 Там же, стр. 141.
 266 «Вестник Европы», 1867, т. III, кн. 9, стр. 71.
 267 «Вестник Европы», 1868, т. I, кн. 2, стр. 869.
 268 Там же, стр. 868.
 269 Там же, стр. 870.
 270 «Вестник Европы», 1868, т. IV, кн. 7, стр. 420.
 271 «Русские ведомости», 12.I 1867.
 272 «Русские ведомости», 9.V 1867.
 273 «Русские ведомости», 17.VI 1867.
 274 «Русские ведомости», 7.IX 1867.
 275 «Русские ведомости», 30.VIII 1866.
 276 «Русские ведомости», 17.XII 1866.
 277 «Русские ведомости», 25.X; 4.X 1866 г.
 278 «Русские ведомости», 28.III 1867.
 279 «Русские ведомости», 9.XI 1867.
 280 «Русские ведомости», 25.V 1867.
 281 «Санкт-Петербургские ведомости», 6.V 1867.
 282 «Санкт-Петербургские ведомости», 8.I 1867.
 283 «Санкт-Петербургские ведомости», 28.I 1867.
 284 «Санкт-Петербургские ведомости», 25.II 1867.
 285 Т. е. римского папы. «Биржевые ведомости», 26.X 1867.
 286 «Биржевые ведомости», 14, 29.VI 1867.
 287 «Биржевые ведомости», 28.V 1867.
 288 «Биржевые ведомости», 16.V 1867.
 289 «Биржевые ведомости», 19.V 1867.
 290 «Биржевые ведомости», 28.V 1867.
 291 «Дело», 1867, № 5, стр. 342.
 292 «Дело», 1867, № 4, стр. 211.
 293 «Дело», 1867, № 5, стр. 362.
 294 А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XXIX, стр. 61.
 295 А. И. Герцен. Собр. соч. в 30 томах, т. XIX, стр. 231.
 296 Там же, стр. 277.
 297 Там же, стр. 264.
 298 Там же, стр. 299.
 299 «Современность», 1868, № 7, стр. 102.
 300 «Современность», 1868, № 3, стр. 36.
 301 «Современность», 1868, № 5, стр. 77.
 302 Там же, стр. 78.
 303 М. Вакунина. Oeuvres, t. V. Paris, 1911, p. 258.
 304 М. Вакунина. Oeuvres, t. IV. Paris, 1910, p. 24.
 305 М. А. Бакунин. Государственность и анархия. Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1907, стр. 54—55.
 306 Ю. Стеклов. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. III. М.—Л., 1927, стр. 327.
 307 «Русские ведомости», 23.III 1867.
 308 Э. Пападаки. Остров Кандия, 1867, стр. II.
 309 «Русский архив» («Из писем Ф. И. Тютчева»). 1899, кн. 3, № 9, стр. 164.
 310 Иван Константинович Айвазовский и его XLII-х-летняя художественная деятельность. «Русская старина», 1878, т. XXIII, стр. 283.
 311 С. А. Никитин. Славянские комитеты в России..., стр. 153—154.
 312 Там же, гл. II.

БАЛКАНСКИЕ СОБЫТИЯ В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАНУНА ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА

Франко-прусская война вызвала в русском обществе симпатии к Франции. И современная печать и мемуаристы согласно отмечают этот факт; такие настроения захватили все основные общественные группы. Панславистская «Заря» характеризовала общие настроения следующими словами: «У нас на Руси сочувствие к французам всеобщее. Иначе и быть не может. Так поставлены Франция и Россия, что им ни завидовать друг другу не приходится, ни ссориться нет существенных поводов. Если кто и побаивается у нас успеха Франции, то не по вражде к французам, а по нерасположению к личности их вождя, по недоверию к его политике»¹.

Буржуазные «Биржевые ведомости» указывали, что среди русских периодических изданий нашлось только одно, прямо принявшее сторону Пруссии. Им был «Судебный вестник». Был и другой, не русский ни по языку, ни по позиции, постоянный представитель прусской ориентации, — «Sanktpetersburger Zeitung». Некоторый налет симпатии к Пруссии обнаруживали «Санкт-Петербургские ведомости». «Биржевые ведомости»² ярко выразили мотивы единства взглядов русской печати в отношении к борющимся противникам. Это было ясное понимание угрозы, нависающей на западной границе.

«С 1864 г. — Дания; через два года — Австрия; через четыре года — Франция... Стоит понять эту роковую прогрессию и ждать врага... в 1878 году? Может быть, скорее. Россия должна быть готова завтра, сегодня. Но готова не армиею, не финансами только: армия и финансы не спасли Франции. Россия должна быть готова нравственно, т. е. именно тою одною силою, которой не хватает у Пруссии; тою силою, за недостатком которой пала Австрия и, может быть, падет Франция!»³

В революционной среде по мотивам совсем иным, чем в среде буржуазно-дворянской общественности, существовали также франкофильские настроения. «Несмотря на то, что к Наполеоновской империи в громадном большинстве отношение было отрицательное, мы все же всецело были на стороне Франции и желали ей победы, памятуя, что она всегда была проводником великих идей и творцом не менее великих революций, будивших мир, в том числе и нашу отсталую родину»⁴.

Александр II и известная часть придворных кругов симпатизировали Пруссии. Это нашло выражение в письмах и поздравлениях по поводу прусских побед. Это отмечается некоторыми современниками⁵. «На стороне Пруссии стоят большею частью все ты-зы...» — утверждали «Отечественные записки»⁶.

Но симпатии русского общества к Франции не вели к появлению алармистских настроений. Решение правительства об объявлении нейтралитета было встречено с удовлетворением. По поводу правительственного сообщения о нейтралитете Катков писал: «Иного нельзя было ожидать, и вся Россия будет приветствовать это решение»⁷.

«Санкт-Петербургские ведомости» полагали, что «нейтралитет есть самое почетное и наилучшее положение, какое только может занять Россия в нынешних обстоятельствах»⁸. «Биржевые ведомости» особенно подчеркивали необходимость практических выводов из разразившихся событий. «Россия же, предугадывая наверно, с какой стороны налетит на нее буря, не должна ли вовремя собирать и закреплять все паруса? Это даже не напряжение; это лишь долг»⁹.

Кроме мысли о необходимости готовиться к предстоящему в более или менее далеком будущем неизбежному столкновению с Германией, временами слышались опасения, как бы при дальнейшем развитии военное столкновение Франции и Пруссии не расширилось и не втянуло бы в войну и Россию. Так, К. Д. Кавелин писал: «Обоим врагам искренно желаю проглотить друг друга, так чтобы от них остались только хвостики, и трепещу, чтоб война не охватила весь мир, в том числе и нас»¹⁰.

Ощущение возможности расширения конфликта не в далеком, а непосредственном будущем не было уделом только Кавелина. После Седана «Отечественные записки» писали: «Россия не может бояться Пруссии, но, по всей вероятности, она не ожидала того оборота, который приняла война со времени седанской битвы, и не имела в виду громадных сил, которые втихомолку приготовила Пруссия для борьбы. Очень может быть, что Россия не считает себя в настоящий момент настолько приготовленною для борьбы с Пруссией, насколько бы то было нужно и желательно.

Но за всем тем очень может быть, что самая сила вещей невольно заставит выйти из нейтралитета как Австрию, так и Россию»¹¹.

Этого особенно опасались либеральные круги, боявшиеся, что нарушение мира может затормозить или сорвать дело реформ. С особенной ясностью такие соображения были изложены «Вестником Европы»: «Мы встретили объявление о нейтралитете России с отрадным чувством, сознавая, сколько мы нуждаемся в мире, сколько нам предстоит упорной работы внутри; будем же помнить, что это чувство, вызванное в нас, когда уже близко кровопролитие, совершенно противоречит тем легкомысленным и бесплодным взглядам и мечтам, какими так легко увлекается наше еще неустановившееся общественное мнение»¹².

В условиях опасности нарушения мира журнал считал необходимым послать предупреждение агрессивным элементам общества. В качестве мишени был избран Погодин, не столько как крупная политическая фигура, сколько как удобный объект для удара. Незадолго до начала франко-прусской войны в довольно нелепом «сборном послании», где он перечислял все названия издававшихся им журналов, Погодин желал славянам своего Кавура или Кара-Георгия. Этот мотив и был использован журналом.

«Понятно, откуда может ожидаться для славян Кавур. А между тем, когда представился вблизи вопрос о вмешательстве в войну, патриотизм неподдельный, неискусственный одолел и самого г. Погодина, и „сын отечества“ в нем одержал верх над „благонамеренным славянином“»¹³. Своими неразумными речами Погодин мог смутить несколько слабых сердец и вызвать раздражение австрийской печати. Этого всего более боялся журнал. Он считался с опасностью вступления в войну Австрии в результате панславистской агитации. Поэтому он заканчивал «Обозрение» новым указанием на возможность тяжелых последствий для внутреннего развития от внешних осложнений и призывал общество не позволять морочить себя «нелепым задором»¹⁴.

Между тем в панславистском лагере совсем не думали о войне; нейтралитету радовались и Погодин, и Катков, и другие. Здесь бродили иные мысли, и, как показали последующие события, более практически. Еще в годовщину Чесменской битвы (26 июня) в двух газетах — «Московских ведомостях» и «Голосе» — появились статьи, рассматривавшие в связи с этим юбилеем положение на Востоке. «Голос» повторял положение, уже не раз высказанное им раньше. Упреки России в завоевательных планах неосновательны. Она не стремится к расширению территории, не хочет овладеть Константинополем. Используя мотивы либеральной печати, всегда отдававшей первое место внутренним вопросам и интересам, газета утверждала, что восточный вопрос решится не в Австрии или Турции, а в России, «на нивах наших деревень», в «кассе нашего казначейства и в наших народных школах». «Россия, благоденствующая внутри и сильная вне своих пределов, решит восточный вопрос, быть может, даже не обнажая меча»¹⁵.

Мысль Каткова вполне совпадала со взглядами Краевского.

«Не военными победами, но успехами гражданственности наше отечество упрочит и возвысит свое положение между другими народами, и только этим путем может оно способствовать благополучному разрешению восточного вопроса. Всякий успех дома, всякий благополучно решенный вопрос в нашем государстве, всякая вновь развязанная сила в нашем народе усилит и наше внешнее действие»¹⁶. Вспоминая Чесму и Кагул, Катков полагал, что севастопольский разгром был как бы отплатой за них. Но слава русских побед XVIII в.— порука, что Россия не останется в ее униженном состоянии. «Россия должна восстановить свое могущество в Черном море,— и она восстановит его: в этом не сомневаются и ее противники, которые хлопочут только о том, чтоб день этот отсрочить подальше»¹⁷.

Двумя с половиною месяцами позже, в то время, когда русское правительство окончательно сговорилось с Пруссией, «Биржевые ведомости» обсуждали поставленный Катковым вопрос. «Нужно удивляться,— писала газета,— честности и терпению, с каким Россия выполняла во всей строгости в течение целых 14 лет унижительный для нее Парижский трактат 1856 года. Можно ли и удобно ли в данный момент достигнуть отмены его? Для решения вопроса основное значение имеет позиция Пруссии. Англия способна лишь, как и в 1856 г., загребать жар чужими руками, а Австрия будет противиться пересмотру трактата лишь совместно с Пруссией»¹⁸. Газета смутно надеялась, что со стороны Пруссии данная комбинация может получить поддержку.

Таким образом, вопрос об отмене условий Парижского договора был поставлен печатью еще до летней поездки Горчакова в Берлин, когда имели место первые переговоры с Пруссией, и за четыре месяца до составления ноты Горчаковым. Но не только в данном русле текли мысли, возбужденные событиями. Русская печать сообщила выдержки из немецких, австрийских и английских газет. В августе 1870 г. «Neue Freie Presse» писала: «В настоящую минуту Германия имеет в виду совершенно другую задачу, чем соперничество с Австриею: она должна приготовляться к неизбежному столкновению с славянством и не может не понять, что эту трудную борьбу против общего врага ей предстоит вести в дружеском союзе с нами. Вот почему мы праздновали победы при Верте, Сарбрюкене, Марс-Латуре и Резонвиле, как наши собственные победы...»¹⁹ Лондонский «Times» мечтал о временах, когда судьбы человечества будут решаться народами тевтонского племени — Англией, Германией, Америкой. Печать остро реагировала на подобные заявления.

«Голос» полагал, что России не безразлично образование на ее западной границе могущественного государства, которое «направляется кровью и железом и которое заставило бы Россию тратить свои средства не на развитие своего благосостояния, но на развитие своей обороны, и обратило бы наше отечество в укрепленный

государственный лагерь»²⁰. Эта перспектива неприятная, но, даже если бы России пришлось столкнуться с пантевтонским союзом, опасность для нее не так велика в силу ее мощи. Но для прочих славян это тяжелая и опасная перспектива. В этом свете особенно важна позиция поляков, перед которыми стоят две возможности: или стать под тевтонские знамена и проститься со своим славянством, своею национальностью, или стремиться к объединению с чехами и другими славянами Австрии и Турции в независимый союз, на стороне которого будут симпатии 80-миллионного населения великой славянской империи²¹. Близкую «Голосу» позицию занимали «Биржевые ведомости». Они считали, что для достижения полного владычества Пруссия предпримет борьбу на Востоке с Россией. Ответом на немецкую попытку может быть только единство славян. Вот почему вопрос о Польше приобретает такое значение, вот почему России необходимо серьезно разрешить его²². «Московские ведомости» считали Австрию врагом России²³, они горячо поддерживали объединительные стремления южных славян и указывали на особое положение чехов — «передового на западе члена славянской семьи», — которым первым придется столкнуться с врагом²⁴. Таково же отношение газеты и к Пруссии. «Только крайнее легкомыслие может поверить, что торжествующая Пруссия будет помогать нам в разрешении славянского вопроса»²⁵ или в союзе с Россией действовать на Востоке против Англии. Последняя является естественной союзницей Пруссии, а следовательно, обе — противницами России.

Итак, необходимость внутреннего укрепления России и усиления ее обороны против Германии, необходимость объединения славян для защиты от натиска германизма как на них, так и на Россию — таковы были перспективные задачи русской политики, а ближайшая заключалась в использовании сложившейся конъюнктуры для отмены условий Парижского мира. К таким итогам пришла русская печать к октябрю 1870 г.

Русская историческая литература до сих пор не выяснила ряда моментов, относящихся к истории ноты Горчакова 19 (31) октября 1870 г. К ним относится и вопрос о степени единодушия правительства в отношении этого шага. В своих воспоминаниях де Габриак говорит, что Горчаков предпочел бы несколько подождать и рассмотреть вопрос на европейском конгрессе.

Немецкий посланник Рейс со слов дружественного ему члена совета министров сообщал, что никаких возражений в совете министров проект ноты не вызвал, хотя и возникали опасения последствий этого шага²⁶. Общий энтузиазм в совете сопровождал оглашение проекта и по словам Рейндорфа²⁷. Это подтверждает и русский источник — дневник А. А. Киреева²⁸, который, по-видимому, основную информацию почерпнул от вел. кн. Константина Николаевича. Сходство сообщений Рейса и Киреева, особенно в связи с приводимыми Рейндорфом данными о близости Рейса

с вел. кн. Еленой Павловной, вызывает вопрос, не имеют ли оба сообщения единый источник в лице вел. кн. Константина.

Но эти сведения опровергаются записями двух участников заседания совета министров 17 октября. Мы имеем в виду дневники Д. А. Милютина²⁹ и гр. П. П. Панина³⁰. Эти документы свидетельствуют о наличии серьезных разногласий в правительстве, которые, однако, были сочтены несущественными Александром II и Горчаковым, действовавшими вполне единодушно³¹. 19 октября циркуляр был подписан, а 4 ноября опубликован в русской печати.

Восторженнее всего документ приветствовал «Голос». «Накопец, пламенные желания всего русского общества исполнились! — писала газета. — Оскорбительные для России статьи Парижского трактата 1856 года, таким тяжелым гнетом лежавшего на нашей народной чести, — твердою волею государя императора объявлены необязательными более для России...»³² Газета подчеркивала, что депеша государственного канцлера не нарушала ни одного постановления Парижского трактата, которое не было бы уже нарушено, и отрицала возможное истолкование ее как результат русско-прусского соглашения, по которому России за нейтралитет обещана свобода действий на Востоке. «Биржевые ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» в своей оценке были едины. Первые отмечали, что общественное мнение России давно высказалось против трактата, и констатировали, что теперь и правительство сочло это своевременным. Вторые считали меру правительства важной, смелой и благоразумной. Обе газеты считали, что Англия и Турция выскажутся против акта русского правительства. «Санкт-Петербургские ведомости» прибавляли к названным странам еще и Австрию. Но они полагали, что дальше дипломатической переписки дело не пойдет³³.

«Русские ведомости» вспоминали о договоре 15 апреля 1856 г., ставившем Турцию под охрану трех держав. Они рассчитывали, что Франции в данное время не до Черного моря, Пруссия и Италия не станут мешать. Позиция Англии и Австрии вызывала опасения. Все же газета надеялась: «Столь решительная и даже несколько резкая постановка вопроса не позволяет ли предполагать, что петербургский кабинет пришел к этому способу действий, предварительно убедясь в невозможности достигнуть тех же самых результатов путем переговоров и дружественного соглашения с державами — блюстительницами Парижского трактата? Зачем было бы прибегать к столь крутому заявлению, если бы то же самое могло быть получено способом менее энергическим»³⁴.

Эту же сторону дела оттенял воронежский «Дон», поместивший большую выдержку из «Русских ведомостей»³⁵. Другие провинциальные издания отмечали важность совершенного акта, но в рассуждения о перспективах развития событий не пускались³⁶.

Особую позицию заняли «Московские ведомости». Их передовая статья отрицала наличие чего-либо наступательного или вы-

зывающего в русском заявлении, подчеркивала узкое его значение, поскольку речь идет об одном пункте трактата и о дополнительной конвенции. Россия имеет полное право поступать так. Всякий договор — обязательство обоюдное. Нарушенное одной стороной, оно теряет силу и для другой. Россия имеет на это право и по самому существу вопроса. «Можно ли придумать большую аномалию, как самостоятельное государство, — не говорим уже великая держава, — лишенное права обороны?» И здравый смысл и справедливость протестуют против этого обязательства.

Но Катков не ограничился оправданием и обоснованием правительственного акта. Он, хотя и в замаскированной форме, выразил недоумение шагом правительства: «Но, спросят, зачем же Россия не шла до сих пор таким путем? Зачем она не строила суда и не укреплялась на берегах, а уничтожила и последние остатки своих морских заведений на Черном море? Зачем нужно предпослать делу слово? А если нужно, то почему именно теперь произнесено это слово?» По-видимому, Катков не был одинок. Его петербургский корреспондент Маркевич писал 4 ноября: «В массе публики en bloc, но и в лицах, принадлежавших к гораздо высшему умственному уровню, оказывается, как передают мне, величайший восторг по этому поводу»³⁷. Но в следующем письме он констатировал: «...После первой минуты инстинктивно радостного чувства, произведенного декларацией, общее мнение совершенно согласно с вашим повторяет в настоящую минуту на все лады ваши слова: почему слово должно было предшествовать делу?»³⁸ Маркевич приписывает решающее значение катковской статье, но вряд ли в ней дело. Статьи других газет не говорят об особом энтузиазме. Отсутствие его подтверждает А. А. Киреев, в дневнике которого читаем: «Пока (запись от 8 ноября.—С. Н.) нота по восточному вопросу не произвела благоприятного впечатления на общественное мнение, никакого энтузиазма еще не выказывается. Купцы очень недовольны всеобщей рекрутской повинностью»³⁹.

Ощущалось беспокойство, чем кончится так неожиданно начатое дело. И в констатации этого сходятся и Киреев, и Маркевич, и А. Ф. Тютчева, так характеризующая московские настроения этих дней: «Эта нота произвела здесь сильное впечатление. С одной стороны, эта смелая выходка русского правительства льстит русскому столь пострадавшему политическому самолюбию, с другой стороны, все страшатся войны, к которой мы, вероятно, не довольно заготовлены (так!—С. Н.). Курс сильно упал»⁴⁰. К тому же выводу приводит нас и знакомство с материалом печати.

«Голос», первоначально бряцавший оружием и призывавший в случае нужды к крайним мерам, затем, под влиянием воинственного тона английской и австрийской печати, становился умереннее. Газета старалась доказать возможность благополучного ис-

хода, так как восточный вопрос Россией не поднимается; для Англии было бы невыгодно принимать циркуляр за *casus belli*; это послужило бы на пользу Пруссии, да и отсутствие в Черном море русского флота не поведет еще к русскому преобладанию. В то же время газета взяла на себя инициативу призыва к сбору пожертвований на создание флота⁴¹. Вскоре газеты увереннее заговорили о вероятном сохранении мира. Так, «Биржевые ведомости» подтверждение своих надежд в этом отношении видели в увольнении из армии одной из категорий рядовых в бессрочный отпуск. «Если внимательно обсудить состояние и интересы Европы в настоящее время, то, как кажется, нельзя не прийти к тому весьма вероятному заключению, что депеша нашего государственного канцлера не вызовет тех кровавых столкновений, которых можно было бы ожидать при сделанном теперь Россияю решительном шаге. Если предсказание наше осуществится, то такой исход сделает величайшую честь нашей дипломатии»⁴², выбравшей такой удачный момент для своего выступления. К тому же выводу пришли «Русские ведомости», считавшие, что «есть... надежда, что все дело ограничится небольшой дипломатической перестрелкой»⁴³.

Для позиции названной газеты характерно наличие мотива, сближающего ее с «Голосом» и «Московскими ведомостями». Это признание большого значения за нотой Горчакова, если опубликование ее будет сопровождаться появлением русского флота на Черном море. «Без этих последствий она осталась бы исписанным листом бумаги»⁴⁴. Этот мотив, как увидим, встречался на страницах и других либеральных изданий, например в «Вестнике Европы». Но «Санкт-Петербургские ведомости» по поводу призыва «Голоса» к сбору средств на постройку флота писали: «Рубах у нас не будет, но будет флот. Мы представим чудесное зрелище народа, который сидит на кораблях без рубах, но с листами «Голоса» для прикрытия своей наготы: г. Краевский из патриотизма, конечно, сбавит цену на свою газету, и дело будет в шляпе... Правительство нуждается пока лишь в нравственной поддержке общества, а потому г. Краевский спокойно может сохранить свою рубашку...»⁴⁵

Вскоре после первого выступления Катков получил письмо Маркевича, где он сообщал переданное ему через Тютчева выражение надежды Горчакова, что тот при его «глубоком такте и несмотря на какие бы то ни было личные... опасения» не захочет «в такую важную минуту оскорбить разом чувства и государя и общества, так очевидно сочувствующего ему за содеянное дело»⁴⁶. Кроме того, министерством внутренних дел в Москву был направлен чиновник Веселаго «с увещанием к гг. редакторам московских газет не предаваться патриотическим восторгам по поводу циркуляра и не возбуждать народные страсти»⁴⁷. Результатом такого воздействия было некоторое изменение тона катков-

ских выступлений. Следующая его статья была лишена каких-либо сомнений. Она отмечала, что Россия не поднимает восточный вопрос, и в доказательство автор ссылался на состоявшееся одновременно повышение почтовых тарифов на периодические издания, идущие в Турцию и Грецию. Он обрушивался на тех, кто утверждал, что Россия была обязана в данном деле доброжелательству Пруссии, и с возмущением писал: «Россия сделала безобидное дипломатическое заявление о необходимости оградить свою безопасность в Черном море, и русские же люди говорят, что она вследствие этого очутилась в долгу пред Пруссией»⁴⁸.

Вслед за опубликованием циркуляра Петербургская городская дума под воздействием полицмейстера Трепова⁴⁹ собралась подать благодарственный адрес Александру II, но дело было задержано на несколько дней до выяснения позиции держав. Адрес приняли 9 ноября. За петербургским адресом пошли «верноподданнические заявления» и «всеподданнейшие адреса» от смоленских дворян и земства, Бессарабского земства, екатеринославских дворян и т. д. И «Московские» и «Биржевые ведомости» с удовлетворением отмечали это явление как свидетельство единодушия правительства и народа и как обстоятельство «нелишнее» при данной ситуации; «Европа знает, что с народным чувством великой страны шутить нельзя»⁵⁰. Правительство, убедившись в возможности мирного разрешения вопроса, возникшего в связи с циркуляром Горчакова, стремилось продемонстрировать широкую народную поддержку своему шагу. Если в первый момент оно сдерживало подачу адресов, то затем стало поощрять к подаче адресов. Московский генерал-губернатор князь Долгоруков сделал соответствующее внушение городскому голове князю Черкасскому. Правительство не ожидало ничего, кроме казенно-трафаретного верноподданнического заявления. Однако славянофилы, руководившие Московской городской думой, решили вместо казенно-бессодержательного приветствия выступить со «словом искренним, независимым, твердым», «выразить не только готовность поддержать правительство, но и указать на связь внешней политики с внутренней и при этом высказать существенные потребности общества»⁵¹. В итоге обсуждений было отвергнуто два первоначальных проекта, один из которых был составлен Черкасским, и принят проект И. С. Аксакова⁵², несколько (как показывает сличение черногового проекта Аксакова⁵³ с окончательным текстом) смягченный перед подачей⁵⁴.

Но и в «смягченном» виде адрес не стал казенным заявлением, а явился голосом московских либерально-дворянских крутов. Славянофильское идейно-литературное оформление адреса заставило восхищаться им князя Долгорукова, трижды облобызавшего Черкасского, когда тот представил адрес ему. Однако, когда адрес обсуждался гласными Городской думы, то встретил возражения со стороны купечества. Представители последнего возражали про-

тив наиболее острых по своему либерализму мест. Они хотели исключения фразы «о довершении» реформ в отношении «свободы верующей совести», «простора печатному слову», они предлагали изъять сочувственное упоминание о всеобщей воинской повинности⁵⁵. В итоге обсуждения адрес был принят «с полным единодушием, но не с восторгом»⁵⁶.

Все сказанное свидетельствует о наличии расхождений между дворянской и буржуазной частью думы. Именно ими объясняются **позднейшие отречения от адреса** и заявления гласных, что их «взяли врасплох», какие имели место после отклонения адреса правительством. Адрес содержал выражение патриотической радости по поводу отмены условий Парижского мира. Он отмечал возросшую под влиянием реформ веру России в себя и выражал надежду на довершение реформ путем предоставления «простора **мнению и печатному слову**, без которого никнет дух народный и нет места искренности и правде в его отношении к власти; свободы церковной, без которой не действнна и самая проповедь; наконец, свободы верующей совести — этого драгоценнейшего из сокровищ для души человеческой».

Адрес объяснял выдвинутые положения тесной связью внутренних и внешних дел и указывал, что только «неуклонное служение началу народности» может сплотить государство и создать единство, бывшее всегда знаменем Москвы. Под ним по первому призыву царя соберется вся страна без различия сословий, как дружная рать, готовая защищать правое дело. В заключение адрес указывал основу силы России: доверие царя к народу, самообладание в свободе и честность в покорности народа; связь царя и народа, «основанная на общении народного духа».

Не принятый в Петербурге адрес был возвращен московскому генерал-губернатору Долгорукову Тимашевым с официальной бумагой, указывавшей, что он затронул вопросы управления, каких **никакая корпорация не имеет права касаться**⁵⁷. Это произвело неприятное впечатление в Москве. «Странно и непостижимо, как глупо правительство,— записывал в дневнике Ф. В. Чижов.— Таков ли адрес, чтоб придавать ему особую важность? Лирический тон в восхвалении и желанья или ожидания приняты бы просто, благодарили бы... да и только. Неужели не пройдет никогда эта привычка к безусловному восхвалению? Право, теперь едва ли не тяжелее жить, чем при покойном Николае. Тогда был простой, искренний, грубый гнет. Теперь какое-то лицемерие пред свободю — и заботятся о прогрессе, и трусят черт знает чего»⁵⁸.

История с адресом привлекала внимание иностранных представителей в России, любопытствовавших, что привело к его **непринятию**⁵⁹. Эта история вызвала интерес и за границей. Об этом говорит записка О. А. Новиковой о впечатлении, произведенном адресом в Англии⁶⁰.

Чем руководствовались и какие цели преследовали славяно-

фильские идеологи дворянской части Московской думы своим адресом? Они признали в акте правительства наличие внутреннего противоречия. «Декларация уверяет, что она не думает поднимать восточного вопроса,— писал Аксаков Гильфердингу,— когда она именно его-то и поднимает... Декларация для всякого непредубежденного читателя имеет один смысл — вызов к войне. Ну война, так война! Но в том-то и дело, что правительство войны не хочет, что оно к войне не готово ни в каком отношении, не имея ни оружия, ни программы (это главное)...»⁶¹ Поэтому и подстрекать к войне его бесполезно. Правительство все равно не сделает логических выводов из совершенного им шага. «Таким образом выйдет, что Парижский трактат, уже совсем было обветшавший, совсем было изношенный исторической жизнью, ...будет вновь освежен, подновлен, скреплен, оживет вновь для действительно и позорного для нас своего значения»⁶². Составители адреса стояли на оппозиционной точке зрения не только в вопросах внешнеполитических. Об этом говорят указанные пункты о свободе слова и пр. Но они сами признавали свою оппозиционность весьма умеренной. В письме к Победоносцеву Аксаков указывал, что в адресе не предъявляли требований, но говорили об ожиданиях свобод. Основная черта адреса, по словам Аксакова,— «это стремление стать, наконец, к власти в отношения нравственные, установить, наконец, честность в покорности». Аксакову хотелось лишь «уважения к нравственной свободе». Он ставил наивный, но серьезный для убежденного монархиста вопрос: «Неужели самодержавие равнозначительно с угнетением верующей совести, мысли, слова?»⁶³

Славянофилы не были одиноки в отношении к циркуляру Горчакова. Близкой к славянофильской была позиция Каткова. Он считал, что горчаковское выступление наделает много шума из ничего. Правительству надо было строить флот и молчать⁶⁴. Критически был настроен Катков в отношении к внутренней политике правительства. В одной из статей этого времени он писал: «Вообще, несмотря на пробудившееся во всех слоях нашего общества национальное самоуважение, дела наши даже во внутренних, самых бесспорных вопросах не обнаруживают этого самоуважения. Все начинания к возвышению национальности нашего государства и к его объединению, без чего оно не может иметь не только достойного развития, но даже прочного существования, — замутились, расстроились и признали себя делом почти преступным и мятежным. Великие реформы, которые совершились в нашем государственном быту, не обнаруживают той жизненной силы, какой следовало ожидать от них, и повсюду чувствуется недостаток оживляющего духа, без которого и самые лучшие учреждения превращаются в бесполезную формалистику»⁶⁵. Катков этой поры был противником стеснения городского и земского самоуправления, он высказывался за уничтожение сословного ра-

зобнения, за уничтожение подушной системы, за налоговую реформу и введение подоходного обложения. Он защищал необходимость установления закона о найме рабочих, отражающего современное положение вопроса и дающего юридические основания спорам рабочих с нанимателем, так как полагал, что русский рабочий вопрос решается в плоскости юридической и административной. «Наша церковная жизнь,— писал он,— превратилась в механизм. Религиозный интерес не заметен в нашей общественной жизни»⁶⁶. Он оставался на позициях защиты интересов дворянства и, опасаясь, чтобы Россия не вступила «на злополучный путь старой Франции», готов был во имя сохранения положения дворянства содействовать продолжению буржуазных реформ⁶⁷.

Наконец, следует признать, что подобные настроения существовали не только среди московских дворян. В декабре 1870 г. М. Хитрово писал из Одессы: «...что касается до адреса, то я не могу не сочувствовать ему всею душою. Действительно, в нем указано на те язвы, которые гложут наш общественный строй и которые одни мешают нам развернуться в пространство той широкой исторической рамы, которая, я верю в это, предназначена судьбою России»⁶⁸.

Все это свидетельствует о том, что московский адрес был одним из выступлений русского дворянского либерализма, примыкающим к выступлениям 60-х годов и особенно близко стоящим к адресу московского дворянства 1865 г.

Нет особой нужды подчеркивать, что пожелания дворянства были очень далеки от радикализма и расхождения его с правительством в значительной мере касались вопросов тактики. Это становится особенно ясно при сопоставлении отношения к рассматриваемому вопросу радикально-демократических кругов.

Журнал «Дело» признавал роль правительства в крестьянской, земской и судебной реформах, но рядом с ним ставил общество, построившее железные дороги и кое-что сделавшее в быту. Общество прозрело под влиянием Крымской войны, оно поняло путь к благосостоянию — это путь внутренней деятельности, внутреннего развития. «Но теперь для нас мир имеет еще более важности: ...у нас теперь внутренней и неотлагаемой работы больше, чем когда-нибудь; совершенные реформы требуют спокойного своего развития, чтобы исподволь окрепнуть и привиться к нашему социальному организму...»⁶⁹ Адрес Московской думы заверял, что по первому кличу царя под знаменем народности и единства соберутся «все сословия народные». В отличие от него «Дело» из всех сил подчеркивало необходимость сохранения мира: «Примирительный тон последней ноты князя Горчакова мы находим актом достойного государственного благоразумия. Черноморский флот может оказать нам услуги только в будущем, а мир необходим теперь, необходим для нашего умственного, социального и экономического благополучия»⁷⁰.

Касаясь намеченных преобразований воинской повинности, журнал выражал надежду, что придет пора, когда войны будут вести сами народы, и тогда военные столкновения станут реже⁷¹. Журнал не считал нужным отвлекаться от решения внутренних задач во имя менее важных в данный момент внешнеполитических успехов. Черноморскую проблему он признавал чреватой тяжелыми последствиями и могущей повести к попыткам агрессии, а это было бы вредным осложнением во внутреннем развитии страны.

Примат внутренних задач над задачами внешнеполитическими, отрицание всяких расширительных тенденций, отказ от дипломатических актов, могущих повести к нарушениям мира и отвлечению от внутренних вопросов, подчеркивание самостоятельного значения общества — вот что характеризовало позицию «Дела».

Ближе всего к журналу «Дело» стояли «Отечественные записки», не видевшие никакой неотложной надобности в создании Черноморского флота. Они, подобно «Делу», признавали вероятность выступления флота в связи с восточным вопросом и, подобно ему, не менее явно сомневались в неизбежности смерти «больного человека», так как предвидели борьбу держав за наследство его до смерти «больного». Но последовательности и твердости «Отечественным запискам» не хватало. Указывая на неизбежное падение русского значения на Балтийском море, журнал считал, что и на Черном нельзя сразу стать хозяином. Он возражал против многоцельности русской политики, призывая не разбрасывать сил по пустыням Амура и Туркестана, сосредоточиться на главном, а больше всего «позаботиться об устройстве нашего внутреннего материального и морального благосостояния, ибо без этого не только Черноморский флот, но и все военные силы государства — ничто, один пустой мираж»⁷².

Либеральный «Вестник Европы» был значительно ближе к правым кругам. Он считал, что момент для выступления выбран удачно: «...только теперь, в настоящую минуту и можно это сделать». Позже Пруссия не позволит России действовать самостоятельно ни в прибалтийском, ни в черноморском вопросах. «Вестник» находил верной аргументацию горчаковского циркуляра: «Вся сущность его аргументации именно в том, что абстрактное право, теория, установленная в трактате, нарушены совершившимися фактами; вся суть его заявления именно в том, что к фактам, его нарушившим, оно (правительство. — С. Н.) прибавляет еще один факт нарушения, факт, продиктованный ему важными интересами собственной защиты»⁷³.

Журнал отмечал оскорбительный характер Парижского мира и приходил к выводу о необходимости изменить положение. Все это напоминает и «Голос», и Каткова, и «Биржевые ведомости». Отличие взглядов «Вестника Европы» в том, что он все же не придавал вопросу об удовлетворении национального самолюбия боль-

шого значения и полагал, что оно получило желаемое во внутренних реформах.

Теперь, когда возникла черноморская проблема, журнал оказался гораздо более умеренным, чем он был до того, когда делал внушения Погодину об опасности всяких агрессивных планов и мечтаний. Он стремился к агрессии, но считал необходимым наличие русской эскадры в Черном море для защиты русской торговли, которая будет парализована при войне с Турцией. Это соображение не может не вызвать удивлений. Теперь «Вестник Европы» мирился с возможностью русско-турецкой войны, но выдвигал в качестве ее мотива на первый план защиту торговли. Между тем все понимали, что война России и Турции не могла возникнуть вне связи с восточным вопросом. А если журнал учитывал, кроме того, вероятность наличия союзников у Турции, явно вспоминая договор 15 апреля 1856 г., то нет никакого сомнения, что «Вестник Европы» заколебался. Журнал обнаружил тенденцию к сближению с правыми националистическими кругами, хотя не только не формулировал это ясно, но, по-видимому, не продумал вопроса до конца. Но так или иначе известное поправление его нельзя не отметить. Может быть, на такое сближение могло подействовать либеральное выступление Московской думы. Но был в этом и признак роста интереса либерально-буржуазных кругов к балканской проблеме. В существе же своем это был показатель того сближения буржуазных и дворянских кругов, который исподволь шел на протяжении последних десятилетий.

Тем временем вопрос, поднятый русским циркуляром, перешел на рассмотрение Лондонской конференции держав. После довольно затяжного обсуждения конференция закончилась подписанием договора, который отменял нейтрализацию Черного моря, но признавал принцип закрытия проливов, пока Турция находится в мире, устанавливая право открытия проливов судам дружественных по отношению к ней держав в мирное время для обеспечения поставлений Парижского мира. Явно направленный против России, договор сохранял угрозу действия европейского флота против нее. Во время заседаний конференции первоначально была выдвинута еще более острая антирусская формулировка этой статьи. Против такой формулировки решительно протестовал турецкий уполномоченный, но русский представитель под давлением Англии ее принял и побоялся от нее отказаться даже после выступления Муссуруса-паши. Это обстоятельство не преминул отметить Катков⁷⁴. Однако через несколько дней он с известным удовлетворением сообщил, что редакция статьи подверглась изменению. Полную оценку итогов конференции Катков дал в номере от 6 марта, после опубликования существа содержания договора. «Отныне, — писал Катков, — Россия получает подтвержденное и признанное всею Европой право держать в Черном море военный флот»⁷⁵. Возвращаясь

вновь к вопросу о формулировках, газета признавала, что он не имеет ничего общего с проблемой безопасности Турции. Последняя — только предлог. Султану предоставляется право пропускать иностранные флоты для поддержания условий Парижского трактата, во всех других случаях проливы закрыты для военного флага держав. Это значит, Россия не имеет права провести «ни малейшей военной посудинки». «И... по силе нового договора наш будущий Черноморский флот будет заперт в Черном море...» Если Англию встревожит новый русский военный корабль, она, может быть, сочтет появление его нарушением Парижского трактата. Турция при первом финансовом затруднении может продать Англии стоянку на Черном море. Не безопасность Турции, а сохранение и упрочение английского господства на Востоке — вот что двигало английской дипломатией в ее стараниях на Лондонской конференции.

«Итак, — заканчивал Катков статью, — по-видимому, замена выражения *неприбрежных* выражением *дружественных* не изменила смысла нового постановления о Черном море, которое заняло место исключенного. Нейтрализация Черного моря теперь дело прошлое. Мы можем спускать на его воды военные суда и сооружать арсеналы на его берегах. Но Черноморский флот наш не может приобрести серьезного значения, так как ему суждено навсегда оставаться взаперти. А между тем мы в Черном море ежедневно можем очутиться в сближенном соседстве с Англией. Нашим черноморским морякам не удастся увидеть портов Англии; за то, может быть, им придется любоваться у своих берегов ее броненосцами».

Похожую по сдержанности оценку итогов Лондонской конференции дали «Биржевые ведомости», констатировавшие восстановление русского права оборонять Черноморское побережье. Но никакого восторга у газеты это не вызвало: «Если правительство султана не будет злоупотреблять этим правом, никаких усложнений от этого не произойдет, но как ни для кого не тайна, что в Константинополе политикою Порты заведуют не министры султана, а представители иностранных держав, то совершенно от этих официозных советников Порты будет зависеть сделать *de facto* отмену нейтрализации Черного моря мертвою буквою»⁷⁶. От такого решения Турция ничего не теряет, но выигрывает, ибо ее довольно сильный броненосный флот получает возможность плавать по Черному морю. России это пока дает очень мало, так как ее флот еще надолго будет только *pium desiderium*. Для наступательных действий Россия не получила ничего, но развязала руки в отношении обороны, и от нее зависит сделать невозможным повторение событий 1854 г.

«Русские ведомости» несколько позже повторили мысли Каткова. «Россия действительно получила право иметь военный флот на водах Черного моря и военные сооружения на берегах его. Но

та же Англия во всякую минуту может прислать своих броненосцев в воды Черного моря, так как Турция, обладая доступом в него, может, по договору, открывать проливы для прохода судов дружественных с нею держав всякий раз, когда сочтет это необходимым для ограждения постановлений Парижского трактата»⁷⁷. Подобно Каткову, «Русские ведомости» считали английские интересы вполне обеспеченными. Будущий русский черноморский флот ей не страшен. Он был бы заперт прежде, чем подумал бы о выходе. «Другими словами, конференция дозволила нам соорудить в Черном море флот, но вместе с тем приняла меры, чтоб этот флот не мог развиться и окрепнуть, по крайней мере, чтоб это развитие было по возможности стеснено и задерживаемо».

«Петербургские ведомости» солидаризировались с названными газетами в том смысле, что признавали отсутствие поводов для ликований и манифестаций. Они отмечали, что и общество отнеслось к исходу конференции тихо и скромно, и констатировали, что «ложнопатриотические завывания» некоторой части печати⁷⁸ не находят отклика в общественной среде. Предупреждая против переоценки достигнутых результатов, газета писала: «Восстановлено наше право. Что же это доказывает? То, что настала минута, когда наше внутреннее развитие отразилось и на нашем внешнем, международном значении...

И не нужно забывать, что формальный результат Лондонской конференции — только первый шаг в действительном восстановлении наших прав на Черном море»⁷⁹.

Трезвая оценка, данная Катковым итогам Лондонской конференции, сблизила его со взглядами на данный вопрос основных либеральных газет. Это была оценка критическая, вполне продолжавшая ход мыслей, наметившийся у Каткова после опубликования горчаковского циркуляра и который был нарушен воздействием из Петербурга. В основе этой оценки лежало осуждение политики слов и тяготение к реальной политике действия.

Позиция Каткова обеспокоила правительство. 8 марта директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Стремоухов писал Краевскому: «Невозможно оставаться равнодушным при виде того страшного пути, который избрали „Московские ведомости“ по черноморскому вопросу. Прилагаю несколько строк по поводу последней нелепой их статьи»⁸⁰.

На следующий же день в «Голосе» появилась статья «По поводу толков о Лондонской конференции», помеченная тремя звездочками. Она утверждала, что вся печать одобрила шаги правительства, за исключением одного «из наиболее уважаемых и влиятельных органов нашей печати», который опасался трудностей в начале возникновения вопроса и стал бояться английского флота по окончании конференции. Извращая позицию «Московских ведомостей», Стремоухов приписывал им желание сохранить Парижский трактат.

Стремоухов протестовал против оценки итогов конференции как английской победы и желал русской дипломатии побольше таких поражений. Он отвергал мысль, что на конференции Россия отрекалась от циркуляра, и утверждал, что из акта одностороннего он, войдя в международное право, получил общеобязательный характер.

Стремоуховская статья задела Каткова. Через два дня он поместил свой ответ. Катков оправдывал себя необходимостью показать, что противники не должны переоценивать своего согласия на русские требования. Он не отрицал известного значения достигнутого успеха, но видел «главное его достоинство» в том, что он не стоил жертв. «Россия возвратила себе титул права, но она не приобрела никакой существенной выгоды...» — это, с русской точки зрения, следует настойчиво указывать. Катков вновь возвращался к тем мотивам, какие звучали в его первых выступлениях. Что значит возвращение прав на Черное море, которое не является ее озером, если ее права оспариваются внутри ее владений? Какова цена этого, если русское имя унижено в провинциях русского государства? — спрашивал он, имея в виду Прибалтику. Что представляет право держать флот на Черном море, если у правительства нет ясной программы относительно Востока и славян, а ведь это теперь — вопрос безотлагательный? Катков считал право прохода иностранного флота через проливы эквивалентом русского права иметь флот. Сравнивая эти величины, он готов был признавать наличие известного успеха, но не преувеличивал его и полагал, что не он имеет решающее значение, а общее направление русской политики. «Если, даст бог, будет у нас уважительный флот в Черном море, то он поднимет русское имя на Востоке, но он станет элементом могущества России только при общем широком развитии ее национальной политики, которое впоследствии освободит нас и от новых стеснений, придуманных на Лондонской конференции»⁸¹.

Сопоставление суждений Каткова с мнениями либеральных газет выясняет не только черты сходства, но и линии расхождения их. Либералы лагеря «Санкт-Петербургских ведомостей» хотели бы несколько больших реформ, они мечтали о народном представительстве, которого не признавал Катков. Они были умереннее в вопросах внешней политики. Катков думал о необходимости сильного военного флота для осуществления программы «национальной политики» на Востоке. Либералы желали только сохранения мира и отвергали положение о сочетании внутренней и внешней политики, полагая, что внутренний рост и укрепление России поведет к изменению и ее внешнеполитического положения. Был, таким образом, ряд существенных расхождений. Но взгляды Каткова и либералов теперь гораздо менее отличались друг от друга, чем раньше. В то время как либералы несколько правели, Катков слегка полевел.

Франко-прусская война и циркуляр Горчакова вызвали не только непосредственный отклик русского общества, но отозвались и в славянской среде. Первоначально на Балканах решили (в связи

с русским заявлением о нейтралитете) о наличии тесного союза между Россией и Пруссией. В сентябре 1870 г. болгарин Каракановский писал из Константинополя: «Здесь славяне и греки восторгаются пруссаками, считая их победы победами единой России. Они знать не хотят о „Голосе“ и „Московских ведомостях“, доказывающих теперь, что Пруссия опасна для России и остальных славян... Здесь все уверены, что Россия продала свой нейтралитет дорого; что она вытребует уничтожения трактата 56 года и каких-нибудь прав для христиан в Турции»⁸².

Такие же настроения существовали и в Сербии, как видно из письма сербского митрополита Михаила: «Знаете, какие у нас были симпатии за пруссаков, теперь уже большая перемена в этом — жалею французов и пугаемся немцев. Неужели Бисмарк обманет Горчакова, как обманул Наполеона? Верно ли то, что у них договор честно исполнится? Горчаков, видно, честно поступил, так ли поступит с ним Бисмарк? Прямо говорят, что Россия начать не может ничего, потому что не готова, обстоятельства против нее...»⁸³

Таким образом, позиция России в период франко-прусской войны истолковывалась славянами с точки зрения своих интересов. Еще в большей степени это относится к дипломатическому выступлению Горчакова. Оно произвело впечатление во всех славянских землях.

«Южные славяне с радостью, — писала чешская газета «Národní Listy», — приветствует шаг, сделанный Россией. Они смотрят на восточный вопрос как на чисто славянский, решению которого должны содействовать все славяне, так как от него зависит судьба всего югославянского мира»⁸⁴.

Пражский корреспондент «Современных известий» сообщал о радостном отклике чешской печати на ноту Горчакова, а о настроении общества писал, что решение России приветствуют с чувством удовлетворения. «Радостное настроение умов доходило до прямого восторга при получении первых глухих известий, когда еще в разгоревшихся мечтах преувеличивали настоящее значение шага, сделанного русскою дипломатией»⁸⁵.

Белградский корреспондент той же газеты писал: «Все умы заняты теперь у нас чрезвычайно известиями о заявлении России относительно нейтрализации Черного моря, которую отселе она не считает более для себя обязательною. Что будет теперь? Спрашивают все. Затронется ли, наконец, восточнославянский вопрос и будет приведен к благополучному решению? Россия, утверждают здесь, не хочет войны с Турцией, но, смотря по известиям, доходящим сюда из Константинополя, так и кажется, что без войны дело не обойдется, и потому на случай ее здесь начинают заботиться здешние патриоты, да и само правительство». «И так сербы приняли бы с восторгом объявление войны, — заканчивалась корреспонденция. — Правительство же наше, должно быть, в этом деле

вполне разделяет общее мнение народа; оно стало заботиться лишь о том, чтоб события не застали нас врасплох»⁸⁶.

Корреспондент «Современных известий», как и следует сотруднику данной газеты, изображал действительность в наиболее желательной для редакции форме, а потому настроения известных ему кругов считал равнозначными настроениям всех сербов. Точнее картина, нарисованная русским консулом в Белграде Шишкиным: «В нашем болоте, — писал он, — это известие произвело действие, подобное падению большого камня. Печатные лягушки расквакались по-своему, а в кафанах здешние либералы содрогаются уже при мысли о возможности возвращения порядка вещей, несчастливо существовавшего до 1853 года, и полагают, что мы станем домогаться покровительства над Сербией с исключением прочих держав»⁸⁷.

Нота Горчакова возбудила надежду и радость в великосербских кругах, близких к правительству. Митрополит Михаил говорил в письме к Н. Попову: «Спасибо, что русские опять заявили себя. Мы с вами часто говорили, что Черное море должно быть русским морем. У нас сочувственно отозвались такому своевременному заявлению все, кроме Видовдана — органа на сербском языке в видах мадьярских»⁸⁸. Но дело было вовсе не в «русском море», а в надежде на русско-турецкую войну, решение восточного вопроса. Так об этом прямо и говорил митрополит Михаил: «У нас надеялись, что начнется решение восточного вопроса...»⁸⁹. Под влиянием этих надежд оживлялись планы сербских националистов, но одновременно возникали опасения, как бы Россия не взяла на себя в Лондоне обязательств, которые затруднили бы реализацию намеченных планов. О втором ясно говорил белградский корреспондент «Русских ведомостей»: «Господство азиатских варваров заставит нас восстать против них прежде, чем Россия захочет или будет в состоянии изменить новый трактат, который она подпишет теперь. Конечно, ни сербы, ни другие христианские народы не вправе, в видах своего освобождения, требовать от России непосредственного военного вмешательства, не сообразного с ее интересами. Но все-таки, в случае общего восстания христиан на Востоке, положение России, если она подпишет новый стеснительный для нее договор, будет крайне затруднительно... От характера будущего трактата будет вполне зависеть дальнейшее влияние России среди нас и вообще на Востоке»⁹⁰.

Что же касается великосербских планов, их очень выразительно излагал архимандрит Н. Дучич. Он сообщал о намерении Сербии всю свою моральную, физическую и материальную силу приложить к освобождению страдающих в Турции братьев. Но так как Австро-Венгрия будет вместе с Турцией, а сербская сила невелика, то необходима материальная и моральная помощь России. Подлаживаясь под славянофильскую фразеологию, Дучич уверял, что задача объединенного сербского королевства — народным духом, жизнью

и государственной силой бороться против Запада, всегда бывшего неприятелем славян. А далее он формулировал сербские пожелания, которые заключались в моральной и денежной помощи, подержании принципа невмешательства, а в случае австро-венгерского вмешательства в сербско-турецкую войну — русское выступление в Галиции, или на Босфоре, или сразу в обоих местах: «Это — все, чего мы хотим и ожидаем от наших братьев русских для освобождения наших братьев в Турции». Если Россия не сделает этого, южное славянство останется, как и раньше, разъединенным; если сделает, она будет иметь на юге союзника — братское свободное государство с 10—15 миллионами жителей вместо полутора. Деловая часть письма кончалась характерной фразой: «От России зависит помешать немцам сделать то, что они сделали в наше время с французами»⁹¹.

Это в высшей степени важное письмо имеет приписку митрополита Михаила. В ней говорится, что Дучич писал по его указанию, так как сам он очень занят. Письмо было прочитано Ристичу, и тот одобрил его.

Перед нами, таким образом, не безответственные соображения частного лица, а своего рода официальный документ. Его нельзя не поставить, с одной стороны, в связь с другими фактами, свидетельствующими об усилении активности сербства в эту пору и сопротивлении сербов Австро-Венгрии немецко-мадьярскому гнету. Достаточно напомнить о созыве в декабре 1870 г. в Любляне южнославянской скупщины, где была принята резолюция о единстве южных славян и помощи со стороны австрийских сербов своим заграничным братьям. Светозар Милетич в новосадской «Заставе» говорил, что единство без Сербии, Боснии, Герцеговины и Черногории — не единство, и заканчивал предложением о создании на месте Австрии федерации венгров с чехами и Галицией, а австрийских сербов — с зарубежными и болгарами. «Это была бы комбинация, которая дала бы этим народам достаточно собственной силы в отношении и запада и севера»⁹². Можно, наконец, напомнить падающее на эти годы усиление движения в Боснии и Герцеговине.

Во второй половине 1871 г. Дучич вновь писал Н. А. Попову, выражая недовольство неопределенностью его ответа, опять повторяя: «Освобождение Боснии, Герцеговины и Старой Сербии — для нас жизненный вопрос», для чего русская помощь необходима»⁹³. Были отклики и из Черногории. Побывавшие весной 1871 г. в России сердарь Матанович и Божидар Попович осенью того же года написали о подготовляемом восстании в Албании, которому они собирались помочь, и предполагали втянуть в борьбу Черногорию и Сербию.

Нота Горчакова укрепила надежды сербов на русское вмешательство и русскую помощь в их борьбе против Турции.

Были отклики и со стороны болгар, но данных об этом меньше.

Они шли, насколько нам известно, из среды представителей болгарских колоний в России. В начале 1871 г. в Одессе появилась брошюра «Славяно-болгарский маяк». Она была направлена против бухарестского журнала болгарской эмиграции «Тъпан», издававшегося И. Мынзовым, одним из сотрудников которого был Х. Ботев. Связь такой полемической направленности с циркуляром Горчакова объясняется просто. Революционные болгарские круги — партия «молодых» — уже с 1869 г., когда «старые» подали прошение Парижской конференции о предоставлении Болгарии самоуправления при сохранении зависимости от Турции, окончательно разошлись со «старыми». Прошение создавалось и подавалось при участии русского консула в Бухаресте. Группа болгарских торговцев, подписавших прошение, провозгласила себя нотаблями, подчеркивала осуждение «бунтовщического возбуждения». Все это послужило ближайшим поводом к началу борьбы против русского вмешательства, за демократизм и революционную борьбу, за освобождение Болгарии. Начавший в это время выходить «Тъпан» был органом борьбы с чорбаджийско-руссофильским течением во имя «чисто родных болгарских интересов»⁹⁴.

Обрушиваясь на него, автор «Маяка», подписавшийся псевдонимом «Болгарин»⁹⁵, считал «Тъпан» органом не славянских, а польско-французских и австрийских тенденций. Его задача — «оттолкнуть Болгарию и Россию от их взаимного друг к другу сочувствия». Возражая на выпады журнала против обучения болгар в России и по другим поводам, автор обращается к основному вопросу. Он указывает на итальянцев, которые жили сначала в условиях политической раздробленности, а затем стали группироваться вокруг Сардинии — государства, которое могло им помочь. И это было разумно. «Славянская Сардиния — Россия; спасение наше, в федерации под гегемонией России, как первого славянского государства, сильного и самостоятельного»⁹⁶.

Обращаясь к циркуляру Горчакова, автор говорил: «Русский циркуляр, восстанавливающий права России на Черном море, на этом славянском море, встревожил врагов славянства как потому, что Россия, уверенная в своей силе, сочла необходимым заявить своим противникам, что силы ее не дремлют и что они готовы каждую минуту постоять за себя — так ровно и потому, что циркуляр кн. Горчакова придвинул к нам Россию ближе; она стоит теперь на нашем пороге. Враги наши более всего заботятся о том, чтобы границы земель русских от нас отодвинуть... Приближение к нам России произвело между нами, балканскими славянами, понятную радость... Радость эта заметна была всюду; злобствовали только наши враги, кишащие между нами, последователи тенденций „Тъпана“».

Брошюра заканчивалась призывом не верить другим странам, так как о болгарях думала и думает только Россия.

Другим свидетельством оживления интересов к России и связям с нею являются неоднократные обращения Болгарского одес-

ского настоятельства в русские правительственные сферы относительно расширения возможностей образования болгар в России⁹⁷.

Но следует признать, что отклики на циркуляр Горчакова из болгарской среды были менее значительны, чем отклики сербов. Но и у тех и у других русское выступление и восстановление прав на Черном море волновали правые националистические буржуазные круги. Революционно-демократические элементы сербского и болгарского общества с опаской глядели на первые признаки возможной активности царской России на Балканах.

«Нет никакой необходимости ненавидеть или презирать немцев, чтобы заботиться об обеспечении интересов России, и, отдавая дань справедливого уважения германской нации, мы должны только последовать ее примеру, заранее отдав себе ясный отчет в том, что нам предстоит делать, и своевременно приняв все те меры, которые необходимы для охранения наших интересов. Нынешняя Германия с Пруссией во главе — уже не прежняя Германия, а государство самое могущественное в мире»⁹⁸, — писал «Вестник Европы». События начала 70-х годов не могли не привлекать внимания и интереса к Германии, ее роли, отношению ее к России, побуждали учитывать возможные перспективы, связанные с ее усилением, и пристально следить за настроениями немецкого общества.

Русская печать 70-х годов постоянно касалась этих вопросов, сообщила о появлении новых брошюр и журналов. Много материала такого рода публиковали «Санкт-Петербургские ведомости». То мы встречаем сообщение о брошюре против переселения немцев в Россию, то о том, что придунайский и балканский районы — область, «предназначенная провидением» для немцев. В Пеште появляется новый журнал «Die Deutsche Wacht an der Donau», в программе которого говорилось: «В союзе Германии и Австро-Венгрии мы видим единственную гарантию европейского мира, твердую защиту против угрожающей на Востоке Европы опасности, против возрастания панславизма — этого опаснейшего, смертельного врага свободы и культуры»⁹⁹. Берлинский листок «Tribüne», журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes» заявили, что славяне — полуобразованные народы, недостойные развязать ремень на ноге немцев. «Пусть же им покажут немецкий кулак, и чем скорее, тем лучше»¹⁰⁰. «Strasburger Zeitung» рекомендовал провести германизацию всех смежных народов. Число такого рода сообщений возможно было легко умножить¹⁰¹.

Некоторые из этих произведений пангерманской литературы в силу своей яркой антирусской остроты привлекали особое внимание. Так, появившаяся в Берлине брошюра «Russland und Deutschland», авторство которой приписывалось видному немецкому дипломату, вызвала ряд газетных откликов.

Автор брошюры, как указывал «Голос», высказывал надежду, что Россия не будет протестовать против распространения Германии до Зунда. Со своей стороны Германия не будет возражать, если Россия станет твердо на Черном море, разгромит Турцию, заведает не только Малой Азией, но и частью Европейской Турции.

«Все это весьма великодушно, — замечала газета. — Но вот вопрос: Россия, сколько мы знаем, нисколько не помышляла до сих пор ни о том, чтоб овладеть Константинополем, ни о том, чтоб утвердить свою власть в равнинах Малой Азии. Едва ли, следовательно, она может быть признательною, когда ей так щедро предлагают то, в чем она вовсе не нуждается»¹⁰². Россия предпочитает, продолжала газета, нравственное влияние на Востоке фактическому господству. Восточный вопрос есть вопрос прежде всего славянский; Россия не может пожертвовать ни одной славянской группой. Вполне справедливо «Голос» указывал на основную идею брошюры. Предлагая России двинуться к Константинополю через Малую Азию, автор имел в виду показать, что России нет места на Дунае и что от мысли приблизиться туда ей следует отказаться.

Брошюра кончалась предупреждениями, что вопрос о панславянстве может вызвать столкновения России и Германии.

Как раз последняя часть брошюры привлекла внимание «Санкт-Петербургских ведомостей», занявшихся обсуждением проблемы панславизма.

«Некоторая часть наших мыслящих людей и публики чаует в более отдаленном или близком будущем слияния всех славянских племен в одно славянское государство, под русскою державой». Иных это прельщает. Европейцев страшит. Перспектива эта далеко не улыбается и огромному большинству мыслящих людей в России. Видов правительства мы не знаем, но убеждены, что и оно, смотря на дело с практической точки зрения, не может питать, даже в отдаленном будущем, таких фантастических планов. Всеславянское государство было бы просто безобразным, чудовищным явлением». Россия не сумела устроить и свой внутренний обиход и станет мечтать о присоединении новых подданных. Это «тамерлановские грезы». Чтобы освободить австрийских и турецких славян, нужна война, которая разорила бы Россию. Она может расти и укрепляться сосредоточением своих материальных и умственных сил; «панславистические стремления, в смысле присоединения славян к России, были бы безумием, диким посягательством России на самую себя».

Наиболее рьяные хотят обрусить все славянские племена, будущих подданных всеславянской империи, обратить их в великороссов с московским оттенком. Чем этот оттенок лучше других, объяснить очень трудно, и этого не смогут сказать и поборники русско-московского типа. «Если мечта о всеславянской монархии есть невинный бред немногих, то панславизм московского чекана — сон ребенка в колыбели». Это кабинетные измышления. Национальная идеология у славян связана с архивными пергамент-

ными грезами. «Панславизм у нас в России никак не может совлечь с себя археологической хламиды. Его мечты и надежды пахнут летописью, с одной стороны, детским лепетом, с другой; они столько же невинны, сколько и бестолковы».

Есть другой панславизм — это стремление угнетенных славян к освобождению. У них панславизм, т. е. союз, — средство избавления. Громы и молнии автора немецкой брошюры направлены на Австрию. Германия давно хочет поглотить австрийские земли. Какая может быть роль России? Никакая. «Ни Россия и никакое другое государство не может принимать на себя роль защитника угнетаемых национальностей... Кому в самом деле дороги интересы России, тот не станет манить и обольщать этих славян несбыточными надеждами на наше вооруженное заступничество в их пользу. Только во имя наших кровных, жизненных интересов вправе мы требовать тяжких жертв от русского народа». Россия может вмешаться, если что-либо будет грозить ей. «Все, что мы можем для них делать, — это оказывать им нравственную поддержку и помощь, ободрять их в тяжелой борьбе и доле, помогать нашим влиянием, нашим духовным и литературным общением»¹⁰³.

То обстоятельство, что брошенный в немецкой брошюре выпад по поводу панславистских устремлений русской политики был подхвачен враждебными панславизму буржуазными «Санкт-Петербургскими ведомостями», не случайно. Это была тема не только немецкой печати, и газета отвечала не только немецкому автору. Всем известные и всем заметные факты усиления Германии, постоянно отмечавшееся возрастание пангерманизма — все это не могло не приковывать внимания и побуждало обсуждать проблемы отношений с Германией в связи со славянским вопросом. И как во второй половине 60-х годов рост и развитие русского панславизма нельзя понять без учета влияния фактов германской агрессии в отношении Шлезвига и Гольштейнии, а также Австрии (наряду, конечно, с другими явлениями), так нельзя понять и возрастания интереса к проблемам славянской политики начала 70-х годов, если отвлечься от широкого разлива немецких агрессивных тенденций и в международной политике и в литературе. Хорошо эту связь выразил в своих записках Г. Де-Воллан, так мотивировавший свое вступление в Петербургский славянский комитет, некоторых принципиально-программных положений которого он не принимал. «Дело славянской пропаганды кажется мне первой важности... Пришла эпоха больших агломераций, соединения, народности сливаются в громадные организмы, и мы должны быть наготове перед грядущими событиями»¹⁰⁴.

Отчетливо вскрывает указанное положение и русская печать. Еще в начале франко-прусской войны Катков отмечал немецкую брань по адресу России, становившуюся все более ожесточенной. «И чем более растет этот прусско-германский патриотизм, не встречая себе от нас отпора, тем сильнее становится и присущий ему

инстинкт относительно нас, и никогда эта инстинктивная вражда к России не высказывалась так недвусмысленно, как с тех пор, когда идеальная Германия облеклась в весьма реальный прусский военный мундир»¹⁰⁵. В конце года, уже после сообщения «высочайшего желания», чтобы газеты не печатали ничего оскорбительного для Пруссии¹⁰⁶, связанный этим распоряжением, Катков сделал большой подбор суждений славянских газет и отмечал единодушие славян в оценке последствий франко-прусской борьбы, которое он определял словами белградской «Сербии»: «Все они (газеты. — С. Н.) единогласно видят величайшую опасность для славянского племени в победе тевтонов над романским племенем»¹⁰⁷. Указанное «высочайшее желание» было сообщено всей печати. Не все, подобно Каткову, обошли это распоряжение. Вот почему не следует удивляться, если газетные статьи иногда молчат о победах Пруссии, создании Германии как об отправных пунктах своих рассуждений. Их надо учитывать, как если бы эти мотивы были высказаны полностью.

Ярко высказывался о связи германского объединения и славянского вопроса «Голос». Указывая, что немецкие государства построены на славянских костях, газета говорила: с немцами мира нет, только перемирие. Россия объединяет три четверти славянства, но рядом с нею стоит Германия, и возникает вопрос, кто перетянет. Кто привлечет к себе чехов и поляков? Если Россия, — ее сила удвоится; если Германия, — Россия приобретет больше врагов. Тогда нависнет угроза над самой Россией.

«Тому, кто будет господствовать на Висле, Карпатах и Балканах, нетрудно уже будет теснить нас на Двине, Днепре и Черном море; не смоги удержаться на Дунае, мы будем оттеснены на Волгу, ибо что сделает тогда голая, открытая отовсюду, отрезанная от своих гор и морей, хотя бы то 100-миллионная Россия от постепенного напора 100-миллионной же Германии (Пруссия, Австрия и Турция), руководимой умом и знанием, интригою и искусством?»¹⁰⁸

Заранее отвечая на возражения в невероятности и фантастичности этих предвидений, газета подчеркивала их логичность и неизбежность, «если Россия впредь будет считать славянскую политику отличною от русской, а панславизм политическим бредом». Говоря о панславизме, «Голос» констатировал, что, хотя в России и есть люди, стремящиеся образовать единую славянскую империю, «это направление далеко еще не стало политикой русского правительства»¹⁰⁹.

Решительнее держались «Биржевые ведомости», привлекавшие для обоснования своих утверждений идею исторического детерминизма. «Что провидение вознесло Россию на пост славянского вождя — это одна из исторических необходимостей... Надобно помириться с тем фактом, что, без добровольного сознания главенства России, все толки о славянском единстве будут призраком,

устрашающим, но не имеющим плоти и крови. Если же каждую минуту начинать новый насчет этого спор, — то, конечно, Германская империя, как всякое органическое устройство, преспокойно возьмет в свои руки бесформенный славянский хаос»¹¹⁰.

Специальной разработкой проблем панславизма занялись журналы «Заря» и «Беседа».

Чтобы уйти от постоянных нападков западной печати, оба журнала все чаще стали вводить в употребление термин «всеславянство», заменяя им одиозное слово «панславизм». Но за этой внешней переменной скрывалось прежнее существо. Анонимная статья «Зари» «Новый фазис славянского вопроса», разбирая положение дел в Австрии, приходила к выводу, что «политическая идея всеславянства — идея будущего, но будущего весьма недалекого и решительно неотразимого»¹¹¹. Обращаясь к истории русско-славянских отношений 60-х годов, говоря о значении Московского славянского съезда, статья подчеркивала ясность, с какой русскими панславистами были поставлены тогда все коренные вопросы этого учения. Но тогда они не получили решения. Статья повторяет обычные положения русского панславизма; русский язык — всеславянский язык; православие — «истинно-национальная религия всех славян».

«Заря» не обнаруживала изобретательности и в других статьях повторяла все эти же тезисы¹¹².

«Беседа» являлась общепанславистским органом. В нем одно крыло было представлено славистом А. Будиловичем, другое — редакцией журнала. Они расходились, как увидим, по некоторым вопросам, но это были две фракции одного и того же течения. В числе сотрудников журнала был идеолог национализма А. Д. Градовский.

В большой статье «Мечта ли панславизм?» Будилович старается обосновать реальность славянского государственного объединения. Проследивая историю разделения славян и их объединительные попытки, он приходит к выводу, что вопроса о политическом центре славянства не существует, так как единственное независимое и сильное славянское государство — Россия. Речь может идти только о форме объединения. «Таким образом, в сфере политических отношений славянства мы видим подготовленным решительное торжество начал единения и союза над началами племенной вражды и розни. Еще несколько шагов — и достигнута будет цель тысячелетних усилий и трудов славянских государств: политический панславизм совершится»¹¹³.

Обсуждая вопрос о формах государственного объединения, Будилович останавливается на федерации отдельных и самостоятельных во внутреннем управлении земель, связанных между собой единством задач и интересов и принимающих во внешней политике союза участие, «соразмерное силам как физическим, так и нравственным каждого члена этой федерации»¹¹⁴.

Это было по существу повторением формулировки Н. Я. Данилевского и признанием первенствующего, руководящего положения в славянском союзе гегемона его — России. И с этими утверждениями вполне гармонизировали дальнейшие: о русском языке в качестве общеславянского, о православии как общественной религии с единой догматикой и отличиями в обрядах, о кириллице как общеславянской азбуке. Помочь общеславянскому объединению должна близость социально-экономического строя славянских стран, являющихся всюду крестьянскими.

Статья Будиловича сопровождалась редакционной статьей «Несколько слов по вопросу о славянстве»¹¹⁵. Здесь простой физической силе противопоставлялась сила идей. Устанавливалась возможность трех видов объединения: 1) государственного единства, когда добровольно подчинившиеся «народные личности» скованы принудительной силой; 2) когда «народные личности» или народности, не осознавшие себя таковыми, слились и уничтожились, т. е. ассимилированы более сильным народом; 3) когда «народные личности» объединены общей идеей, общими чертами природы и быта и сохраняют свою самостоятельность и «право на свободу самоопределения»¹¹⁶. Первую форму гегемонического объединения, представленную Германией, редакция отрицает. Отбрасывает она и второй вариант ассимиляции «славянских ручьев» в русском море. «Это уж не панславизм, которого так боится Западная Европа а панруссизм, предмет ужаса уже не для одних только народов германских и романских, но и для самих славян»¹¹⁷. Встать на этот путь — значит идти к гибели. Такая попытка может вызвать лишь страшный кризис. «Беседа» высказывается и против идеи политической гегемонии России, которую защищал Будилович.

«Мы не видим неминуемой необходимости и в такой гегемонии. С движением человечества вперед значение материальной силы должно умягчаться, а нравственное развитие славянских народов возрастать, и тот из них возвысится над прочими и будет нравственно первенствовать в их общей деятельности, кто более духовных даров принесет с собою в славянскую семью»¹¹⁸.

Славянское единство должно основываться на внутренней единящей силе высшего нравственного начала. Славянство должно явиться провозвестником равноправности и человеческих прав, и залог этих возможностей — в общинном быте, бессословности, истинности православной церкви.

Если Будилович, что видно из содержания его статьи, шел от Данилевского, редакция «Беседы» отправлялась в своих взглядах от мнений Хомякова, Киреевских, Аксаковых, цитировала хомяковские стихи «Не гордись перед Белградом», где четко звучала идея равенства славянских народов.

В полном согласии с редакцией А. А. Майков в большой рецензии на восьмой том чешской энциклопедии «Slovník Naučný»

отрицал упрёки Запада по адресу России в стремлениях создать единое государство и отрекался от панрусизма. Россия не хочет насилия. «Пытаться слить всех славян в одно государство или в один целый народ, при таких противоречащих условиях, значило бы совершить попытку величайшего насилия, но в таком случае история — лучшая порука, что славяне никогда не допускали взаимного насилия и скорее погибали смертью под своим и чужим мечом, чем соглашались признанием узаконить насилие»¹¹⁹.

И при новом возбуждении интереса к проблеме повторялись те же различия, какие имели место в 1867 г.¹²⁰

Но, признавая значение равенства славянских племен, в области языка «Беседа» отказывалась от него, подчеркивая необходимость литературного единства и общеславянского языка¹²¹.

Интересную разновидность панславистской концепции представляет обнаруженный в архиве князя Черкасского анонимный проект под названием «Образ славянского единомыслия», относящийся к началу 70-х годов¹²². Задачи автора — развить нравственные силы славянских народов, освободить их экономически от общеевропейской биржевой спекуляции, открыть источники взаимного обогащения. Во всей известной нам литературе панславистов данной поры это единственный документ, поднимающий экономические вопросы. Но и он идет не из буржуазных кругов. Достаточно прочесть заключительную часть записки, чтобы это стало ясно. Здесь заявляется, что для достижения указанных целей «друзья славянского единства... станут верно на страже всех внутренних социально-революционных брожений, ...явят свою жизнью живой пример благочестия, ...сближат славянские земли интересами сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности и устранят столь вредную для жизни роскошь, всегда ведущую к опасным и рискованным спекуляциям, чуждым природы славян — земледельцев по преимуществу».

Несмотря на нелепо звучащие формулировки, в проекте скрыта мысль, намеченная Данилевским, повторенная Будиловичем, позже развитая Васильчиковым и обнаруживающая известное усиление внимания в панславистских кругах к экономическим вопросам, хотя и в зародышевой форме. Обстановка момента выдвигала на первый план политические вопросы.

В большой статье о польском вопросе Будилович утверждал, что польский вопрос может быть разрешен только панславизмом, а так как существо панславизма — восточный вопрос, то и польский вопрос зависит от восточного. Но помимо этой далекой перспективы существует близкая, заключающаяся в неизбежном столкновении славянства с Германией. В этих условиях полякам грозит или обрусение, или онемечение, могут они сохранить и народность, но только в связи с Россией. Последняя же готова содействовать устройству политической будущности польского народа. Нужно только несколько повременить, пока не будут закончены

реформы в Польше. Однако уже сейчас Россия должна дать полякам «надежду»¹²³.

Близкие мысли излагались в «Биржевых ведомостях»¹²⁴.

Новая постановка польского вопроса была естественной для авторов цитируемых статей, но нельзя не отметить, что ни Будилевич, ни «Биржевые ведомости» в своих построениях не отличались особой новизной и оригинальностью, а основные их положения и общие посылки восходят к аксаковскому «Дню» и статьям П. Безсонова о связи восточного и польского вопросов¹²⁵.

Еще в большей степени, чем польский, привлекал внимание прессы в это время восточный вопрос. Одной из первых появилась статья Н. Щебальского «Турция и ее реформы по отношению к России»¹²⁶. Основная мысль ее заключается в утверждении, что если бы балканским народам не мешали, они соединились бы в один союз с Россией. Но помимо препятствий со стороны других государств этому мешает бездеятельность самой России. Ей следует стараться о возбуждении солидарности народов Турции с русским народом. Для этого надо пустить в ход все средства сближения.

Различные частные общества Западной Европы ежедневно заводят школы для болгар, черногорцев и пр.; «...станем и мы заводить свои школы рядом с их школами, станем устраивать, кроме школ, и сельские банки, чтобы поднять материальное благосостояние в этих бедных странах; обратим внимание на лица и фамилии, пользующиеся некоторым влиянием между своими земляками, и поможем им грушировать вокруг себя этих последних»¹²⁷. Средств жалеть нельзя. Но нужно помнить, что, если русские университеты, военные училища и т. п. будут по уровню ниже западноевропейских, в них не поедут учиться ни сербы, ни румыны, ни босняки, ни болгары. Россия не должна быть ниже Западной Европы ни в культурном, ни в гражданском отношении. Надо снять путы, затормозившие после реформ внутреннее развитие. Надо обеспечить свободу слова, промышленности, религии, уничтожить паспортную систему. Либеральные реформы становятся у Щебальского средством решения восточного вопроса.

Близки к мыслям данной статьи положения, развитые в «Беседе». «Для удержания Германии в ее естественных границах, нам надо иметь верных союзников, а кроме ослабленной Франции мы никого не имеем, — следовательно, нам надо, по возможности, поддерживать дружеские сношения с славянами, которых сама судьба бросает в объятия наши...»¹²⁸

Но правительство только терпит славянские стремления общества, а последнее не привыкло вести за собой правительство. Сочувственно цитируя советы Р. Фадеева¹²⁹ о методах сближения со славянами, автор констатирует, что делается в этом направлении слишком мало. Средства на образование славян скудны, русские агенты за границей этим недостаточно интересуются. Из славян,

учащихся в России, одни остаются здесь навсегда, другие ничему не могут научиться. Пособие церквям — хорошее средство, но оно недостаточно. «Итак, от официальных агентов нельзя ожидать серьезной поддержки славянскому делу. Официозная деятельность еще слабее. Остается одна только частная деятельность, а мы знаем, как туго идет у нас в России все то, что не имеет правительственной поддержки»¹³⁰.

Этим выводом автор имел в виду обратить внимание правительства и поднять интерес к практической деятельности по восточному вопросу.

Журнал не останавливался на советах укрепления культурных связей. В другом случае он, пропагандируя отвлеченный тезис о необходимости «единства духа» и «единства действия», заканчивал свои рассуждения советом организовать «спокойные, обдуманые и стоящие на строго-практической почве совещания политических деятелей (славян.— С. Н.) между собою»¹³¹.

Провозглашая, что восточный вопрос «ест. вопрос общеславянский», что «восточный вопрос и панславизм тождественны»¹³², панславистская печать с некоторой тревогой встречала слишком яркие ответные выступления. Особенно характерно отношение к вышедшей в 1872 г. в Белграде брошюре Орешковича «Славянская задруга». Автор ее — хорват, австрийский офицер, затем перешедший в Сербию, где состоял при сербском правительстве референтом по военным делам и был в связи с сербским министерством иностранных дел. Позже (в 1876 г.) вернулся в ряды армии (в Сербии). В своей брошюре он излагает план славянского союза, внутри которого для каждого члена должна быть обеспечена равноправность и самостоятельность в решении всех внутренних вопросов. Союз должен возглавлять русский царь в качестве президента¹³³.

Брошюра Орешковича вызвала резкую отповедь «Беседы». Она вышучивала его «удвоенный и просветленный панрусизм». Самого автора считала провокатором, а основной ее тезис о славянском союзе признавала двойственным и лживым. Орешкович прикрывает свои ультрацентрализаторские мечтания заманчивыми обещаниями автономии. В действительности же у него: «Все исходит с берегов Невы и к ним возвращается; словом, по этому проекту все славянство, сливаясь с Россией, образует необъятное и по пространству и населению государство, соперничающее с древним римским»¹³⁴. Журнал предсказывал неудачу проекта, так как славяне тяготеют к федерализму¹³⁵.

Это была попытка удержаться на позициях панславизма третьего типа, намеченного в указанной выше редакционной статье.

При всем стремлении противопоставить свою форму объединения, осуществленного силой идеи, а не силой физического принуждения, при всем отрицании централизации и насилия панславизм «Беседы» все же оставался панславизмом, т. е. реакционной идео-

логией, в основе которой лежало принципиальное отрицание равенства славянских народов. О чем ином может говорить требование принятия русского языка и православия всеми славянами? Но идеология Будиловича, стремившегося к созданию единого славянского государства и, несмотря на уверения автора относительно внутренней самостоятельности отдельных славянских народов, строившегося им на основах неравенства, была еще более реакционна.

Вновь выведенная на арену политической жизни панславистская программа не обнаружила развития и жизни. Она повторяла уже известные положения, внесла в них очень мало нового.

Но если на угрозу германской опасности панславистские круги отозвались новым провозглашением своих положений, примененных к обстоятельствам, эти отклики шли, за исключением Будиловича, от малоизвестных или скрытых за псевдонимами лиц. Это приходится отмечать потому, что деятели, известные своими панславистскими взглядами, организации, являвшиеся средоточием панславизма, были склонны отвести от себя подозрения или упреки в принадлежности к нему. В 1872 г. в «Московских ведомостях» Погодин опубликовал заявление, где говорил, что давно расстался с панславистскими воззрениями. В то время как «Беседа» в цитированной выше статье Владимирова обсуждала вопросы усиления деятельности славянских комитетов в направлении панславизма, Московский славянский комитет на заседании 26 сентября 1872 г. под воздействием шума западной печати отрещивался от него. Секретарь его Н. А. Попов, известный своею принадлежностью к катковскому кругу, ссылаясь на толки в Вене и Пеште, заявлял, что истинное представление и действительные сведения о данном направлении можно получить от самих панславистов. Обходя членов комитета, Попов сослался на белградского профессора Алимпия Васильевича и процитировал его слова о целях славянского союза: «Соединенными силами обеспечить свободу каждому славянскому народу и осуществить правильное развитие тех особенностей, которые история предназначила великому славянскому племени»¹³⁶.

Катков в «Московских ведомостях» заявлял: «Панславизм — слово выносившееся, и басням о нем уже перестают давать веру в Европе, за исключением разве Австрии, где и государственным людям и журналистам все еще мерещатся, когда им это бывает нужно, мифические русские агенты, повсюду якобы сеющие смуту»¹³⁷. И как бы подтверждая это новое понимание вопроса, «Русский вестник» поместил несколько статей К. Н. Леонтьева, из которых первая («Панславизм и греки») подробно развивала катковский тезис.

Леонтьев упрекал и пропагандистов и противников панславизма в упрощенном мышлении по аналогии. Славянский вопрос для них — русский перевод немецкого вопроса. Но немцы — нация, а славяне — племя, разделенное на нации. Немцы могли составить

государство, славяне могут создать лишь союз государств, но и тот для Леонтьева сомнителен, поскольку все славянские нации стремятся к развитию при помощи России своей государственности. Леонтьев повторяет мысль, так часто встречающуюся у панславистов той поры, о неизбежности превращения всякого присоединенного к России славянского народа во вторую Польшу. С точки зрения интересов греков, болгар и русских — Турция нужна. Если бы произошло объединение славян под эгидой России, государственная ее форма (самодержавие) возбудила бы недовольство славян. Россия — не чисто славянское государство. «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения царства русского»¹³⁸. Россия враждебна не султану и Турции, а западным интригам в последней. На Востоке она ищет союзников в христианских национальностях Турции и потому поддерживает их. И в этом проявляется своеобразный исторический *fatum* России: интересы деспотической России совпадают с интересами угнетенных. Для греков турки нужны как средство предохранения от образования панславистского государства, для болгар — как охрана от поглощения Россией. Касаясь вопроса о немецких претензиях и планах, Леонтьев считал вероятной попытку Германии ослабить Россию на Балтийском море и Дунае, завладеть западными окраинами России и австрийской Цислейтанией. Австрия в вознаграждение получила бы Боснию, Герцеговину, Молдавию, Валахию и Добруджу. На этих землях сложилась бы сильная конфедерация, которая, опираясь на Германию, оттеснила бы турок за Босфор, а Россию отбросила бы к Сибири и Кавказу.

Итак, не панславистское государство, а сохранение Турции и дружба России с нею.

Только в одном случае признавал К. Леонтьев объединение, но и тогда не славян, а всего Востока с Россией: это в случае европейской революции и образования «рабочей республики». Тогда «Восток встанет весь *заодно*, встанет весь оплотом против безбожия, анархии и всеобщего огрубения»¹³⁹. Но, как показывает дальнейшее развитие мыслей Леонтьева, это единое выступление ничего общего с государственным объединением не имеет. «Идеалом надо ставить не слияние, а тяготение на рассчитанных расстояниях»¹⁴⁰.

В панславистском лагере создавалось своеобразное распределение функций. Панславистскую пропаганду продолжали вести безответственные и малоизвестные лица и из сколько-нибудь заметных деятелей А. С. Будилович.

Прежние идеологи и руководители панславистской организации отрекались от панславизма, который на протяжении ряда лет был идеологией организаций, которая во всех своих чисто благотворительных актах всегда характеризовалась определенной политической направленностью.

Но, отрекаясь от панславизма, они защищали не одно и то же. Погодин и Попов старались выгородить славянские комитеты, Катков отводил упреки уже непосредственно от русского правительства, и ему вторил Леонтьев нападка на «узкий славизм» устроителей съезда 1867 г. Толчком для этих отречений были многочисленные в эти годы выступления австрийских и турецких газет, нападавших на панславизм, славянские комитеты и т. п. Но нападки в австрийской печати не были новостью, и если на этот раз они оказали такое действие, то это объясняется не влиянием газетных статей только. Нельзя забывать шедшего в эти годы австро-германского сближения и начинавшегося сближения России с немецкими державами. Шум о панславизме мог вредно отзываться на установлении дружественных отношений с этими странами. И это в известной мере лежало в основе указанного явления, тем более что и хронологически они связаны с берлинским свиданием трех императоров. Возможно, в отношении заявлений Погодина и Попова дело не обошлось без известного официального воздействия. Вероятность этого тем больше, что призывы к осторожности, умалчиванию имен, приданию большей глухости отчетам славянских комитетов в это время давались официальными кругами.

В революционной среде новый подъем панславизма вызвал решительно отрицательное отношение. Бакунин, выразивший согласие с оценкой панславизма Марксом, писал Н. И. Жуковскому (17 июля 1870 г.): «Прав вполне Карл Маркс относительно панславизма, который всегда был и будет скрытым деспотизмом, русские цари всегда обещали славянским народам освобождение из-под чужеземного ига, чтобы подчинить их русскому деспотизму, и надо сознаться, что наши братья славяне своим односторонним национализмом много способствуют царской пропаганде...»¹⁴¹

Этого же взгляда держался журнал «Народное дело», связанный с Русской секцией I Интернационала. Специальный раздел программы секции, опубликованный в журнале, гласил:

«Принимая во внимание:

1) что остальные идеи панславизма производят пагубное влияние на дух и развитие рабочих масс в славянских землях Австрии и Турции;

2) что такие идеи, поддерживаемые слепою верою в царизм, всегда были только гнусною западнею для славянских народностей;

3) что идея национализма злоупотребляется теперь врагами народа против всякой социалистической и интернациональной пропаганды, которую представляют рабочей массе, как пугало, разрушающее всякую независимость и самобытность...;

4) что завоевательный режим находится в прямом противоречии со всеми принципами Международного братства народов;

5) что императорское иго, гнетущее Польшу, есть тормоз, препятствующий политической и социальной свободе обоих народов, русского и польского.

Мы обращаемся с призывом к нашим братьям в Польше, Малороссии, австрийских и турецких землях, точно так же, как ко всем группам разных народностей, находящихся под императорским гнетом, и приглашаем их работать солидарно с нами, соединяться в группы и организоваться для деятельной пропаганды»¹⁴².

В том же номере журнала было помещено письмо И. Ф. Беккера членам Русской секции, где говорилось: «Панславизм всегда был и будет не чем иным, как худо скрытым деспотизмом, он обещает освобождение славянским народам из-под временного чужеземного гнета только для того, чтобы подчинить их более продолжительному русскому гнету». Беккер утверждал, что Российская империя стремится к мировому господству, первый шаг для чего — подчинение славян. Для наших целей безразлично, в какой мере прав был автор. В последнем утверждении важно, что редакция солидаризировалась с ним, помещая это письмо.

Ни нечаевская «Община», ни листки общества «Народной правды» не касались этого вопроса специально, но их отношение к царскому правительству, газетам типа «Московских ведомостей» и «Голоса» и т. п. достаточны для утверждения, что и они в отношении к панславизму занимали отрицательную позицию.

Социальной базой панславизма и в этот момент, как и раньше, являлись дворянские круги (в помещичье-дворянском характере «Беседы» и «Зари» вряд ли могут быть сомнения). Но нельзя не отметить, что впервые наметившееся в 1867 г. сочувствие панславизму со стороны «Голоса» и «Биржевых ведомостей», усилившееся в начале 70-х годов, свидетельствовало об усвоении правыми буржуазными кругами панславистской идеологии. И события начала 70-х годов — усиление Германии — сыграли в этом определяющую роль.

Но в либеральной среде не было полного единства; издания, положительно относившиеся к Пруссии и русскому союзу с нею, видя в ней просвещенную западную страну, более демократическую, чем Россия, такие, как «Санкт-Петербургские ведомости» и «Вестник Европы», держались на старых позициях. Однако и в этом лагере проглядывало известное примирение с возможностью русской акции на Востоке, что свидетельствовало о тенденции к расширению очерченного выше процесса.

Отмечавшиеся уже нами тенденции идеологического сближения либеральной и консервативной печати обнаружили в начале 70-х годов. Не касаясь этого вопроса сколько-нибудь детально, так как он лежит вне непосредственной сферы нашего изучения, отметим, что основой для такого сближения был национальный вопрос и вопрос о национальном государстве. Известно, какое

значение эта группа вопросов получила после польского восстания 1863 г. Итоги франко-прусской войны, воздействие Парижской коммуны, обострившаяся боязнь «интернационалки» — все это сближало идеологически дворянские и буржуазные круги. В 1871—1873 гг. на страницах «Беседы» А. Градовский выступил с рядом статей, объединенных и дополненных в отдельном издании¹⁴³. Задача, поставленная им, заключалась в обосновании теории национального государства. Ученый-юрист в результате своих рассуждений пришел к выводам, некоторые из которых были весьма близки к положениям Каткова. Начав с заявлений, что «во имя полноты общечеловеческой цивилизации все народности призваны к деятельности, к жизни», он признавал затем, что есть народности естественные и государственные, что естественная народность может не составить государства, а «государственная» народность может сложиться из разных этнических элементов, но все же быть народностью. Цепь размышлений заканчивалась оправданием ассимиляции¹⁴⁴. Имея в виду агитацию пангерманистов, Градовский отрицал возможность достижения национальных целей простым физическим насилием, завоеванием и т. п.¹⁴⁵

В то время как в кругах, близких к славянофилам, формулировались такие положения, Катков ехидничал над «Вестником Европы», замечал, что сотрудники его «начинают очеловечиваться». «Очеловечивание» заключалось в том, что мотивы государственности и национализма становились все сильнее в суждениях журнала. Он начинал ратовать за всеобщую воинскую повинность, и Катков предсказывал, что в этом вопросе журнал неизбежно пойдет дальше. «А вот другой вопрос, — говорил Катков, — вопрос об обрусении наших окраин. «Вестник Европы» рассуждает теперь об этом как ревностный поборник национальных интересов нашего отечества»¹⁴⁶. Легко понять, что значило в устах Каткова защищать национальные интересы России на окраинах.

Рост националистических тенденций содействовал идеологическому сближению враждовавших ранее лагерей. А современный наблюдатель предвидел возможность, что «этим путем славянофильство из небольших кружков мечтателей, не имеющих ни малейшего влияния в жизни, может превратиться в обширную политическую партию, которая при благоприятных обстоятельствах будет иметь огромное влияние в нашей жизни, если только не поглотит все», как в Германии¹⁴⁷. К оформляющемуся новому национализму прежде всего примкнут «все те фракции бесхарактерного либерализма, который в настоящее время не находит под ногами никакой почвы»¹⁴⁸.

Начало 70-х годов XIX в. не ознаменовалось постановкой восточного вопроса. Никаких крупных событий еще не произошло. Но русская печать внимательно наблюдала и за фактами второстепенного значения.

В 1871 г. Румынию взволновала афера Струсберга — немецкого концессионера по постройке железных дорог. Концессия была получена, как указывали «Московские ведомости», «при помощи герцога фон-Уеста, графа Лендорфа и многих других влиятельных лиц берлинской аристократии и биржи». Но построена была лишь часть запроектированных дорог; и румынская палата сочла справедливым не выплачивать обещанных гарантий. Немецкий представитель на румынском престоле — князь Карл, не согласившись с этим решением, распустил подряд две палаты (хотя вторая отличалась подобранным консервативным составом), так как обе держались одних взглядов. Германия и Австро-Венгрия пытались оказать дипломатическое давление на Румынию, но Турция не пошла на это. Печать привлекла внимание к деятельности немецких элементов в Румынии, сочувственно отмечала стойкость палат¹⁴⁹ и выражала надежды, что Бисмарк впредь будет осторожнее в поддержке искателей приключений¹⁵⁰.

Были отмечены пограничные столкновения между Черногорией и Турцией в 1872 г., смены министерств в Турции. Когда в середине 1872 г. великим визирем вместо Али-паши был назначен Махмуд-паша, печать не выразила ни удовлетворения, ни разочарования. С большим интересом газеты отнеслись к отставке Махмуд-паши и назначению Митхад-паши, но еще сильнее печать заинтересовалась последовавшей вскоре отставкой последнего. «Радоваться способу управления Митхад-паши, — писали по этому поводу «Московские ведомости», — могли только те, кто надеялся найти на Востоке случай „ловить рыбу в мутной воде“, и Порта действительно показала „жизненную силу“, опомнившись вовремя на пути, каким вел ее павший ныне руководитель ее политической жизни»¹⁵¹.

Отмечали газеты начатые Турцией в 1872 г. переговоры о реорганизации ее по образцу Германской империи, что повело бы к увеличению зависимости Сербии, Румынии, так как одним из основных положений предполагаемой перестройки было подчинение армий этих княжеств турецкому командованию. Кратко, но ясно свою отрицательную точку зрения выражал Катков, говоря: «Сербия и Румыния состоят под протекторатом держав, без согласия коих султан не вправе обратиться к своим вассалам с предложением подчинить ему их военные силы»¹⁵².

Но, как и раньше, турецкие дела интересовали печать больше по своим связям со славянскими или румынскими. Еще меньше обнаруживалось интереса к Греции, где ничего выдающегося не происходило, а министерские кризисы, «которые средним числом совершаются у них каждые шесть месяцев»¹⁵³, были фактом слишком мелким.

Наибольший интерес привлекали две темы: болгарский церковный вопрос и вопрос сербский.

В марте 1870 г. султанский фирман признал существование

болгарского экзархата. «Русский вестник» поместил статью Т. Филиппова «Решение греко-болгарского вопроса»¹⁵⁴, где говорил о недостаточности согласия мирской власти, тем более мусульманской, для решения данного вопроса, о необходимости соглашения с константинопольским патриархом и целесообразности созыва общецерковного собора. Защите болгарской точки зрения посвятил свою статью в «Беседе» М. Дринов — «Болгаре и Константинопольская патриархия»¹⁵⁵. «Дело болгарской церкви есть дело болгарской народности», — заявлял он и показывал нежелание греческой патриархии понять неправомерное уничтожение в прошлом болгарской церкви греками. Он считал, что султанский фирман не является окончательным решением вопроса, и заявлял готовность болгар прийти к соглашению с патриархией, чтобы устранить неканоническое положение экзархии.

«Московские ведомости» солидаризировались с ответом русского синода, отклонившего предложение о созыве вселенского собора для решения болгарского вопроса, так как стороны «не откажутся от своих мнений, и тогда вселенский собор представил бы печальное зрелище разногласия...» Признавая, что «церковного в этом вопросе только повод и форма; в сущности же это вопрос более национальный»¹⁵⁶, газета во имя и церковных и национальных интересов обеих сторон высказывалась в пользу примирения.

В 1872 г. состоялся последний акт греко-болгарской борьбы. Константинопольский собор признал болгар схизматиками. «Мы скорбим об этом всего более в интересе самих же греков, — писал Катков. — Провозглашение схизмы они торжествуют не только как наказание болгар за их строптивость в отношении к цареградской патриархии, но и как победу над панславизмом и интригами (?) России! Грекам должно бы быть известно, что из трех держав, под чьим покровительством находится их королевство, у них не было более искреннего и бескорыстного друга, как Россия...»¹⁵⁷ Газета упрекала греков в склонности действовать подобно католической церкви и предостерегала от опасности внести раскол в православие в связи с несогласием иерусалимского патриарха с решением собора и борьбой за низложение его¹⁵⁸. Катков не высказал ясно осуждения грекам, но таков был смысл его слов. Он не мог признать основательными решения Константинопольского собора.

В защиту последнего в «Гражданине» (№ 23—27 за 1872 г.) выступил Т. Филиппов, настаивавший на том, что вселенский собор был единственным средством разрешения вопроса. Грустя о слабости русского влияния, проявившейся в данном споре, он признавал неизбежным дальнейшее падение этого влияния и в то же время считал постановления Константинопольского собора не подлежащими оспариванию¹⁵⁹. Статья Филиппова не вызвала сочувствия. А. В. Рачинский вспоминал статью Филиппова по поводу статьи Даскалова и спрашивал в письме к Аксакову: «Кто же те-

перь заказал ему печальную, самохвальную, ложную в основании и дышащую противоречиями статью?»¹⁶⁰. Погодин в речи, произнесенной в заседании Славянского комитета, не согласился с решениями Константинопольского собора.

Как утверждал год спустя Ф. Курганов: «До церковной идеи борьбы и постановки ее на каноническую почву у нас возвысился, насколько нам известно, один только Т. И. Филиппов»¹⁶¹. Вся прочая русская печать отнеслась сочувственно к болгарам, поняла национальную сущность спора. И даже церковный журнал «Православное обозрение» возразил Филиппову. Либеральная печать мало интересовалась исходом греко-болгарской борьбы, но, когда она касалась ее, то выражала сочувствие болгарам.

«Санкт-Петербургские ведомости», поддерживая стремления Т. Филиппова к соборному обсуждению вопроса и, очевидно, имея в виду те русские церковные вопросы, какие он выдвигал, одобряли осторожную позицию русского синода, понимавшего, что все канонические соображения патриархата не выдерживают критики. Главное в греко-болгарской борьбе — доходы греческого духовенства и рост славянского возрождения. Но «славянская идея и плодотворнее, и далеко современнее византийской, и потому нельзя ожидать, чтобы славяне в Турции отказались от своего будущего в пользу весьма сомнительного прошедшего»¹⁶².

Не могли не привлекать в это время внимания русского общества стремления сербского народа. Адресу сербской скупщины 1870 г. Катков посвятил специальную статью. Его побудило к этому отчасти усмотренное им в этом документе единство сербского народа и верховной власти, отчасти то место в адресе, где говорилось о стремлении всех сербов к прогрессу Боснии и поднимался вопрос о завершении сербского объединения. Катков заявлял сочувствие чаяниям сербского народа: «Все органическое должно знать свой предел»¹⁶³.

Адрес действительно отражал серьезное брожение в сербской среде по поводу босно-герцеговинского вопроса. «Касательно Босны и Герцеговины, — писал митрополит Михаил Н. А. Попову 20 февраля 1871 г., — думаем, но слишком боязливо — не смеем даже своим прямо сказать, что желаем»¹⁶⁴. Белградская газета «Видов дан» открыто призывала к крестовому походу для приобретения Боснии¹⁶⁵. Шли тайные переговоры сербской «господы» — правительства — с венграми. В переговорах вновь воскрешались мотивы, звучавшие во время попыток стовориться с венграми в 1867 г. Сербия готова была отречься от претензий на сербские области Австро-Венгрии — Воеводину, Военную границу, Далмацию за отказ венгров препятствовать присоединению Боснии, Герцеговины, Старой Сербии к княжеству. Главным деятелем переговоров был тот самый Орешкович, которого «Беседа» считала провокатором. Надеялись на известную помощь России¹⁶⁶. Не без связи с националистическими расширительными тенденциями сербов

близкая к Андраши газета «Pester Lloyd» заговорила о тяготении босняков к Австрии. «Действительно,— читаем здесь,— Австро-Венгрия может доставить этим странам все, что не только в географическом, но и в материальном, и в нравственном отношении может ввести их в Европу, а именно: гавани Адриатического моря, доступ к которым не могут им доставить ни Россия, ни Сербия». Газета внушала идею взаимной пользы такого сближения¹⁶⁷.

В связи с присягой князя Милана Обреновича¹⁶⁸ Катков коснулся задач, стоящих перед Сербией, и обстановки, в какой Милану Обреновичу придется действовать. Катков широко использовал рецензию «Times» на книгу Фарлея «Новейшая Турция». Английская газета находила оптимизм Фарлея необоснованным. Она считала положение Турции тяжелым, к реформам в ней относилась с недоверием. «Не следует ли заключить,— заканчивал статью Катков,— из подобных отзывов, что восточный вопрос поднимется по всему вероятно неожиданно, застанет всех врасплох и, может быть, будет уже решен прежде, чем иные очнутся? Во всяком случае не очевидно ли, что Сербия должна быть настороже?»¹⁶⁹

Такую настороженность проявила русская печать, внимательно наблюдавшая за событиями на полуострове.

В середине 1873 г. в Боснии разыгрались события, привлечшие внимание печати. Это было бегство торговцев Босанской Градишки в Австрию из-за притеснений турецкой администрации.

«Русские ведомости» 11 октября в ответ на статьи «Московских ведомостей», написанные по австрийским газетам, напечатали письмо «Из Вены», подписанное буквой X, а в действительности составленное в Москве Н. Поповым на основании переданной ему архиепископом С. Косановичем¹⁷⁰, приехавшим в это время в Москву, копии с письма беженцев из Баньи Луки¹⁷¹. Газетная заметка сообщала об австро-турецких трениях в связи с инцидентом в Старой Градишке, где начиная с 1870 г. христиане жаловались на утеснения турецких властей, поведшие к бегству в июне 1873 г. 23 человек в Австрию¹⁷². Беженцы передали австрийским властям жалобу, а родственники их, оставшиеся в Градишке, были арестованы, после чего бегство усилилось. В Вену были посланы уполномоченные, подавшие 31 июля (12 августа) меморандум Францу-Иосифу, а на другой день сообщили его послам великих держав. Затем меморандум был опубликован, но не привлек особенного внимания держав. Жалоба вызвала предписание австро-венгерского правительства консулам проверить факты. Местный паша угрозами и новыми арестами стремился побудить христиан к благоприятным показаниям, а со своей стороны жаловался на вмешательство австрийских консулов. Заканчивая изложение фактической стороны дела, Н. Попов спрашивал: поддержат ли другие консулы австрийского и превратится ли спор в «вопрос, общий для всех великих держав?»¹⁷³

На следующий день газета опубликовала речь Н. П. Игнатьева, произнесенную в Одессе 28 сентября. В ней Игнатьев отметил упреки по адресу русских в происках на Востоке, говорил, что девять лет работает для установления мира с Турцией и теперь отношения с ней наилучшие. «Нам ни пяди чужой земли не нужно. Мы ничего себе не желаем! Естественное сочувствие наше единоверцам — безвредно. Мы желаем всякому свое — правду и справедливость, а зла — никому». Заканчивая, Игнатьев напомнил, что задача Одессы, находящейся по соседству с Турцией, «показать Востоку товар лицом» и вести пропаганду в пользу России. Передовая статья газеты, по-видимому написанная Н. Поповым, приветствовала речь и выражала надежду, что «она будет оценена по достоинству всеми друзьями мирного разрешения восточного вопроса»¹⁷⁴. Вслед за тем¹⁷⁵ газета приступила к напечатанию турецкого меморандума австрийскому правительству в ответ на его запрос, где отрицались преследования христиан турецкой администрацией, а сами христиане обвинялись в создании нелегальных организаций. Спустя день после окончания печатания меморандума «Русские ведомости» напечатали в двух номерах новое большое письмо Н. А. Попова «Из Вены», написанное на основании сведений, сообщенных Косановичем¹⁷⁶. Из письма последнего Попов (вновь подписавшийся буквой Х) извлек многочисленные факты. Он показал, что тайные комитеты в действительности — местные одборы, составляемые для проведения сборов и ведения прихода-расходных книг и управления школами и церквями. Члены одборов выбираются из купцов и домовладельцев, которые, по наблюдениям Гильфердинга, не желают изменения положения. В силу перебора боснийскими архиереями дани с народа эти суммы были употреблены на создание богословской школы, во главе которой стал учившийся в России В. Пелагич (1866 г.). Однако через три года его по доносу греческого духовенства сослали в Малую Азию, а школу закрыли. Таковы те суммы, которые, по утверждению турок, послужили поводом для волнений. Попов показывает, как фабриковалось обвинение против христиан при помощи фальшивых писем, и цитирует одно из них. Он с фактами в руках опровергает турецкие утверждения о религиозной свободе и доказывает притеснения турками христиан.

Вскоре газета напечатала передовую статью, написанную Поповым же, где он говорил о соперничестве держав, отразившемся в Парижском договоре, о необходимости уничтожения соперничества в связи с утратой многими частями трактата его силы. Отвергая возможность постановки восточного вопроса во всем объеме, он замечал относительно Австрии: «Вопрос этот (о конфликтах в Боснии.— С. Н.) она может распутывать по частям, и конечно поступит мудро, если последует правилу, хоть не в настоящую минуту, а при другом более удобном случае: курочка по зернышку

ключет и с того сыта бывает. Только будет ли выгодно для других устранение от событий из-за прежнего соперничества с Австрией?» «Обязанность раскрыть истину относительно боснийских дел принадлежит всем великим державам... Оставить это дело так, зря — значит отложить его только на время; ограничиться удовлетворением одной Австрии — значит возвысить агентов последней в глазах турецких христиан, и притом в ущерб дипломатическим представителям других держав, хотя бы эти представители и пользовались славою дельных людей, а не легкомысленных дилетантов». Нужна общая конференция для разбора дела.

Косанович остался очень доволен и обоими письмами («из Беча (т. е. Вены.— С. Н.) (болье рећи из Вашег кабинета)» и передовой статьей. Он даже сетовал, что не знал, в каком направлении Попов будет писать, а то «дал бы больше материала». Но в целом остался признателен и благодарил от имени босняков¹⁷⁷.

После статей Н. Попова к боснийской теме вновь вернулся Катков. Он отмечал разногласия австро-венгерской печати, но главным образом сосредоточился на политической стороне вопроса. Австрия поддержала босняков. Русская дипломатия не обнаруживала явных признаков своей деятельности¹⁷⁸, что возмутило Каткова. «Признаемся, мы ничего не понимаем во всей этой истории,— писал он. — Если обстоятельства благоприятствуют новому шагу в пользу христианских народов Турции и ее вассальных княжеств, то что же делает наша политика в Константинополе и почему она уступает другим это дело, стойвщее нам столько жертв и крови? Если Австро-Венгрия хочет идти с нами об руку на Востоке тем самым путем, каким доселе шли мы одни, то почему же мы неидем с ней, почему отстаем и отходим в сторону?»¹⁷⁹ Австро-турецкий спор о роли австрийского консула в боснийском столкновении, в котором Катков видел возможность нажима на Турцию, разрешился мирно и, как известно, не без непосредственного, хотя и тайного, участия русской дипломатии, что осталось неизвестным редактору «Московских ведомостей», отмечавшему и позже непонятную сдержанность русской политики¹⁸⁰.

Боснийский инцидент вновь обнаружил постоянный интерес русской печати к делам Балканского полуострова. Как ни путался и как ни изворачивался в последние годы Катков, твердивший о желании России, чтобы проливы были то в сильных руках, то в слабых¹⁸¹, постоянно подчеркивавший отсутствие стремлений к завоеваниям, но в то же время настаивавший на участии в судьбах христианского населения, а с другой стороны, заявлявший о целесообразности с точки зрения русских интересов сохранения Турции¹⁸², — с Балкан постоянно ожидали сведений о новом взрыве, о новом конфликте. Возможности этого интересовали в равной степени и «Московские», и «Русские ведомости», и «Голос»¹⁸³.

События начала 70-х годов вновь приковали внимание русского общества к проблемам балканской политики. Первым толчком к этому были франко-прусская война и циркуляр Горчакова. Московский адрес явился проявлением дворянского либерализма и оппозиционности в вопросах и внутренней и внешней политики. Германская опасность, вероятность которой представлялась неизбежной в самом ближайшем будущем, вновь побудила вспомнить о славянах как о союзниках и опоре внешней политики России. вновь приобрели актуальность панславистские настроения и резко усилились националистические тенденции, обусловливавшие идеологическое сближение либеральных и правых националистически-панславистских элементов. Не случайно, что идеолог национализма А. Градовский излагал первоначально свои взгляды на страницах панславистской «Беседы».

Панславизм, оживший в 70-х годах, не обнаружил почти никаких новых элементов в своей системе, а в основном повторял положения, сформулированные в 60-е годы.

Нельзя не отметить также, что и в 70-х годах, как и раньше, трактовка балканской проблемы оставалась трактовкой чисто политической. Ни о каких экономических интересах или поползновениях не было речи. Это особенно резко бросается в глаза при сравнении понимания печатью балканского и среднеазиатского вопросов. Экономическое значение среднеазиатских отношений выступает очень ярко и тем сильнее оттеняет чисто политический интерес к славянской и балканской проблемам.

Обнаружившийся натиск германизма, внутренняя австро-славянская и венгеро-славянская борьба вызывали усиление надежд на Россию, особенно под влиянием циркуляра Горчакова. Сербские националистические и болгарские умеренные элементы ожидали выступления России на Балканах и сигнала к возбуждению восточного вопроса. Результатом этих чаяний были встречные заявления югославянского панславизма.

---

¹ «Заря», 1870, № 7, «Из современной хроники», стр. 170.

² «Биржевые ведомости», 28.VIII 1870.

³ «Биржевые ведомости», 26.VIII 1870.

⁴ Н. А. Чарушин. О далеком прошлом, ч. I, II. М., 1926, стр. 64.

⁵ «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина 1870 г.». «Русский архив», 1894, кн. II, № 6, стр. 245; А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПб., 1893, т. II, стр. 408.

⁶ «Отечественные записки», 1870, № 9, стр. 116.

⁷ «Московские ведомости», 12.VII 1870.

⁸ «Санкт-Петербургские ведомости», 9.VII 1870.

⁹ «Биржевые ведомости», 30.VIII 1870. Заявления с одобрением нейтралитета печатали «Русские ведомости» и другие газеты.

- ¹⁰ «Русская мысль», 1911, кн. VII, стр. 141 (Письмо от 18.VII 1870 к Н. А. Блок).
- ¹¹ «Отечественные записки», 1870, № 9, стр. 149—150.
- ¹² «Вестник Европы», 1870, т. IV, кн. 8, «Внутреннее обозрение», стр. 733.
- ¹³ Там же, стр. 734.
- ¹⁴ Утинское «Народное дело» считало объявление нейтралитета равным объявлению войны за обладание Севастополем. Оно было уверено, что Россия не удержится в стороне от борьбы. Победа царского правительства повела бы к усилению абсолютизма, поражение подорвало бы веру в царя; «Мы предпочитаем поражение императорской армии ее победе» («Народное дело», 1870, № 5, ст. «Война и революция»).
- ¹⁵ «Голос», 26.VI 1870.
- ¹⁶ «Московские ведомости», 27.VI 1870.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ «Биржевые ведомости», 15.IX 1870.
- ¹⁹ Цит. по: «Голос», 29.VIII 1870.
- ²⁰ «Голос», 10.IX 1870.
- ²¹ «Голос», 20.IX 1870.
- ²² «Биржевые ведомости», 17.IX 1870.
- ²³ «Московские ведомости», 4.VII 1870 г.
- ²⁴ «Московские ведомости», 4.X 1870.
- ²⁵ «Московские ведомости», 12.VII 1870.
- ²⁶ K. *Rheindorf*. Die Schwarze-Meer-(Pontus-) Frage vom Pariser Frieden von 1856 bis zum Abschluß der Londoner Konferenz von 1871. Berlin, 1925, S. 151.
- ²⁷ Там же, стр. 92.
- ²⁸ Государственная библиотека СССР им. Ленина, Отдел рукописей (далее — ОР ГБЛ), ф. 126, п. 6, л. 33.
- ²⁹ «Воспоминания Милютина», т. XIX. ОР ГБЛ, ф. 169, п. 16, ед. 3, лл. 44 об — 45 об.
- ³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 728, оп. 1, ч. 2, д. 2905, лл. 94об.—99.
- ³¹ С. Горяинов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, стр. 129; А. Д. Блудова. Воспоминания пути к святым местам деятельности св. Кирилла и Мефодия, ч. 1, s. a. s. 1, стр. 58.
- ³² «Голос», 4.XI 1870.
- ³³ «Биржевые ведомости», 4.XI 1870; «Санкт-Петербургские ведомости», 4.XI 1870.
- ³⁴ «Русские ведомости», 4.XI 1870.
- ³⁵ «Дон», 15.XI 1870.
- ³⁶ «Киевлянин», 7.XI 1870; «Одесский вестник», 7.XI 1870.
- ³⁷ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 26, д. 4, лл. 63—64.
- ³⁸ Там же, л. 66.
- ³⁹ ОР ГБЛ, ф. 126, п. 6, л. 33 об.
- ⁴⁰ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров, вып. II. 1929, стр. 205. Аналогичны свидетельства С. М. Сухотина («Русский архив», 1894, кн. II, № 6, стр. 245—246).
- ⁴¹ «Голос», 5—10.XI 1870 (№ 306, 309, 311).
- ⁴² «Биржевые ведомости», 13.XI 1870.
- ⁴³ «Русские ведомости», 12.XI; 10.XI 1870.
- ⁴⁴ «Русские ведомости», 10.XI 1870.
- ⁴⁵ «Санкт-Петербургские ведомости», 6.XI 1870.
- ⁴⁶ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 26, ед. 4, л. 69 от 5.XI 1870.
- ⁴⁷ А. Ф. Тютчева. Указ. соч., стр. 207.
- ⁴⁸ «Московские ведомости», 12.XI 1870.
- ⁴⁹ А. Ф. Тютчева. Указ. соч., стр. 207.
- ⁵⁰ «Московские ведомости», 21.XI 1870.
- ⁵¹ А. Ф. Тютчева. Указ. соч., стр. 208.
- ⁵² А. А. Корнилов (см.: Общественное движение при Александре II». М., 1909) ошибочно считал, что адрес был составлен Черкасским «при ре-

- дакционном участии И. С. Аксакова» (стр. 190), в действительности было три этапа редакционной обработки проекта.
- ⁵³ ОР ГБЛ, ф. 327/1, п. 53, д. 3.
- ⁵⁴ В первоначальном проекте имелась фраза: «Какие бы испытания ни грозили нам ныне *вследствие выраженного Вами решения*» — они не застанут Россию неподготовленною. В окончательном тексте выделенные слова были опущены. В проекте имелось упоминание о земском соборе 1642 г., затем выброшенное (вероятно, в связи с воспоминаниями об адресе 1865 г.), и ряд более мелких редакционных изменений.
- ⁵⁵ *Н. Найденов*. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. т. II. М., 1905, стр. 29.
- ⁵⁶ «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина, 1870 г.». «Русский архив», 1894, кн. II, № 6, стр. 248.
- ⁵⁷ *А. Ф. Тютчева*. Указ. соч., стр. 219.
- ⁵⁸ ОР ГБЛ, ф. 332, к. 2, ед. 10, л. 27.
- ⁵⁹ ОР ГБЛ, ф. 120, п. 26, ед. 4, л. 82.
- ⁶⁰ ОР ГБЛ, ф. 327/1, п. 53, ед. 9.
- ⁶¹ *К. Пигарев*, *Ф. И. Тютчев* и проблемы внешней политики царской России. «Литературное наследство», 1935, т. 19-21, стр. 253—254.
- ⁶² Там же, стр. 254.
- ⁶³ «Московский адрес Александру II в 1870 г. (Из переписки К. П. Победоносцева с И. С. Аксаковым)». «Красный архив», 1928, т. 6 (XXXI), стр. 148.
- ⁶⁴ *А. Ф. Тютчева*. Указ. соч., стр. 206—207; «Из памятных тетрадей С. М. Сухотина», стр. 246.
- ⁶⁵ «Московские ведомости», 12.XI 1870.
- ⁶⁶ «Московские ведомости», 16.VII 1871.
- ⁶⁷ «Московские ведомости», 19.IV, 26.IV и др. за 1870 г.; 14.II, 22.IV, 16.VII за 1871 г.
- ⁶⁸ ОР ГБЛ, ф. 327/1, п. 53, д. 10.
- ⁶⁹ «Дело», 1870, № 11, стр. 128.
- ⁷⁰ Там же, стр. 129.
- ⁷¹ Там же, 1870, № 12.
- ⁷² «Отечественные записки», 1870, т. СХСIII, № 11, стр. 124 («Несколько слов о русском ландвере и Черноморском флоте»).
- ⁷³ «Вестник Европы», 1870, кн. 12, стр. 922.
- ⁷⁴ «Московские ведомости», 19.II 1871.
- ⁷⁵ «Московские ведомости», 6.III 1871.
- ⁷⁶ «Биржевые ведомости», 5.III 1871.
- ⁷⁷ «Русские ведомости», 14.III 1871.
- ⁷⁸ Имелся в виду в особенности «Голос», который писал: «То, что совершилось теперь, займет, без сомнения, одно из видных мест в ряду событий нынешнего царствования, столь обильного великими приобретениями для внутреннего развития нашего отечества и упрочения его внешнего могущества. С именем князя А. М. Горчакова неразрывно связано понятие о национальной политике, которая имеет в нем своего достойного представителя: к заслугам своим на этом поприще присоединяет он еще новую, усвоив заветную мысль государя императора и избрав удобную минуту, чтоб выполнить ее согласно интересам и достоинству России...» («Голос», 5.III 1871).
- ⁷⁹ «Санкт-Петербургские ведомости», 13.III 1871.
- ⁸⁰ Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Отдел рукописей, переписка Краевского.
- ⁸¹ «Московские ведомости», 12.III 1871.
- ⁸² ОР ГБЛ, ф. 239, п. 10, ед. 15, 15.IX 1870.
- ⁸³ ОР ГБЛ, ф. 239, п. 13, ед. 44, 29.IX 1870.
- ⁸⁴ «Биржевые ведомости», 1.XII 1870.
- ⁸⁵ «Современные известия», 15.XI 1870.

- 86 «Современные известия», 11.XI 1870.
- 87 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 21, ед. 54, 5(17).XI 1870.
- 88 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 13, ед. 44, письмо от 31.X 1870.
- 89 Там же, письмо от 16.XII 1870 г. То же в корреспонденции из Белграда («Современные известия», 29.XI 1870).
- 90 «Русские ведомости», 9.I 1871.
- 91 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 8, ед. 33, 25.I 1871.
- 92 Перепечатана у: V. Novak. Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva. Beograd, 1930, стр. 362—369.
- 93 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 8, ед. 33, 28.VI 1871.
- 94 М. Димитров. Вступительная статья к сочинениям Хр. Ботева (т. 1. София, 1945, стр. 133—147).
- 95 Еще Бакалов указывал, что за этим псевдонимом укрылся И. Кишельский.
- 96 *Болгарин*. Славяно-болгарский маяк. Одесса, 1871, стр. 12.
- 97 Н. Барсов. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854 по 1884 г.) и материалы для истории освобождения Болгарии. Одесса, 1895, стр. 22—25.
- 98 «Вестник Европы», 1870, кн. 10, стр. 904—905.
- 99 «Санкт-Петербургские ведомости», 3.III, 2.III 1871.
- 100 «Санкт-Петербургские ведомости», 2.VII 1871.
- 101 Большой материал этого рода содержит статья Драгоманова «Восточная политика Германии и обрусение» («Вестник Европы», 1872, кн. 2—5; переиздание см.: М. П. Драгоманов. Политические сочинения, т. 1. М., 1908).
- 102 «Голос», 25.II 1871.
- 103 «Санкт-Петербургские ведомости», 2, 3.IV 1871. Автор статьи — П. Д. Боборыкин (ЦГАЛИ СССР, ф. 373, оп. 1, д. 193, лл. 11 и 11 об.).
- 104 Г. А. Де-Воллан. Очерки прошлого. «Голос минувшего», 1914, № 2, стр. 184.
- 105 «Московские ведомости», 12.VII 1870.
- 106 ОР ГБЛ, ф. 120, п. 26, ед. 4, л. 81.
- 107 «Московские ведомости», 12.XII 1870.
- 108 «Голос», 10.II 1871.
- 109 «Голос», 9.I 1871; «Санкт-Петербургские ведомости», 22.IX 1870.
- 110 «Биржевые ведомости», 27.II 1871.
- 111 «Заря», 1871, № 8, стр. 66.
- 112 «Заря», 1871, № 1, стр. 45.
- 113 «Беседа», 1872, кн. I, стр. 200—201.
- 114 Там же, стр. 212.
- 115 «Беседа», 1872, кн. I.
- 116 Там же, стр. 221.
- 117 Там же, стр. 227.
- 118 Там же, стр. 228.
- 119 «Беседа», 1871, кн. III (А. А. Майков. Всеславянство, стр. 261).
- 120 С. А. Никитин. Славянские комитеты в России. 1857—1876. М., 1960, гл. II.
- 121 «Беседа», 1872, кн. VI, стр. 332—335 («О литературном единстве племен славянских»).
- 122 ОР ГБЛ, ф. 327/II, п. 20, ед. 27.
- 123 «Беседа», 1871, кн. VI (С. А. Будилович. Несколько замечаний о польском вопросе, с точки зрения всеславянства).
- 124 «Биржевые ведомости», 1.XI 1870 и др.
- 125 П. Безсонов. В память первоучителей славянства. «День», 1863, № 24—27.
- 126 «Русский вестник», 1870, т. 85, № 1, стр. 201—235.
- 127 Там же, стр. 232.
- 128 «Беседа», 1872, кн. II (Владимиров. Восточный вопрос и Россия, стр. 288).
- 129 Р. Фадеев. Мнение о восточном вопросе. СПб., 1870.
- 130 «Беседа», 1872, кн. II, стр. 273.
- 131 «Беседа», 1871, кн. I, стр. 267 («Несколько слов о славянском вопросе»).
- 132 «Биржевые ведомости», 2.XII 1870.

- 133 А. Орешковий. Славенска задруга. Београд, 1872, стр. 54—55.
- 134 «Беседа», 1872, кн. VI, стр. 145.
- 135 Брошюра Орешковича — одно из наиболее ярких проявлений новой вспышки панславизма и в южнославянской среде в начале 70-х годов. Еще одним из его проявлений был выход в Вене «Австро-славянской азбуки». Небольшая брошюра, вышедшая под этим названием, ставила целью восстановление литературного единства сербов, хорватов, болгар путем перехода их к единой азбуке, состоящей из комбинации кириллицы и латинского алфавита.
- 136 «Московские ведомости», 30.IX 1872.
- 137 «Московские ведомости», 10.XI 1872. См. также номера от 4.I и 29.III 1873.
- 138 К. Леонтьев. Восток, Россия и славянство, т. 1. М., 1885, стр. 9.
- 139 Там же, стр. 28.
- 140 Там же, стр. 132, 187.
- 141 З. Ралли. Михаил Александрович Бакунин. Из моих воспоминаний. «Минувшие годы», 1908, № 10, стр. 156.
- 142 «Народное дело», 1870, № 1.
- 143 А. Градовский. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873.
- 144 Там же, стр. 12, 19—22.
- 145 Там же, стр. 147, 215—216.
- 146 «Московские ведомости», 16.X 1870.
- 147 А. Скабичевский. Наши грядущие Бисмарки. «Отечественные записки», 1873, № 11, стр. 229.
- 148 Там же, стр. 230.
- 149 «Московские ведомости», 5.VIII 1871.
- 150 «Санкт-Петербургские ведомости», 15.VIII 1871.
- 151 «Московские ведомости», 17.X 1872.
- 152 «Московские ведомости», 24.XI 1872.
- 153 «Московские ведомости», 27.VII 1872.
- 154 «Русский вестник», 1870, т. LXXXVII, № 6; перепечатано в кн.: Т. Филиппов. Современные церковные вопросы. СПб., 1882.
- 155 «Беседа», 1871, кн. IV; перепечатано в: «Съчинения на М. С. Дринова». София, 1911, т. II.
- 156 «Московские ведомости», 19.III 1871.
- 157 «Московские ведомости», 10.XI 1872.
- 158 Там же, 17, 24.XI 1872.
- 159 «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском акзархате» (см.: Т. Филиппов. Указ. соч.).
- 160 Институт русской литературы АН СССР, Отдел рукописей, ф. 3, оп. 4, № 507, от 23.XI 1872.
- 161 Ф. Курганов. Исторический очерк греко-болгарской распри. «Православный собеседник», Казань, 1873, ноябрь, стр. 379.
- 162 «Санкт-Петербургские ведомости», 3.XII 1872. Сочувственное болгарам заявление сделал «Вестник Европы» (т. VI, N 11, 1872. «Хроника», стр. 360—361).
- 163 «Московские ведомости», 4.X 1870.
- 164 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 13, ед. 45.
- 165 Там же, п. 21, ед. 54 [Письмо Н. П. Шишкина от 13(25). II 1871].
- 166 Там же, п. 6, ед. 36 [Письмо Г. Влайковича от 3.I 1871].
- 167 «Московские ведомости», 9.XII 1871.
- 168 Милан Обренович вступил на престол в августе 1872 г.
- 169 «Московские ведомости», 6.X 1872.
- 170 Савва Косанович, позже боснийский митрополит, был членом связанного с сербским правительством Сараевского главного одбора (комитета), действовавшего в пользу освобождения Боснии.
- 171 ОР ГБЛ, ф. 239, п. 11, ед. 12.

- ¹⁷² О существе инцидента см.: В. Чубрилович. Босански устанак 1875—1878, тл. I, разд. 3. Београд, 1930.
- ¹⁷³ «Русские ведомости», 11.X 1873.
- ¹⁷⁴ «Русские ведомости», 12.X 1873.
- ¹⁷⁵ «Русские ведомости», 13, 17, 18.X 1873.
- ¹⁷⁶ «Русские ведомости», 20, 21.X 1873.
- ¹⁷⁷ ОР ГБЛ, ф. 239, п. 11, ед. 12 (письмо Косановича от 23.X 1873).
- ¹⁷⁸ В действительности, как это известно из записок Н. П. Игнатъева, русская дипломатия в Константинополе не бездействовала (см.: «Записки гр. Н. П. Игнатъева». «Известия министерства иностранных дел», 1915, № 1—4).
- ¹⁷⁹ «Московские ведомости», 14.X 1873.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ «Московские ведомости», 17.X 1871; 27.I 1873.
- ¹⁸² «Московские ведомости», 8.II 1870; 17.II 1871; 10.III 1873.
- ¹⁸³ См.: «Голос», 28.VI 1874.

Вук Стефанович Караджич (1787—1864) — выдающийся деятель культурно-национального движения периода сербского национального возрождения, реформатор сербского литературного языка и графики¹, фольклорист, чья деятельность в области собирания и издания сербских народных песен, пословиц и поговорок получила общеевропейское признание. Караджич также выступил как основоположник новой сербской исторической науки, создав ряд работ по истории Первого (1804 г.) и Второго (1815 г.) сербских восстаний против турецкого ига. Он приобрел свои разносторонние познания не путем школьного обучения, а самостоятельно. Этот гениальный самоучка отличался огромным упорством в достижении поставленных перед собой целей, преданностью тому, что он считал своим призванием, постоянным стремлением совершенствовать знания. Все эти качества и позволили выходцу из крестьянской семьи с очень малым первоначальным образованием получить признание в качестве доктора философии Йенского университета (1823 г.), быть избранным членом пяти ученых обществ в России, двух — в Австрии, в Германии, в Сербии, а также членом академий наук в России, Австрии, Германии.

Большую часть своей жизни Караджич провел в Вене, хотя все время стремился то в Россию, то в Сербию в поисках таких условий, которые позволили бы ему полностью отдаться любимому делу. Но жизнь этого замечательного ученого постоянно омрачали недостаток средств, непрерывная забота, как существовать далее. Многие русские ученые, бывавшие у Караджича, отмечали стесненность его материальных средств и скромность жизненных условий. «Словенская знаменитость нашего времени, — писал, в частности, М. П. Погодин — писатель, принесший ве-

личайшую пользу всему славянскому миру своими изысканиями, изданиями, путешествиями, сидит с деревянной ногою, в усах, в красной сербской ермолке, за люлькою, и качает дитя»².

Деятельность Вука Стефановича осложнялась тем, что его реформа правописания и языка вызвала большую оппозицию консервативных сербских кругов, возглавлявшихся весьма влиятельным в сербских землях митрополитом австрийских сербов Ст. Стратимировичем. Позиция сербских церковных кругов в Австрии оказала влияние на отношение к Караджичу и в Сербии, и в России. Так, в России оказалось невозможным напечатать перевод Нового завета на сербский язык, сделанный Караджичем. Еще более неприятные последствия для Вука Караджича вызвало клеветническое измышление представителей тех же консервативных кругов, доведенное до сведения правящих сфер России и Австрии. Клеветники изображали Вука перед русским правительством австрийским платным шпионом, а перед австрийским — русским и сербским агентом³. Сейчас точно установлено, что Караджич не получал от австрийского правительства никакой денежной помощи на протяжении всей своей жизни в Вене и тем более не служил политическим осведомителем ни у одного правительства. Он был всецело погружен в свои филологические и исторические работы⁴. Подобные позорные инсинуации лишали Караджича необходимого для работы покоя, мешали осуществлению столь важных для него поездок по южнославянским землям, сказывались на материальном положении, и без того неблагоприятном.

Постоянная борьба, которую Караджич вел по вопросам сербского литературного языка, правописания и графики, побуждала его искать опоры у тех, кто мог бы понять и оценить его деятельность, иметь о ней беспристрастное суждение. В такой среде он рассчитывал получить и материальную помощь.

Именно эти мотивы — стремление найти сочувствие и поддержку — заставили Караджича совершить в 1819 г. поездку в Петербург и Москву. Поездка имела для него огромное значение. Радушно принятый, Вук Стефанович завязал широкий круг знакомств с русскими учеными. Он познакомился в Петербурге с филологом Ф. Аделунгом, с президентом Российской академии адмиралом А. С. Шишковым, известным меценатом графом Н. П. Румянцевым, с историком и писателем Н. М. Карамзиным, поэтом В. А. Жуковским, славистом П. И. Кешпеном, историком А. И. Тургеневым, в Москве — с активным членом Румянцевского кружка и Археографической экспедиции К. Ф. Калайдовичем, историком и литературным критиком И. Г. Каченовским, поэтом И. И. Дмитриевым, известным архивным деятелем, близким к Румянцеву, — А. Ф. Малиновским и др. В письме сербскому писателю Лукьяну Мушицкому Караджич с удовольствием отмечал, что к нему и его трудам проявлен интерес. Он с радостью

встретил появившиеся в русских журналах («Благонамеренный», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Вестник Европы») рецензии на его труды, сожалел, что привез всего 30 своих словарей. А если бы привез даже 300 экземпляров, то и этого количества было бы мало⁵ — так много представителей русской интеллигенции интересовалось им. Караджич сообщал своим друзьям о поразившем его исключительном радушии приема. Так, И. И. Дмитриев встретил Караджича в первой комнате и пока довел до третьей, где они сели и стали разговаривать, поклонился ему 10 раз и говорил, что этот день для него «достопамятнейший». Караджич перечислял, сколько раз он был у Карамзина, называл его «добар човек», упоминал о составе его семьи, не забыл отметить — и это очень характерно для Караджича, интересовавшегося условиями литературного труда в России, — что Карамзин «весьма обогатился теперь „Русской историей“». О приеме в Москве Караджич с восхищением писал: «Я был в Москве действительно во *царстве славы моея!*»⁶

Во время пребывания Караджича в Петербурге с ним повел переговоры Н. П. Румянцев, который хотел сделать его участником своих научных предприятий. В связи с этими переговорами Румянцев писал Малиновскому: «Я радуюсь, что вы познакомились с ученым и добрым сербом; я не знаю, поверял ли он вам, что он со мною взял (т. е. заключил) обязательство — на мой кошот *объезжать все области славянского покаяния*, отыскивая в каждой древние сих народов документы и летописи; кажется мне, взяв в уважение всю его к тому способность, я вправе ожидать от такого предприятия *важных* последствий»⁷. Правда, ожидания Румянцева не оправдались. Как видно из слов Кочубинского, опиравшегося на рассказы В. И. Григоровича, лично хорошо знавшего Вука, причина заключалась в том, что Румянцев, принимавший на себя обязательство оплачивать Караджичу путевые издержки, рассчитывал получить собранные во время экспедиции материалы. Сербский ученый, по-видимому, хотел бы их использовать сам.

Несмотря на указанное обстоятельство, поездка в Россию положила начало крепким, длившимся всю жизнь Караджича, связям с широким кругом русских ученых — филологов, историков, писателей. Его поразила увлеченность русских ученых своим делом, и он писал другу Копитару: «Я не знаю, есть ли где-либо на свете, чтобы люди так трудились в литературе и так ею занимались»⁸. Уважение к русским ученым, к их преданности науке никогда не покидало Караджича.

И в России в свою очередь глубоко уважали Караджича. Свидетельством признания его трудов и заслуг перед славянской наукой было избрание Вука Стефановича членом Петербургского вольного общества любителей российской словесности (25 августа 1819 г.)⁹, а также членом Московского общества любителей

словесности, Географического общества, Московского и Одесского общества истории и древностей, почетным членом Совета Харьковского университета. Российская академия наградила сербского ученого 300 рублями и академической серебряной медалью весом в один фунт¹⁰; что дало основание приятелю Караджича учителю Джордже Магарашевичу шутливо писать ему: «Чести имеете достаточно; серебро фунтами измеряете... друзей знатных имеете... Я ничего другого вам не желаю, чтобы были здоровы и сделали возможно больше для сербов»¹¹.

Какой же характер носили связи Караджича с русским обществом? Эти связи были неоднородны. Тяжелое материальное положение, как мы упомянули выше, побуждало Караджича искать в России покровителей, помощи и средств для продолжения задуманных им трудов. Это можно было получить от официальных лиц, и Караджич стремился обеспечить себе их содействие и поддержку. Он просил об установлении ему пенсии от русского правительства, обещал в этом случае перепечатывать важнейшие русские сочинения в сербском переводе, что принесло бы «южным славянам пользу, а русскому слову — славу»¹². В 1826 г. представления А. С. Шишкова в поддержку Караджича возымели силу и царь согласился, чтобы Караджич получал из государственного казначейства «по 100 червонных ежегодно»¹³ на научные цели.

К официальным русским лицам Караджичу приходилось обращаться и по другим вопросам. Русское библейское общество было готово издать Новый завет в сербском переводе Вука и предоставило ему для этого средства. Но оно не могло издать перевод, выполненный светским лицом, без санкции сербского духовенства. Последнее же либо было враждебно стремлению переводчика передать религиозный текст живым народным языком, либо было неспособно оценить перевод по незнанию сербского языка (как, например, рецензент рукописи бывший сербский митрополит Леонтий, по национальности грек, перепоручил дать отзыв сербу, из-за личных выгод забравшему работу замечательного сербского филолога)¹⁴.

Интересно, что, обращаясь к русским официальным лицам, представлявшим дворянскую Российскую империю, где сословная принадлежность имела большое, а иногда решающее значение, сербский ученый поступал так же, как в пору эмиграции, после разгрома Первого сербского восстания, поступали сербские воеводы, укрывшиеся от турок в России. Он именовал себя «сербским дворянином и писателем»¹⁵, надеясь, что звание дворянина облегчит разрешение вопросов, по которым Караджич обращался в те или иные учреждения. Именно так он действовал в деле о плагиате, совершенном сербским представителем в России М. Германом, укравшим рукопись исторического очерка Караджича о князе Милоше и издавшим ее от своего лица.

Стремясь расположить к себе правящие круги, Караджич подносил книги царю, наследнику, великим княгиням, писал соответствующие посвящения на книгах. Но это была лишь своеобразная тактика, применявшаяся сербским ученым для достижения поставленных им целей.

Посылая официальные обращения в соответствующие учреждения, Караджич всегда писал о своих делах расположенным к нему людям — русским ученым, ища их поддержки и помощи. Упомянутый выше П. И. Кеппен был одним из ходатаев по делам сербского ученого. Он не раз обращался в Академию наук с различными представлениями в пользу Караджича. Так, в 1836 г. он составил докладную записку, в которой просил выделить сербскому ученому специальные средства на поездки по южнославянским землям. «Пособие со стороны Академии в течение сих двух лет (1836—1837 гг.), — писал он, — принесло бы пользу наукам, — в том нет сомнения, и я, дорожа славой России и честью Академии, считаю долгом обратить вновь ее внимание на сего необыкновенного человека»¹⁶. Таких людей, которые подобно Кеппену старались всемерно помочь Караджичу, всегда оказывалось достаточно — столь велико было уважение русских ученых к сербскому филологу. Однако они нередко наталкивались на препятствия, которые невозможно было преодолеть. Так, распущенные противниками караджичевских реформ слухи о том, что он — наемный агент австрийского правительства, помешали Караджичу получить русский паспорт для путешествия по южнославянским землям¹⁷. Не осуществилось и намерение Вука Стефановича поступить на русскую дипломатическую службу¹⁸.

Караджич поддерживал широкие связи с русскими учеными. Круг его корреспондентов был с самого начала очень широк, и он все возрастал по мере появления молодых русских научных сил. Связи Караджича с русскими учеными проявлялись прежде всего в интенсивном обмене литературой. Это имело для научной деятельности Караджича огромное значение. Одним из толчков к изданию сербских народных песен послужило, например, знакомство Вука Стефановича со сборником русских песен. «Ведь имеют же русские сборник народных песен, а почему мы, сербы, не имеем, разве у нас нет национальных песен?» — писал он¹⁹. Изучение трудов русских филологов способствовало работе самого Караджича и в других случаях. Так, «Сравнительный словарь всех языков и наречий», который издавала Российская академия, побудил его приготовить «Додатак» — добавление к этому словарю, где он исправлял имевшиеся в словаре ошибки, относящиеся к сербохорватскому языку, и давал очерк развития болгарского языка. «Додатак» был высоко оценен русскими учеными. Выдающийся лингвист А. Х. Востоков отмечал, что «Додатак» дает первые сведения «о болгарском нынешнем наречии, которое я (Востоков.— С. Н.) давно хотел узнать»²⁰.

Караджич живо интересовался отзывами в России на свою работу, так как они влияли на его положение как в сербских землях Австрии, так и в сербском княжестве. По-видимому, именно благожелательное отношение к Караджичу в России способствовало тому, что сербский князь Милош в 1835 г. назначил ему, в числе других заслуженных сербов, пенсию, которая дополняла получаемую им из России. А когда задержка выплаты пенсии сербским князем вновь поставила Вука в трудное финансовое положение, А. С. Шишков (по инициативе Кепшена) обратился к Милошу с письмом, в котором благодарил последнего за поддержку ученого. На это Милош ответил, что обращение Шишкова «привело его в неизъяснимый восторг и одушевление, видя, что дарованием пенсии сербскому писателю Вуку Стефановичу Караджичу обратил я на себя лестное для всякого внимания Российской академии»²¹. После обращения Шишкова выплата пенсии Караджичу была возобновлена.

Если по вопросу об орфографической реформе Караджича в русской печати появлялись различные, в том числе и отрицательные, отзывы (Гильфердинга, Будиловича, Платона Кулаковского), то научные труды Караджича встречали только положительную оценку. Так, И. И. Срезневский в отзыве на второе издание «Словаря» Вука писал: «Представляя собой драгоценное пособие для филологов славянских и для тех нефилологов, которые обращают свою любознательность на быт и словесность сербского народа, этот словарь может быть рассматриваем как произведение образцовое, в своем роде единственное... не только в лексикографии славянской, но и вообще новоевропейской»²². Н. И. Надеждин высоко оценил манеру публикации песен Караджичем, который издавал их в том виде, в каком они сохранились в народе, без всяких поправок и изменений. «Око мудрствующего, — писал он, — есть всегда око лукавое: часто случается, что оно видя не видит или не видя видит. О Вуке, напротив, можно быть уверену, что он видел, то есть так, как он видел: что он слышал, то есть так, как он слышал»²³. Число примеров положительной оценки тех или иных сторон ученой деятельности Караджича со стороны русских славистов при желании можно было бы значительно увеличить.

Работы Караджича были хорошо известны в России. Некоторые из них перепечатывались здесь. Так, 17 (29) июня 1828 г. Кепшен извещал Караджича: «...некоторые статьи, напечатанные в вашем Забавнике за годину 1827, переведены на русский язык и напечатаны в Вестнике Европы 1827 года, а именно *Описание сербского народа в № 14—18... и Четыре Брамина в № 19 и 20-ом*»²⁴.

Изданный Караджичем сборник сербских народных песен получил распространение не только в ученой среде, но и среди писателей. Экземпляр этой книги находился в библиотеке

А. С. Пушкина. Он знал рецензии на это издание, появившиеся в России, переводы песен на русский язык, которые публиковал А. Х. Востоков. Сам Пушкин в известном цикле стихов «Песни западных славян» использовал некоторые песни, изданные Караджичем²⁵. Современный исследователь этого стихотворного цикла полагает, что Пушкин использовал и «Словарь» Караджича для уточнения некоторых понятий. Уезжая в Персию в 1825 г., А. С. Грибоедов взял с собою «Словарь» Вука и сборник сербских песен.

Для русских ученых и для научных учреждений Караджич был лицом, связывавшим их с другими славянскими учеными, прежде всего с известным словенским филологом И. Копитаром. Через посредство Вука русские исследователи славянства узнавали мнения и суждения славянских ученых о своих работах и раньше других — мнение самого Караджича. Русские слависты всегда с благодарностью отмечали свои встречи с Вуком в Вене, его помощь ученым, приезжавшим в Австрию и направлявшимся далее в южнославянские земли. Еще чаще вспоминали о нем те, кому случалось путешествовать вместе с сербским ученым. «Всю вторую часть моего странствования от Триеста обратно до Вены, — писал Н. И. Надеждин, — я совершил почти в неразлучном сообществе известного Вука Стефановича Караджича, наилучшего, какого только можно найти, знатока современного сербства»²⁶. Встречу с Вуком Караджичем в Вене отметил в своем дневнике Кешпен, помощь ученого высоко ценил И. И. Срезневский и др.

Караджич снабжал русских ученых, а также Российскую академию не только сербскими, но и чешскими и словацкими книгами. Указаниями о посланных книгах буквально пестрят его письма.

Пожалуй, наиболее характерными в этом плане являются отношения Караджича с М. П. Погодиным. Собиратель старопечатных книг и рукописей, Погодин не раз обращался к помощи Вука. Так, узнав о смерти Копитара, Погодин писал Вуку: «Прошу вас покорнейше не упускать его библиотеки. Я готов купить ее. Если она будет продаваться с аукциона, то я беру на себя все словенские рукописи и старопечатные книги»²⁷. В ответе Караджич сообщал, что библиотека будет продаваться с аукциона не полностью, а каждая книга в отдельности, что каталог ее еще не напечатан. «Потом надо иметь здесь при продаже книг поверенного человека, который бы по данному ему наставлению и полномочию старался покупать желаемое. Я с величайшею радостью в сем, как и во всяком другом случае, готов вам послужить по возможности»²⁸. Вслед за тем Караджич уведомлял, что продажа библиотеки Копитара задерживается, так как прусское правительство хочет купить ее целиком и дело решится не скоро²⁹. Спустя год после этого обмена письмами (1846 г.) Погодин

вновь обращался к Караджичу: «Я прошу достопочтенного Вука Стефановича собирать для меня старопечатные славянские книги и предлагаю ему следующие цены»³⁰. Далее идет подробная таблица. Дальнейшая переписка показывает, как ревностно Караджич исполнял взятое на себя обязательство, какие денежные затруднения он испытывал при широкой скупке книг для Погодина. А последний все обращался к нему с новыми просьбами: «Благодарю, благодарю за ваши хлопоты. Книгам рад без памяти. Как бы теперь получить их? Денег 1000 посылаю. Собирайте больше, больше!»³¹ И ответные письма Караджича заполнялись перечнями книг и их ценами. В придачу к книгам прилагались вырванные листы или разорванные старинные издания. В свою очередь Караджич просил Погодина о высылке новых церковных книг: «Присовокупляю, что желал бы достать эти книги за самую дешевую цену, ибо я хочу... раздать их бедным православным церквам, монастырям и священникам в Боснии, Герцеговине и в юго-западных краях Албании»³².

Караджич часто обращался к русским ученым с практическими вопросами. Он искал поддержки в деле о пенсии, паспорте и т. д. Так, Григоровичу, когда тот находился в Праге, Вук писал: «Мне весьма необходимо узнать, в какой мере и как «Матица Чешская» оказала помощь Шафарiku в издании «Древностей» и Юнгману при издании чешского словаря. Если Вы можете это узнать, пожалуйста, сообщите мне (так как я охотно упомянул бы об этом, как пример „Матице Сербской“)»³³.

Хотя переписка Караджича с русскими учеными в значительной своей части посвящена деловым практическим вопросам (нужды Караджича, обмен книгами и др.), в ней известное место уделено и чисто научным темам. То речь идет о глаголических надписях в новгородских рукописях, то дается рекомендация перевести на русский язык «Географическо-статистическое описание Сербии», то обсуждаются слова русской начальной летописи, вышедшие из употребления в живом русском языке, но сохранившиеся в сербском, то приводятся отзывы западных славистов о работах русских, то Караджич просит прислать ему имеющиеся в России материалы по новейшей истории Сербии, чтобы он мог использовать их в своих работах, то, наконец, сообщает сведения о событиях, происходящих в сербских землях³⁴. Но сообщения последнего рода довольно скупы. Русские корреспонденты даже упрекают Караджича: «Вы никогда не пишете... ничего об ваших обстоятельствах: как поживают кроаты, сербы? что подельывают?»³⁵ — спрашивал Погодин Караджича во время Крымской войны. Правда, в письмах к Погодину встречаются сообщения о сербских церковных деятелях: «Патриарх (И. Раячич.— С. Н.) теперь в Карловце, Платон (Атанацкович.— С. Н.) еще в Офене, но на сих днях отправится в Новый Сад; Стаматович в одной деревне близ Нового Сада купил земли и занима-

ется экономией; в Карловце скоро будут выбирать новых епископов». Караджич нередко сообщал научные новости: «Миклошич напечатал Супрасльскую рукопись; Шафарик также печатает некоторые южнославянские рукописи»³⁶.

Исключительно богата сведениями переписка Вука Стефановича с Н. И. Надеждиным, которому Вук подробно сообщал о событиях 1848 г., происходивших в австрийских сербских землях. Эти письма очень интересны, так как в них проявляется сочувственное отношение сербского ученого к событиям революционного 1848 г. 6 марта Караджич писал из Вены о начале там революционного брожения: «Французы никуда никого не посылали, не подбивали воздвигать мятеж. Мысли, с которыми они поднялись, не остались только в них, но полетели от сердца к сердцу, и где нашли сочувственное себе сердце, там и были приняты. Это самые искренние мятежники, которые никого не боятся и которым никто ничего не сделает, ибо они от бога: то есть время, или дух времени. Эти богатыри, которых нельзя видеть глазами, но которые стирают со света всякое зло, явились и сюда в Вену, и Вена взволновалась»³⁷. Далее в письме содержится подробный рассказ о событиях в Вене; о студенческих волнениях, столкновениях с войсками, волнениях рабочих, обещании правительством конституции.

В мае того же 1848 г. Караджич из Праги сообщал Надеждину о событиях в Воеводине — об избрании воеводы и провозглашении патриарха. Более чем за две недели до сербо-венгерского столкновения 12 (24) мая 1848 г. Караджич предвидел это событие и писал: «По всей вероятности, сербы и хорваты подерутся с мадьярами»³⁸.

Интересны замечания Вука, имеющиеся и в последующих письмах. Так, в июле 1848 г. он сообщал: «Теперь о Петрове дне была скупщина в Крагуевце, но я думаю, что мало нового могло быть принято там. Вы знаете, что там скупщины собираются не для того, чтобы наряжать и приказывать, как следует действовать, но для того лишь, чтобы выслушать, что сделано или что задумано»³⁹. Он рассказывает о сербо-венгерской борьбе, об уклончивой позиции хорватов, которую объясняет так: «...у них *господа* управляют народом; а у нас народ управляет сам собою», т. е. считает, что хорватское дворянство тормозило национальную борьбу. Караджич не без некоторого сочувствия характеризует австрославистские планы бана Хорватии Елачича и удачно определяет общее положение в Австрии: «...правительству должно быть приятно, что сербы и хорваты восстали на мадьяр; только оно не хочет... помочь никому, но само ждет, чтобы каждый помог себе и ему»⁴⁰. Письма отражают изменчивую обстановку того времени: «Это письмо [от 23—25 сентября 1848 г.] было послано вчера на почту, но не могло быть подано, потому что здесь [в Вене] произошел мятеж, какого до сих пор не было: дрались и солдаты с солдатами,

и солдаты с венцами, и венцы между собой; военный министр повешен на одном фонаре близ дворца. Спокойствие еще не восстанавливалось, а потому и не знаю, будет ли послано Вам и сегодня это письмо»⁴¹. Нет нужды говорить о значении такой компетентной и свежей информации для русских людей той поры. Переписка Караджича с русскими учеными составляет значительную долю эпистолярного наследия сербского ученого. Этой переписке придавал большое значение как Караджич, так и его русские корреспонденты. Она свидетельствует о крепких дружеских связях между Караджичем и русскими учеными, о взаимном стремлении к помощи.

В литературе о Караджиче его отношение к России обычно характеризуется связями с официальными русскими лицами и учреждениями и перепиской с учеными. Но это не достаточно. Караджич в своих исторических сочинениях не раз в той или иной форме касался русско-сербских отношений и высказывался о России. Важность рассмотрения этой стороны вопроса подчеркивается положением и связями Вука. В жизни Караджича огромную роль играл упоминавшийся выше И. Копитар. Биограф Караджича Л. Стоянович называет Копитара «учителем, помощником и защитником» Вука⁴². Сам сербский ученый говорил: «Главной виной я обязан ему если не всем, то, по крайней мере, многим, очень многим»⁴³. Отношения с Копитаром у Караджича были самые близкие и дружеские, влияние первого было весьма велико. Но существовали известные пределы этого влияния. Прожив большую часть своей жизни в Вене, Вук не оторвался от Сербии и сербских интересов. И в этом его отличие от Копитара.

Копитар был австрофил и противник России. В его австрофильстве отчетливо звучали австрославистские ноты. Копитар стремился ослабить как культурное, так и политическое влияние русских на славян. Он принижал значение русской науки и не очень ценил связи с русскими учеными.

Как бы ни было велико влияние Копитара на Караджича, оно ограничивалось чисто научной сферой. В вопросе об отношении к России Копитар и Караджич стояли на противоположных позициях. За исключением краткого периода в молодости, когда Вук оказался в Белграде в составе русофобского кружка И. Юговича, он никогда не относился враждебно к России. Да и русофобство юговичевского кружка в значительной степени было вызвано ошибочной и грубой политикой русского представителя в Белграде Родофиникина. Во всяком случае в работе Караджича (правда, позднее — в 1860 г.) о Правительствующем совете в Сербии звучит острое недовольство именно Родофиникиным⁴⁴.

Между тем свое отношение к объективно прогрессивной роли России в освобождении Сербии Караджич выражал неоднократно. Он говорил: «Во всех моих исторических трудах я с чрезвычайною

заботливостью охранял имя России от всякой черной тени...»⁴⁵ В книге «Милош Обренович», которая была опубликована в 1828 г. и, следовательно, отражает раннюю точку зрения автора, приводилась полностью восьмая статья Бухарестского мирного договора 1812 г., радикально изменившая положение сербского народа. (Эта статья впервые определяла положение Сербии как области, подлежащей международно-правовой охране, а не односторонней юрисдикции Османской империи.) Правда, текст статьи был приведен для подтверждения слов автора, что в ней не был точно указан размер дани сербов, подлежащей уплате Турции. Далее Караджич рассказал о переговорах 1820 г.: «В то время сообщалось в различных газетах, что турки и русские создали комиссию для толкования и дополнения кое-где статей Бухарестского мира; поэтому турки, боясь, что русские — и справедливо — упрекнут их, что Сербию насилем растоптали [турецкие] войска вопреки Бухарестскому мирному договору, немедленно издали фирман», основным содержанием которого было определение размера дани, отмена мусульмов в нахиях, признание Милоша оберкнязем⁴⁶. Тем самым автор подчеркнул значение Бухарестского договора, дававшего возможность России оказывать давление на Порту для укрепления положения и обеспечения прав Сербии. Но он разъяснил и другое значение договора — что существование этого документа давало сербам основание добиваться от Турции исполнения ее обещаний, записанных в мирном договоре⁴⁷.

Далее Караджич писал об Аккерманской конвенции 1826 г., вызвавшей у него чувство радости. Этот документ в книге приведен полностью, вместе с особым актом о Сербии. Изложение событий дипломатической истории обрывается на сообщении 20 декабря 1827 г., что Турция разорвала Аккерманское соглашение. Книга заканчивалась словами: «Вот сейчас во время окончания этой книги сообщено в газетах, что поэтому русский царь 14 апреля объявил туркам войну»⁴⁸.

Взгляды, выраженные Караджичем в книге о Милоше, не были пересмотрены им позже. Наоборот, в статье «Голос серба из Сербии», напечатанной в газете «Народни Новине» за 1841 г., он выразил их с еще большей определенностью. «Кто желает доказать, — писал он, — что Россия не принесла Сербии никакой пользы и не оказала ей никакого благоденствия, тот хочет доказать, что для Сербии было бы гораздо лучше находиться до сих пор под турецким игом, как, например, Босния. Ибо как Греция не могла бы быть королевством без помощи трех великих держав, так и Сербия не могла бы без помощи России быть княжеством, но до сих пор оставалась бы турецким папалыком»⁴⁹.

Караджич вновь совершенно справедливо оценивал значение и роль русской дипломатии в отношении Сербии. «Турки подписали свободу и права сербского народа в Букаресте в 1812 г.». Он отмечал далее значение Аккерманской конвенции 1826 г.

как повторного настояния со стороны России, чтобы Турция выполнила свои обязательства перед Сербией. Караджич подчеркивал также важность Адрианопольского договора 1829 г. «Как может умный человек еще говорить или думать, что сербы сами одни могли бы всё это добыть себе, тогда как они даже с помощью России едва-едва получили свободу и права свои».

Вместе с тем Караджич понимал наличие своих расчетов в действиях царского правительства. На замечание противников России о том, что она имела собственные интересы в деле освобождения Сербии, Караджич отвечал: «Но кто же на свете делает что-нибудь без собственной выгоды?»

Отдавая должное роли России в освобождении Сербии, Караджич никогда не восторгался ее самодержавием, политическим строем, крепостническим характером ее общественных отношений. Прогрессивный характер его воззрений проявился в знаменитом письме князю Милошу, где автор осуждал деспотизм князя и прямо требовал конституции, подобной французской, английской или греческой, которая всякому человеку гарантировала бы жизнь, имущество, честь, свободу деятельности и т. д. «Теперь в Сербии правительства в прямом смысле слова нет никакого, потому что целым правительством являетесь вы сами», — писал он Милошу⁵⁰. Нет никаких оснований думать, что объективная оценка роли России в деле освобождения Сербии сочеталась у Караджича с положительным мнением о государственном и общественном строе России. Получая в России поддержку, Караджич просто не считал нужным касаться внутренних русских вопросов. Это подтверждает и то, что в трудах Караджича нет персонафикации России в образе царя. Он обычно говорит «Россия сделала» или «русские сделали», а не царь, как писали другие⁵¹.

Вук Стефанович Караджич не только был убежден в положительной роли России в деле освобождения Сербии, но и считал необходимым более активное ее вмешательство в сербские дела. Он желал, чтобы Россия оказала решительную поддержку князю Михаилу в его борьбе против проавстрийских деятелей — Авраама Петрониевича и братьев Симичей, добивался ослабления роли в Сербии выходцев из австрийских земель, «чтобы никакое звание настоящего чиновника, управляющего народом и судящего оному, ни под каким условием не могло быть занято иным лицом, кроме рожденного в Сербии; так, чтобы для иностранцев остались только звания писарей, учителей, лекарей, инженеров и сим подобные»⁵².

Караджич стремился к переносу столицы в Крагуевац, чтобы ослабить влияние австрийских сербов и усилить роль русского консула в сербских делах, так как русское влияние он считал благодетельным для Сербии. Он подчеркивал, что делать такие

предложения побуждают его любовь к родине и приверженность к России, освободительнице Сербии.

Караджич и со своей стороны был готов помогать России в делах, касавшихся Сербии, сообщать сведения о положении в стране, освещать сербскую действительность для ориентировки русских дипломатов. Он стремился достигнуть того, чтобы в России были люди, расположенные к Сербии, готовые помочь ей и могущие оказать влияние на позицию правительства. Этим было продиктовано, в частности, составление им биографии русского генерала, серба по национальности — Эммануеля.

Он иногда жалел, что не остался в России навсегда, жалел не потому, что не любил свою родину, а потому, что в России рассчитывал на справедливую оценку своих трудов, какой он не получал в Австрии и Сербии⁵³.

Караджич не отождествлял Россию с царизмом и высоко ставил ее содействие освобождению Сербии. Заслуги Караджича в развитии сербского языка и культуры, в укреплении русско-сербских связей вызывают глубокое уважение.

-
- ¹ Караджич заменил господствовавший в сербских землях искусственный литературный «славяно-сербский» язык живым народным языком, выбросил из кирилловской азбуки, употреблявшейся сербами, утратившие значение буквы: Ъ, ъ, а также ѣ и ввел специальные знаки для специфических звуков сербохорватского языка ђ (дзь), љ (мягкое ч), џ (дж), њ (ль), њ (нь), а также ј в значении й.
- ² Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. V. СПб., 1892, стр. 227.
- ³ «Вукова преписка», кн. I—VII. Београд, 1907—1913, кн. 1, стр. 411, 431.
- ⁴ В. Н. Зыкин. Вук Караджич и русская наука (страницы из истории русско-славянских отношений). Дисс. Л., 1949, стр. 95.
- ⁵ «Вукова преписка», кн. II, стр. 253.
- ⁶ Там же, стр. 254.
- ⁷ А. А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, стр. 232.
- ⁸ «Вукова преписка», кн. I, стр. 170.
- ⁹ «Вукова преписка», кн. III, стр. 472.
- ¹⁰ Там же, стр. 541.
- ¹¹ «Вукова преписка», кн. II, стр. 491.
- ¹² «Вукова преписка», кн. III, стр. 502.
- ¹³ Там же, стр. 514.
- ¹⁴ Там же, стр. 508—509.
- ¹⁵ «Вукова преписка», кн. V, стр. 303.
- ¹⁶ Цит. по: В. Н. Зыкин. Указ. соч., стр. 278.
- ¹⁷ Љ. Стојановић. Живот и рад Вука Стеф. Караџића. Београд, 1924, стр. 308.
- ¹⁸ «Вукова преписка», кн. IV, стр. 558—559.
- ¹⁹ П. Т. Громов. Караджич и русская культура (из истории русско-славянских отношений). Дисс. Ростов-на-Дону, 1950, стр. 9.
- ²⁰ «Вукова преписка», кн. III, стр. 554.
- ²¹ В. Н. Зыкин. Указ. соч., стр. 28.
- ²² П. Т. Громов. Указ. соч., стр. 57.
- ²³ «Москвитянин», 1841, ч. III, № 6, стр. 518.

- ²⁴ «Вукова преписка», кн. III, стр. 567.
- ²⁵ Ф. Я. Прийма. Из истории создания «Песен западных славян» А. С. Пушкина. В. сб.: «Из истории русско-славянских литературных связей XIX в.». М., 1963, стр. 107—108.
- ²⁶ Н. И. Надеждин. Записка о путешествии по южно-славянским странам. «Журнал министерства народного просвещения», 1842, кн. VI, стр. 98.
- ²⁷ «Вукова преписка», кн. VII, стр. 493.
- ²⁸ С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Из переписки Вука Караджича с русскими учеными. «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 197.
- ²⁹ Там же, стр. 198.
- ³⁰ «Вукова преписка», кн. VII, стр. 496—497.
- ³¹ Там же, стр. 499.
- ³² Там же, стр. 519.
- ³³ С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Указ. соч., стр. 199—200.
- ³⁴ Речь идет об обращении Караджича к И. П. Липранди. С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Указ. соч., стр. 201.
- ³⁵ «Вукова преписка», кн. VII, стр. 542.
- ³⁶ С. А. Виноградов, Е. П. Наумов, Г. П. Чеканова. Указ. соч., стр. 202—203.
- ³⁷ «Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину». «Русский архив», 1873, т. II, стлб. 1143.
- ³⁸ Там же, стлб. 1153.
- ³⁹ Там же, стлб. 1155.
- ⁴⁰ Там же, стлб. 1157.
- ⁴¹ Там же, стлб. 1169.
- ⁴² Љ. Стојановић. Указ. соч., стр. 733.
- ⁴³ И. Срезневский. Вук Стефанович Караджич. «Московский ученый и литературный сборник». М., 1846, стр. 15.
- ⁴⁴ В. С. Караџић. Први и други српски устанак. Живот и обичаји народа српског. Нови Сад — Београд, 1960, стр. 158—159.
- ⁴⁵ В. Г. Карасев. Вук Караджич и Россия. «Славянское источниковедение». М., 1965, стр. 225.
- ⁴⁶ В. С. Караџић. Милош Обреновић, князь Сербии; или грађа за Српску историју нашега времена. Будим, 1828, стр. 141—142.
- ⁴⁷ Там же, стр. 146—149.
- ⁴⁸ Там же, стр. 204.
- ⁴⁹ В. Г. Карасев. Указ. соч., стр. 211. Русский перевод статьи сделан Караджичем. Сербский текст см.: В. С. Караџић. Критике и полемике. Нови Сад — Београд, 1960, стр. 169—172.
- ⁵⁰ Љ. Стојановић. Указ. соч., стр. 388; В. С. Караџић. Животи српских војвода. Београд, 1961, стр. 172—194.
- ⁵¹ В. С. Караџић. Први и други српски устанак, стр. 401—403.
- ⁵² В. Г. Карасев. Указ. соч., стр. 216.
- ⁵³ «Вукова преписка», кн. IV, стр. 168.

- Авксентий, архiereй — 184
 Агафон, архимандр. валашск.—220
 Аделунг Ф. — 308
 Адженов И.— 74, 75
 Айвазовский И. К.—251, 259
 Аксаков И. С.—184, 188, 193, 194,
 201—207, 209—211, 214—217, 225,
 226—230, 232, 236, 251—253, 255,
 257, 268, 270, 296, 303
 Аксаков К. С.—202, 204
 Аксаковы — 286
 Александр П.—148, 151, 154, 155, 159,
 160, 165, 171, 175—177, 180, 181,
 236, 245, 261, 265, 268, 302, 303
 Александр Карагеоргиевич— 121,
 129, 130, 134, 135, 202
Алексий— 180
 Али-паша — 295
 Альбертини — 224
 Андрашц — 173—177, 298
Антим, экзарх болг.—181
 Апостолов Г.— 80
 Аргироуло — 166
 Атанацкович П.— 314, 320
 А. Ц.— 252
- Базили — 126
 Бакалов Г.— 304
 Бакунин М. А.— 183, 250, 251, 259,
 292, 305
 Балабанов М.— 196
 Бамберг Ф. (Bamberg F.)— 138, 145
 Бан М.— 207, 214, 226
Бантыш-Каменский Д. А.— 63
 Бапст Е.— 142
Барсов Н.— 304
Барсуков Н. П.— 319
 Батаклиев И.— 62, 64
 Безсонов П.— 288, 304
 Беккер И. Ф.— 293
 Белинский В. Г.— 72
 Беловеждов Н.— 88, 108, 109
Беляев Н. И.— 181
 Бенковский Г. (Хлытев Г.)— 76, 80,
 86, 87, 89, 90—95, 100
 Бибеско — 120
 Бисмарк — 148, 149, 154, 177, 250,
 277, 295, 305
 Бланки А. (Blanqui A.) — 120, 143
 Блок Н. А.—302
- Блудова А. Д.— 199, 203, 213, 225,
 302
Бальсков И.— 60
 Бобокос П.— 88—91, 96
 Боборыкин П. Д.— 304
Бобчев С. С.— 252
 «Болгарин» — см. Кишельский И.
 Ботев Х.—72—80, 84—87, 102—104,
 107—109, 199, 252, 280, 304
 Бояджиев А.— 76, 108, 109
 Бруннов Ф. И.— 113, 116, 137, 143
 Будберг А. Ф.— 120, 147, 148, 160,
 164, 169
 Будилович А. С.— 285—288, 290,
 291, 304, 312
 Бунал — 53
 Буоль — 112, 134
 Бурмов А.— 107—109, 182
 Бурмов-Стоянов Т.— 166, 193, 195,
 196
 Бутенев А. П.— 159, 161, 165
 Буэ А.— 61
Бер (Beer A.) — 142
- Вазов И.— 82
 Валевский А. Д.— 160, 161
Вальская Б. А.— 142
 Варшавский — 125
 Василий Великий — 187
 Васильевич А.— 290
 Васильчиков А. И.— 287
 Ватсон Э. К.— 242, 243
Венедиков Й.— 109
 Веселаго — 267
Виноградов С. А.— 320
 Владимиров — 290, 304
Влайкович Г.— 305
 Влангали А. Г.— 204, 205, 255
Влаховит (Wlahowit J.) — 142
 Войновский Н.— 102
 Волков М.— 219, 220
 Воллан де Г. А.— 283, 304
 Волнов Д.— 85
 Волов П.— 79, 80, 87, 95, 96
Вольфсон Б. М.— 253
 Воронцов С. М.— 200
 Востоков А. Х.— 311, 313
 Вукалович Л.— 142, 180, 211, 214,
 216
 Вукович — 144

- Вучич — 131
Вучковић В. — 156, 254, 256
- Габриак де — 264
 Гавриил, монах — 245
 Гагарин — 195
 Гандев Х. — 11, 46, 64
Ганчев С. — 61
 Гарашанин И. — 130, 132, 144, 152, 163, 171, 208
 Гарибальди Д. — 209
 Геккар М. (*Hecquart M.*) — 160
Генри П. (*Henry P.*) — 256
 Георгиев Е. — 123, 124
Георгиев И. П. — 64
 Георгиев Х. — 200
 Георгиевич Ж. — 123
 Герман М. — 310
 Геров Н. — 56, 57, 69, 70, 166, 199, 200, 252, 253
 Герцен А. И. — 72, 183, 248, 249, 251, 254, 259
 Гесс — 128
Гешов И. — 63
 Гилев И. — 99
 Гика — 118—120
 Гильфердинг А. Ф. — 189, 190, 202, 212—214, 255, 270, 299, 312
 Гиляров-Платонов Н. П. — 257
 Гинев С. — 99
 Гладстон — 217
 Горанов П. — 97
 Горчаков А. М. — 146—152, 154, 157, 159, 162—165, 169, 170, 174—178, 180, 200, 216, 221, 234, 235, 236, 239, 241, 263, 264, 265, 267, 268, 270, 271, 276—281, 301, 303
 Горчаков М. Д. — 118, 119, 121—126, 128, 134, 136—141
Горяинов С. (*Goraiinov S.*) — 181, 302
 Градовский А. Д. — 285, 294, 301, 305
 Грибоедов А. С. — 313
 Григорович В. И. — 189, 309
 Григорьевич — 314
 Грмаль — 254
 Грозев И. — 57, 58
Громов П. Т. — 319
 Грујић Ј. — 181
 Груйо — 92
 Гюмюш Гердан — 98
- Дамянов С. А. — 64
 Данило — 110, 111, 114, 128, 160, 161, 180, 211, 213, 215
 Данилевский Н. Я. — 286, 287
 Даничић — 204
- Данчев И. — 80, 108
 Даскалов Х. — 185—188, 194, 196—198, 251, 296
Дебидур А. — 180, 181
Делирадев П. — 109
Дерба Р. (*Derba R.*) — 142
Джорджевич (Ђорђевић В.) — 142, 143, 180
 Дибич И. И. — 200
 Диловская Е. — 55, 65
 Дмитриев И. — 65
 Димитров Г. — 58, 65
 Димитров М. — 72, 74, 84, 107, 144, 200, 252, 253, 304
Димитров Н. — 109
 Дмитриев И. И. — 308, 309
 Добролюбов Н. А. — 72
 Долгоруков В. А. — 128
 Долгоруков В. А. — 268, 269
 Дондуков-Корсаков А. М. — 13
 Драгоманов М. П. — 304
 Драгостинов И. — 80
 Дринов М. С. — 62, 64, 296, 305
Дрио (Driault E.) — 145, 256
 Друэн де Люис — 169
 Дучич Н. — 278, 279
 Дюэтабанов Ц. — 101
- Елачич — 315
 Елена Павловна, вел. кн. — 265
- Желязков Д. — 51
Жечев Н. — 65
 Жинзифов Р. — 193, 194, 201, 252, 253
 Жуйович Ж. (псевд. Склав Ж.) — 216, 217
 Жуковская В. А. — 303
 Жуковский Н. И. — 292
- Заимов С. — 76, 78, 79, 80, 102
 Зайончковский А. — 125, 142—144
 Зайтсек — 114, 115, 142
 Захарев С. — 62, 64
Зыкин В. Н. — 319
- Иванов Д.* — 109
 Иванов И. (Герасимов) — 122
 Иванов И. С. — 253
 Иванов Х. — 80
 Иванович П. — 123
 Игнатъев Н. П. — 167—170, 172, 173, 178, 179, 181, 221, 225, 229, 230, 299, 306
 Измирлиев Г. — 80
 Икономов Г. — 80, 95, 96
 Илиев А. — 20, 60
 Илларион Макариопольский — 166, 184

Илларион Тырновский — 198
Иязов И. Н. — 200
Иванович — 113
Иовин А. С. — 172, 173
Иовыч — 53
Иречек К. — 54, 65
Ист (East W. G.) — 180
Иширков А. — 61
Иакшич (Јакишић) Г. — 156, 254, 256
Јовановић С. — 144, 180, 181, 253, 254, 256
Јорга Н. (Јорга Н.) — 143
Иоцов Д. — 61, 64

Каблешков Т. — 80, 90, 95, 96
Кабразлы-паша — 185
Кавелин К. Д. — 261
Кавур К. — 262
Калайдович К. Ф. — 308
Калик — 113
Канитц Ф. — 10, 48, 51, 61, 64
Каннинг — 116
Каравелов Л. — 72—76, 80, 107, 201, 253
Кара Георгий — 132, 262
Карагъзов С. — 48
Караджич В. С. — 307—320
Каракановский В. К. — 195, 277
Карамзин Н. М. — 308—309
Карамицков Х. — 80
Карасев В. Г. — 320
Карачић В. С. — 320
Карл Гогенцоллерн — 222—224, 295
Каронини — 134
Карцов А. Н. — 258
Катков М. Н. — 183, 186, 187, 199, 206, 207, 209, 210, 222, 223, 224, 230—236, 251, 261—263, 266, 267, 270, 272—276, 283, 284, 290, 292, 294—298, 300
Каченовский И. Г. — 308
Квекич — 129
Кельсиев В. И. — 248
Кепов И. — 108, 109
Кеппен П. И. — 308, 311—313
Киреев А. А. — 264, 266
Киреевские — 286
Кирилл — 80, 302
Кирил, патриарх български — 181
Кирков Г. — 80
Кишельский И. (псевд. «Болгарин») — 76, 230, 304
Клапк — 154
Кларендон — 138
Ковалевский Е. П. — 112 — 115, 126—130, 142, 143, 161, 207, 210
Ковъменко И. В. — 182
Коллар — 320

Колобеев В. Д. — 143, 144
Константин Николаевич, вел. кн. — 264, 265
Константинов П. — 22
Коштар И. — 309, 313, 316
Корнилов А. А. — 302
Косанович С. — 298—300, 305, 306
Косев Д. — 54, 65, 180
Коцебу П. Е. — 124
Кочубинский А. А. — 309, 319
Кошелев А. И. — 251
Кошут Л. — 208
Краевский А. А. — 183, 199, 224, 239, 262, 267, 275, 303
Кристанов П. — 144
Куза — 219, 220, 221, 223, 227, 256
Кулаковский П. А. — 312
Кумани — 166
Курганов Ф. — 297, 305
Кювлиев — 51
К. С. — 194

Лавров П. — 142
Ламанский В. И. — 209, 214, 219
Лежер (Leger L.) — 156
Левский В. — 68, 75, 100
Леер — 225
Лейнинген — 113
Лемке — 254
Лендорф — 295
Ленин В. И. — 45, 57, 64, 65, 105, 109
Ленорман — 191
Леонтий, митроп. сербск. — 310
Леонтьев К. Н. — 290, 291, 292, 305
Леритье М. (L'heritier M.) — 145, 256
Липранди И. П. — 320
Лобанов-Ростовский А. Б. — 166, 167
Лобанов-Ростовский А. (Lobanov-Rostovsky A.) — 180
Любимов Н. А. — 251
Любимов Н. И. — 129

Магарашевич Д. — 310
Маджаров М. — 60
Майков А. А. — 286, 304
Македонски Х. — 108
Малиновский А. Ф. — 308, 309
Мамарчев Г. — 120
Мамула Л. — 114
Мано — 136
Маринович Й. — 130, 131, 134, 135, 144, 163, 164, 169
Мария Николаевна, вел. кн. — 137
Маркевич — 266, 267
Маркс К. — 74, 107, 180, 292
Мартынов И. М. — 195

- Маслев С.* — 144
Матанович — 279
Махмуд-паша — 295
Мейендорф П. (Meuendorf P.) — 110, 115, 118, 127, 129, 132, 139, 140, 141, 142, 144, 145
Мейергофер — 131, 132
Мешников А. С. — 113, 115, 117, 130
Мефодий — 80, 302
Мечников Л. И. — 249
Миклошич — 315, 320
Миладинов — 191
Миладиновы — 196
Милан Обренович — 298, 305
Милетич С. — 279
Миличевич М. — 207
Миллер О. Ф. — 206
Милош Обренович — 180, 202, 207, 210, 253, 254, 256, 310, 312, 317, 318, 320
Милютин Д. А. — 146, 176, 178, 181, 182, 229, 265, 302
Минев Д. — 108
Минков Т. — 195
Митхад-паша — 295
Михаил Обренович — 151, 152, 156, 162—165, 168, 180, 205, 207—211, 228, 232, 242, 253, 254, 256, 318
Михаил, митроп. сербск. — 277—279, 297
Михов Н. В. (Michof N.) — 10, 16, 59—65
Мишев Г. — 99
Монтебелло — 162
Морни — 160
Мохарр-бег — 212
Мурузи — 136, 137
Муссурус-паша — 273
Мухин Н. — 133
Мушицкий Л. — 308
Мынзов И. — 280
Мюзервиероу — 40

Надеждин Н. И. — 312, 313, 315, 320
Найденев Н. — 303
Наполеон I — 142
Наполеон III — 140, 152, 155, 159, 160, 162, 171, 180, 250, 277
Нарочницкая Л. И. — 156
Натан Ж. — 7, 8, 59, 65, 107
Наумов Е. П. — 320
Недков Б. — 109
Неклюдов В. — 193, 197, 220
Ненов Ю. — 64
Нессельроде К. В. — 113, 114, 121, 126, 128—130, 132, 133, 137, 139, 143
Несторов Ю. — 37, 64

Никитенко А. В. — 301
Никитин С. А. — 59, 64, 180—182, 254—256, 258, 259, 304
Ников П. — 180, 251, 252
Никола — 123
Николадзе Н. — 249
Николай I — 113, 115—120, 122, 124, 125, 128—130, 134—143, 163, 236, 269
Николай, кн. черног. — 211, 214
Нишич — 205
Новак В. (Novak V.) — 304
Новиков Е. П. — 153, 174
Новикова О. А. — 269
Нил (Neel) — 121

Обрадович Д. — 206
Обретенев Г. — 80
Обретенев Н. — 76, 79, 80, 107—109
Овсяний Н. Р. — 60
Огарев Н. П. — 248, 251
Озеров А. П. — 111
Омер-паша — 110 — 115, 140 — 142, 216, 237, 244, 257
Орелли — 131, 132
Орешкович А. — 289, 297, 305
Оттон — 136, 140, 218

Павићевич Б. — 180
Палаузов Н. X. — 189
Палаузов С. H. — 143, 189, 218
Панайотов И. — 182
Панин П. П. — 265
Панов О. — 72
Панталеев Т. — 75
Пападаки Э. — 259
Пармаков П. — 100, 101
Паскевич И. Ф. — 116, 121, 122, 125, 128, 143, 144
Певницкий В. Ф. — 191, 192
Пеев Т. — 72
Пелагич В. — 299
Пенаков И. — 144
Петков Б. — 72, 199
Петков С. — 61
Петкович А. Д. — 214
Петр, архимандр. — 165
Петр II Петрович Негош — 110, 112, 142
Петр Петрович — 110
Петров Н. И. — 181
Петровинович А. — 318
Пигарев К. — 257, 303
Писарев Д. И. — 255
Плоткин Л. А. — 255
Победоносцев К. П. — 270, 303
Погодин М. П. — 187, 199, 202, 205—207, 253, 262, 273, 290, 292, 297, 307, 313, 314

- Поливодиди — 62
 Попов Н. А. — 131, 144, 192, 193, 252, 278, 279, 290, 292, 297—300
 Попова Райна (Футекова) — 92, 95
 Попович Б. — 279
 Попович В. — 159, 180
 Попович — 51
 Прессель В. — 107
Прийма Ф. Я. — 320
 Протасова Н. Д. — 225
 Прудон — 203
 Пуайе (Pouet C. F.) — 19
 Пушкин А. С. — 313, 320
 Пыпин А. Н. — 206
 П. — 218
- Радович — 122
 Радюкин Н. — см. Шелгунов Н. В.
 Раевский М. Ф. — 205
 Раевский Н. — 229
Раикова А. — 63
 Ракич — 206
 Раковский Г. С. — 75, 165, 191, 196, 197, 200, 201, 252, 253
Ралли Э. — 305
Рапп (Rupp G. H.) — 181
 Рачинский А. В. — 188, 198, 199, 253, 296
 Раячич И. — 314
Ревуненков В. Г. — 156
 Рейндорф К. (Rheindorf) — 181, 264, 302
 Рейс — 264
 Рейтерн М. X. — 170
 Реклю Э. — 62
 Решид-паша — 99
 Ригер Ф. — 154
 Ристич Й. — 180, 181, 279
 Ровинский П. — 142
 Родофиникин К. К. — 316
 Россель — 216
 Ру Шарль (Charles-Roux F.) — 159, 160, 180, 181
 Румянцев Н. П. — 308, 309
 Рыжова Р. И. — 159, 180
Р-ий М. — 253
- Салос — 136
 Самарин Ю. Ф. — 214
 Сарчивано — 51
Своронос Н. (Svoronos N.) — 63
 Северис М. Б. — 64
 Сеймур Г. — 113, 138, 236
 Селиминский И. — 120, 123, 124, 143, 144
Селищев А. М. — 63
 Семерджиев Х. — 55, 65
 Симич — 134
 Симичи — 318
- Скабичевский А.* — 305
 Скайлер Ю. — 178
 Скалон Д. А. — 32, 33
 Склав Ж. — см. Жуйович Ж.
 Славков Н. — 80
 Сокальский Н. — 258
 Солсбери — 178
 Срезневский И. И. — 312, 313, 320
 Сречкович П. — 205
 Стамболов С. — 75—80, 85, 86, 91, 100, 104
Станев Н. — 144, 252
Стеклов Ю. — 259
 Стефан Караджа — 228
 Стирбей — 118—120, 123
 Стоил-воевода — 80
 Стоянович Л. — 316, 319, 320
Стоянов З. — 108
 Стоянов Н. — 88, 90
 Стоянович П. — 123
Стражаковић Д. — 144
 Стратимирович С. — 111, 112, 308
Страшимиров Д. — 107—109
 Стремоухов П. Н. — 160, 168, 170, 275
 Струсберг — 295
 Стурдза — 120
 Сулейман-паша — 52
 Султанов С. — 49
Сухотин С. М. — 301—303
 Суцо К. — 139
 Суцо П. — 136, 139
- Табаков С. — 7, 42, 60, 62, 64, 65
 Талейран — 169
Тарле Е. В. — 142, 143
Татищев С. С. — 156, 181
Теодоров Ю. — 109
- Теплоу В. — 9, 10, 16, 17, 29, 59, 60, 63
 Тимашев А. Е. — 269
 Тирнов Г. — 85
 Титов А. — 116
 Тодоров Н. — 8, 38, 39, 46, 49, 50, 59, 64, 65
Тодоров-Хиндалов В. — 59, 143
 Толстой А. П. — 186, 187
 Тома — 120
 Тотю Ф. — 76—78, 81, 102, 172
 Тошков Н. М. — 76
 Трепов Ф. Ф. — 268
 Трикупис — 140
 Тувенель — 161
 Туманский — 111, 130
 Тургенев А. И. — 308
 Турсун-бей — 93
 Тютчев Ф. И. — 230, 234, 257—259, 267, 303
 Тютчева А. Ф. — 266, 302, 303

- Уайс — 138
 Уеста — 295
 Унджиев И. — 7
 Ушаков Н. И. — 119, 143
- Фадеев Р. А. — 288, 304
 Фазлы-паша — 101, 103
 Фарлей — 298
 Фармакиди (Маврокардато) — 188
 Филарет, митроп. Моск. и Колом. — 166, 167, 181
 Филипп Фландрский — 221
 Филиппов Т. — 187—189, 192, 296, 297, 305
 Фонтон — 126, 130—132
 Франгов С. — 109
 Франкини — 225
 Франц-Иосиф — 112, 113, 117, 118, 131, 140, 152, 171, 298
 Фрейдаон В. И. — 156
 Фриллей (Frilley G.) — 142
- Хаджи Димитр — 228
 Хаджипаскалев С. — 47
 Хаджи Петро — 136
 Хайтов Н. — 7, 40, 52, 60, 64, 65
 Халчинский — 119, 122
 Харитон, монах — 100, 101
 Хасан-бей — 96
 Хафиз-паша — 94
 Хитов П. — 76—78, 81, 102
 Хитрово М. А. — 199, 201, 229, 253, 271
 Хомяков А. С. — 187, 188, 202—204, 213, 251—253, 286
 Христоф Г. П. — 7, 61
 Христов Х. — 182
 Христопуло И. — 42
 Х. — 195, 197
- Цавелас К. — 136
 Цанков К. — 72, 75, 76
 Ценович Д. — 76, 79
- Церетелев А. Н. — 178
 Цонев С. А. — 64, 65
 Цончев П. — 7, 63, 65
- Чарушин Н. А. — 301
 Чеканова Г. П. — 320
 Черкасский В. А. — 188, 251, 268, 287, 302
 Черновежд — 108
 Чернышевский Н. Г. — 72—74, 183, 205, 206, 217, 219, 250
 Чижов Ф. В. — 269
 Чистеменский К. — 99
 Чорович В. — 142, 159, 180
 Чубрилович В. — 181, 306
- Шамих М. (Samic M.) — 63
 Шарков В. — 63
 Шафарик П. — 314, 315
 Шелгунов Н. В. (псевд. Радюкин Н.) — 247
 Шишкин Н. П. — 199, 278, 305
 Шишков А. С. — 308, 310, 312
 Шишков С. Н. — 52, 62, 65
 Шишков Т. Н. — 251
 Шишманов И. Д. — 253
 Шнеерсон Л. М. — 156
 Штакельберг Э. Г. — 155
 Штросмайер И. — 153, 156
- Щебальский Н. — 288
- Экмечич М. (Екмеџић) — 180, 181
 Эммануель — 319
 Энгельс Ф. — 68, 107, 159, 180
- Югович И. — 346
 Юнгман — 314
 Юрданов Ю. — 65
- Явашов А. И. — 59, 61, 65
 Янкович — 130, 134, 202

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

- «Балкан» — 76
 «Беседа» — 285, 286—290, 293, 294, 296, 297, 301, 304, 305
 «Библиотека для чтения» — 212, 213, 216, 218, 219, 255
 «Биржевые ведомости» — 246, 247, 259—261, 263—265, 267, 268, 272, 274, 284, 288, 293, 301—304
 «Благонамеренный» — 309
 «Български книжици» — 196, 252
- «Былое» — 251
 «Век» (Константинополь) — 71
 «Век» (Афины) — 137
 «Вести» — 197
 «Вестник Европы» — 242, 244, 249, 259, 262, 267, 272, 273, 281, 293, 294, 302—305, 309, 312
 «Видовдан» — 278, 297
 «Вопросы истории» — 156, 180, 182

- «Восточное время» — 71
 «Восточный наблюдатель» — 138
 «Время» — 211, 216, 254, 255
 «Всемирный труд» — 257
 «Голос» — 198, 199, 218, 220, 221, 223, 224, 236—238, 252, 255, 256, 258, 262—267, 272, 275, 277, 282, 284, 293, 300, 302—304, 306
 «Голос минувшего» — 304
 «Гражданин» — 296
 «Дело» — 247, 248, 259, 271, 272, 303
 «День» — 193, 196—199, 201, 207, 209, 210, 214, 219, 220, 252—256, 288, 304
 «Дон» — 265, 302
 «Дунайский лебедь» («Дунавски лебед») — 191, 197, 200
 «Журнал министерства народного просвещения» — 320
 «Заря» — 260, 285, 293, 301, 304
 «Застава» — 279
 «Знамя» — 74—76, 79
 «Знание» — 75, 76
 «Исторически записки» — 180
 «Исторически преглед» — 65, 107
 «Исторические записки» — 180
 «Известия министерства иностранных дел» — 306
 «Киевлянин» — 302
 «Клио» — 251
 «Колокол» — 183, 248, 254
 «Красный архив» — 156, 303
 «Литературное наследство» — 257, 303
 «Минувшие годы» — 305
 «Москва» — 225—230, 234, 256, 257
 «Москвитянин» — 319
 «Московские ведомости» — 187, 193, 197, 199, 219, 221—223, 230, 232, 234—236, 251, 252, 256—258, 262, 264, 265, 267, 268, 275, 277, 290, 293, 295, 296, 298, 300, 301—306
 «Народная расправа» — 293
 «Народни Новине» — 317
 «Народное дело» — 292, 302, 305
 «Независимость» — 73, 74
 «Община» — 293
 «Одесский вестник» — 239, 241, 242, 258, 259, 302
 «Отечественные записки» — 200, 212, 216, 218, 219, 224, 238, 239, 252, 253, 255, 256, 258, 261, 272, 301—303, 305
 «Православный собеседник» — 305
 «Православное обозрение» — 297
 «Прогресс» — 69, 71
 «Русская беседа» — 185, 187, 188, 204, 251
 «Русская мысль» — 302
 «Русская старина» — 143, 145, 259
 «Русские ведомости» — 199, 221, 224, 244, 245, 252, 256, 259, 265, 267, 274, 275, 278, 298—300, 301—304, 306
 «Русский архив» — 251, 253, 258, 259, 301, 303, 320
 «Русский вестник» — 186, 188, 192, 197, 200, 201, 206, 207, 212, 217, 218, 251—255, 290, 296, 304, 305
 «Русский инвалид» — 192, 222, 252, 256
 «Русское слово» — 183, 216, 254, 255
 «С.-Петербургские ведомости» — 245, 246, 259—261, 265, 267, 275, 276, 281—283, 293, 297, 301—305
 «Свобода» — 73
 «Свободное слово» — 254
 «Северная пчела» — 189, 252
 «Сербия» — 284
 «Слово болгарских эмигрантов» — 73
 «Современник» — 183, 205, 206, 211, 212, 216—219, 253—256
 «Современная летопись» — 190—192, 207—209, 216, 252, 254, 255, 258
 «Современность» — 248—250, 259
 «Современные известия» — 84, 108, 257, 277, 278, 303, 304
 «Соревнователь просвещения и благотворения» — 309
 «Старина и новизна» — 258
 «Судебный вестник» — 260
 «Труды Киевской духовной академии» — 191, 252
 «Тъпан» — 280
 «Христианское чтение» — 192, 252
 «Цареградски вестник» — 193
 «Avenir national» — 241
 «Die Deutsche Wacht and der Donau» — 281
 «Journal de Saint-Petersbourg» — 162
 «L'ami de la religion» — 191
 «Magazin für die Literatur des Auslandes» — 281
 «Národní Listy» — 277
 «Neue Freie Presse» — 263
 «Ost und West» — 208
 «Pester Lloyd» — 298
 «Réveil» — 250
 «Sanktpetersburger Zeitung» — 260
 «Strasburger Zeitung» — 281
 «Times» — 112, 263, 298
 «Tribüne» — 281

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ БОЛГАРСКОГО ГОРОДА ВРЕМЕНИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ИГА (НА ОСНОВЕ РУССКОЙ ПЕРЕПИСИ 1879 г.)	7
РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА В БОЛГАРИИ В 1875—1876 гг. И АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ	66
РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ	110
РОССИЯ И СЛАВЯНЕ в 60-е ГОДЫ XIX в.	146
РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ЮЖНЫХ СЛАВЯН в 50—70-е ГОДЫ XIX в.	157
НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БАЛКАНАХ В 60-е ГОДЫ XIX в. В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	183
БАЛКАНСКИЕ СОБЫТИЯ В РУССКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ КАКУНА ВОСТОЧНОГО КРИЗИСА	260
ВУК КАРАДЖИЧ И РОССИЯ	307
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	321
УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ	326

Сергей Александрович Никитин

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН И РУССКО-БАЛКАНСКИХ СВЯЗЕЙ
В 50—70-е ГОДЫ XIX в.**

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор *Т. Г. Иванова*

Художник *А. Г. Кобрин*. Технический редактор *Ф. М. Хеноз*

Сдано в набор 24/VII 1969 г. Подписано к печати 18/II 1970 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага № 2. Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,2. Тираж 1650 экз. Тип. зак. 2590.
Т-00599. Цена 1 р. 51 к.

Издательство «Наука». Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
72	2 св.	где агитацию	где вел агитацию
136	8 св.	митрополитету	митрополиту
142	17 св.	<i>Берѣвий</i>	<i>Боровий</i>
217	4 св.	создания	сознания
299	2 св.	отметил	отметал
321	17 св.	<i>Алексийъ</i>	<i>Алексийъ Б.</i>

С. А. Никитин. Очерки по истории южных славян

САВИКТИН • ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН

КОМПЬЮТЕРНОЕ ПЕЧАТЕНИЕ